

**НЕМЕЦКИЙ
МИР
РОССИИ
(Уральский путь)
6 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2015**

Немецкий культурный центр (1989 — 2014)

25 лет

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

Об авторе-составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области.

Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета АНКО «Ассамблея народов Челябинской области», членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

Лицом к лицу: заглянем в душу друг другу	5
Александр Моисеев. «Руками военнопленных»	7
Лагерь военнопленных в Челябинской области	9
Таисия Ильина. «На чужбине»	9
«История строгого режима»	11
Владимир Филичкин. «Рассекречена история германских военнопленных на Южном Урале	14
«Черемшанские карьеры»	16
Алексей Яловенко. «Каолин для танков»	18
«Атомный проект на Урале»	19
Николаус Риль. «Десять лет в «золотой клетке»	20
Любовь Алямкина. «Непрошенные гости»	24
«Аристократки»	33
Валерий Еремин. «Фрау родом из лагеря»	34
Валерий Еремин. «В России «солдаты рейха» проклинали войну»	35
«Немецкий квартал Магнитогорска»	38
Валерий Еремин. «Бывшие пленные – о лагере и любви»	43
Исправительная колония №6 (ФКУ ИК-6)	44
Виктор Чигинцев. «И праху павших поклониться»	44
Виктор Чигинцев. «Поиск привел в Копейск»	46
Ирина Велембовская. «Уральские пленники»	47
«Из воспоминаний пленного эсэсовца»	58
Остап Давыдов. «Здесь лежит лейтенант Ласло Шимон»	61
«В Челябинске вновь открылся памятник венгерским военнопленным»	62
«Останки военнопленных перезахоронили на Урале»	63
Николай Черкашин. «Почему за русского врача молились пленные немцы»	64
«Спецгоспиталь для военнопленных № 5921»	66
«10 000 пленных»	67
«Строили немцы»	70
«В нашем городе нашли кусочек Европы»	71
«Признать памятниками архитектуры»	71
«Хлеб для немца»	71
Владимир Вержбовский. «В Кузнецке поставили памятник солдатам вермахта»	73
Илья Зиновьев. «Иногда они возвращаются, или Военнопленные на Урале»	75
Елена Тураева. «Памятники иностранным военнопленным в Асбесте»	76
Описание памятных знаков захоронения умерших военнопленных	77
А.М. Украинцев. «Военнопленные и интернированные на территории Курганской области во время и после Второй мировой войны: гуманитарный аспект	80
«Война никому не нужна»	82
Послесловие	85
Историческое примирение	87
Виктор Максимов. «Впервые в истории»	88
Александр Нахтигаль. «Мост дружбы»	91
Наталья Нахтигаль. «Работа во имя мира»	92
Наталья Нахтигаль. «Молодежный лагерь в Магдебурге»	95
Татьяна Нахтигаль. «Посол Германии привез документы без вести пропавших военнопленных	98
Виктор Максимов. «Пути земные...»	99
Дмитрий Лычковский, Ирина Полторацкая. «Отец Вячеслав Харинков: «Погосты не участвуют в расправах»	102
Александр Нахтигаль. «Дружба понятие конкретное»	107
«Немцы снимают фильм о Челябинской области»	108
«Николай Гауфлер: свой среди чужих»	108
Анвар Валеев. «Николаус Гауфлер: «В Челябинске я был бы экологом»	109
Новита Закатова. «Немецкие голоса с Южного Урала»	112
«Архив и немецкие студенты – вместе создаем будущее»	113
Александра Мокроусова. «Немецкий Юнкер с русскими корнями»	114

Светлана Шлыкова. «Елена Хенце: «Немцы просто завидуют русским»	115
Дарья Смагина. «Южноуральские аграрии начинают перенимать европейские схемы работы»	118
«Школа немецкого диплома»	119
«Немецкие специалисты помогут перенести орган из храма в Челябинске»	119
Людмила Токменинова. «Под угрозой знаменитый памятник градостроительства в Магнитогорске	120
«Связующие нити с Германией»	124
Марат Гайнуллин. «Лекарство от беспамятства»	125
«Немецкий механизатор Ян Хофман к 80-летию ЧТЗ издал книгу о тракторах»	127
Людмила Пономарева. «Учить немецкий – значит думать о будущем!»	127
«Школа немецкого языка с вручением германского диплома»	130
Ольга Задворных. «Культурный посол» из Германии Лиза Озе: «Я обязательно вернусь, чтобы сходить в кулинарию на ЧТЗ и покататься на лыжах»	131
Наталья Питюлина. «64 года спустя после своего рождения немец Герд Майер узнал судьбу своего отца, погибшего в лагере Зандбостель»	138
Анна Кучерявая. «Ксения, человек с новым именем»	143
Анастасия Татаринцева. «Немецкая писательница в российском тылу – в поисках истины»	145
«А возможно ли оно, примирение?»	148
А. Павловская. «Особенности национального характера: немцы»	148
Сергей Вершинин. «Особенности самосознания российских немцев»	156
«Про немца»	159
Анатолий Козлович. «Немцы!»	161
Герберт Кемоклидзе. «Немец»	165
Юлия Гольденберг. «Ханс Дирк Хальбфелль: «Русская горчица просто великолепна»	169
Светлана Симакова. «Патрик Вилль, менеджер в сфере культуры Фонда им. Роберта Боша: «Самое важное для меня – понять, чего хотят челябинцы»	172
«Участие Центра документации Дрездена в международной выставке «Мемориал-2011»	175
Светлана Кулагина. «Первая остановка в пути – Сатка»	180
Адель Калининченко. «Немецкие ветераны Второй мировой войны проклинают Гитлера»	181
Игорь Буккер. «Русский Иван, немка Элизабет и 60 лет разлуки»	182
Полина Иванушкина. «Вопреки законам войны. Почему снайпер Ткачёв в 1943-м не убил «фрица»?»	183
Наталья Мантель: «Путешествуйте самостоятельно» по жизни	186
Ольга Задворных. «Инвалид из Челябинска сочиняет сказки на немецком языке»	199
Послесловие	201
Приложение.	202

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигаль, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ: ЗАГЛЯНЕМ В ДУШУ ДРУГ ДРУГУ

Народ любой страны против войны, каким бы воинственным он не был. Но войны все равно происходят. Но не случайно говорят, что врага лучше ненавидеть на расстоянии. Когда видишь глаза противника, по-другому начинаешь к нему относиться. Приходит понимание, что он такой же, как ты. Великая Отечественная война в этом не исключение. Она пришла в уральские дома не только самоотверженным трудом и похоронками. В глубоком тылу и с врагами пришлось столкнуться лицом к лицу, хотя они были в другом качестве. В наших краях были и лагеря военнопленных.

Долгие годы эта тема была за семью печатями. Только в последние годы мы стали получать документальные подтверждения того, что на Урале и в нашей области была организована система лагерей, в которых содержались тысячи военнопленных стран, воевавших с нами в Великую Отечественную войны: Германии, Японии, Венгрии...

Как складывались взаимоотношения уральцев с теми, от кого еще недавно гибли их деды и отцы. Как легко ненавидеть на расстоянии, и как трудно – глаза в глаза. Один вывод можно сделать однозначно: ненависть, война – эти процессы противоестественны природе человека. А жизнь подарила нам немало свидетельств того, что дружба и даже любовь не имеет границ, национальности, и они всегда побеждают.

Александр Моисеев

РУКАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Стоит ли говорить о военнопленных немцах? Почти на десятилетие (да какое! Горькое, кровавое) связаны они были с Уралом. «И представлено им, вроде литеры, кому от Сталина, кому от Гитлера...» Не о том в этой песне Галича. Но им, одурманенным фашизмом, сначала победный, а потом подконвойный «дранг нах остен» - до Урала обошелся... Где-то и в нашей неласковой, не то что для непрошенных пришельцев, но и для своих-то земляка, лежат бывшие солдаты третьего рейха.

Стоит о них вспомнить. Ведь память о них осталась у нас. И уже не шрамами на земле, руинами и могилами – недобрая память на их пути. Хорошая память их искупительного труда. Что и говорить, а густо было военнопленных в нашем краю. В основном они строили. Цеха, дороги, жилье. И до сих пор стоят дома. А что им не стоять. Здесь не воевали, а строить немцы мастера.

На моей родине начальное ядро Нового

Златоуста поднято их руками. Приметны немецкие дома крышами, надежностью, и не сразу уловимой непохожестью, в мелочах в нашу «типовуху». Ну, а уж Дворец культуры машиностроителей ни с каким другим не спутаешь. Бесспорный памятник архитектуры. На мой взгляд, до сих пор в числе самых красивых по интерьеру в области. Ну, а по тем временам его называли «жемчужиной архитектуры», а еще Дворцом Победы. Удивительное дело!

Еще кровь лилась рекой, и лозунг: «Все для фронта, все – для победы!» был жестким законом военного времени. А местный царь и бог, начальник номерного завода и строительства Н.П. Полетаев среди прочего строил и Дворец культуры. Да как это сошло ему с рук! Видно, автоматы-пулеметы выдавал без сбоев. Иначе бы не сносить ему за «культуру» головы. Ну, а кем было строить, когда все мало-мальски надежные руки при этих самых автоматах-пулеметах? С военнопленными.

Под автоматами они работали, но, судя, по Дворцу, и на совесть, и с душой.

Стоит ли вспоминать военнопленных? Стоит. Ведь они вписаны в память уральцев, даже таких пацанят, каким было мое поколение...

«Ой ты Галя!»

Долго добираться до бабушки, через весь город. Потому и нечасто навещали, и каждая поездка для нас была праздником. Эта пришла на конец военной зимы.

Закутала нас мама в самое теплое тряпье, усадила в сами. И покатали мы. Только держись! Маме за нами не поспеть. А внизу не разгонишься. Забита разбитыми немецкими грузовиками. Из калек собирают ходовые машины. Изодранный осколками металл отправляют в мартен на переплавку. За автомобильном «госпиталем» снова не разбежишься. Магазин с не тающей с начала войны очередью. Базар. Толпа реже прежнего. Многие уже проели все, что можно, и свое, и фронтовиков. Лишь ожидание близкой победы держало истощенных на ногах. Не видно было под забором замерзших дистрофиков. За базаром задержка. Запрудил улицу табун крупных, грудастых коней. Под необъятными крупами не по-нашему куцые метелки хвостов.

Пропустили заиндевелых битюгов. От котлована взорванной церкви скатились к театру. Попробуй-ка, проведи нас мимо. Ничего, понятно, в театре не ставили. Разместился эвакуированный часовой завод. А возле свалка. Что за чудные колесики выбрасывают сюда. Стружки, залитые радугой, хоть вешай на елку. Набили карманы блестяшками. Перевалили через горку. А за горкой ужвон они, бабушкины тополя, только шоссейку проскочить. Да как ее проскочишь. На шоссейке плотные колонны пленных. Дранные шинелишки. Землянистые лица над поднятыми воротниками. Бацают-клацают по гулкой булыге стальные ботинки. Редкие конвоиры сердито покрикивают. Кивают заиндевелыми автоматами, сбивают ряды.

Хмурым безразличием провожали пленных бабы, сбившиеся у обочины. А как проклацали они, прокасолапил разбитыми катанками последний конвоир, запереговаривались.

Тоже несладко. Небось, картошки не отваришь. Смотреть зябко. Шинелишки – решето. Чего уж там... Конвоиры, смотри, какие. Заставляют, слышать, петь «Ой ты Галя». У них не спой...

Не скоро я понял, что в том плохого. Тяжело переносить холод и голод. Горек чужой хлеб. Еще горше петь чужие песни.

«Аффенхен»

Толян виноват был, кто еще? Вечный искуситель на недозволенные дела. Нет на что бы хорошее, где там, на дурное вот мастак. Сманил. Пойдем да пойдем. Не маленькие, в школу скоро, а все за мамкину юбку держаться. Застыдил, спасу нет. И вот мы идем по ягоды: Толян, Арька с Вовчиком и мы с братом.

По проулку шли, хоть бы что. Боялись только, как бы мамки не уследили. Привяжутся. Куда да зачем? Будут нам ягоды. На перевале тоже небоязно. Места еще наши, на ямы бегаем купаться. До войны дома хотели ставить, не успели. Ямы залило водой нам в удовольствие, бултыхайся с головастиками. Вода хоть от глины скрасна мутна, зато не то, чтов нашей ключевой запруде с ломотой в естестве. Тепленькая, как в корыте, когда мама купает.

Отходит нам лафа с купанием. Бараки ставят пленные немцы на наших купальнях. Своих-то мужиков не хватает нигде. Слышали, как толянова тетя Тося завидовала мамке.

- Тебе что, твой-то под боком. А мой, царствие ему небесное... Через то и Толик ширмачит.

- Ну и выходила бы замуж, молодая пока.

Тут тетя Тося и объяснила про мужиков:

- Выйдешь! Разбежишься. Нынче мужик дорогой, кочевряжистый. Сучком и то не заманишь на ночь.

Ну а дальше нас выгнали. Не слушай, что не следует. Да и все равно понятно, мужик нынче дорогой. Вот и строят теперь на наших ямах бараки пленных. И правильно, поубивали наших и стройте. За них.

Проходили, немчура как раз заправлялась. Военные кепки свои с дурацкими пуговицами спереди поскидывали. Культурные. Френчики-полуперденчики стянули. Кто и совсем разнагишался, как у себя дома. Без формы своей мышинной совсем не страшные, обычные. Будто наши мужики поработали, а теперь полднюют. Веселые, как и не пленные. Что им грустить, кормят вон, а с едой, небось, немного лучше, чем в войну.

Попросить бы хлебушка. Попросишь тут... Если б наши... Да и не подойдешь. Хоть и не за колючей проволокой, а часовой вон он сидит, автомат межколен. Тоже из котелка хлебает.

Обошли пленных, слюной заглotalись. Хлебца-то не прихватили. Как же возьмешь! Мамка как заметит. Опять кусошничает, ешь дома. Не выпустит с куском...

А ноги дальше не несут. Прсели вприглядку на немецкий миттагэссен, обед значит. Это нам Арька Объяснил, он по-немецки не только ферштеет откуда-то, но и шпрехает.

Фрицы нас приметили. Зазыркали, загоготали. Один, рукава засучены, шмайсер бы в руки и пошел палить, не иначе каратель был, подошел к часовому.

- Пацаны! - крикнул тот, - Жрать хотите?

Спрашивает, когда мы не хотели!

«Каратель» взял половник, полез во флягу, в которой им жратву привезли. И «шрапнель-кирзу» оттуда в котелок сыплет. Половник, другой. С горкой кирзухи. Рассыпчатая, жирами сдобренная. Прикинул нас глазом и в пилотку ржануху начал кидать. На каждого по кусманчику. Живем, братва! Ложки берет.

Наконец-то! Обошел часового, подошел к нам. Ставит котелок, вручает каждому по ложке и кусманчику. Арька ему «данке шен». На что

«каратель» одобрительно окнул и улыбчато кивнул на котелок.

- Ессен, набен, русска каша.

И стали мы без лишних слов метать шрапнель. Стараясь не торопиться. Пусть не думает, немчура, мы не с голодного ряда. Мы все-таки победители. Конечно, не надолго нам пристойности хватило. Дипломатия дипломатией,

а ухватить побольше каждому хотца. Только ложки о котелок клацают. «Каратель» лыбился, лыбился да как заржот. «Аффенхен!» Это он над браткой: у него мордень мячиком раздулась. Он «шрапнель» глотать не успеваает, за щеками ее копит. Мы тоже прыснули. А братка знай наворачивает, он свою выгоду не упустит. Что не смеяться, коль в животе не скучно.

Лагеря военнопленных в Челябинской области

1. Лагерь № 68 – Наименование – Челябинский (место дислокации Потанино. 9 лагерных отделений – 20 000 человек). Лагерь был организован 28 ноября 1942 года с предполагаемой численностью в 10 000 человек.

2. Лагерь № 95 – дислокация г. Кыштым. Организован 14 октября 1942 года, лимит 270 человек. Прекратил свое существование как отдельная единица и вошел в лагерь № 180 в качестве лаготделения № 1. приказ от 6–9 ноября 1944 года, лимит 1500 чел.

3. Лагерь № 102 – Наименование – Челябинский (11 лагерных отделений), организован 14 октября 1944 года с лимитом 15 500 человек. Расформирован 15.04.1946 г.

4. Лагерь № 130 – Наименование – Ашинский (3 лагерных отделения).

5. Лагерь № 180 – Кыштымский (5 лагерных отделений). Лимит лагеря – 4 500 чел.

6. Лагерь № 257 – Магнитогорский (5 лагерных отделений). Лагерь существует с октября 1944 года.

7. Лагерь № 337 – дислокация в г. Златоусте (10 лагерных отделений). Организован 14.06.1945 г. с лимитом численности 8 000 чел.

8. Оздоровительный лагерь № 443 – г. Магнитогорск. Организован 13 октября 1945 г.

9. Лагерь № 506 – Таяндинский. Лагерь организован в марте 1945 г. Управление лагеря находилось на станции Таянды (недалеко от г. Еманжелинска). Лимит – 9 500 чел.

10. Лагерь № 507 – предназначен для интернированных. Организован в марте 1945 г. Дислокация – пос. Бакалстрой, лимит – 6000 чел.

11. Лагерь № 514 – Курган (организован в период разделения Челябинской и Курганской областей).

12. Лагерь № 522 – для интернированных в г. Коркино. Лимит лагеря – 10 200 чел.

13. Спецгоспиталь № 5921 – 23 марта 1946 г. передислоцирован в БАССР.

14. Всего известно о 7 рабочих батальонах: №№ 1651, 1652, 1654, 1079, 1080, 1081, 1083 в Челябинской области.

(А.Ф.Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. Часть 1. Стр. 4)

А начиналось все еще во время Первой мировой войны.

Таисия Ильина

НА ЧУЖБИНЕ

Есть в России, на Южном Урале, в Челябинской области, небольшой старинный городок Нязепетровск. Статус города был присвоен ему только в 1944 году. До тех пор назывался – Нязепетровский завод. Иногда, не только в простонародье, но и в документах, его именовали Ураимом. Нязя и Ураим – это речки, которые в этих местах впадают в реку Уфа.

В 1747 году здесь был построен железодобывательный завод, а по названию реки Нязя и в честь то ли святого Петра, то ли русского царя Петра завод был назван Нязепетровским.

Городок стоит в очень живописном месте: холмы, горы, леса, реки. Ягод, грибов, зверья и по сей день много.

Жители все были привезены сюда в разное время из разных губерний Российской империи для работы на заводе и освоения этих мест. Люди были в основном трудолюбивые, серьезные. Каждый привозил культуру, обычаи, традиции, говор своей местности, которые постепенно сплавлялись в единую, характерную именно для Нязепетровска, субкультуру. До сих пор здесь сохранились самобытность

в планировке жилья, в культуре земледелия, в организации жизненного уклада, в песнях, обычаях, говоре.

Как и во многих горнозаводских поселках, завод стоит в центре на берегу искусственного водоема, а от него в разные стороны расходятся улицы, имевшие в прошлом непритязательные названия: Широкая, Большая, Могильная, Проезжая и т.д. Когда-то здесь было возведено 3 церкви. Ныне реставрируется одна, чудом уцелевшая. Завод теперь выпускает строительные краны. Правда, городок и сегодня похож на большую деревню. Цивилизация неохотно внедряется в нашу жизнь.

Хотя Нязепетровск расположен в глуши, значительные события никогда не обходят его стороной.

Сегодня мы хотим рассказать об одном эпизоде, который не повлиял на судьбу Нязепетровска и, уж тем более, мира, но всякое значительное событие в жизни конкретного человека значимо для него и его близких и, представляется нам, столь же масштабно.

В 1914 году, во время Первой мировой войны, в Нязепетровск прибыли трое военнопленных Германской армии. Их поместили в доме по центральной улице, которая называлась тогда Проезжая. Здесь жила семья Гусевых, по нязепетровским меркам очень состоятельная, зажиточная. Но все их богатство заключалось, прежде всего, в невероятном трудолюбии.

Тогдашний глава семьи Ермолай вставал в 3 часа утра и до 6 часов работал либо в мастерской, которая находилась во дворе дома, либо в кузнице, останки которой и сейчас можно видеть в огороде. В 7 часов утра он шел на завод. Семья была большая: отец – Ермолай, его мать – Елена, жена – Александра и шестеро детей. Чтобы прокормить всех, держали домашний скот, засаживали овощами (в основном, картофелем) огромные плантации, бескрайними были и покосы, находившиеся на большом удалении от поселка. Сами не справлялись с таким объемом работ. Нанимали сезонных рабочих. Но хозяин Ермолай никогда не был надсмотрщиком. Он всегда работал не просто на равных, а был коренником.

Думается, что распределением военнопленных по домам занималось волостное правление, которое находилось на этой же улице, неподалеку. И здание волостного правления (сейчас там местный музей), и дом Гусевых сохранились.

Мы почти уверены, что между властью и Гусевыми был заключен какой-то договор об условиях содержания военнопленных, но пока его не нашли. Где-то, возможно, сохранились документы о распределении военнопленных в населенные пункты России со списками.

Устные предания о пребывании троих военнопленных очень скудны, но интересны.

Один из троих спал на печке, а двое – на полатах. Очень трудно представить, как здоровенные мужики умещались на них, да и каково им было спать над кроватью хозяев дома.

О двоих рассказывают, как о людях, не проявлявших интереса к незнакомой стране, новому месту жительства, непривычному образу жизни.

О третьем вспоминают как об очень живом, любознательном человеке, обладавшем здоровым юмором.

Если двое безучастно подолгу сидели во дворе, греясь на солнышке и покуривая, ни во что не вмешиваясь, не предлагая хозяевам свою помощь, то третьему до всего было дело. Он повсюду следовал за хозяином и просил его научить работать в мастерской, в кузнице, но по воспоминаниям Ермолая, с трудом осваивал кузнечное и слесарное ремесло. А однажды увязался за работниками на покос. Попытался, как и все, косить вручную, но с непривычки, быстро устал, да еще, испытав на себе жала оводов, возмутился, сказав, что в его стране этот труд давно механизирован, и пешком убежал с покоса, находившегося за 12 километров от поселка.

Пробыли эти трое в нашем медвежьем углу (недаром современные геральдисты изобразили на гербе Нязепетровского района медведя почти 3 года. Были ли у них постоянная работа здесь, были или нет контакты с местным населением, переписывались ли они с родными в Германии, на какие средства существовали? Все это не известно.

Рассказывают еще, что они неплохо говорили по-русски; что с собой у них было одноствольное ружье 16-го калибра с патронами; что в начале своего пребывания подарили хозяйке красивую шаль, которая сохранилась и поныне; что, уезжая, тоже преподнесли семье Гусевых ценный подарок, которого уже нет. Перед отъездом германские солдаты сфотографировали в местную фотографию и оставили снимок хозяевам на память, сделав надпись на обратной стороне. На фото видно, что «нечаянные гости» не голодали, не бедствовали. Сытые, спокойные лица, сюртуки внатяжку, обувь и одежда в хорошем состоянии. Осанка гордая, держатся с достоинством. Но снова вопросы: почему сюртуки разного фасона, почему у стоящих брюки светлые, у сидящего – более темные, да и сапоги у него больше напоминают ботинки с пристегивающимися крагами: что означают бантики на левой стороне груди у двоих? По какому распоряжению они уехали?

Говорят, что надпись сделал самый активный, тот, что сидит. А написал он по-русски следующее (приводим в современной орфографии с авторскими особенностями): «На память на германский Военнопленный Вилгелм Блум Гамбург 24 Елизензштрассе Нязепетровский завод 1 май 1917 г.».

Похоже, что он оставил свой адрес. И, может быть, по нему можно установить имена других двоих. Понятно, что никого из персонажей этой истории нет в живых, но их потомки, вероятнее всего, сохранили воспоминания своих родственников о пребывании на чужбине. Как сложились их судьбы, как живут их

наследники?

Если бы не крутые перемены в нашей стране, мы могли бы и не узнать об этих людях. Невестка хозяйина дома, Зинаида Ва

сильевна Гусева, родившаяся в 1920 году, услышала об этом от свекра и свекрови, но сама никому не рассказывала, так как в то время это было небезопасно; могли обвинить в чем угодно: в сговоре, шпионаже в пользу Германии, создании подпольной организации, подрывной деятельности против Советского Союза, тем более что муж Петр Ермолаевич воевал на фронтах Великой Отечественной войны с Германией. Даже дочь Нина, которой сейчас за 60 лет, ничего не знала.

Наступило третье тысячелетие. Многие кардинально поменялось. Зинаида

Васильевна, которой было уже за 80, проживала в этом же доме, но теперь со взрослой

внучкой Ларисой и ее семьей.

Готовясь к смерти, перебирала вместе с ней бранные пожитки в сундуке. Что-то совсем выбросили, что-то отдали в музей, иконы – в открывшуюся церковь. Лариса обо всем расспрашивала. Вот когда была извлечена эта шаль, тут-то Зинаида Васильевна и рассказала внучке, что знала сама, а фотография стала почти документальным подтверждением всей истории.

Говорят, что в то же время в Нязепетровске находились военнопленные из Австрии.

В годы Второй мировой войны якобы здесь тоже были военнопленные из Германии. Про них рассказывают, что они страшно голодали.

Но на сегодня самая реальная история – эта, о трех германских солдатах на фото.

ИСТОРИЯ СТРОГОГО РЕЖИМА

Известный историк и краевед Алексей Яловенко увлеченно работает над совершенно необычной летописью 12 лагерей военнопленных в Челябинской области и спецгоспиталя для их лечения.

Эти материалы ранее нигде еще не печатались. В специальной литературе просто упоминались номера всего четырех лагерей НКВД для военнопленных и интернированных лиц под Челябинском.

Алексей Федорович с уже привычной читателям дотошностью и поразительным трудолюбием сумел собрать довольно подробную историю этих засекреченных и особо охраняемых объектов НКВД. И по его данным получается, что пленные бойцы стран гитлеровской коалиции участвовали на Южном Урале в строительстве множества поистине самых уникальных объектов. В том числе и сверхсекретного атомного проекта № 859 «Маяк». В Муслюмово они, оказывается, готовили хранилище для погребения атомных отходов...

Не один год интернированные лучшие немецкие ученые в абсолютно секретных лабораториях на озерах Миассовом и Сунгуле работали с легендарным академиком Тимофеевым-Ресовским. Совместно изучали влияние радиоактивности на организм человека.

* * *

Только по официальным данным, за годы войны в руки бойцов Красной армии попало 3 млн 486 тысяч военнослужащих германского вермахта, войск СС, а также граждан стран, воевавших в союзе с Третьим рейхом. Разумеется, их всех нужно было где-то размещать. Уже в 1941 году усилиями сотрудников Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР начали создаваться лагеря, где содержались бывшие солдаты и офицеры немецкой и союзных Гитлеру армий. Всего таких учреждений насчиты-

валось свыше 300. Они, как правило, были небольшими и вмещали от 100 до 3 - 4 тысяч человек. Одни лагеря существовали год и более, другие – всего несколько месяцев.

Первым в Челябинской области, да и, пожалуй, на всем Урале, 14 октября 1942 года был организован Кыштымский производственный лагерь военнопленных НКВД, порядковый номер 95. Сквозная нумерация лагерей для военнопленных в то время еще не была выработана, и номера были временными. В дальнейшем, уже в 1944 году, этот лагерь влился в другой, под № 180, управление которого к тому времени тоже находилось в Кыштыме и который, в свою очередь, был организован на основании совсекретного приказа НКВД СССР № 001248 от 10 октября 1944 года. Скорее всего, лагерь № 95 впоследствии стал лагерным отделением № 1 разросшегося лагеря № 180.

Считается, что до декабря 1942 года общее число военнопленных вермахта в нашем тылу было сравнительно небольшим. А основная волна захваченных в плен оккупантов начала поступать в лагеря НКВД именно по завершении Сталинградской битвы, уже после февраля 1943 года. Это сражение по праву называют «Каннами XX века», и такое сравнение вполне уместно. Потому, что именно при Каннах Ганнибал впервые в истории взял в плен множество легионеров римской армии. И в Сталинградской битве враг тоже был вдребезги разбит в окружении. Немецко-фашистские войска тогда

потеряли в кольце более 300 тысяч солдат. И множество фашистов благоразумно предпочли бесславной смерти позор плена и принудительный труд в глубоком тылу Красной армии. Такого разгрома не знала военная история с древнейших времен и до нашего времени.

Впрочем, задолго до сталинградского разгрома армии Паулюса, уже 28 ноября 1942 года приказом НКВД СССР № 002597 о размещении и трудовом использовании военнопленных, было принято решение направить две тысячи человек в Кыштымский лагерь Челябинской области для строительства каолинового комби-

ната, жизненно необходимого в первую очередь для литья резиновых танковых катков. Так как все основные ранее разработанные месторождения каолина оказались к тому времени на временно оккупированной территории.

В пожелтевшем архивном документе имеется подробная схема Кыштымского лагеря № 95. Это небольшая прямоугольная территория, огороженная дощатым забором. Внутри еще одного периметра из колючей проволоки первоначально находился всего один барак для военнопленных. Внутри этого барака имелась небольшая амбулатория и крохотная кухня.

* * *

Первоначальная численность военнопленных 95-го лагеря не превышала 270 человек. В спальном помещении для них были устроены трехъярусные нары, имелось электричество. Температура и санитарное состояние в деревянном жилом бараке по нормам военного времени были вполне нормальные. Для жизни спецконтингента в еще одном бараке, уже с восточной стороны, построили все необходимые бытовые помещения: дезокамеру, баню и пекарню. Военнопленные проходили обязательную санобработку 4 - 5 раз в месяц.

Главный вход в лагерь находился с южной стороны в семи километрах от Кыштыма. На входе небольшое помещение для вахтеров. По углам лагеря были расположены четыре сторожевые вышки. Рядом со входом в лагерь, с наружной стороны, на расстоянии 300 метров находилось небольшое караульное помещение для гарнизона охраны, а чуть дальше - скромное солдатское общежитие, оборудованное двухъярусными нарами. Постоянный вооруженный дозор круглосуточно обходил лагерь по внешнему периметру.

Бывшие завоеватели жили в лагере в общем-то вполне терпимо, если сравнить советские лагеря для военнопленных с аналогичными гитлеровскими. Делалось все возможное, чтобы военнопленные могли эффективно трудиться на оборону нашей страны. Тем не менее по копиям лагерной документации на двух не сохранившихся к сегодняшнему дню погостах - Каолиновом и Коноплянке - было за несколько лет захоронено 330 жителей Германии, Австрии и Венгрии. Списки умерших не сохранились.

Продуктами питания и спецодеждой лагерь, как и положено, снабжался по нарядам Главного управления лагерей военнопленных НКВД СССР. Немцы и их союзники получали в сутки по 400 г хлеба (после 1943 года эта норма выросла до 600 - 700 г), 100 г рыбы, 100 г крупы, 500 г овощей и картофеля, 20 г сахара, 30 г соли, а также немного муки, чая, растительного масла, уксуса, перца. Кстати у генералов, а также солдат, больных дистрофией, суточный паек был побогаче.

Продолжительность трудового дня пленных составляла восемь часов при четырех выходных днях в месяц. Сон не менее восьми часов в сутки. Согласно циркуляру НКВД СССР от 25 августа 1942 года они имели право на небольшое денежное довольствие. Рядовым и младшим командирам выплачивалось 7 рублей в месяц, офицерам - 10, полковникам - 15, генералам - 30 рублей. Военнопленным, которые трудились на нормированных работах, выдавались дополнительные суммы в зависимости от выработки. Перевыполняющим нормы полагалось 50 рублей ежемесячно. Те же дополнительные деньги получали бригадиры. При отличной работе сумма их вознаграждения могла вырасти до 100 целковых. Деньги, превышающие разрешенные нормы, военнопленные могли хранить в сберкассах. Кстати, они

имели право на получение денежных переводов и посылок с родины, могли получать одно письмо в месяц и отправлять неограниченное количество писем. Кроме того, им бесплатно выдавалось мыло. Если одежда находилась в плачевном состоянии, то пленные получали даром телогрейки, шаровары, теплые шапки, ботинки и портянки.

* * *

Начальником 95-го лагеря НКВД был небыизвестный майор госбезопасности Илья Сошников. В то время высокое звание майора госбезопасности приравнялось к армейскому званию полковника. 29 апреля 1939 года тогда еще капитана госбезопасности Сошникова, как особо отличившегося при выполнении специального задания правительства СССР в розыске и аресте государственного преступника, бывшего наркома внутренних дел УССР Успенского, перешедшего 14 ноября 1938 года на нелегальное положение и до 16 апреля 1939 года скрывавшегося в разных городах Союза под фамилией Шмашковский, наградили орденом Красной Звезды. В архивах спецслужб сохранился ордер № 1545, подписанный заместителем начальника управления НКВД СССР по Челябинской области и выданный 15 апреля 1939 года: «Действителен на 2 суток, сотруднику УГБ УНКВД тов. Сошникову. Вам поручается произвести обыск и арест гр. Шмашковского Ивана Лаврентьевича, проживающего в гор. Миасс. Всем органам советской власти и гражданам СССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений».

Охраной Кыштымского лагеря НКВД занималась 3-я рота 152-го отдельного батальона конвойных войск НКВД, 2-й и 3-й взводы. 152-й отдельный батальон конвойных войск по охране особо важных предприятий промышленности был сформирован 8.09.1941г. Общая численность батальона составляла 735 человек. Батальон имел 24 лошади и 12 собак. Батальон входил в состав 44-й бригады, расквартированной в Куйбышеве в составе: управление - 41 человек; 238-й полк, Куйбышев, - 2246 человек; 151-й отдельный батальон, Уфа, - 571 человек; 152-й отдельный батальон, Челябинск, - 735 человек. В составе бригады офицерского состава - 234 человека, младшего начсостава - 543 человека, рядового состава - 2816 человек. Всего личного состава - 3593 человека. Бригада входила в состав 70-й дивизии конвойных войск МВД СССР. Общая численность взводов достигала 117 человек. Командир третьей роты старший лейтенант Сабадырь, зам по политчасти старший лейтенант Щербаков.

[http://chel.mk.ru/
article/2013/06/05/865016-istoriya-
strogogo-rezhima.html](http://chel.mk.ru/article/2013/06/05/865016-istoriya-strogogo-rezhima.html)
5 июня 2013

Приказ начальника управления НКВД ЧО за 1945 год

Содержание: об организации 2-х лагерных отделений в составе лагеря НКВД № 68 и их содержании.

22 июня 1945 г. №00110 г.Челябинск

В связи с прибытием дополнительного контингента в\п в лагерь НКВД №68, организовать для их размещения и трудиспользования следующие лагерные отделения:

А) л\о № 6 с дислоцированием в рабочем поселке Нижний Уфалей, при лесозаготовительном участке ЧМС НКВД на 1 500 человек.

Б) л\о № 7 с дислоцированием на ст Баландино ЮУЖД при песчанно-известковом карьере ЧМС НКВД на 500.

В) организованные л\о временно до утверждения штатов содержать:

1. л\о № 6 по штату л\о № 2 того же лагеря, объявленного прик. НКВД за № 00171 от 6.12.44.

2. л\о № 7 по штату л\о № 4 того же лагеря, объявленного прик. НКВД за № 0088 от 29.05.45 г.

Приказ ввести в действие с 20 июня 1945 г.

Подпись: начальника управления НКВД ЧО
Комиссар государственной безопасности Павлов

(А.Ф.Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. Часть 2.)

Владимир Филичкин

РАССЕКРЕЧЕНА ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

До сегодняшнего дня остается малоизвестных и даже засекреченных страниц истории второй мировой войны. К примеру, в СССР тема плена немецких солдат и офицеров была вообще полностью запрещена к исследованию. Советские историки охотно осуждали нацистов за их бесчеловечное отношение к советским военнопленным, но они не смели даже упоминать о том, что во время войны преступления против человечности совершались по обе стороны фронта. По германским источникам, в Советском Союзе было в плену примерно 3,15 млн. немцев. Из них 1,1–1,3 млн. не пережили суровых условий содержания в лагерях. Стоит ли говорить, что советские источники называли совсем иные цифры.

В канун празднования восьмидесятилетия образования Челябинской области известный историк и краевед Алексей Федорович Яловенко выпустил в свет свою очередную книгу-исследование «Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области». Для непосвященных сразу же поясню, что «архипелаг ГУПВИ» это то же самое, что и «архипелаг ГУЛАГ», такая же лагерно-тюремная система, в которой содержалось и вполне сравнимое число заключенных. «ГУПВИ НКВД СССР» - это Главное управление по делам военнопленных и интернированных. Новая книга историка Яловенко носит уникальный характер, так как написана на основании приказов НКВД Челябинской области, и никогда и нигде эти материалы еще не публиковались. Именно поэтому наш корреспондент Владимир Филичкин встретился с Алексеем Яловенко.

- В 1957 г. в ФРГ была создана научная комиссия по изучению истории немецких военнопленных. Начиная с 1959-го в Германии вышли в свет 15 пухлых томов серии «К истории немецких военнопленных во второй мировой войне», семь из которых были посвящены истории немецких военнопленных в советских лагерях. Единственным русскоязычным исследователем на эту тему был Александр Бланк – бывший переводчик генерал-фельдмаршала

Фридриха Паулюса, но он печатался на немецком языке в ФРГ. И вот теперь на Южном Урале небольшим тиражом выходит Ваша книга... - Закрытые темы Великой Отечественной войны еще многие годы будут беречь наши души. Казалось бы всё относительно нормально, но задумайтесь над главным. На политической карте мира существуют все государства, которые были до второй мировой войны, а главного победителя – СССР уже

давно нет. И вот что интересно, все сроки давности уже прошли, а у нас до сих пор огромное число документов той военной поры все еще засекречено. Зачем, почему? И очень похоже, что эти документы никогда не будут рассекречены, не заинтересована, судя по всему, в этом высшая политическая власть в стране. Получается, что мы сами все еще боимся своей подлинной истории. И мы с вами, думаю, никогда не узнаем, как все было тогда на самом деле. Конечно же, надо открывать архивы, а не закрывать их. Сейчас архивные материалы почти недоступны, лет через двести их возможно откроют. И кому они будут тогда нужны? - После вашего последнего исторического бестселлера, посвященного тайнам Верхнеуральского политизолятора, читатели ждут очередных сенсационных открытий. Из ваших книг мы узнаем совсем иную историю Южного Урала... - Настоящих тем для историка не так уж много. После прочтения «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына, я долго ходил под сильным впечатлением. Ложь существовавшей власти вызывает ненависть. Я не хочу, чтобы мы вновь скатились к, казалось бы, навсегда ушедшему, тоталитарному режиму. Так как я лишен возможности физически воздействовать на причины это все порождающие, я принял решение писать жесткую правду о тех жутких условиях, в которых долгие годы существовала наша страна. Я издал первую книгу из запланированной серии «Тайны Верхнеуральского политизолятора». Это вторая книга на волнующую меня тему, хочу успеть написать про все тюрьмы, которые были в нашей индустриальной области – а их было семь. Сейчас у меня где-то на одну треть написана книга про жизнь и нравы Челябинской тюрьмы.

Я написал новую книгу за 4,5 года. Кто мне помог с проникновением в архив НКВД - я говорить не буду. Там, по идее, может быть каждый, но туда, действительно, никого не пускают, и хотя все материалы, о которых я говорю в своей книге, рассекречены, доступ

туда по-прежнему закрыт. Взаимопонимание с работниками архива сложились постепенно, ведь я ходил туда почти два года. Работники архива замечательные люди, открытые для общения в пределах своей должностной компетенции.

В моей новой книге собраны данные на все лагеря военнопленных и интернированных в Челябинской области, также ранее неизвестные материалы по спецгоспиталю, полякам, вывезенным на Урал, рабочим батальонам. Всего в книге примерно 1100 страниц, поэтому книга издается в 2-х томах. Очень печально, но сегодня даже то, что было рассекречено в первые годы перестройки и гласности, с трудом попадает или вообще не попадает в руки исследователей. На основе документов из архива НКВД Челябинской области я попытался показать подлинную жизнь всех 12 лагерей военнопленных в Челябинской области...

- 17 января 2014 года исполнилось 80 лет образования Челябинской области. Область создали потому, что надо было разделить Уральскую область, так как Урал к тому времени стал стратегическим центром нашей промышленности, а управлять такой гигантской областью, стало затруднительно. Никакой тайны здесь нет. Ведь до революции это была самостоятельная губерния. Полтора десятка лет немецкие и японские военнопленные трудились на благо жителей Южного Урала...

- Военнопленные вермахта появились в Челябинской области с 1942 года и работали на различных тяжелых производствах. Надо отдать должное восприятию немецких военнопленных нашими земляками – вначале от откровенно враждебных до дружественных в дальнейшем. В энциклопедии «Челябинская область» приведены следующие данные - с помощью военнопленных с мая 1946 по январь 1950 года было построено: жилплощади – 117295 кв. метров; промышленных площадей – 11225 кв. метра; объектов соцкультбыта – 2083 кв. метра; автодорог (в пересчете на ширину

5 метров) – 32900 погонных метров; три мартеновские печи; трамвайных линий – 21800 метров; стекольный завод, кирпичный завод, выпускающий девять миллионов кирпичей в год, две фабрики сульфидных руд, турбогенератор ТЭЦ, паровозное депо. Изготовлено: тракторов – 47891 штук, грузовых автомобилей – 7011 штук. Добыто: каменного угля – 841258 тонн, медной руды – 493200 тонн и многое другое. В основном военнопленные были в Челябинской области до 01.01.50 года. Но те, кто во время нахождения в плену, нарушали советский закон, были осуждены, и последние военнопленные покинули Челябинскую область после амнистии в 1955 году.

- Получается, что немецкие военнопленные изрядно потрудились, на восстановление экономики страны, подорванной войной?

- По-моему, даже распорядиться военнопленными в нашей области, как и в целом по стране, мы не смогли в полной мере. Военнопленные, действительно, участвовали в строительстве всех крупных предприятий нашей области, да и мелких тоже. Практически на всех заводах нашей области использовался труд военнопленных. И надо честно признать, что их труд использовался непродуктивно. Военнопленные очень хорошо строили, к

примеру, жилые дома, например, дома на КБСе и на ЧМЗ. До сих пор считается, что эти дома элитные. Я могу привести пример, какое отношение к труду было у наших рабочих и у военнопленных: длительное время при строительстве линии электропередачи наши рабочие выполняли план, а военнопленные нет. В конце концов немецкие военнопленные решили тайно проверить - как это так? В общем выяснилось, что военнопленные делали по всей технологии: копали яму на 1,5 метра, засмаливали конец опоры, вставляли в яму и утрамбовывали тщательным образом землю вокруг столба. Наши же не смолили, закапывали в землю на 40 см. укрепляли камнями, поливали и все. Военнопленные стали делать так же и стали выполнять нормы. Получается, что добросовестный труд не был у нас в почете. Может быть, из-за всего этого и погиб СССР. Думаю, что образ мысли военнопленных, их понимание важности добросовестной работы, сделал определенный шаг к развалу СССР.

5 Февраля 2014 г.

<http://cheltoday.ru/articles/obshchestvo/rassekrechena-istoriya-germanskikh-voenoplennykh-na-yuzhnom-urale/>

ЧЕРЕМШАНСКИЕ КАРЬЕРЫ

Одна из главных «изюминок» в окрестностях Верхнего Уфалея (Челябинская область) – Черемшанские никелевые карьеры. Из них наиболее интересны для туристов Старочеремшанский и Новочеремшанский карьеры. Когда-то они образовывали Верхнеуфалейский никелевый рудник. Это месторождение было открыто в 1907 году. Однако полноценная промышленная разработка началась лишь в 1930-40-е годы. Здесь добывали как никелевую руду, так и белоснежный мрамор. В 1940-х годах в Черемшанке был лагерь, в котором содержались немцы, венгры, сербы и другие иностранные заключенные (военнопленные).

<http://nashural.ru/mesta-reg/chel-obl.htm>

Приказ начальника управления НКВД ЧО за 1945 год

Содержание: об организации рабочих батальонов и с объявлением штатов.

От 31 июля 1945 года № 00140 г. Челябинск

В связи с отчислением из лагерей НКВД № 68, 506 и 522 контингента интернированных для трудиспользования в рабочих батальонах.

Приказываю:

Организовать рабочие батальоны для интернированных:

а) в г. Коркино один батальон при Коркинском «Шахтстрое» с лимитом 1000-1200 человек.

б) в г. Копейске 2 батальона, первый при тресте «Копейскуголь» и второй – при Камышинском шахтоуправлении, с лимитом 1000-1200 человек в каждом.

в) в пос. Потанино при кирпичном комбинате ЧИС НКВД один батальон с лимитом 1000-1500 человек.

Подпись: начальника управления НКВД ЧО

Генерал-майор Павлов

(А.Ф.Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. Часть 2)

Алексей Яловенко

КАОЛИН ДЛЯ ТАНКОВ

В Кыштыме был первый на Урале лагерь военнопленных

Во время Великой Отечественной войны и чуть позже, на территории Челябинской области были организованы лагеря для военнопленных и интернированных. Одним из них был Кыштымский лагерь НКВД для военнопленных.

Производство за колючей проволокой

Всего таких лагерей было организовано 12. Также был организован один спецгоспиталь, который обслуживал эти лагеря.

В одном из архивных документов (ОГАЧО ф. Р – 1317, оп.2, д. 26, л. 3) имеется схема Кыштымского лагеря – прямоугольная территория, огороженная дощатым забором. Внутри, огороженный колючей проволокой, находился один барак для военнопленных. Внутри барака – амбулатория и кухня. Туалет находился рядом с бараком, с восточной стороны барака. Также в отдельном бараке с восточной стороны находились бытовые помещения – дезокамера и баня. Расположение прямоугольника с севера на юг. Главный вход с южной стороны.

На входе было помещение для вахтеров. По углам лагеря расположены четыре вышки. Рядом со входом в лагерь, с наружной стороны, на расстоянии 300 метров от лагеря находится караульное помещение для гарнизона охраны, чуть дальше – общежитие гарнизона. Вокруг лагеря находился постоянный дозор, который обходил лагерь по внешнему периметру.

Лагерь был организован 14 октября 1942 года. Располагался он в Кыштыме на 7-м километре. Лагерь являлся производственным (военнопленные работали на строительстве-каолинового комбината).

Лагерь № 95

Лагерь носил порядковый № 95. Известно, что до декабря 1942 года (Сталинградская битва) общее число военнопленных немецкой армии не превышало 10 000 человек. А основная волна военнопленных начала поступать после завершения Сталинградской битвы, то есть после февраля 1943 года. Так что можно предположить, что это был первый лагерь военнопленных на всем Урале. Сквозная нумерация лагерей для военнопленных в это время еще не была выработана и данная нумерация была временной. В дальнейшем, в 1944 году лагерь волился в лагерь № 180, управление которого находилось в Кыштыме, который в свою очередь был организован на основании приказа НКВД СССР № 001248 от 10 октября 1944 года. Скорее всего, этот лагерь № 95 стал лагерным отделением № 1 лагеря № 180.

Что известно о лагере № 95? Численность военнопленных составляла 270 человек. Военнопленные размещались в одном деревянном бараке, где были устроены трехъярусные нары.

В бараке имелось электричество. Температура и санитарное состояние отмечались как нормальные. Эпидемических заболеваний не было. Имелись баня с дезокамерой, пекарня, амбулатория. Военнопленные проходили санобработку 4-5 раз в месяц. Продуктами питания и спецодеждой лагерь снабжались по нарядам Главного управления лагерей военнопленных НКВД СССР.

Начальником лагеря был майор госбезопасности И.Д. Сошников. В то время звание майора госбезопасности приравнивалось к армейскому званию полковника.

Охраной лагеря занималась 3-я рота 152-го отдельного батальона конвойных войск НКВД, 2-й и 3-й взводы. (152-й отдельный батальон конвойных войск по охране особо важных предприятий промышленности сформирован 08.09.1941 года. Общая численность батальона 735 человек. Батальон имел 24 лошади и 12 собак. Батальон входил в состав 44-й бригады г. Куйбышева.

44-я бригада в г. Куйбышеве в составе: управление – 41 чел.; 238-й полк в г. Куйбышеве – 2246 чел.; 151-й отдельный батальон г. Уфы – 571 чел.; 152-й отдельный батальон г. Челябинска – 735 чел. В составе бригады офицерского состава – 234 чел., младшего начсостава – 543 чел., рядового состава – 2816 чел. Всего личного состава – 3593 чел. Бригада входила в состав 70-й дивизии конвойных войск МВД СССР.)

Общая численность взводов – 117 человек. Командир роты – ст. лейтенант Сабадырь, зам по политчасти ст. лейтенант Щербаков. Личный состав был размещен в отдельном помещении для гарнизона, где устроены двухъярусные бараки. Освещение электрическое. Личный состав пользовался баней и дезокамерой лагеря три раза в месяц. Гарнизон имел кухню и столовую. Рота имела своего санитарного, при необходимости использовалась помощь Кыштымской горбольницы. Продукты питания, кроме хлеба, получали со склада батальона. Хлеб же доставлялся с Кыштымского хлебозавода.

Лица командного состава, в числе четырех человек, находились на котловом довольствии.

Топливо заготавливали на делянке в 300 метрах от подразделения. С личным составом ежедневно проводились политзанятия. Были организованы коллективные походы в кино.

Каолиновые гусеницы

Почему в начале войны к каолину было такое усиленное внимание? Дело в том, что каолин был очень важным стратегическим сырьем, и

он «работал» на оборону Родины.

Он применялся в изготовлении резиновых литых катков для гусениц танков. За счет добавок каолина резина становилась очень прочной. К тому времени почти все открытые месторождения каолина были уже под немцами. В дальнейшем на этом производстве в Кыштыме работало около 1500 военнопленных.

Илья Дмитриевич Сошников

Родился в 1904 году в селе Михалево Смоленской губернии в семье машиниста паровой машины. Русский. В КПСС с 1926 года. Образование: начальная заводская школа в Екатеринославе, рабфак при Днепропетровском металлургическом институте.

С 1939 по 1941 год – начальник УНКВД Челябинской области, в 1941 – начальник УНКГБ Челябинской области, начальник 38-го полевого строительства Южного упр. ГУОБР НКВД СССР.

С 1942 по 1943 год – начальник Кыштымского лагеря для военнопленных НКВД. Уволен из НКВД в связи с призывом в РККА в 1943 году.

(Из книги: Н. В. Петров, К. В. Скоркин «Кто руководил НКВД. 1934 – 1941», стр. 391.)

Секретно

Перечень лагерей НКВД, в которых разрешается расконвоирование военнопленных организация в них вспомогательных команд из числа военнопленных

п\н	Наименование лагеря	Номер лагеря	Место дислокации
Челябинская область			
90	Потанинский	68	п. Бокал
91	Челябинский	102	г. Челябинск
92	Кыштымский	180	г. Кыштым
93	Ашинский	130	г. Аша
94	Магнитогорский	257	г. Магнитогорский

АТОМНЫЙ ПРОЕКТ НА УРАЛЕ

Николай Васильевич Риль родился в Санкт-Петербурге в 1901 году. Его мать была русской, отец – немец, инженер работающий на фирме «Сименс и Халске». Николай с детства владел свободно русским и немецким языками.

С 1920 по 1927 гг, он учился в Санкт Петербургском Политехническом Университете и затем в Берлинском университете им. Гумбольдта. В 1927 он защищает в университете в Берлине диссертацию по радиохимии на тему «Использование счётчиков Мюллера Гейгера для спектроскопии бета излучения». Его научными руководителями были физик-ядерщик Лиза Мейтнер и радиохимик Отто Ган.

С 1927 он начинает свою трудовую деятельность в промышленности на предприятии Ауэргезельшафт, сначала он занимал пост начальника лаборатории оптической техники, затем возглавил научный отдел всего предприятия.

После окончания Второй мировой войны работал в советской атомной программе. С 1945 по 1950 гг. Риль возглавлял производство металлического урана на заводе № 12 в Электростали. С ним также работали другие физики атомщики А. Барони, Г. Борн, А. Катч, В. Кирст, Н. Е. Ортманн, Прцубилла, Г. Шмитц, Г. Тиме, Тобейн, Г.Вирт, К. Циммер. Ветераны завода № 12 в Электростали наверное помнят эти имена. В последнем квартале 1946 года завод поставлял Курчатовской лаборатории № 2 почти 3 тонны металлического урана в неделю, в конце 1950 года завод производил уже 1 тонну урана в день.

После испытания 29 августа 1949 года Берия представил 33 участников проекта к званию Героя Социалистического Труда, и 52 – к крупным денежным премиям. Среди награжденных

Риль был единственным иностранцем, да к тому же заключенным, да к тому же и немцем. «Награжденные направили Сталину благодарственное письмо. Сталин изучил список и начертил красным карандашом недовольную резолюцию: «Где Риль (немец)?». Подписи немца не было»

С 1950 г. и до отъезда в Германию в 1955 г., он был невыездным, с 1950 года по 1952 г. являлся научным руководителем работ по радиационной химии и радиобиологии на объекте НКВД «Б» на базе санатория Сунгуль (сегодня Снежинск). Из Постановления СМ СССР № 2857-1145сс/опот 1 июля 1950 г. «О работе научно-исследовательских институтов...» с весны 1952 года находился на «карантине» в Сухуми, символически работая в Сухумском физтехе, здесь были проведены его первые исследования по физике твердого тела. Для возвращения немецких ученых в Германию КГБ по согласованию с правительством ГДР составило список «А» из 18 человек, которые обязаны бы были вернуться только в ГДР. Вся группа Риль входила в этот список.

В апреле 1955 года советские власти позволили Рилью вернуться на родину, 4 недели он находился в ГДР в восточном Берлине, далее он сознательно перебирается в ФРГ, не вникая даже уговорам Ульбрихта и в 1955 году был принят научным сотрудником в Мюнхенский технический университет на Исследовательский ядерный реактор. В 1961 году получил место ординатного профессора технической физики и продолжил исследования в области физики твердого тела, в области физики льда и оптической спектроскопии твердого тела.

Николай Риль лауреат Сталинской премии (1949), Орден Ленина (1949) и Герой Социалистического Труда (1949).

В 1988 году в издательстве Ридберг в Германии под названием «10 лет в золотой клетке» вышла книга воспоминаний Н. Риль (включая 58 исторических фото).

Николаус Риль

«ДЕСЯТЬ ЛЕТ В «ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ»

(глава из книги)

8. В Сунгуле на Урале (1950-1952)

В 1950 г. наша работа в Электростали была завершена. Производство урановых теплоделяющих элементов шло гладко и участия нас, немцев, больше не требовалось. Но для возвращения в Германию время еще не наступило. Некоторые действия с моей стороны в этом направлении оставались безуспешными. Таким образом встал вопрос о дальнейшем использовании немецкой группы. Министр по атомной энергетике Завенягин предложил мне взять на себя научное руководство в крупном новом институте в Сунгуле на Урале, это было связано с обработкой, влиянием и использованием получаемых в реакторах радиоактивных изотопов (продукты деления). При этом возникали радиобиологические, дозиметрические, радиохимические и физико-технические проблемы, т.е. имелась в виду большая рабочая программа. Т.к. я был более или менее связан со всеми этими областями еще во время работы в Ауэргезельшафт, то предложение Завенягина показалось мне достаточно обоснованным и заманчивым.

Моему решению принять предложение способствовал и тот факт, что в том институте уже работало три немецких сотрудника, с которыми я был тесно связан в Германии и с которыми находился в дружеских отношениях. Это были уже упоминаемые в главе 2 физик и радиобиолог К.Г. Циммер, радиохимик и ученик Гана - Г. Борн (позднее профессор радиохимии в техническом университете г. Мюнхена)

и медик и радиобиолог А. Кач, впоследствии профессор в Карлсруэ. Хотя все эти люди и были тесно связаны с Ауэргезельшафт, но их рабочее место было в Кайзер-Вильгельминституте в Бухе, Берлин, а именно в отделе генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского, о котором речь будет далее. Вместе с русскими они были привезены в Советский Союз и включены в мою группу в г. Электросталь. В рамках уранового производства было очень трудно найти соответствующую их квалификации работу. Я пытался доказать, что радиохимия и радиобиология хорошо согласуются с урановым производством, однако потребовалось много лет, чтобы внушить это начальству. И поэтому, когда был основан институт в Сунгуле, все трое были переведены туда. Там они смогли полностью развернуть свою деятельность в соответствии со своей специальностью.

Тимофеев-Ресовский прибыл также в Сунгуль. Его судьба заслуживает особого описания, она является характерной для сталинского послевоенного времени. Тимофеев был советским гражданином. В 20-е годы он был приглашен в Берлин, в Кайзер-Вильгельминститут мозга, немецким ученым по изучению мозга Фогтом, который по поручению советского правительства занимался исследованием мозга Ленина в Москве. Не отказываясь от советского гражданства, он оставался там до конца войны. Его работы - особенно исследования по радиационному воздействию на наследственность, выполненные вместе с Дельбрюком и Циммером, - способствовали его авторитету. Нацистское правительство

оставило его лично на долгое время в покое. Но его старший сын за контакты с советскими военнопленными был арестован и брошен в концлагерный лагерь. Тимофеев думал, что ему уже нечего бояться русских. Поэтому, а также из-за чувства своей принадлежности к России, он остался в Берлине, когда туда вошли советские войска. Спустя некоторое время он был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Точно такая же судьба постигла и его сотрудника Царапкина, который также, как советский гражданин, работал также в Бухе под Берлином. Солженицын упоминает о них в своей книге «Архипелаг Гулаг» как о товарищах по несчастью. Тимофеев, как обычный заключенный, терпел лишения и поэтому физически полностью дошел до истощения. Потом компетентные люди из МВД заметили, что о Тимофееве говорят, как о выдающемся ученом, которого можно использовать для проекта по атомной энергии вследствие его радиобиологического опыта. Его разыскали в трудовом лагере и послали майора, чтобы привезти его и Царапкина. Обоих откормили немного и отправили в Сунгуль.

Однако в результате лишений у Тимофеева ухудшилось зрение. Он почти не различал контуры людей и предметов, едва мог читать. Я узнал об этом, когда был еще в Электростали. Я прочитал две толстые книги о витаминах и о их влиянии и узнал, что недостаток определенного витамина (насколько я помню, амида никотиновой кислоты) вызывает отслаивание миелиновой оболочки зрительного нерва, т.е. повреждение зрения. Я заказал сразу же витамин в Москву и через Завенягина передал его Тимофееву, но было уже поздно, повреждение уже было необратимо.

Тимофеев оставался в статусе заключенного, но в Сунгуле его очень хорошо устроили. Он получил дом, такой же хороший, как и у немцев. Он стал руководителем биологического отдела института и смог привезти свою семью из Германии, и это все как заключенный! Особенно странным было то, что при прибытии он получил букет цветов в качестве приветствия. В свете этих фактов я не могу не заметить, что это является стимулом для поборников гуманизма при отбытии наказания осужденными в нашей стране. Как было бы гуманно и благородно, если бы наши женщины-заключенные при доставке их в места заключения получали бы букеты цветов в камерах!

Хотя я уже знал, что в Сунгуле встречу ряд друзей-коллег, я хотел познакомиться с Сунгульским институтом поближе и с отношениями там, прежде чем дать ответ Завенягину. В это время я уже мог ставить условия и выражать пожелания. Поэтому я сначала поехал в Сунгуль, чтобы все увидеть своими глазами. Я взял с собой старшую дочь и еще одну немецкую девушку, чтобы показать им Урал.

Радостная встреча с Тимофеевым и другими коллегами и все сунгульские впечатления разрушили все мои сомнения относительно того, соглашаться ли мне на научное руководство

институтом. Только в одном пункте я хотел получить ясность. Химическим отделом в институте руководил профессор С.А. Вознесенский, который, как и Тимофеев был заключенным, и имел те же привилегии. Я его еще не знал и пытался во время ознакомительного визита в Сунгуль узнать, является ли он человеком, достойным доверия. Атмосфера нашего разговора оставалась холодной, я пытался пробиться к нему, вызвать его на откровенный разговор, но он оставался замкнутым. Конечно, он меня не знал, и Золотая звезда «Героя» на моей груди заставляла его сомневаться в том, может ли он быть со мной искренним. (В поездки и официальные визиты я надевал всегда Звезду и медаль лауреата Сталинской премии, т.к. это открывало многие двери.) Наконец его прорвало, и он рассказал мне свою историю страданий. Незадолго до прихода к власти Гитлера он провел в Германии в одном научном институте примерно полтора года и многому научился там у немцев. В начале войны он был сразу же арестован и осужден на 10 лет за «потенциальную принадлежность к пятой колонне». Он сказал мне, что он никогда ничего не говорил и даже не думал, что он бы смог громко высказать на Красной площади. Мы стали хорошими друзьями.

Удовлетворенный ознакомительным визитом в Сунгуль, возвращался я с девочками обратно. Трудно описать путешествие в русской провинции, не сделав экскурс в область энтомологии. По пути в г. Свердловск наш автомобиль сломался, и мы должны были провести полночи в простом крестьянском доме. Девочки играли в карты с нашим сопровождающим, а я спал на деревянной скамье. Девочки затем обнаружили многочисленные укусы блох на ногах, а я ни одного. Это объяснялось не хорошим вкусом блох при выборе еды, а тем, что это были земляные блохи, которые не могли допрыгнуть до моей скамьи. Рекордная высота их прыжков 35 см. Наверное, это было начало последовательного развития социалистического спорта.

В сентябре 1950 г. вместе с семьей я переехал в Сунгуль. Почти все сотрудники моей группы были переведены в другие места. Приехал только др. Ортманн, т. к. он был специалист в области люминесценции и подходил для работы в институте.

В институте Сунгуля царил совершенно другая, более приятная атмосфера, чем на урановом заводе г. Электростали. Культурный тон обращения создавался немецкими и советскими учеными. Почти все советские ученые были в большей или меньшей степени заключенными или по крайней мере ссыльными, и именно по политическим причинам.

На различных вспомогательных производствах работали уголовные заключенные. Был даже настоящий убийца. Мы называли его «наш убийца». Если можно было бы выбирать в Советском Союзе между «карьерой» политического заключенного и уголовного, то большинство кандидатов выбрали бы последнюю

возможность. Уголовники после освобождения из заключения становились полноправными гражданами страны; а политические иногда ко конца жизни оставались с позорным пятном в своей биографии. Некоторые, известные мне политические заключенные, после освобождения имели в своем паспорте штамп с определенным числом (мне кажется, это было число 39), а это значило, что владелец такого паспорта не может жить в крупных городах. При наличии хороших результатов работы срок заключения для ученых сокращался. Таким образом многим удалось примерно после половины срока выйти из статуса заключенного.

Чтобы перейти к более приятным вещам, нужно сказать, что Сунгуль находится в прекрасной местности. Институт, жилые дома и все вспомогательные здания находились на лесистом, частично скалистом, узком полуострове, имеющем несколько километров в длину. На находящемся рядом озере было много островов. На западе открывался прекрасный вид на Уральские горы. Прелестный дом, в котором я жил со своей семьей, стоял на берегу озера с крутым берегом. Если бы не было чувства, что мы находимся под замком, было бы со совсем по-другому. С прибрежной стороны полуостров был окружен колючей проволокой, а по берегу озера стояли часовые с сильными собаками. Мы, немцы, могли покинуть полуостров только с сопровождающим, а заключенные вообще не могли, кроме самых исключительных случаев болезни. Поэтому мы получали наслаждение от прекрасной природы только в очень ограниченной мере.

Местный климат был резко континентальный. Очень холодная зима была намного длиннее, чем хотелось бы нам. Морозы до 40°C не были большой редкостью. Я никогда не забуду поездку из Свердловска в Сунгуль в едва защищенном джипе при минус 42°C и сильном ветре. Из-за снежных заносов мы должны были ехать всю ночь и, несмотря на очень теплую одежду, были близки к замерзанию. И только, увидев край восходящего солнца, нам стало немного теплее, это уже было спасение! Я удивлялся этому чисто физиологическому эффекту. Длинная зима сменялась короткой, но опьяняюще прекрасной весной. Лето было также коротким и, в основном, красивым. Растительный мир был более буйным чем в Средней Европе. Окраска цветов была более интенсивная, некоторые растения, о которых мы знали, что это низкие сорняки, были до двух метров в высоту, изобилие лесных ягод было необычным.

Работа в Сунгульском институте была связана преимущественно с радиохимическими и радиобиологическими проблемами. Наряду с разработкой дозиметрических методов проводились исследования воздействия радионуклидов (радиоактивных изотопов) на различные органы, статистически изучалось качественное биологическое действие при присоединении и при внешнем облучении, устанавливались максимально допустимые дозы облучения и

соответственно концентрация радионуклидов. Общественности очень мало известно, с какой строгостью и с какими экстремальными факторами безопасности проводилась работа при этих исследованиях. Поэтому страх в кругу неспециалистов был полностью бессмысленным, т.к. они даже не понимали действительную опасность, которой подвергаются при работе с ядерной энергией. Вопросы безопасности в этой области очень важны, но должны обсуждаться экспертами, а не полуспециалистами или неспециалистами, которые хотят себя выдать за благодетелей человечества.

Господа Циммер и Борн смогли работать в Сунгуле в тех областях, в которых они ранее работали в Германии. У Циммера это была дозиметрия облучения, область, в которой он уже несколько лет занимал ведущее место. У Борна это была радиохимия. Если в Германии он работал с радионуклидами очень мало, то теперь он имел дело с препаратами, которые имели активность на много порядков больше. К тому же добавлялись многочисленные радионуклиды, которые являлись побочным продуктом деления при работе находящегося недалеко от Сунгуля ядерного реактора. Другой сотрудник, А. Кач, посвятил себя проблеме удаления радионуклидов из организма посредством введения комплексообразователей и других веществ. Для нас, немцев, это было большим преимуществом, что нас не отделили от наших областей деятельности в эти послевоенные годы, и поэтому после возвращения в Германию мы смогли полностью окунуться в эту работу.

Тимофеев-Ресовский не мог в это время работать в своей области, а именно, заниматься генетикой, по причине безобразной аферы Лысенко, о чем я кратко скажу ниже (в главе 17), и который сделал невозможной работу всем серьезным русским генетикам в их области. Тимофеев-Ресовский в Сунгуле занимался исследованием влияния радиоактивного облучения на рост полезных растений. И только много позже, после свержения Лысенко, он смог вернуться к генетике уже в другом месте.

В отличие от Тимофеева-Ресовского его старый сотрудник Царапкин упорно отказывался заниматься задачей, которая входила в рабочую программу института. Он замкнулся в себе и занимался исключительно некоторыми теоретическими вопросами генетики. Поэтому никто его не контролировал, но он потерял и возможность получить сокращение своего срока заключения как награду за выполненную «полезную» работу. Я пытался убедить Царапкина, что он должен выполнять, по крайней мере, хоть какую-то «полезную» работу, чтобы можно было облегчить свою судьбу и судьбу своей семьи получением сокращения срока заключения. Я предлагал ему любую возможную поддержку и льготные условия для такого решения. Он поблагодарил меня за участие и готовность помочь, но решительно отказался занимать прагматическую позицию. Он думал, что кто-

нибудь когда-нибудь выкопает из сейфа его относящиеся к генетике записи и оценит их, и только это было важно для него. (Чтобы не отнимать у него последние остатки жизненной энергии, я умолчал о своем опасении, что его записи, по всей вероятности, кто-нибудь из выдрессированных чиновников для сохранения тайны вытащит из сейфа, перевяжет шнурком, опечатает и спрячет так «надежно», что никакой специалист не сможет их никогда прочитать.) Я, который уже был научен моим предыдущим опытом, как «служить богу и платить черту», мог понять точку зрения Царапкина, но не мог разделить его взгляды. Иногда бывает лучше «отдать кайзеру то, что ему принадлежит». После этого разговора я вышел из комнаты с чувством, средним между преклонением и сожалением. После нашего отъезда из Сунгуля Царапкина отправили куда-то в Среднюю Азию, где он затем и умер.

Что же касается меня самого, то я наряду с моей деятельностью в качестве научного руководителя института мог работать над темами, которые мало касались институтской программы, но были интересны мне лично. Т.к. библиотека института обеспечивалась достаточно хорошо текущими научными, а также и иностранными журналами, я мог быть более или менее удовлетворительно в курсе того, что происходит в мире в интересующих меня областях. Но, что полностью отсутствовало, так это личный контакт с коллегами. Даже с советскими коллегами я смог познакомиться только после возвращения в Германию и встретиться с ними на международных конференциях. В начале нашего пребывания в Советском Союзе президент Академии СССР С.И.Вавилов (ныне уже покойный), коллега по люминесценции, который написал предисловие к русскому переводу моей книги по люминесценции, пытался установить со мной контакт и просил сделать меня доклад, хотя самому, этому высокопоставленному человеку, в контакте со мной - по причине конспиративности, было отказано. Приятные человеческие отношения в Сунгуле, о которых я уже говорил, не в последнюю очередь зависели от административного руководителя того «объекта». Это был полковник НКВД Уралец, сердечный и умный человек. Большинство недобровольных жителей его объекта никогда не узнало, какие рискованные для него самого усилия он прилагал для того, чтобы облегчить этим людям жизнь. Я многократно видел, что некоторые его действия вторгались в область моей компетенции, и я должен был страховать его. Свободный от какой-либо идеологической ограниченности он действовал прагматически и гибко. Он не был славянско-русским типом, это был человек с татарским или даже с кавказским уклоном. Внешне он был очень похож на знаменитого русского путешественника Пржевальского. Наряду с организаторским талантом у него был еще дар, который в России редко встречается. Большинство настоящих русских отказываются от любой возможности

для оформления своего естественного окружения; часто они оставляют запущенными свои сады, свои кладбища и территорию вокруг своих домов. Во время форсированной советской индустриализации это стало еще намного хуже. Уральца же наоборот не пугали трудности, чтобы построенный для работников института поселок органически вписывался в прекрасное естественное окружение. Он сражался за каждое дерево, которое хотели бы вырвать не долго думая строители. И если я вношу полковника Уральца в мой список «хороших русских людей», то делаю это не только потому, что он имеет определенные, типичные для русского, качества, а потому, что он не имеет эти определенные, типичные для русского, качества.

В заключение этой главы я должен упомянуть печальное событие, хотя оно и произошло много лет спустя после нашего пребывания на Урале, но касается именно того места, где мы жили. Речь идет о «Кыштымской катастрофе», взрыве, который был в 1957 г. или 1958 г. и в результате которого была заражена значительная территория. Кыштым - это находящаяся недалеко от Сунгуля станция железной дороги Челябинск - Свердловск. Недалеко находится также и первая советская реакторная площадка, а также город Касли. Советские власти умолчали об этом случае, однако многочисленные свидетельские показания говорят о том, что этот инцидент, действительно, имел место. Ученый Медведев, который сейчас живет на Западе, собрал весь имеющийся материал об этом событии, критически проверил и опубликовал книгу, которая есть в указателе литературы. Т.к. я лично знаю некоторые факты, я могу подтвердить, что его сообщение достойно доверия.

Что же произошло? Открыто говорили о происшествии, причиной которого был не действующий реактор, а менее скверное несчастье, а именно взрыв или вспышка в хранилище радиоактивных отходов, радиоактивный материал был выброшен в воздух. Это был серьезный несчастный случай, связанный с человеческими жертвами, даже, вероятно, с которыми мы вместе работали. Т.к. однако результаты исследования данного инцидента советскими учеными, к сожалению, не известны, мы можем только делать предположения от причинах взрыва. В виду исключительности Кыштымской катастрофы можно склониться к мнению, что причина заключается в каких-либо специальных, локальных географических, геологических или климатических условиях. Может быть также сыграла существенную роль и уже упоминаемая мною гектика при создании советской ядерной техники. Я обращаюсь к советским властям по возможности открыто и подробно познакомить специалистов с причиной данного происшествия, т.к. специальный анализ и прогноз опасности ядерной энергии является в равной мере важным моментом для всех наций. Может этому будет способствовать и современная «гласность».

«НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ»

Великая Отечественная война оставила в нашем обществе такой след, что еще долго мы будем вспоминать и осмысливать те годы, искать ответы на непростые вопросы. Какая сила подняла народ на защиту Отечества? Какое благородство сохранил в себе наш народ.

Узнаем мы много нового о роли нашего края в те суровые годы. Оказывается, в области не только производился металл, выпускались танки, оружие. После войны на наших предприятиях работали военнопленные немцы. Один из таких лагерей располагался в поселке Магнитка, Кусинского района.

Этот факт заинтересовал педагога Магнитской общеобразовательной школы Любовь Васильевну Алямкину. Она организовала сбор воспоминаний свидетелей той далекой поры. Собранны удивительные свидетельства сложнейшего периода нашей истории.

- Всегда считала, что краеведение – важнейший инструмент воспитания детей, так как прививает любовь к малой Родине, - говорит педагог и руководитель краеведческого кружка Любовь Васильевна Алямкина - Поэтому, узнав из рассказов старожилов поселка Магнитка о трагической судьбе немецких военнопленных, которые после войны проживали на территории нашего поселка в лагере, начала индивидуальное расследование с целью восстановить память о тех, кого уже вычеркнули из истории, чьи могилы заросли травой, а рядом с ними устроили свалку мусора. Долгое время эта тема была закрыта для исследования, поэтому многие представленные факты неизвестны и малоизвестны.

Знать прошлое – это предвидеть будущее, обратиться к истории повседневности, чтобы увидеть личную человеческую судьбу не только своих дедов и прадедов, но и побежденных врагов, как людей, испытавших тяготы войны и плена.

Повседневная жизнь того поколения оказалась наполненной большими событиями и трагедиями. Через их судьбу можно понять жизнь страны.

Приезд

В тот день стояла невыносимая жара. Казалось, что все замерло в неподвижности под палящими лучами солнца. На станции собрались люди в ожидании состава с военнопленными немцами. Они вяло переговаривались между собой, стараясь стоять в тени. Среди них были конвоиры-солдаты с автоматами и жители поселка, пришедшие сюда просто ради любопытства: немцев до этого они видели только в кино. В воздухе витала настроенность враждебности. Война закончилась, но ненависть к бывшему врагу жила в сердце каждого.

Тишину разрезал гудок приближающегося поезда. Все сразу ожили: забегали конвоиры, отгоняя мальчишек от железнодорожного полотна, кто-то кричал, слышались команды командиров. В этот шум влилось тяжелое пыхтение поезда и лязг железа. Состав остановился. Вагонов было много. Обычно в них перевозили коров и телят, сейчас привезли людей.

Открыли двери и на землю стали спрыгивать пленные. В нос ударил резкий запах пота, грязных человеческих тел, полуистлевшей соломы. От вида этих изможденных, худых, измученных дорогой немцев настроение агрессивности исчезло. В глазах женщин появилась жалость. Сухие, истрескавшиеся от жажды губы каждого, просили пить. Кто-то сразу по-

бежал за водой, неизвестно откуда взявшиеся банки, кружки, наполненные до краев, передавали пленным, а те жадно пили. За глоток живительной влаги они в знак благодарности снимали со своих рук часы, кольца. У одного из них была губная гармошка, она досталась мальчишке и он тут же, довольный доставшимся трофеем, радостно запиликал.

Раздалась команда строиться, образовалась длинная колонна. Впереди поставили офицеров. На груди у некоторых красовались боевые награды. Солдаты нам казались простыми людьми, а во взглядах офицеров читалась откровенная враждебность. Колонна в сопровождении конвоиров двинулась в путь. Станция опустела, все быстро разошлись, живо обсуждая событие, и лишь мальчишки побежали вслед, сверка босыми ногами.

Что помню...

Полторы тысячи военнопленных прибыло к нам после войны. Уставшие и изможденные шли они по поселку с низко опущенными головами. Старались не смотреть на местных жителей. Слишком враждебно смотрели они на непрошенных гостей. Вдогонку им неслась брань и злобные выкрики. Кто-то в колонну бросил камень. Охранники старались ничего не замечать. Пленные совсем не походили на тех храбрых солдат, которые вышагивали по

нашим городам и селам, напротив, на лицах многих читались виноватые выражения лица.

Прошло время, к немцам, свободно ходившим по поселку, привыкли, и теперь, когда видели колонну военнопленных в сопровождении охраны, то бросали в них не камни, а картошку. Они ловили ее и благодарно улыбались в ответ.

Работала я тогда в теплице, и дали нам в помощники молодого светловолосого солдата, звали его Гансом. Он оказался неплохим агрономом и научился быстро говорить по-русски. Мне, молоденькой девчонке, помогал садить рассаду, ухаживать за овощами, объяснял премудрости работы с землей. Спокойный и рассудительный, он понравился молодой женщине, работающей с нами. Они начали встречаться. Валя, так звали женщину, долго грустила, когда Ганс уехал домой.

Меня не удивляет такое отношение русских к немцам. Пережив суровые годы войны, голод и холод, мы сохранили в душе доброту, жалость и сострадание к ближнему. Мы знали цену жизни и радовались каждому дню, ожидая от будущего только хорошее. Вчерашние наши враги, побежденные, оставались для нас людьми.

Клацк - клацк

Наши уральские зимы всегда отличаются суровостью. В 1947 году столбик термометра часто опускался на отметку минус 40 градусов. И ничего: жили, работали. Мы привычны к таким холодам.

Другое дело – немцы. О теплой одежде многим из них приходилось только мечтать, об обуви тоже. В том, в чем они приехали, нельзя было ходить ни в холод, ни в слякоть. Тогда немцы придумали на ноги деревянные колодки одевать, а сверху кусок брезента веревкой привязывали. Идет он по мерзлой земле, а в морозном воздухе разносится звук – «клацк-клацк».

Однажды осенью мы закололи телят. Сварили мяса, покушали, а на столе оставили кости, чтобы вечером накормить собаку. Занялись домашними делами и не заметили, как в дом зашел немец. Видимо он хотел наняться на работу. Только как увидел кости на столе, обо всем забыл. Не выдержал, схватил кость и давай ее грызть, а там есть нечего. Того и гляди зубы сломает.

Тут мать вошла в комнату, увидела это и руками всплеснула. Парень стоит худой, на руках вены просвечивают. Ничего не сказала, молча вышла в сенки, и принесла молока.

Напоила его, хлебом накормила. Парня глаза радостные стали, заулыбался, что-то по-немецки говорит, поняли, что благодарит. За дверью слышали знакомые звуки «клацк-клацк», только теперь с веселыми нотками.

К нам он больше не приходил. Но как-то на улице его встретила мать. Он ее узнал, подошел и по-русски сказал: «Спасибо».

Фотография

По пыльной дороге идет девочка Нина. Она в старом ситцевом платьице, стоптанных туфлях и бережно держала в руке кусочек хлеба весом сто граммов. Хлеб давали по карточкам и дома его уже ждут. Нина бережно несет драгоценную ношу, но ее запах так и ударяет в нос, а вкус так и чувствуешь на языке. Так и хочется откусить хотя бы раз свежее испеченную корочку и долго-долго жевать, наслаждаясь вкусом. Преодолевая в себе это желание, она ускоряет шаг.

Нина не сразу заметила рядом с собой немца, к которым в поселке уже привыкли. Он настойчиво шел за ней, и что-то говорил по-немецки, жестикулировал и показывал на хлеб. Недоумеваемая, она пожимала плечами, как бы объясняя, что ничего не поняла. Нина с удивлением смотрела, как он полез к себе в карман и достал фотографию. Протянув ей снимок, он продолжал что-то говорить.

Любопытство одержало верх, и Нина берет фотографию в руки. На ней красивая женщина в белой, как снег кофточке держит на коленях ребенка. Женщина улыбается, волосы уложены и делают ее похожей на актрису. Ребенок капризно скривил губы, готовый вот-вот заплакать.

- Жена и дочка, - догадалась Нина, - Но зачем он их мне показывает?

Немец, показывая пальцем на фотографию, не отрывая глаз от хлеба.

- Да он же голодный и готов за хлеб отдать самое дорогое, - догадалась она и неожиданно протянула ему стограммовый кусочек, - Возьми, а фотографию оставь себе.

Немец радостно закивал головой, спрятал фотографию в карман куртки и, благодарно взглянув девочку, бережно взял у нее хлеб. Дома Нина не рассказала маме о случайной встрече.

И теперь всегда, когда она встречала теперь уже знакомого немецкого солдата, то всегда отдавала ему свой кусочек хлеба. Он всегда ее благодарил, и глаза при этом были такие грустные, словно он просил у нее прощения.

Об этом маленьком эпизоде из своего детства Нина не забыла до сих пор. Она, рассказывая об этом, гордо говорила, что, возможно, спасла человеку жизнь. Потом он уехал к своей красивой жене, а мама так и не узнала про кусочек хлеба в сто граммов.

Крапива

Богат Урал разнотравьем. Только пригреет майское солнце, сразу появляются цветы медуницы, синие лепесточки которых так сладко тают во рту. Похожи на солнышко соцветия колокольчика, тоже сладкие как сахар. В лесу большие поля дикого чеснока, хоть косой коси, тут следом кислица поспекает. За ней – пеканы, хороши они варенные с солью. Есть еще в горах цветов удивительной красоты: лепесточки бледно-розовые причудливо

изогнуты, называется саранкой. У нее корни слаще картошки. Но уж о крапиве и говорить нечего. В мае она появляется на каждом пригорке, ярко-зеленая, нарядная, как невеста-недотрога, а потом меняет свой наряд на цвет темной зелени, похожий на малахит.

В то лето, о котором хочу рассказать, часто шли дожди. Горы словно не хотели отпускать тучи и они, серые, свинцовые, закрывали собой все небо. Зато, когда дожди закончились, буйно разрослась за нашим домом на бугре крапива.

Мальчишки пошли собирать ее, варенная, с солью часто она была единственная на столе. Как же они удивились, увидев там немцев, рвущих крапиву и складывающих ее в мешки.

- Фрицы проклятые! – раздалось отчаянное, - Все собрали!

- А ну, пацаны, бей их, бери камни, - крикнул кто-то из парней постарше.

На бугор полетели камни. Немцы погрозили кулаками, что еще больше подзадорило нападающих. Под восторженные вопли «хозяев» они как-то съезжились, толи от камней, толи от криков, и ушли.

В моей детской памяти так и остались серые фигурки людей, которых никто не боялся, которые никому не причиняли зла. Трава не насыщала желудок, есть хотелось всегда, но скольких людей спасла крапива от голодной смерти и русских, и немцев.

Молитва

Отец у нас погиб на фронте и осталась моя мама вдовой с тремя детьми. Братя, Юрка да Алешка, непослушными росли, много хлопот нам доставляли. Дом, в котором мы жили, небольшой, но мужские руки всегда нужны. Держали мы корову с теленком, за ними нужен уход, мама работала, поэтому пришлось нанять двух немцев-военнопленных. Расплачивались с ними картошкой, хлебом, молоком. Ганс и Фритц приходили в определенное время, трудились исправно и добросовестно. И мама их не обижала, кормила досыта.

Вели они себя тихо, по-русски понимали плохо, объяснялись чаще жестами. Глаза, наполненные тоской, делали их робкими, беззащитными и совсем не походили на немцев, которые мы привыкли видеть в кино.

Моя мама часто молилась. По русскому обычаю у нас в правом углу комнаты висела икона. Встанет мама на колени перед ней, крестится, поклоны кладет, о чем-то Бога просит. Немцы видели, как она молилась.

В тот вечер, о котором хочу рассказать, дома кроме мальчишек никого не было. Приходят, как обычно, Ганс и Фритц. Решили они тоже помолиться, но слов не знают. Спрашивают у Юрки с Алешкой, показывая на икону, крестятся, знаками спрашивают: «Что говорить?» Мальчишки решили подшутить. Наговорили им таких матерных слов с самым серьезным видом. Сами на печку спрятались и наблюдают.

А тут мама с работы пришла и ничего понять не может: стоят Ганс с Фритцем на коленах перед иконой, крестятся и поклоны отбивают и такие при этом слова произносят, что хоть уши затыкай. Опомнилась и как закричит на них:

- Это что вы, богохульники, делаете? Грех то какой-то? И еще в моем доме.

Бедные немцы ничего понять не могут. Встали с колен, шапки в руках мнут и не знают, в чем провинились. Тут такой смех с печи раздался. Догадалась мать чьих это рук дело, схватила валенок и бросила на печку. Постояли Ганс с Фритцем и ушли.

Богородица, наверное, услышала их молитву, слова тут не главным оказались, главное – о чем просила душа, то и случилось, потому что скоро парней отправили домой.

Воспоминания охранника

Северная шахта. 120 метров глубины. В шестнадцать лет я спустился туда впервые. Грузил руду наравне со взрослыми. Война закончилась, рабочих рук не хватало, и не вернувшихся с войны мужчин заменяли женщины и подростки. Восемь часов ежедневного тяжелого труда под землей отнимали все силы, к концу смены я падал от усталости, но, не подавая вида, продолжал погрузку. Большой бут руды, сорвавшись с лопаты, неожиданно упал мне на ногу и повредил палец. Пришлось из шахты уйти. Здесь и начинается интересный момент моей биографии. Устроился я охранником в лагерь военнопленных.

Мой первый день на новом месте... Трудно забыть. После проведенного инструктажа мне вручили дубинку, познакомили с бригадиром, и я ставлю подпись на соответствующих документах: сколько человек принял, в какое время, какого числа. Беру под охрану десять немцев и веду их на работу в шахту. Четыре часа они должны были долбить лед в нескольких штольнях, затопленных водой. Через эти штольни из-за образовавшегося льда невозможно стало проходить. И так почти месяц кирками и ломом они воевали со льдом. Потом вводил их назад в лагерь. Трудились они добросовестно, хлопот не доставляли, и я охранял их со спокойной душой.

Возле школы находился магазин, в котором мы получали хлеб по карточкам. На человека по килограмму ежедневно. Привел я как всегда бригаду, начали они работать, а я стою и думаю: «Может, мне пока за хлебом сходить? Немцы мои делом заняты, и я время сберегу». Попросил знакомого мастера:

- Посмотри за ними, я недолго.

- Иди, - говорит, - я задержусь, пока не вернешься.

Русская пословица гласит: «На грех и вилы стреляют». Вот они и выстрелили: пришла проверка. Тут и начальник лагеря, и главный врач, и много другого начальства: гаража, шахты, рудника. Видят: пленные без охраны. Спросили мою фамилию и ушли. Когда я появился, мастер руками развел: «Готовься

к наказанию».

Арестовали меня на следующий день: давал подписку не отлучаться – выполняй. Сняли с меня ремень, забрали сигареты, даже шнурки от ботинок заставили отдать. Посадили в карцер. Со мной еще два человека оказалось: старик и молодой мужчина. Карцер напоминал подземный бункер. Состоял из нескольких камер: трехместных и одноместных... Находился он рядом с лагерем.

Сидим мы втроем на земле, на корточках, темно, холодно, сыро, блохи кусают – покоя от них нет. А рядом в одноместную камеру немца закрыли. Там еще хуже: сесть нельзя, негде, только стоять можно и чуть-чуть руками шевелить. Кричал он сильно, но разве под землей разве кто услышит? Жуткую ночь провели. Казалось, что время остановилось. Как в могиле побывали заживо погребенные. Крики только к утру смолкли. Что с тем немцем дальше было – не знаю: только трудно после этого с ума не сойти.

А рано утром слышим:

- Ситников, на выход!
- Комягин, на выход!
- Петров, на выход!

Вышли, пришел на работу – думал, уволят, но ничего, обошлось, оставили на прежней должности.

Хорошие отношения у меня сложились с бригадиром немцев. По-русски он отлично разговаривал. Да и все пленные неплохие оказались, кроме эсэсовцев. До сих пор один такой перед глазами стоит: высокий, худощавый, лодырь, русских больше смерти ненавидел. Но таких мало встречал.

С месяц, наверное, они под охраной ходили, охрана с автоматами, как положено, а потом им разрешили свободно по поселку разгуливать. Вот они и подрабатывали, кто как мог. Без этого трудно было выжить.

Норму выработки для них установили 100,1%. Эта норма давала возможность получения дополнительного пайка: нескольких граммов хлеба и одной поварешки похлебки, так называемого «усиленного питания». Наряд обычно давал начальник участка, потом подсчитывал проценты.

Наряд обычно давал начальник участка, потом подсчитывал проценты.

О эти люди, находясь в плену, не только работали. Футбольная команда, организованная немцами, часто выигрывала в соревнованиях с поселковой командой и даже выезжала в районный центр. Музыка, исполняемая их оркестром перед началом матча, брала за душу, отличные музыканты подобрались!

В зоне немецкий порядок навели: посадили деревья, между бараками сделали красивые аллеи, рядом – клумбы с цветами. Организовали свой театр, ставили пьесы. Ни разу не слышал от них бранного слова – вот тут есть чему русскому человеку поучиться. На кладбище тоже порядок: ровные ряды могил, березовый крест на каждой, по краям небольшой заборчик, а перед входом – огромный

березовый крест.

В день отъезда за ними прислали товарные вагоны, в которых развозили овощи. Перед этим вагоны несколько дней стояли в тупике. За это время немцы их помыли, покрасили, ярко разрисовали, прикрепили к вагонам цветы. Играла музыка, торжественная, бравурная, веселая, радостная, дающая ощущение праздника. Мороз по коже – до чего хорошо играла. Трудно в то поверить, но люди плакали, расставаясь с ними. Немало женских слез тогда пролилось!

Запомнились они и хорошими специалистами: были среди них инженеры, врачи, агрономы. Рабочие тоже неплохими оказались.

После отъезда пленных сломали бараки, снесли вышки. А деревья, аллеи, цветы остались. Подумали и решили на этом месте сделать парк.

Прошло много лет. Мой дом находился недалеко от бывшего немецкого кладбища. Бывшего, потому что там сейчас пустое место. Сидим мы однажды с мужиками на бугорке возле дома, курим, о чем-то болтаем. Погода прекрасная, птички щебечут. Смотрим идет к нам полковник.

- Здорово мужики, - говорит.

- Здорово, - отвечаем, а сами поглядываем: не каждый день в наше деревне полковники расхаживают.

- Вы, - просит, - немецкое кладбище покажите.

- А зачем? – поинтересовались.

Молчит, ничего не ответил.

- Так оно совсем рядом, метров тридцать от нас.

Пришли. Тогда еще бугорочки различимы были в тех местах, где хоронили. Что-то подчитал, записал, потом попрощался и ушел.

Покурили мы еще немного на том месте и разошлись. Больше никто этим местом не интересовался.

Виталий Ситников

Премия

Уцелели немцы от русских пуль, но в плену их ждал грозный враг – голод. Каждый от него спасался, как мог. Многих этот враг сумел одолеть. Люди умирали, побежденные этим безжалостным противником и хоронили их недалеко от бараков. Много осталось могил и все без-имянные. Но не только голод отнимал жизни.

Возле лагеря стояли вышки с часовыми. По поселку прошел слух, что кто-то из пленных совершил побег. Что заставило этого человека пойти на такое? Голод, тоска по дому, унижения? Выстрел вышки сразил беглеца мгновенно. Начальство, узнав об этом факте, наградило часового премией. Деньги, видимо, оказались немалые. Еще один могильный холмик вырос за забором, еще один крест появился на кладбище.

Но этим дело не закончилось. Жизнь людей, оказавшихся по воле судьбы в плену на

чужой земле, не стоила ничего. Факт премии раззадорил часовых. Возможность получить деньги взамен человеческой жизни привел к тому, что часовые попросту начали провоцировать побеги заключенных, придумывая разные способы.

Со временем сломали бараки, снесли вышки, убрали забор, огораживающий лагерь. Сгнили и кресты на могилах. Люди просто забыли это место. И никто никогда не узнает имени солдат, чья жизнь была оплачена премией.

Несоленая каша

После войны, закончив педагогический техникум, я по направлению приехала в Магнитку. Школа маленькая, в старом деревянном бараке, а учеников много. Учителей не хватало, и встретили меня с радостью, сразу предложив комнату в общежитии.

После теплого приема, счастливая, иду искать это общежитие. Оно оказалось совсем рядом, в таком же бараке. Меня догнала черно-волосая девушка.

- Это вы Анна Петровна? А меня Катей звать. Поселили в ту же комнату, что и вас.

Познакомившись, заходим в барак. Наша комната в самом конце длинного коридора. Открыли дверь – ахнули: грязно, темно, холодно. Железная кровать в углу и два стула. Решили печь истопить, а дрова сырые, не горят, пришлось спать голодными лечь.

На другой день пришли к директору. Молчим, а у самих слезы на глазах. Увидев наши расстроенные лица, директор все сразу понял:

- Поможем!

И помог. К вечеру привезли нам на лошади кое-что из мебели, ввернули лампочку, выдали постель, а утром слышим, как в нашу дверь кто-то стучит. Открыли, а там стоит немецкий солдат с ведром извести. Поздоровался, зашел и сразу стал работать. Белит, печь замазывает – все молча делает. Видим – старается, чтобы аккуратно все получилось.

Решили мы его накормить. Сами больше питались в столовой, поэтому кроме манной крупы у нас ничего не нашлось.

Поставила воду и начала мыть пол, а кашу доверила подруге варить. Вскоре она говорит:

- Аня, каша готова. Приглашай к столу работника и сама садись. Ты же немецкий в техникуме учила, тебе с ним и говорить.

А у меня как назло слово «каша» из головы вылетело. Но он и по-русски понял. Сел за стол, молча поел, поблагодарил и ушел.

Стали и мы есть. Только проглотили по одной ложке – чувствуем, что каша какая-то невкусная получилась.

- Катя, ты ее хоть посолила? – спрашиваю.

- Нет, - отвечает, - воду-то ты ставила, я подумала, что и посолить догадалась. А солдат с таким аппетитом, что казалось – вкусно мы его с тобой покормили.

Катя бросает ложку на стол и ее заливиный смех разносится по всей комнате. В ней стало чисто и свежо, что проникший сквозь стекло солнечный зайчик долго играл на белом потолке

Прошло много лет, а я так и не забыла того солдата, который нам помогал. Ведь от всей души мы хотели тогда его накормить, вот только соль подвела.

Анна Гурчиная

Посылки

Всю свою жизнь, а мне уже 70 лет, я прожила в Магнитке. После войны мне исполнилось всего 8 лет. Помню, мать в шахте работала. Очень уставала, Придет с работы, сядет на кровать, раздеться нет сил, задремлет. Часок поспит, а за ней уже бегут – опять на работу вызывают. Только и спросит:

- На какую шахту?

- Центральную.

Их всего три было: «Центральная», «Северная», «Южная». Тут же встает и уходит. Мы больше травой питались. Вот и немцы научились траву есть, их почти не кормили.

Мать как-то рассказала, что им часто посылки из дома приходили. Только не доставались они немцам. Лагерное начальство эти посылки забирало, сами съедят, с собой унесут, детям, женам на гостинцы. Бог их простит. В трудное время каждый выживал, как мог.

Мы-то крапиву хоть с солью ели, с мукой мешали, а пленные ее просто варили. Свины такое есть не станут. Вот и умирали многие, другие бежали. Только куда бежать без документов, кругом русские. Знали, что явная смерть за такое дело. Это уже нервы не выдерживали. А каждого из дома кто-то ждал и с надеждой на их возвращение с любовью отправлял посылки.

Мария Буруздина

На пути в лагерь

На службу Владимира Михальцова призвали в Тамбовской области в 1944 году. Служить пришлось в Литве, городе Вильнусе, в войска МВД. Был обычным рядовым в должности повара. И тут приказ – сопровождать эшелон с военнопленными до поселка Магнитка, что на Урале. Ехали около месяца, часто останавливались и иногда надолго. Оружие охранников – винтовки. Ехали они в специальных тамбурах, которые находились в конце каждого вагона. Смена четыре часа в сутки, на один вагон приходилось три охранника. Им то Владимир и готовил еду.

В рационе имелись перловка, овсянка, пшенка, из жиров – комбинжир, хлеба полагалось по 600 грамм на человека в сутки, сахар выдавался на десять дней. Котелки и фляжки – по одному на двоих. Чем немцев кормили, не знаю, у них свой повар был, литовец, в кухонном вагоне готовил, на остановках еду разносил по вагонам, но, можно сказать, плохо кормили, очень мало. Из вагонов они все

это время никуда не выходили, разговаривать с ними не положено было. Лето, жара, духота в вагонах, нечем дышать.

В поселке их уже ждало рудничное начальство с вольнонаемной охраной. Построили и строем повели в гору, в лагерь. Первое время ночевали на улице в палатках. Сразу начали строить себе бараки. Фундамент из камня, а сами бараки деревянные. С ними жил переводчик, из числа их людей, по фамилии Штейнпресс. Он так и остался потом в поселке, не захотел уезжать на родину.

Сам Владимир тоже остался в Магнитке. Женился, устроился работать на шахту «Северная» крепильщиком. Чтобы не обвалилась шахта, идет впереди проходчик, за ним – крепильщик, крепя проход лесом, а потом все остальные: канавщики, лопаточники. Вот ими и работали немцы. В забое убирали руду лопатами, доставляли ее в скипах – огромных ведрах, сгружали в бункер и отправляли на фабрику. В основном мужчины трудились, женщин же работало мало, сумконосами ходили с взрывниками, переноса взрывчатку.

«Добросовестно трудились немцы на шахте, охраны там никакой не было, работали вместе с русскими в спецовках. И не различить их порой. Потом их отдельно в клетки поднимали наверх. Они мылись в бане и с охраной уже уходили в лагерь. Человек 50 их примерно насчитал для интереса. Больше года видел их на шахте. Давали им талоны за работу, как и нам. Три тысячи человек работало на шахтах, среди них и много немцев. И водопровод они прокладывали в поселке, канализацию, дома строили.

Сам я в шахте крепильщиком проработал 20 лет. Ничего жив осталось, хотя случаи бывали, что крепильщиков придавливало, - вспоминал Владимир. Помнит он и то, что однажды три немца надумали бежать из лагеря. Их тут же поймали и в карцер посадили.

Помнит он и русских военнопленных, репатриированных, которых привезли с фронта. Расквартировывали их среди жителей поселка. Ходили они без конвоя, потом, после войны, им разрешили уехать, но многие остались тут, обзаведясь семьями. И немцы ходили без конвоя, но не все, такую привилегию заслужить надо было.

Вот так, сопроводив немецких военнопленных из Литвы на Урал, он остался на уральской земле. Сейчас ему уже 82 года. Но он все еще бодр, редко болеет, хорошо помня тот месяц в пути, долгий для солдат, измученных жаждой, голодом, духотой. Тот путь пленные повторили, но уже в другом качестве.

Жизнь на чужбине

Настоящего имени его никто не помнит, звали его по-русски – Федор Иванович, а фамилию запомнили многие – Штейнпресс. Женился уже на Магнитке, на местной девушке, учительнице. Воспитывали они двух детей. Дочка Нина носила фамилию отца, а вот у сына была материнская фамилия – Бучельников. Дочь вырастит, думали, выйдет замуж, а сыну

прожить Штейнпрессом трудно, насмешек не миновать, а главное – может здорово повредить, вызвав недоверие к человеку.

Среднего роста, худой, светлорусый, работал Федор Иванович в поселке домуправом. В его обязанности входило следить за порядком в казенных домах и состоянием дворов. Человек очень добросовестный, пунктуальный, добросовестный, он с большим рвением относился к своей работе. На служебном столе у него мы видели исключительный порядок. Наши же документы иногда мы долго искали, все бумаги лежали в общей куче.

Тридцать лет он проработал на этой должности. Мусор тогда вываливали во дворах, так называемых, помойках, и Федор Иванович рьяно следил, чтобы его своевременно вывозили.

Я запомнила его всегда серьезный вид. Он никогда не смеялся, не улыбался, часто злился на людей. И люди его тоже недолюбливали, считали чужаком, иногда зло посмеивались. Русские не приучены к чистоте, для многих тогда соседство с грязью считалось нормой жизни, а этот человек приучал к порядку.

Дали ему тогда прозвище – Лямпочка. Долго, до самой смерти его так называли. Пришел он однажды в какую-то квартиру, а там лампочка не светит. Федор Иванович по-русски с акцентом разговаривал. Попросил жилец у него проводку сменить, а тот говорит:

- Лямпочку купите.

Так и приклеилось. За глаза его иначе не называли. Жил он в частном доме. Весной всегда хозяева этих домов чистят снег на крышах., иначе крышу продавит. Начал и он эту работу. Соседи видели, как он залез туда с лопатой и начал снег сбрасывать. Скользко там, того и гляди упадешь. Вот и покатился Федор Иванович вместе со снегом и лопатой вниз и сам себя останавливает:

- Тпру, тпру, - как лошадь.

Соседи смеялись от души. Все-таки упал, но ничего, как говорят, легким испугом отделался.

Рано он умер, заболел раком. Врачи долго не говорили ему настоящий диагноз, боялись расстроить. А он все травы собирал, но они не помогли.

Так он и остался у нас чужаком, которого не любили и над которым часто подсмеивались.

Надежда Махнева

Шкатулка

Мне 85 лет. Боле полувек я проработал окулистом в своем поселке. Приходилось делать очень сложные операции. Получил звание Заслуженный врач РСФСР. Это, конечно, очень почетно. Но получить в знак благодарности огромный букет цветов, моих любимых гладиолусов, от девушки, которой удалось вернуть зрение в результате сложной операции, радостней вдвойне. И таких людей было много.

Я уже давно не работаю, Мой мир замкнут

стенами дома. Со мной остались воспоминания о прошедших годах, о событиях, связанных с прошлым. О друзьях и знакомых, близких и родных, живых и умерших. Это дает мне силы встретить завтрашний день. Вещи, окружающие меня, часть воспоминаний, складывающихся в общую мозаику тех далеких лет.

Вот у меня в руках старая деревянная шка-тулка, в которой хранятся документы. Она все время стоит в моей спальне возле кровати, покрытая лаком, с незатейливой резьбой. Мастер, ее изготовивший, вырезал сверху одну единственную розу на длинном стебле с листочками от куста. Гордая роза словно спит, свернув свои нежные лепестки. Глядя на нее, как бы чувствуешь ее чудесный аромат и думаешь об искусстве человека, живущего сейчас в далекой стране.

Поменяли мы ее на хлеб у немецкого солдата. Мой покойный муж работал в то время в лагере для военнопленных. Там он подружился с немецким врачом. Тот очень хорошо разговаривал на русском языке, и они с удовольствием общались друг с другом. Приходил он к нам и домой. За чашкой чая наш гость много рассказывал о своей семье, о жене, о детях. Мечтал побыстрее вернуться к себе на Родину.

Имени я его уже не помню. Мечта нашего друга вскоре сбылась. Когда он уезжал, мой муж пришел его провожать. Перед тем, как сесть в вагон, они пожали друг другу руки, даже обнялись на прощание, пожелав друг другу счастья.

Я держу в руках старую шкатулку. Поистине золотые руки у этого мастера. И не только у него. Делали пленные у себя в лагере и другие вещи: столы, стулья, шкафы. Открыли у себя целый мебельный цех. Тем и кормились. Местные жители с удовольствием приобретали все это, меняя на молоко, хлеб, картошку.

Вот о чем рассказал мне небольшой предмет с вырезанным на крышке цветком, при виде которого оживают мои глаза. Предмет, ставший реликвией в моей семье о далеких послевоенных годах, когда я только закончила институт и приехала в незнакомый поселок. Здесь начала работать врачом, вышла замуж. Вспоминаю о семейных вечерах в кругу родных и знакомых, а так же о том враче и молодом солдате, предложившим нам в обмен на хлеб эту красивую шкатулку.

**Варвара Саблина,
заслуженный врач РСФСР**

Еще одна история

После войны в профтехучилище я освоила профессию машиниста электровоза и пошла работать на шахту. Мужу бы работать по этой специальности, а не двадцатилетней девчонке. Да где их взять, многие не вернулись с фронта. Страшновато был спускаться впервые на глубину 60 метров по крутым лесенкам, а подъем длился, как мне казалось, бесконечно.

Вагонетки, возившие руду, часто сходили с рельсов, тогда мы вдвоем с мастером, под-

пирая плечом огромную тяжесть, ставили их на место. Женщины занимались и выгрузкой руды. Огромные ее буты часто не вмещались на лопату, тогда руками сбрасывали эти глыбы в общую кучу. Присядем отдохнуть, а тут мастер бежит:

- Вставайте! Работать, работать!

Еле дождавшись обеденного перерыва, садились есть тут же на землю. Под ногами - чистая родниковая вода из какой-нибудь выбоины, макали в нее хлеб - казалось, вкуснее не бывает. И снова на работу. Фуфайки не просыхали от воды, она постоянно капала с верху.

Карточки на хлеб выдавали в подсобном помещении. Еле-еле преодолев бесконечный подъем, плетусь в подсобку. Слышу, шум стоит до потолка. Заглядываю в окно: стоит немец, а их под конвоем приводили работать на шахту, голову опустил вниз, сам щупленький, белобрысый, а перед ним мастер наш. Ругает этого немца по страшному.

- Фриц проклятый, мало вас поубивали. Сколько детей сиротами оставили, вдов сколько! И ты в наших стрелял, убью, сволочь!

Молчит немец, бледный стоит, голову опустил. Мастер, всегда спокойный, остановиться не может.

- Сын у меня погиб под Курском, может, это твоя пуля ему досталась? А? Говори, хуже будет!

Смотрю, у парня руки трясутся. Тут я не сдержалась, заступилась за него:

- Отстань от человека. Не по своей воле он на фронт пошел. В чем его вина? Гитлера надо ругать. А парень, может, приказ выполнял. За невыполнение приказа сам знаешь, что может быть.

Вроде успокоился мастер. Немец сам не свой вышел. Тут у них построение началось. Попался он под горячую руку русскому, потерявшему на фронте сына. Понять его ярость можно. Этим сына он не вернул, но хоть душу ненадолго отвел.

Панна Казарина

Рудик. История любви

Странное и загадочное это слово - судьба. Что оно таит в себе? Жизнь по заранее написанному для тебя сценарию? Тогда кто его пишет? Никогда не знаешь очередного поворота и как будто читаешь страницы книги о собственной жизни, иногда смешные, порой грустные или скучные, к сожалению, есть и наполненные драматизмом. Только вряд ли задумываешься об этом, когда сама молодость дает тебе право на счастье. А молодость Ани совпала с молодостью родного поселка. Жизнь кругом бурлила: там, где недавно стояли стройные сосны, выросли дома, появлялись школы, клуб, больница, строилась фабрика. Приезжали все новые люди и в основном молодежь.

Высокую стройную девушку трудно не заметить. Своей яркой внешностью она сразу же привораживала парней и те с трудом отводили от нее взгляд. Большие карие глаза,

тонкие брови, чуть припухшие губы, нежный овал лица, темные, коротко подстриженные волосы в сочетании с внутренней одухотворенностью, через край бьющей энергией любви, притягивали людей, окружавших ее, как магнит. В семье, где рано умер отец, где росли еще младший брат и сестра. А матери, чтобы прокормить детей, приходилось работать с утра до позднего вечера, жилось не сладко. Аня тоже работала в столовском буфете.

Послевоенная жизнь постепенно налаживалась. Возвращались фронтовики, уезжали эвакуированные, с ними делились и последним куском хлеба, и кровом.

Вот к празднику дали по карточкам продуктов на всю семью. Тяжелая сумка оттягивала руки, холодный мартовский ветерок продувал насквозь тонкое пальто, ноги мерзли в резиновой обуви.

- Вам помочь, - услышала она за спиной мужской голос и обернулась.

Аня смутилась, увидев подошедшего к ней немецкого офицера. Она его видела и раньше, при встрече с ней, он чуть заметно улыбался и кивал головой.

- Мне уже близко, - неуверенно проговорила девушка, отдавая сумку.

- Вас Аня звать, я уже знаю, а меня Рудольф, Рудольф Броуди.

И как-то сразу в голове мелькнуло ласковое, похожее на русское имя – Рудик.

С сожалением, прощаясь с ней возле дома, смущенно произнес:

- Я могу вас еще увидеть?

Сердце не в ладу с разумом, когда вот так сразу – любовь.

- Ведь чужой, зачем? – а внутри все трепещет от радости и так не хочется заходить в дом.

В большой комнате их полупустой квартиры ее, как всегда, встречает портрет Сталина во весь рост, нарисованный младшим братом Николаем, огромный до потолка. Осуждающий суровый взгляд Сталина, кажется, преследует всегда. Он напоминает ей о событиях трехлетней давности, когда она вернулась домой из Краснодара. Тогда судьба впервые столкнула ее с немцами. После встречи с Рудольфом в памяти всплыли картины тех лет.

... Молдаванин, приехавший в командировку в строящийся поселок, уговорил уехать к нему на родину. Как ни плакала мать, вышла за него замужнепокорная дочка и укатила в далекий край. Как цвели сады там весной, словно в сказочном сне, и свекровь ласково доченькой называла, мужа руках носил. Только недолгим счастье иногда бывает: умер внезапно муж и Аня решила домой уехать.

В дороге и застала ее война. На какой-то станции ее арестовали немцы, посадили в товарный вагон, который отправлялся в Германию. В вагоне оказалась не одна, ее подруга по несчастью сразу предложила бежать. С трудом, выломав доску в полу, прислушались, вроде тихо, поезд стоит. Пролезли сквозь дыру и поползли через рельсы, а потом кубарем

покатились вниз с железнодорожной насыпи. В лесочке дож

дались рассвета, а утром без приключений добрались до Краснодара. Тут девушки расстались.

Город оказался полностью разрушен. Кругом немцы. На Аню никто не обращал внимания. Стало страшно: куда теперь – без документов, без денег, в одном-единственном платье. Вот оно лицо войны. На каждом шагу встречались виселицы. Жуткие картины почерневших трупов

мужчин преследовали целый день. Страшно хотелось есть. По дороге в город перекусила несколькими яблоками. Остановившись отдохнуть, увидела, как полицейские вели пожилого мужчину. На груди у него висела табличка «Партизан». Вешали его полицейские из местных, подобострастно глядя на стоящих рядом немцев с автоматами. При виде агонии умирающего, ей стало плохо.

Прислонившись к стене дома, случайно увидела на нем объявление «Требуется официантка в ресторан». И тут же адрес. Решила пойти туда рано утром, а вдруг повезет. Другого выхода не было. Ночь провела в сквере на лавочке среди густых зарослей акации. От утреннего холода проснулась. Отыскала нужную улицу, которая оказалась рядом. Увидела надпись «Ресторан».

Здесь уже собралось много девчат. Они стояли молча, стараясь не глядеть друг на друга. Спустя некоторое время из дверей вышел немец. Придирчиво оглядев девушек, он неожиданно подошел к Анне и, указав на нее пальцем, коротко произнес: «Ты!» Остальные понуро разошлись.

Ресторан оказался небольшим, чистым и уютным внутри. Обслуживали в нем только офицеров. Комнатка возле кухни, где она должна была жить, вмещала лишь кровать и тумбочку. Повар, здоровый краснощекий немец, хорошо говорил по-русски и объяснил, что работать придется много. Ее обязанности: посуда, пол и, конечно, разносить посетителям заведения заказы. Он дал ей день отдохнуть и привести себя в порядок. Аня, добравшись до кровати, свалилась от усталости. Рано утром услышала стук в дверь: «Пора вставать».

Работы она не боялась. Главное выжить, не умереть от голода на чужой стороне, вернуться к родным. Как они там? Живы ли? Скорей бы закончилась война!

Офицеры вели себя спокойно, культурно, вежливо и почти с ней не разговаривали. Они видели в ней только официантку, добросовестно исполнявшую свою работу. Только один майор смотрел на нее особенно пристально. От его взгляда холодело внутри.

В один из вечеров, когда уже почти все разошлись и ресторан опустел, он попросил Анну подойти к нему, пододвинул ей стул:

- Пожалуйста, сядь.

Недоумевая, девушка присела на край стула, наблюдая, как майор полез к карману и достал оттуда фотографию. С выражением грусти

и душевной боли он протянул ей снимок.

- Это моя дочка. Как ты на нее похожа!

Аня так не думала, глядя на чужое лицо, но майора ей почему-то стало жалко. Она молча отдала фотографию.

- Извини, когда вижу тебя, вспоминаю ее. Не знаю, когда смогу вернуться и вернусь ли?

Майор тяжело встал и пошел к выходу.

Что скажешь в ответ? Не так уж он хотел воевать, этот майор, и совсем не питал ненависти к русским. Не думала девушка, что придется ей обратиться вскоре к этому человеку за помощью.

Утром, как всегда, ефрейтор, притащил воду. Видя, что на кухне никого нет, он с силой притянул Аню к себе. С трудом вырвавшись из его цепких объятий, она выбежала на улицу.

Вечером, когда вновь за своим столиком сидел майор, не спеша доедая ужин, Аня подошла к нему сама.

- Мне очень нужна ваша помощь, - проговорила она несмело, убирая со стола грязную посуду.

- Я постараюсь, - улыбнулся он, - только в чем дело.

- Ефрейтор, он, - упавшим голосом произнесла девушка.

Майор понял с полуслова, покачал головой.

- Ничего не бойся, - сказал он, вставая, - Этот человек ничего плохого тебе больше не сделает.

Ефрейтор исчез сразу на следующее утро, а вместо него появился другой солдат, молча выполнявший свои обязанности. Увидев в этот день майора, Аня благодарно кивнула ему. А он, правда, принес ей вечером носки и смущенно попросил заштопать. Наступал Новый год. Лица немцев становились все озабоченнее. Взрывы слышались почти рядом, в душе поселилась надежда, и даже сырость и слякоть последнего дня уходящего года не могли испортить хорошего настроения.

Плотно завесив шторами окна, Аня накрывала столики. Она торопилась. Еще надо было успеть привести в порядок свое единственное платье из модного в те времена штапеля, на ткани которого красовались вместо узоров надписи «СССР».

Кажется все готово. Собравшиеся офицеры начали открывать шампанское, разговаривая все громче и громче. Ей трудно стало успевать их обслуживать. В мыслях, наверное, каждый из них был дома, среди родных и близких, также как она. И вдруг зазвучала русская музыка. От неожиданности она чуть не уронила поднос. Это включил кто-то радио за крайним столиком. Один из офицеров пригласил ее на танец.

- Спасибо, - удивленно улыбнулась девушка, - я не работаю.

- Это ничего, - с акцентом произнес тот, подавая ей руку, - сегодня праздник. Всего один танец.

Звучала музыка, одна мелодия сменяла

другую, и один партнер другого. Так прошла эта необычная ночь. Офицеры разошлись уже под утро.

А вскоре Краснодар освободили, и дорога домой стала открытой. Где только не пришлось Анне ехать: и в переполненных вагонах на верхней полке, в товарняках, на попутных машинах. Война еще не закончилась, и ей чудом удалось добраться до родного Урала. Такой неожиданной стороной обернулась ей война, не давшая возможности выбора, но предоставившая шанс уцелеть, вернуться к родным, которые уже не надеялись ее увидеть живой.

Мать тихо плакала от радости, утирая слезы платком, брат и сестра, оба выросшие, похорошевшие, с восторгом и любовью смотрели на старшую сестру. Семья еле-еле перебивалась и, чтобы выжить, даже брат подрабатывал: продавал свои рисунки. Таким талантом наградила его природа и сейчас Анна с интересом рассматривала их. Вспоминали и свой домашний оркестр: гитара запела в руках брата, нежно ей ответила мандолина под пальчиками младшей сестры, балалайка в руках Ани подхватила веселую мелодию «Барыни». Спать легли под утро, и, засыпая, счастливая, дала себе слово больше никуда не уезжать.

Кто бы мог подумать, что пришлют в их поселок военнопленных немцев и встретит она среди них того, кто заставит ее сердце так бешено колотиться. Уезжая из Краснодара, она думала, что никогда немцев больше не увидит.

...Встречи становились все чаще. Душа замирала от счастья, то болезненно сжималась от мысли, что впереди предстоит разлука. Пока старалась об этом не думать. Даже в таком большом поселке ничего от людей не утаишь. Но не пугали ее косые взгляды, не обижалась на мать, которая вскоре обо всем узнала.

- Ты что, доченька, делаешь? Тебе русских парней не хватает? Что люди скажут? Стыд какой! - выговаривала она, в сердцах гремя посудой.

Но ноги сами несли Аню на свидания.

Рудольф любил рассказывать о своей стране, городе, где он жил, о родителях, о которых очень переживал. Мечтал побыстрее вернуться домой, и Аня его хорошо понимала, зная что такое жизнь на чужбине. Иногда он заходил к ней домой. Брат с сестрой радовались его приходу, а мать больше молчала, переживая за дочь. За разговорами время проходило незаметно. В редкие вечерние прогулки, ласково обнимая девушку, учил ее немецкому языку. У Ани иногда что-то сжималось внутри.

Вот и сегодня душа у нее не на месте. Только что прошла гроза. Воздух был увлажнен дождем, пахло первыми весенними листьями. Так хотелось быть счастливой в этом мире, но судьба, поманив счастьем, тут же отнимает его. Они стояли возле танцевальной площадки. Мелодия вальса пьянит и становится немного завидно парам, кружащим в его ритме. У них

все гораздо проще. В порыве грусти Рудольф неожиданно спросил:

- Ты приедешь ко мне? Ты мне нужна.

В душе появилась надежда.

- Мы напишем в Москву, обязательно напишем. Если бы не война! – с горечью произнес он.

- Если бы не война, мы бы не встретились, - мысленно подумала Аня.

При расставании он поцеловал ее, и Аня, уходя, сказала себе:

- Как жаль, что скоро этот вечер превратится в воспоминание.

Вскоре объявили пленным о дне отъезда. Ее Рудик был счастлив, когда говорил об этом. Он стал таким близким и родным за эти два года, что казалось, она знает всю его жизнь. Душа так просила счастья, а получила боль. Но Аня старалась этого не показывать. В толпе отъезжающих она искала его лицо. Он, увидев Аню, замахал ей рукой, а потом подошел. Она смотрела на него, стараясь запомнить каждую черточку, и ждала, что он скажет.

- Я люблю тебя, Аня, - он произнес эти слова так тихо, но они для не прозвучали как гром среди ясного неба.

- Спасибо, Рудик.

- Это тебе спасибо, Анечка, за то, что ты есть.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а в голове только одна мысль: «Я его никогда больше не увижу».

- До свидание, - проговорил он, - до свидание!

Она кивнула, прощаясь, он повернулся и пошел к поезду. Затем замедлил шаг и обернулся. Это был последний прощальный взгляд перед разлукой. Все расселись по вагонам, поезд медленно тронулся, выпуская клубы дыма. Аня с тяжелым сердцем смотрела ему вслед, ведь он уносил в далекую страну ее несбывшееся счастье.

Впереди ждала целая жизнь, наполненная заботами, горестями и печалью. Ее душевной щедрости хватало на всех. Всегда в ее доме кроме вкусных пирогов, которые никто не умел так печь как она, каждому еще находилось доброе слово.

Больше всего на свете она любила лес. Особенно, когда на поляне - белоснежная скатерть и дымится самовар, вдыхаешь аромат заваренной травы и наслаждаешься его запахом, незамысловатая еда кажется самой вкусной, а рядом бидоны, наполненные крупной земляникой. Яркие пестреют цветы, не смолкает пение птиц, в тени берез прохлада. И, сидя так с друзьями и сестрой, словно что-то предчувствуя, она говорила:

- Неужели придет день, когда я не увижу больше такой красоты?

Этот день пришел и для нее, но для многих она осталась в памяти живой, ведь человек живет столько, сколько о нем помнят.

«АРИСТОКРАТКИ»

Воспоминания анонима (из фонда В.Г. Борисова)

Эту историю мне рассказал кто-то из работников управления нынешнего

металлургического комбината. За давностью лет фамилию рассказчика стерлось в памяти. Встречаясь с трудармейцами, я хотел найти подтверждение этой истории, но мои собеседники не знали этого. До сих пор питаю надежду на встречу с очевидцем этой истории.

Осенью 1943 года на строительство Челябинского металлургического завода прибыло несколько сотен немцев. Это был необычный строительный десант, состоящий из жен и дочерей высокопоставленного германского начальства, приехавших отдохнуть в Кисловодск. На Северный Кавказ они приехали в легких изысканных костюмах, не предвидя изменчивости судьбы.

Но наши войска стремительно овладели северокавказскими горами и «курортницы» оказались в тылу наших войск. Сопровождавшие конвоиры почему-то называли их «пленными», хотя женщины не собирались воевать, они лишь по описи считали курортные города Союза Германских территорий. «Строительниц» поселили в отдельных домиках, хотя и огорожены колючей проволокой. Им выдавали лагерную форму и попросили на следующий день выйти на работу, дочери великой Германии начали

по-своему выражать протест.

Утром поверх своих курортных нарядов были надеты бушлаты, на замысловатых шляпках красовались желтые русские платки. Этот ироничный вид вызвал у лагерного начальства улыбку, но женщины проявили свой характер, они отказались работать, заявив: «Мы не когда не работали в Германии и не собираемся этого делать здесь, а кормить вы нас просто обязаны».

На следующий день бунтовщицы заявили: «Еще немного и война кончится. Вся Россия даже за Уралом окажется германской. Ведь Москва и Ленинград давно взяты, разве не так? Доблестные немецкие войска, захватывая города скоро подойдут у Уралу». При этих разговорах они показывают свой халеные руки с накрашенными ногтями, давая понять, что скоро немецкие офицеры им будут целовать руки. Уезжая на отдых, они везли с собой дух победы, которым была пропитана их сторона. Гебельсовская пропаганда делала свое дело, они были дочерьми великой Германии. Рабочих рук на стройке не хватало, но бунтовщиц не трогали, скорее их одаривали двусмысленными улыбками. Они не знают, с кем имеют дело, это было их пробелом в их мировоззрении. Так прошло несколько дней. Потом начальства

поступило просто: вместо 800 граммов хлеба, положенных по норме работающим, им стали выдавать по 300 как иждивенцам. Прошла неделя, потом другая и вот несколько человек попросились на стройку.

За ними пришли и остальные. «Белая кисть» и «голубая кровь» трудились на разных объектах, но в основном на кирпичном заводе: стояли у смесительных агрегатов, формовали кирпичи, закатывали в вагонетки обжиговые печи. Работники ОТК не имели никаких претензий к качеству кирпича, видимо, сказалась врожденная немецкая аккуратность. Немки не только добросовестно трудились за советский рабочий паек. Вдобавок они узнали, перевыполнившим норму выдавали добавку.

Делегация отправлялись к начальству: «Мы тоже хотим участвовать в соревнованиях!». Так появились номера «аристократических» бригад на доске трудовых показателей. Дамы высшего света стали говорить о перевыполнении со-

ветского плана, изыскивать резервы производства, в холеных руках появилась российская цепкость. Бывшие бунтовщицы стали устраивать собрания, подводить итоги, приглашать на них руководителей участников, обсуждая график работы, за бестолковость требовали наказать виновных. Появление бригады или отдельной фамилии на доске передовиков вызывало радость, званием ударницы гордились.

Через год они стали, похоже на россиянок, так же стояли в очереди за зарплатой и продуктами в магазинах. С них, как и с наших рабочих вычитали за жилье, питание и спец-одежду. Они, так же как и наши трудармейцы получали из дома небольшие посылки и почту, видимо, через Красный крест. Старались поделиться съестным, показывали фотографии родственников, детей радовались, когда русские проявляли к ним интерес.

«Аристократки» свободно передвигались по территории завода и поселка.

Приказ начальника УНКВД ЧО за 1945 год

Содержание: по личному составу

От 31 декабря 1945 г. № 474 г. Челябинск

Зачисляются: Лейт. Терехов Алексей Матвеевич начальником лаг. Отделения № 26 лагеря № 102 с 01.10.45.

Налож. адм. взыск.: За избиеение немки Дадцихле вахтера раб батальона при шахте № 201 – Романовского М. И. арестовать на 20 суток, а потом из органов уволить. Арест отбыть при адм. камере УНКВД.

Подпись: зам. начальника УНКВД ЧО подполковник Буторов

(А.Ф. Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. 4 том. Стр. 20)

Валерий Еремин

ФРАУ РОДОМ ИЗ ЛАГЕРЯ

Через 50 лет на Урал приехали немецкие женщины, интернированные сюда во время Великой Отечественной войны

Со школьной скамьи нам известно, что во время Великой Отечественной войны немцы угоняли на работу в Германию тысячи мирных жителей из нашей страны. Однако ни в школе, ни в других учебных заведениях нам не говорили, что, в свою очередь, советское государство, вступив войсками на территорию Германии, интернировало тысячи немецких девушек и женщин для тяжелой работы в Союзе.

Честно говоря, я узнал об этом случайно: недавно вместе с ребятами из Потсдамской гимназии имени Лейбница, уже несколько лет сотрудничающей с миасской школой № 26, прилетела группа пожилых немцев: двое мужчин - бывшие военнопленные и три женщины, некогда интернированные и отправленные на Южный Урал. Вместе с ними приехала дочь одной из этих женщин, родившаяся в 1947 году в Карабаше, в лагере для военнопленных, и журналисты Второго немецкого телевидения,

снимающие фильм на эту тему, до сих пор закрытую для широкой общественности.

С Виктором Бройером, в третий раз посетившим Миасс, где он когда-то работал на автозаводе в числе пленных немецких солдат, случилась беда: с инсультом попал в больницу, после чего немедленно был отправлен домой. Остальные гости съездили из Миасса в Копейск, Коркино, Карабаш и Аргаяшский район, где пятьдесят с лишним лет назад принудительно работали в шахтах и на полях.

Я встретился и поговорил с ними. Понять друг друга нам помогла Мария Осиповна Райзинг, председатель Миасского городского объединения немцев «Возрождение». Довольно раскованные, обаятельные, жизнерадостные фрау охотно отвечали на вопросы, надеясь, что российская пресса, наконец, напишет о замалчиваемых у нас сторонах войны.

Ельга Бергау:

- Войдя в наш город, советские солдаты без

особого разбора забирали девушек и женщин от 16 до 30 лет, садили в машины и увозили на железнодорожную станцию. Потом нас везли в поезде, в вагонах для скота, где было душно от неимоверной тесноты, сыро, грязно. Кормили очень плохо, насильовали и издевались над нами. Наш эшелон, в котором было около двух тысяч интернированных, выгрузили в Челябинске, откуда одних направили работать в угольные шахты, других - на металлургические предприятия, третьих - на рудники. Я попала в Копейск. Жила вместе с другими в специальном лагере для интернированных. Здесь отношение было нормальное: никто нас не трогал. Работали в шахтах вместе с русскими, в том числе женщинами, только нормы у нас были другие и кормили нас скудно. В лагере то и дело умирали: от тифа, дизентерии, просто от голода. Потом нас перевезли в Карабаш работать на медном руднике. Жили в лагере вместе с пленными солдатами. Тут больше было порядка и свободы. А главное - лучше питание. Нас кормили кашами, супами с капустой, нередко давали рыбу. Тут многие из нас нашли своих будущих мужей. Вернулись на родину в 1949 году, проработав в Советском Союзе четыре с половиной года.

Ганс Виманн:

- Я был бригадиром у этих женщин. Их заставляли выгружать из вагонов лес для шахты, вывозить поднятую вверх землю тачками, загружать и толкать вагонетки. Очень тяжелая работа. Причем устанавливались высокие нормы, за невыполнение которых урезали хлебный паек. Я, как мог, старался смягчить условия работы женщин, и они это хорошо помнят. Мужчины жалели их, но мало что могли сделать, имея свои завышенные нормы.

Гешель Вальтраут:

- Когда родилась Карин, она сразу стала любимицей всего лагеря. Подневольные рабочие поднимались из шахты, и я, работавшая после рождения дочери медсестрой, выходила встречать их с ребенком на руках. Это здорово поднимало их настроение. Мужмой вернулся в Германию позже нас с Карин, его отправили после Карабаша работать в Воркуту.

Карин Момзень преподает в школе. Она очень рада, что приехала в Россию. В ее заграничном паспорте в графе для места рождения записано: Карабаш, Урал.

- Вот и увидела место, где родилась, куда

стремилась попасть с тех самых пор, как впервые услышала рассказ матери про свою тяжелую молодость, - говорит она. - На месте лагеря сейчас пустырь. Очень бедный город, хотя стоит на богатой рудами и драгоценными металлами земле.

Но в целом впечатление от посещения Карабаша у немцев хорошее. Они встретились и обменялись сердечными приветствиями со старожилками, которые помнят работавших у них немцев. Была устроена теплая встреча в городской администрации, глубоко тронувшая гостей.

Встречи с пожилыми жителями, помнящими интернированных немецких женщин, прошли также в Копейске и Коркино. Немцы съездили и в Аргаяшский район, где одна из этих женщин, Элигарт Кребс-Пахали, искала свою бывшую бригадиршу из русских. Хотела обнять и поблагодарить за доброе, сестринское отношение в те тяжелые годы.

Еще мои собеседницы попросили поблагодарить через газету руководителя совместного российско-германского предприятия «Лига» Андрея Рязанова, помогшего им совершить эту поездку. Разрешения на нее пришлось добиваться в российском Министерстве иностранных дел.

Ингеборг Якобс, режиссер Второго немецкого телевидения:

- Как тележурналист я не первый год работаю в России. Сейчас собираю материал об интернированных немецких женщинах. Сделали с оператором съемки в Копейске, Коркино, Карабаше. Тема до сих пор в России закрыта. Если о военнопленных можно получить в российских архивах практически любой документ, об интернированных - ничего. Как будто их не было, хотя, только по собранному мною сведениям, таких насчитывается более 200 тысяч. Они использовались на тяжелых работах на Урале, в Сибири, других районах вашей страны. Многие умерли там от голода и страшных болезней.

Они приехали на Южный Урал освободить душу от груза тяжелых воспоминаний, увидев другую Россию и другое к ним, немцам, отношение. С неподдельной искренностью говорят, что не держат обиды на русских, очень признательны за радушие и содействие в их миссии.

Валерий Еремин

В РОССИИ «СОЛДАТЫ РЕЙХА» ПРОКЛИНАЛИ ВОЙНУ

В Карабаше до сих пор с теплотой вспоминают немецких военнопленных и интернированных из Германии женщин.

Старшеклассники и педагоги миасских школ N 24 и N 4 побывали в Карабаше с целью найти следы лагерей политзаключенных и немецких военнопленных. С ними съездил в «экспедицию» и корреспондент «Челябинского рабочего». Поиск был непростой, поскольку краеведением в городе мало кто серьезно занимается (даже музея нет). Нам помогли журналисты «Карабашского рабочего» и бывший библиотекарь Анна Кузьминична Ходова. А также приехавшие из Миасса вместе с членами экспедиции Михаил Григорьевич Никулин и Людмила Николаевна Бурзаева, детьми жившие в карабашском поселке спецпереселенцев.

Лагерь политзаключенных

В историко-просветительском музее, созданном миасским «Мемориалом» при школе N 24, на видном месте – увеличенные копии рисунков Виктора Гребенникова, художника, известного общественности своими образительными «свидетельствами» позорных страниц отечественной истории – политических репрессий и ГУЛАГа. К слову: этого участника и своеобразного летописца национальной трагедии, опубликовавшего в начале 90-х годов в журналах свои рисунки и воспоминания, южноуральцам открыла вместе с «Челябинским рабочим» журналистка Светлана Миронова.

В 47-м году 20-летний Виктор Гребенников жил в Миассе, служил делопроизводителем. Он собрался ехать в Ашхабад для работы в астрофизической лаборатории, а денег на билет не было. Чертежным пером скопировал несколько талонов на хлеб – для продажи. За это получил 20 лет лагерей. «Мотать срок» начал в Карабаше, в лагере, где находились вместе уголовники и «враги народа». С ужасом замечал, как быстро пустеют нары в бараке, как быстро они заселяются новыми зеками. Тяжелая работа в медном руднике без надлежащего питания косила заключенных нещадно. Почти каждую ночь трупы вывозили за пределы «зоны» и сбрасывали в отвал выработанной шахты. Гребенников повезло: его определили в столовую. Но и это не спасало: довольно скоро угодил в «нулевку» (категория истощенных до предела, больных и неработоспособных). Выкарабкаться помогли эстонцы, жившие в отдельном бараке. От них он получал кусочки хлеба за карандашные портреты, которые «замечательные натурщики», как он пишет, каким-то образом переправляли на волю.

Об эстонцах, осужденных по 58-й статье, Гребенников отзывается с большим уважением: они держались дружно, сплоченно, так же отбивались от «урок».

В своих воспоминаниях Гребенников признается: раза три в неделю ему снятся кошмарные сны. Чаще всего карабашский лагерь «Первомайка» с его начальником Дураковым (подлинная фамилия), у которого было хобби вести счет расстрелянных за попытку побега. Зная эту «слабость» начальника и потрафляя

ему, охранники время от времени выбирали жертву и посылали за чем-нибудь из расположения бригады. Едва несчастный оказывался в стороне, по нему стреляли.

Рабский труд зеков использовали также на торфоразработках и в кварцевых карьерах. Последние сейчас наполовину заполнены водой. Дорогу к ним нам показала Анна Кузьминична Ходова.

– Молоденькой девушкой я работала здесь табельщицей, – рассказала она. – Вместе с местными жителями вручную добывали кварц и заключенные, которых приводили под конвоем. Среди них было немало хороших, грамотных людей, в том числе военных. Одним из бригадиров работал учитель, с ним мне по делу приходилось общаться.

А вот Людмила Николаевна Бурзаева припомнила такую ужасную ее картину:

– Истощенные, ослабевшие, они еле шли, а конвоиры кричали на них, подгоняли прикладами. Того, кто останавливался, жестоко били.

Среди рисунков Гребенникова есть карта-эскиз Южного Урала с расположением на ней лагерей ГУЛАГа. Вокруг Карабаша – три соответствующих значка. Мы не нашли следов этих лагерей. Остатки последних барачных снесли, как нам сказали, несколько лет назад.

Рядом с вышками художник рисует другие символы, именуемые в расшифровке человекомогильниками. Их два, что соответствует воспоминаниям художника: сначала покойников сбрасывали в шахту, потом в другом месте зарывали в землю. Мы пытались отыскать эти «братские могилы», но безуспешно. Надеемся, что пока. Таких Золотых гор, что на окраине Челябинска, на территории области немало. Было бы благим делом начать разыскивать их и в память о невинно убиенных ставить хотя бы скромные кресты.

Лагерь военнопленных

Старожилы рассказывают, что в Карабаше было два лагеря немецких военнопленных. Один, со строгим режимом, – для гестаповцев. Другой – для рядовых солдат и интернированных женщин.

Военнопленные (а среди них были не только немцы, но и румыны, венгры) работали в основном в шахте. Карабашец Гузаир Гизбулович Куштанов в интервью местной газете отозвался о них так:

– Хорошие были мужики, спокойные, уравновешенные. И работали очень хорошо. Со многими мы были в дружеских отношениях. Один немец даже подарил мне шубенки, я очень долго носил их. Все они проклинали войну.

Работая маркшейдером, Куштанов натолкнулся на папку с архивными документами. Были среди них описания несчастных случаев. По ним он восстановил 37 фамилий погибших в шахте немцев. Пытался этот список пере-

дать в немецкое посольство в Москве – не удалось.

Другой старожил Карабаша, Григорий Кузьмич Чернов, 15-летним пареньком конвоировал бригаду из 50 немцев, работавшую на ремонте школы. С бригадиром Адольфом, неплохо говорившим по-русски, подолгу доверительно беседовал. И с другими членами бригады юный конвоир (с берданкой и тремя патронами!) имел хорошие отношения. Нередко немцы приглашали его к нехитрому обеденному столу. Бывало, охранник, будучи уверенным, что «подопечные» не подведут, отлучался с объекта. Если к концу смены опаздывал, немцы строились в колонну и шли к лагерю. Не доходя, останавливались, ждали парнишку, переживая за него.

Половину бригады составляли девушки и молодые женщины, интернированные из Германии. Работали немки также на поверхности шахты, на полях соседних с Карабашом совхозов.

– Помню, как шли они колонной – исхудалые, но стройные, красивые: с прическами, с накрашенными губами, – говорит Михаил Григорьевич Никулин.

Интернированных немок помнят многие карабашцы. Галина Константиновна Старикова, работавшая кладовщицей в лагере военнопленных, в своих воспоминаниях называет их искусными мастерицами, а также добрыми, отзывчивыми женщинами. Они подарили ей красивое платье.

Нынче летом в Карабаше побывала группа пожилых граждан Германии: бывшие пленные солдаты и интернированные женщины (об этом «Челябинский рабочий» писал в материале «Фрау из лагеря» 14 августа). Фрау Карин Момзень родилась в Карабаше в 1947 году. Ее

отец Гешель был старшим по лагерю. На днях от этих женщин в Карабаш пришла посылка с вещами, сшитыми в российской неволе. Вместе с воспоминаниями на немецком языке – для создания музейного уголка...

Очевидцы тех событий из числа местных жителей восторгаются цветочными клумбами, украшавшими территорию лагеря. А бывшая заведующая детским садом Валентина Михайловна Соломонова до сих пор с теплотой вспоминает о том, какие замечательные игрушки из дерева для карабашских детей мастерили военнопленные. Приезжая за ними в лагерь, удивлялась обустроенному быту немцев, порядку и чистоте везде, даже в конюшне и сарае для свиней.

На месте лагеря военнопленных стоит сейчас современный микрорайон. Где было кладбище немцев – гаражный кооператив. Их уцелевшие соотечественники намерены в центре микрорайона установить стелу в память о «карабашской странице» послевоенной истории Германии. В связи с этим горько думать о том, что никакого памятника тысячам наших политзаключенных, прошедших через лагерь Карабаша, здесь не предвидится. А ведь условия содержания и труда были куда тяжелее, судьбы – куда трагичнее:

Поселок спецпереселенцев

Рядом с лагерем военнопленных находился поселок раскулаченных. От него сохранились полуразрушенные бараки на улице Школьной (в них до сих пор живут потомки спецпереселенцев). История возникновения этого и множества подобных поселений на просторах бывшего Советского Союза не менее трагична. Но это – тема отдельного разговора.

ПРИКАЗ

начальника у правления НКВД ЧО за 1945 год

Содержание: о поощрении вахтера лагеря № 68 Трупенсказ Бронислава.

От 30 августа 1945 г. № 068 г, Челябинск

19 августа 1945 года в 22.30 из зоны 2-го лагеря № 68 совершили побег военнопленные немецкой армии Нызкен Гермут Герман и Маркс Людвиг, пройдя незамеченными зону лагеря, военнопленные намеривались произвести ограбление центрального вещевого склада управления лагеря, но благодаря бдительному несению караульной службы вахтером Трупенсказ последние были замечены. С целью задержания бежавших военнопленных Трупенсказ применил оружие, выстрелом из винтовки одного военнопленного убил и второго ранил.

Приказываю:

За хорошее несение караульной службы и проявленную бдительность вахтера Трупенсказ премировать месячным окладом.

Приказ объявить всему личному составу управлений лагерей военнопленных, интернированных и рабочих батальонов.

Подпись: начальника управления НКВД ЧО
Генерал-майор Павлов

(А.Ф.Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. Часть 2)

НЕМЕЦКИЙ КВАРТАЛ МАГНИТОГОРСКА

Перед Вами так называемый Немецкий квартал. Отчетливо видна отделка диким камнем. Когда то давно это был один из самых престижных районов города.

По своему красивая архитектура вряд ли кого оставит равнодушным, тем более что каждый дом не похож на соседний, то есть создан по индивидуальному проекту. В настоящее время чертежи многих домов утеряны и в случае проведения капитальных ремонтов многие замеры приходится проводить заново.

Почти мистика - кошки Старого города. Эти важные создания совсем не похожи на своих собратьев, обитающих в подвалах хрущевок и девятиэтажек. Самое первое, что бросается в глаза, это габариты представителей семейства кошачьих. Они значительно больше, чем у представителей других районов. Многие из этих кошек на самом деле домашние, они просто выходят погулять, благо архитектура позволяет, а потом возвращаются к своим хозяевам.

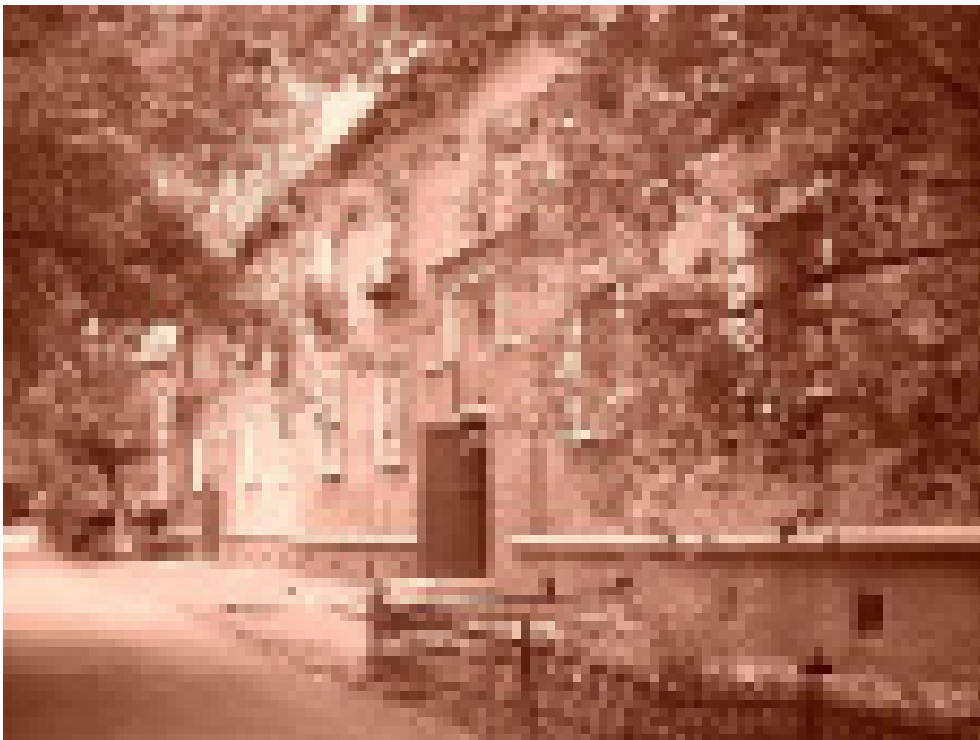
Немецкие мотивы в архитектуре. Сейчас это кажется почти привычным, но во времена строительства это было диковиной. Только что окончилась война и в этом районе был построен лагерь для немцев - военнопленных.

Несмотря на свой статус, немцы строили очень качественно, как для себя, не допуская никаких отклонений от технологии. Первая же суровая уральская зима стала испытанием для домов немецкого квартала, которую те с достоинством выдержали.

Сейчас в нашем городе трудно найти место, которое бы могло сравниться своим обаянием с уютными дворишками Немецкого квартала. Стоит сказать, что еще совсем недавно эти дворы стали приходить в упадок, однако новая администрация Магнитогорска нашла возможности привести Немецкий квартал в порядок и сейчас постепенно уходят в прошлое отваливающиеся части лепнины и декоративных элементов. Можно сказать, что у квартала сейчас второе рождение (или возрождение), кому как нравится.

Эта арка с виду ни чем необычным не отличается, однако она находится посередине пешеходной улицы пересекающей весь квартал. У пешеходной улицы даже нет названия, это просто вытянутый в линию проход, на который нанизаны дома с арками и колоннами, а венчает этот архитектурный ансамбль небольшой сквер с красивейшей аркой, находящийся сразу после пересечения улицы Уральской.

Декоративные элементы в виде колонн на пешеходной улице. Вид со стороны детской площадки, восстановленной в последнее время. На переднем плане клумба, великолепно стилизованная под окружающую архитектуру.

В последнее время мода на объединение целых площадок в одну огромную квартиру дотянулась и сюда. Сейчас многие небольшие дома выкуплены либо полностью, либо целым этажом. Стоит сказать, что при проведении работ внешне сохраняется и даже подчеркивается уникальный дизайн зданий.

И все таки дизайн Немецкого квартала уникален. Дома которые, как кажется, сошли со старинных картин, очень органично пережили замену деревянных окон на современный пластик и ничуть от этого не потеряли. Можно сказать что эти дома являются настоящими архитектурными шедеврами. Они существуют как бы вне времени.

Можно только посоветовать в погожий день прогуляться по этим улочкам. Те, кто оказался там впервые, могут получить массу впечатлений.

Приказ начальника УНКВД ЧО за 1946 год

Содержание: об изъятии контингента интернированных из рабочего батальона № 1079 от треста «Коркиншахтстрой» и передачи последнего другому хозоргану с изменением дислокации батальона.

От 31 января 46 г. № 09 г. Челябинск

Произведенным обследованием от 04.10.45 года, 18.10.45 года, 24.10.45 года установлено, что контингент интернированных рабочего батальона содержится в антисанитарных жилищно-бытовых условиях.

Дирекцией треста «Коркиншахтстрой» контингент теплой одеждой и обувью не обеспечен, обменного фонда нательного белья нет, и контингент проходит санитарную обработку без смены белья, в результате имеется большое количество кожных заболеваний. Питание неудовлетворительное, систематически интернированные не получают продуктов питания, вследствие всего этого контингент рабочего батальона деградирует, увеличивается заболеваемость дистрофией и смертность значительно возросла. Если с дистрофией в августе было 19 человек, то в декабре эта цифра увеличилась до 65 человек. Если смертность в августе составляла 4 человека, то в декабре она составила 9 человек.

Несмотря на неоднократные предупреждения хозоргана положение не только не улучшается, а с каждым днем ухудшается. Учитывая необходимость сохранения указанных контингентов и в соответствии с директивой Народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника тов. Круглова № 16 от 10.01.46 года

ПРИКАЗЫВАЮ:

Весь контингент интернированных вместе со штатом рабочего батальона № 1079 от треста «Коркиншахтстрой» изъять и передать другому хозоргану согласно моим указаний.

Командиру рабочего батальона ст. л-ту Пантелееву подготовить штат рабочего батальона и всего контингента интернированных для переброски.

Начальнику ОПВИ УНКВД ЧО м-ру Тюрину обеспечить выполнение приказа.

Подпись: зам. начальника УНКВД ЧО подполковник Буторов

(А.Ф. Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. 4 том. Стр. 30)

Валерий Еремин

БЫВШИЕ ПЛЕННЫЕ – О ЛАГЕРЕ И ЛЮБВИ

«Челябинскому рабочему» передали письмо из Германии - от одной из героинь материала об интернированных женщинах

В материалах «Фрау из лагеря» (14.07.2000 г.) и «В России «солдаты рейха» проклинали войну» (8.12. 2000 г.) «Челябинский рабочий» рассказал об интернированных немецких женщинах, работавших в конце Великой Отечественной и в первые послевоенные годы на шахтах в Карабаше. О тяжести подневольного труда, добрых отношениях с местными жителями, о любви, встреченной в лагере немецких военнопленных, вспоминали пожилые фрау, приезжавшие прошлым летом в Миасс. С ними были телевизионщики Второго немецкого канала и дочь одной из интернированных - Карин Момзень, родившаяся в Карабаше в 1947 году.

Напомним: гости из Германии побывали в Карабаше, где искали следы лагеря и беседовали со старожилами. Властям города они пообещали собрать и прислать деньги на сооружение детской площадки на месте лагеря, где находились вместе с пленными солдатами.

Недавно известили: деньги собраны, готовы эскиз и проект. Обещали прислать в подарок местному музею сохранившиеся вещи и документы лагерного времени. И это сделали.

Статью в «Челябинском рабочем» об интернированных немках в Германии прочитали с интересом. С приехавшими в Миасс туристами автору и газете передали благодарность и послание одной из героинь публикации - Хильдегард Пахали. Отрывки из письма (с сокращением и правкой) привожу ниже.

«Любовь началась на Урале». «В Карабаше в лагере познакомились военнопленный и сосланная» - так 50 лет назад писали немецкие газеты. Тяжелая принудительная работа на шахте заставила меня забыть годы беззаботной юности. Но в то тяжелое время судьба подарила мне первую любовь - к юному военнопленному. Когда познакомились, оба были наголо обстриженные, в вонючей одежде и замызганных телогрейках. После освобождения я еще пять лет ждала возвращения из России будущего мужа. В нашей семье в разговорах по сей день

часто вспоминается Карабаш.

Город этот, отложивший отпечаток на всю мою жизнь, стал целью нашего с подругами по лагерному прошлому путешествия в июне 2000 года. Сначала мы побывали на шахтах, на которых работали. Теперь одни стоят закрытые, о других напоминают лишь развалины. Сильно обветшали деревянные дома, нет запомнившихся орнаментов на оконных ставнях. Старые женщины (я думаю, они только выглядят так), сидевшие на скамейках у своих домов, охотно вступали с нами в разговоры. Некоторые хорошо помнят лагерь, где содержались военнопленные и сосланные. Называли даже имена. У одной женщины заблестели глаза, когда она рассказывала, как некий Курт помог ей сделать пристройку к дому.

Мэр и депутаты пригласили нас на прием в городскую администрацию, где был накрыт стол. Пригласили также горожан, кто хоть что-то помнит о немецких военнопленных.

Пришли сыновья охранника и работника магазина, женщина из обслуживающего персонала лагеря, переводчик и рабочий шахты. С последним я пела песню из немецкого фильма «Танцующий конгресс», знакомую многим пожилым русским.

Там, где был наш лагерь, стоит новый жилой район. Мэр, с сожалением, сообщил, что на этом месте строители натолкнулись на массовое захоронение. Несомненно, это были могилы военнопленных. От карабашцев последовало предложение возвести здесь памятную стелу. Мы, в свою очередь, предложили соорудить на деньги, которые соберем и пришлем, игровую детскую площадку. В знак примирения с лагерным прошлым.

Думая о той войне, запрещаю себе испытывать вину перед русскими и винить их. Простые люди - русские и немцы - не виноваты друг перед другом».

Исправительная колония №6 (ФКУ ИК-6)

В годы Великой Отечественной войны в Копейске дислоцировалась группа лагерных отделений № 8,9 и11 для военнопленных и интернированных. После войны на территории 8-го лагерного пункта для военнопленных образовалась исправительно-трудовая колония. Официальной датой образования учреждения является 26 сентября 1948 года. Тогда приказом МВД СССР № 001155 лагерное отделение №9 было реорганизовано в режимное лагерное отделение с лимитом наполнения 1100 военнопленных.

В то время учреждение состояло из нескольких зданий барачного типа, в которых размещались осужденные. На территории учреждения располагались котельная, деревообрабатывающий цех и старая камера для просушки древесины. Объект ДОО в те времена принадлежал тресту «Челябинскшахтстрой». Собственных лесных складов у предприятия не было, древесина подвозилась с ближайшей железнодорожной станции гужевым транспортом.

<http://фсин.рф/territory/Chelyabinsk/structure/ik6.php>

Виктор Чигинцев

И ПРАХУ ПАВШИХ ПОКЛОНИТЬСЯ

Неправда, что газеты живут один день. Напомню читателям о двух публикациях, напечатанных в «Копейском рабочем» 20 февраля 2004 года («Жизнь в жанре приключений солдата Швейка») и 19 мая 1999 года («Хотят ли пленные войны?»).

Позже поясню, какая между ними связь. А пока изложу текст ксерокопии акта, написанного 17 января 1946 года: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о том, что сего числа произвели захоронение интернированной Литдке Кристель Фриц, по национальности немки германского подданства, умершей в городской больнице Копейска. Труп захоронен на площадке шахты № 204». Акт подписали начальник штаба лейтенант Максимов, начальник по материальной части младший лейтенант Павленко и командир роты младший лейтенант Андрейченко.

Это один из документов учетного дела на интернированную Кристель Литдке. Есть опросный лист, свидетельство о смерти и акт. И есть учетное дело Иды Адольф Литдке – мамы

Кристель. Это ксерокопии документов из архива № 0/59551 главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Под грифом «Совершенно секретно» чернеет оттиск печати «Рассекречено».

Сейчас поясню, как на редакционном столе появились эти документы. В Копейск приехал мой старый приятель, в прошлом талантливый учитель физики школы № 24 Петр Михайлович Шифельбайн. Вот уже 15 лет он живет с семьей на родине предков в Германии (публикация «Жизнь в жанре приключений солдата Швейка»). Но приехал не один, а с другом, 39-летним немецким инженером-автоэкспертом, чье имя – Бьёрн Литдке. Сразу по приезду они с головой окунулись в поиски могилы или каких-либо «следов» родной тети Бьёрна – Кристель Литдке. Время неумолимо. Племянник Бьёрн прожил в два с лишним раза дольше, чем успела прожить его тетя Кристель. Как-то странно называть ее «тетей». С фотографии, которую Бьёрн привез с собой, смотрит юная девушка, едва переступившая порог совершеннолетия.

Снимок черно-белый, но в графе «словесный портрет» есть отметки: рост – средний, цвет волос – русый, лицо – овальное, глаза – синие. Такой была немецкая девушка Кристель с синими глазами, которая с 1933 по 1941 годы училась в школе, а с 1941 по 1945 работала в прислугах у помещика.

Будучи интернированной, свое совершенное летоие встретила на подземной горизонте угольной шахты Урала. Неизвестно, кто больше накопал угля – советские интернированные и военнопленные на шахтах Рура или немецкие интернированные и военнопленные на шахтах Урала. Журналист Игорь Винк, написавший книгу о советских репрессированных немцах, утверждает, что в годы войны в Копейске работали 20 тысяч немцев. В своем детстве я знал нескольких бывших военнопленных немцев, женившихся в плену и не пожелавших вернуться на родину в Германию. И подруга моей жены – дочь военнопленного. Прошли годы, и они, обрусев, мало чем отличались от советских тружеников. Разве что дядя Герман, живший в домах-крышах поселка шахты № 205. Он отличался высоким баскетбольным ростом, неизменной кепкой с длинной тульей и привычкой подбирать окурки. Нагибаться при его росте было трудно, и он элегантно накалывал окурки на трость с острым шильцем на конце. Давно этих немцев нет в живых. А вот отец Бьёрна, 80-летний бюргер Хайнц жив, бодр. В прошлом унтер-офицер пятой танковой армии вермахта, он был трижды ранен, воюя под Минском, Ковелем, в Восточной Пруссии. Остался живым, попав в плен к нашим союзникам-американцам. Его мать Ида Адольф после смерти дочери тяжело болела, но копейские врачи спасли ей жизнь. Похоронив на чужбине дочку, она не теряла надежды встретиться с мужем, двумя сыновьями и 15 июля 1947 года ее дело было «закончено в связи с отправкой на родину». Бьёрн сказал, что бабушка Ида, прожив 80 лет, умерла в 1986 году.

Гости Копейска Бьёрн Литдке и Петр Шифельбайн вели поиск могилы Кристель в режиме жесткой экономии времени, поскольку Бьёрну дали в фирме только две недели отпуска. Предпринимая попытки что-либо разузнать о местонахождении могилы Кристель, они посетили больничный и городской архивы, кладбища, бюро технической инвентаризации, администрацию города, поселки бывших шахт № 201 и 204, редакцию газеты. В поселке шахты № 204 побеседовали с шахтером-пенсионером Александром Давыдовичем Вайнбергером. Ему сейчас 85 лет, в войну работал в забоях шахты № 204, бригадирствуя над интернированными немцами. «При норме 3,5 тонны угля в смену они всегда ее выполняли, - вспоминает старый шахтер. - Отлично работали девчата, получая в сутки по 600 граммов хлеба и чашку супа». Но тетушку Иду и ее дочь Кристель старый Вайнбергер не помнит. Но точно знает, что в акт захоронения вкралась ошибка. «В районе промплощадки нашей шахты № 204 захоронений не было. Всех немцев хоронили на городском

кладбище и неподалеку от кладбища поселка шахты № 201», - сказал он и попросил Бьёрна передать привет бывшим узникам копейских шахт. Вдруг кто-нибудь вспомнит молодого и крепкого Сашу Вайнбергера.

Пожалуй, больше всего Бьёрну и Петру повезло в редакции «Копейского рабочего». В музее газеты, прилежно полистав подшивку за 1999 год, они нашли публикацию «Хотят ли пленные войны?» Речь в ней шла об исследованиях представителя международной ассоциации «Военные мемориалы» в Уральском регионе профессора В. Мотревича, приезжавшего в наш город. В одном из своих писем к главе города Михаилу Конареву профессор изложил просьбу об оказании помощи в подготовке документации и предоставлении в постоянное пользование земельного участка под обустройство кладбища иностранных военнопленных. В той давней уже публикации бывший председатель комитета по земельным ресурсам и землеустройству Владимир Шелехов так комментировал ситуацию: «В Копейске известны два таких участка – на центральном кладбище в районе поселка Горняк и на кладбище в районе шахты «Центральной». По просьбе ассоциации мы завершили оформление этих старых и, в общем-то забытых мест захоронений в бессрочное и бесплатное пользование. Не берусь судить о численности похороненных военнопленных, но в одном из писем профессор Мотревич упоминает о 272-х захоронениях только в районе шахты».

Да, профессор приезжал в Копейск и лично обследовал этот участок. В протоколе обследования есть запись: «Кладбище расположено севернее поселка шахты «Центральной», рядом с гражданским кладбищем. В настоящее время на месте кладбища огороды и пустырь». К публикации прилагалась схема местности. Лично меня смущает одно обстоятельство. В графе о состоянии захоронений подчеркнута фраза: «сохранились полностью». Что имел в виду профессор? Время давно стерло могильные холмики. В Германии, и я видел это своими глазами, места захоронений наших соотечественников, похоже, никогда и не забывались. Многие могилы с именами и датами находятся в комплексе гражданских кладбищ. Все они ухожены, конкретизированы, находятся в идеальном состоянии. Говорят, таковые сейчас есть и в России. Недавно, например, прочитал в одной из центральных газет о величественном мемориале павших на поле боя венграм, сооруженном в Воронежской области. Он, кстати, сравнивается с мемориалом нашим воинам. Вод Воронежем погибло 600 тысяч советских солдат и офицеров, но наш мемориал во всем проигрывает венгерскому.

Можно задаться вопросом: зачем это надо? Прошло много лет, пора бы все забыть! Но зачем тогда принимаются правительственные соглашения между главными «инициаторами» войны Россией и Германией, а также постановления Правительства РФ, в частности,

«О подписании соглашения между Правительством России и Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной республике Германии» и «О мерах по реализации межправительственных соглашений об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных захоронений в Российской Федерации». На эту же тему принималось постановление губернатора Челябинской области.

Память нетленна. Это надо не мертвым, это надо живым. И ни годы, ни расстояния не послужат преградой человеческой памяти.

Главное впечатление инженера из Германии Бьёрна Литдке – гостеприимство копейчан, их готовность помочь в поисках могилы девушки с синими глазами по имени Кристель. Время не сохранило могилу, но с места захоронения Бьёрн увез на родину горсть уральской земли.

Приказ начальника УНКВД ЧО за 1945 год

Содержание: об изъятии интернированных из рабочего батальона № 1080 от треста «Копейскуголь» и передачи последнего Карабашскому медеплавильному заводу, с изменением дислокации батальона.

Подпись: зам. начальника УНКВД ЧО подполковник Буторов

(А.Ф. Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. 4 том, Стр. 19)

Виктор Чигинцев

ПОИСК ПРИВЕЛ В КОПЕЙСК

Провинциальный сюжет

По электронной почте пришло сообщение из Германии. Недавний гость Копейска, инженер-автоэксперт Бьёрн Литдке («Праху павших поклониться», публикация от 24 мая 2006 г.) сообщил, что благополучно вернулся домой на родину, и приступил к работе. Тешит себя надеждой, что на зимние каникулы снова приедет в Копейск.

Чем понравился Бьёрну провинциальный шахтерский город, где в далеком 1945 году была предана земле его родная, интернированная на Урал, тетьа Кристель Литдке? И было тете всего 18 лет. Ответ один: город понравился радушием, гостеприимством, отзывчивостью и состраданием его жителей к чужой боли.

В своем послании Бьёрн сообщил, что в Германии, вернувшись из Копейска, ему удалось через газету «Восточно-Прусский лист» получить снимок шахты № 204. Этот снимок он так и не смог отыскать в Копейске и сейчас обещает прислать его в редакцию «Копейского рабочего». Ведя поиск места захоронения своей тети, синеглазой девушки Кристель Бьёрн с другом Петром Шифельбайном побывали в бюро технической инвентаризации и узнали адрес барака, где в войну жили тетьа с бабушкой, фрау Идой Литдке. Барак в поселке 20-й шахты, ответшав за прошедшие десятилетия, еще стоит, но его жители ничего не помнят об интернированных немецких женщинах. Друзья

побывали в архиве шахты «Центральной», в комитете архитектуры, где им показали старую карту Копейска. Посетили горбольницу, музей ФСБ, администрацию, где пообщались с главой округа Михаилом Конаревым. Особую признательность Бьёрн выразил журналистам «Копейского рабочего». Бьёрн лично отыскал в подшивке газеты за 1999 год, в номере от 19 мая, публикацию «Хотят ли пленные войны?» К публикации прилагалась схема захоронения военнопленных и интернированных немцев поблизости от кладбища поселка 201-й шахты.

Наконец, Бьёрн побывал на предположительном месте захоронения своей тети Кристель. Сюда по узкой кладбищенской дороге его привез директор МКП «Ритуальные услуги» Александр Лейкер. Он и показал место захоронения. К сожалению, родного холмика на русской земле Бьёрн так и не увидел, возложив цветы, опоясанные ленточками с надписями на родном языке, на свободном пятачке земли. «Если все получится, - сказал Бьёрн, - приеду 17 января 2007 года на 60-летие тетушки Кристель». Вернувшись домой, Бьёрн Литдке выступил по местному телевидению, тепло отозвавшись о Южном Урале, о Копейске, выразив сердечную благодарность всем копейчанам, кто помогал в поиске. На родину он привез видеofilm о достопримечательностях Копейска и с удовольствием показывает его родным и друзьям.

Приказ начальника УНКВД ЧО за 1947 год

Содержание: о ликвидации рабочего батальона интернированных № 1651 в г. Уфалее.

От 4 августа 47 г. № 00195 г. Челябинск

На протяжении длительного времени, контингент интернированных в рабочем батальоне № 1651 физически ослабевал и деградировал. Систематически росла заболеваемость и смертность.

Специальной комиссией было установлено, что указанное обстоятельство явилось результатом, в первую очередь, нерадивого отношения к интернированным со стороны хозоргана – Уфалейского никелевого завода, который не обеспечил, ни нормального питания указанных контингентов, ни создал им надлежащих бытовых условий, ни правильного трудового использования из на производстве.

В результате явилась необходимость отправки на Родину свыше 450 человек интернированных, совершенно не пригодных для трудового использования по их физическому состоянию.

Одновременно явилась необходимость также через Челябинскую областную прокуратуру возбудить уголовное преследование против администрации Уфалейского никелевого завода...

ПРИКАЗЫВАЮ:

Рабочий батальон № 1651 при Уфалейском никелевом заводе Минцветмета – расформировать.

выявленный контингент военнопленных численностью 226 человек перевести в ближайшее лагерное отделение.

Весь остальной контингент интернированных перевести в рабочий батальон № 1083 при Потанинском кирпичном карьере строительства № 859 Министерства внутренних дел.

...

Подпись: нач. УНКВД ЧО генерал-майор Павлов

(А.Ф. Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. 4 том. Стр. 43)

Ирина Велембовская

УРАЛЬСКИЕ ПЛЕННИКИ

Отдельные главы из романа «Немцы»

Ирина Александровна Велембовская (урождённая Шухгальтер) родилась 24 февраля 1922 года в Москве. Отец – Александр Александрович Шухгальтер, по образованию юрист, работал заведующим книжным магазином; в 1938 арестован за «злостную контрреволюционную агитацию» и осужден на 5 лет, освобожден в 1946, реабилитирован. Мать – Анна Игнатьевна Фиделли, директор библиотеки им. Герцена.

В 1941 году была репрессирована. Окончила курсы медсестёр, сменила множество рабочих профессий. Провела пять лет на Урале, работала на лесоповале вместе с угнанными во время войны из Трансильвании гражданскими немцами (о чем был написан роман «Немцы», издан в 2002 году).

В 35 лет поступила в Литературный институт им. Горького, окончила заочно в 1964 году. Печаталась с 1961 года, член Союза писателей СССР (1966), автор книг и сценариев к кинофильмам «Женщины» (в 1966 году, по одноимённому рассказу), «Сладкая женщина» (в 1976 году, по одноимённой повести), «Молодая жена» (в 1978 году, по мотивам рассказа «За каменной стеной») и др.

Скончалась в Москве 14 марта 1990 года. Похоронена на Головинском кладбище.

10

Третьего мая рано с утра Лаптев заступил на дежурство. Обойдя лагерь и проверив выход на работу, он сел в комендатуре, положил перед собой большой русско-немецкий

словарь и, вооружившись карандашом, начал заниматься. Но заниматься ему пришлось недолго. Раздался прерывистый телефонный звонок. Лаптев взял трубку.

Заглушаемый шуршанием далекий голос тревожно кричал: - Дежурный по батальону?

Совхоз говорит... Немцы у нас пропали. Двое... Никак не найдем, приезжайте сами. Сами, говорю, приезжайте...

Лаптев швырнул трубку. Быстро спрятав книгу, приказал начальнику караула собрать всех офицеров, а сам принялся крутить ручку телефона, чтобы вызвать с квартиры Хромова.

Комбат еще спал, когда его разбудил телефонный звонок. Выслушав Лаптева, Хромов крепко выругался, вскочил с постели, оделся и, в свою очередь, начал крутить ручку телефона.

- Конный двор! - зычно кричал он в трубку. - Лошадей мне надо! Понимаете, лошадей штук пять и желательнее с седлами. Немцев ловить. Немедленно высылайте!

Встревоженный голос отвечал, что лошадей свободных только три, да и то одна раскована.

- Подковать! - кричал Хромов. - Вы с меня голову снимаете!

Через полчаса к лагерю пригнали четыре лошади. Только две из них были под седлами.

- По коням! - скомандовал Хромов, с которого все еще не слетел праздничный хмель. - Оружие со всеми?

- Ты это зря, Михаил Родионович, - тихо сказал Лаптев. - Не надо шума этого поднимать. Возможно, что и немцы-то уже на месте.

Но комбат, не обращая внимания на Лаптева, достал револьвер и помахал им в воздухе.

- За мной! Расстреляю, как собак!

- Что ж, мы без седел, что ли, поскачем? - недовольно спросил Звонов, косясь на понурого сивого мерина, на котором облезлая шерсть висела ключьями.

Мингалеев, скаля зубы, ухватил за гриву лошадку-монголку и, бросив на спину лошади шинель, вскочил без седла.

Лаптев с трудом влез в седло: раньше ему никогда не приходилось ездить верхом. Хромов молодецкато поскакал вперед; остальные с трудом поспедали за ним, особенно Звонов на своем Бурае, еле переставляющем ноги и мотающем головой на каждом шагу. Саша потихоньку бранился, потом, разозлившись, слез с лошади и, бросив ее на дороге, пошел пешком.

До совхоза было около четырех километров, дорога шла низким заболоченным местом. Лошади разбрызгивали жидкую грязь. Наконец вдали показались совхозные постройки. Чернела распаханная земля, трещал трактор. Немки в красных юбках таскали на носилках навоз в парники. Хромов, обрызгав немок грязью, влетел на всем скаку в ворота.

- Где ваши люди? - не здороваясь, резко спросил он у директора совхоза, полного лысого старичка с хохлячками висячими усами.

- Во-первых, здравствуйте, - обидевшись, сказал старичок. - И кричите вы зря: народ на поиски послан. А, кстати, я за охрану и не отвечаю. Я вас предупреждал. Скажите спасибо, что я в такое горячее время людей с

работы снял и гоняю по лесам. Вон вас косою десяток прискакал, вы и ищите!

Директор достал трубочку и принялся раскуривать. Хромов, не ожидавший такого отпора, немного сбавил тон и попросил сказать, кто именно из немцев бежал, откуда и в какое время. Директор кликнул девчонку, одетую в непомерно большую телогрейку с подвернутыми рукавами.

- Ну-ка, Маруська, расскажи товарищам офицерам, как немцев упустила.

- Да я только отошла... Мы мох драли для телятника, - девчонка хлюпнула носом и поспешно утерлась рукавом, - я только за жилицей отлучилась, за березовым соком... воротилась, а их уже нет, лопаты валяются. Я уждумала, не заблудились ли... Орала-орала, бегала-бегала ...

Хромова как прорвало:

- Да ты знаешь, сопливая ты дура, что я тебя под трибунал подведу? Какое ты имеешь право немцев одних оставлять? Вас что, не инструктировали?

Девчонка покосилась на комбата и заплакала.

- Как зовут немцев-то? - спросил Звонов. - Небось, из моей роты?

- Один Сутер Хвердинал, другой Сутер Герник, - просопела Маруська. - Злючие оба такие, вредные, прямо страсть. Я еще утром заметила, что у них котомки за плечами. Спросила: зачем, мол, волокете? А они уставили на меня свои шары и молчат, как убитые...

- Ну, ясное дело - побег! - резко оборвал Хромов. - Разве вам разрешали людей на работу с вещами выводить? Я с вас теперь с живых не слезу! - и, обратившись к девчонке, приказал: - Указывай дорогу!

Все поехали за провинившейся Маруської. Дорога уперлась в густой еловый лес, почти затопленный водой. Хромов велел ехать всем в разных направлениях, и сам свернул влево. Лошадь под Лаптевым была хорошая. Недаром на ней все последние годы ездила Татьяна Герасимовна. Но он чувствовал себя в седле очень неуверенно и не мог ехать рысью. Ельник скоро кончился, и начинался болотистый молодой березняк. Вода хлюпала под копытами. Лаптев озяб от майской утренней сырости. Скоро он встретился с возвращающимся Хромовым: дальше ехать было нельзя - путь преградило болото. Офицеры взяли правее и поехали рядом. Лес сменился редколесьем, показалась крупная каменистая гора. Отыскав тропинку, они поднялись на гору. По другую сторону опять раскинулся мелкий заболоченный лес. Вдали виднелась узкая полоска железной дороги.

- Туда, небось, и махнули, - зло сказал Хромов. - Дурака я навалял: нужно было звонить в ближайшую колонию и вызывать собаку.

В это время из-под горы донесся тоненький, но звонкий голос:

- Дяденьки, айдайте сюда! Словили немцев, ведут.

Кричала Маруська. Комбат плюнул, повернул лошадь и поскакал назад. Лаптев осторожно

спускался по крутой каменистой тропе. “Не испортить бы лошадь...” - думал он, крепко натягивая поводья. Но лошадка ступала осторожно: она привыкла путешествовать по лесам.

К совхозу из небольшой рощицы двигалась группа людей. Впереди шла все та же Маруся, виновница происшествия. В руках у нее был увесистый березовый посошок, и весь вид ее, начиная от вылинявшей пилотки на голове и кончая огромными кирзовыми сапогами, из которых один просил каши, был очень воинственный.

- Вот, уж будет вам, паразиты! - шептала она, оглядываясь на немцев, которых сопровождали женщины и подростки. - Из-за вас, сволочей, комбат ваш изматюгал меня ни за что, ни про что.

Немцы шли молча, подталкиваемые своими конвоирами, а как увидели офицеров, побледнели еще больше и поплелись совсем еле-еле. Лаптев, посмотрев на беглецов, был просто поражен их видом: бемы, готовясь к побегу, даже не догадались сменить свой национальный костюм, так резко отличающийся от русского. На что они могли рассчитывать, не зная ни слова по-русски, без хлеба и денег, в незнакомой им местности, в такой огромной стране, как Россия, по которой, куда ни пойдешь, все леса да болота?

Хромов сверкал глазами и неистово нахлестывал лошадь, словно собираясь растоптать немцев. Звонов тащил свою лошадь под уздцы. Монголка Мингалеева была мокра по самое брюхо, в сапогах у него переливалась вода.

Немцев привели в совхоз.

- Запереть пока куда-нибудь, - приказал Хромов и пошел переобуваться.

Суттеров заперли в сарай, где лежали груды поломанного инвентаря: лопат, граблей, тяпок. Обсушившись и немного отдохнув, комбат велел открыть сарай.

- А ну, выходи! - скомандовал он немцам.

Суттеры вскочили, и старший загородил собой младшего. Хромов шагнул вперед, схватил за шиворот старшего Фердинанда и выкинул наружу, следующим пинком он направил туда и Генриха.

- Не нужно их бить, - остановил комбата подоспевший Лаптев.

- Не учи! - выдернул руку Хромов. - Я их сейчас отправлю в Могилев!

Лицо комбата задергалось, рука никак не могла расстегнуть кобуру. Немцы в ужасе замесались. Лаптев встал между ними и Хромовым, а Звонов и Мингалеев схватили комбата.

- Отойдите все! - рычал Хромов. - Стрелять буду!

Вмешался испуганный директор совхоза. Сильными стариковскими руками он ухватил обоих Суттеров, втолкнул их обратно в сарай и запер. Потом спокойно сказал своим солидным баском:

- Вы у меня на территории совхоза убийства не устраивайте. Ведите к себе в лагерь, там и расправу чините. А то вы здесь остальных

немцев перепугаете. Разбегутся, опять искать придется, - и крикнул стоящему неподалеку немцу-подростку: - Ванюшка, веди лошадей товарищам офицерам!

Иоганн, переименованный в Ванюшку, робко подвел лошадей. Комбат сел в седло и приказал Звонову и Мингалееву:

- Доставить в целости!

Он дернул лошадь за поводья и умчался.

Немцы, конвоируемые Звоновым и Мингалеевым, шли, повесив головы и спотыкаясь. Младший Суттер часто падал, то ли обессилев, то ли от отчаяния. Звонов, потеряв терпение, слез с лошади.

- Садись, гад, симулянт проклятый! Эдак вас, чертей, до ночи в лагерь не доставишь!

Суттер Фердинанд повернул к офицерам свое бледное и грязное лицо с воспаленными, полными слез глазами.

- На Романия жена, цвей маленький...- он показал два пальца.

- Иди, иди, фашист! Мало ли что жена да цвей маленький! Пришло бы время, и катись ты к своим маленьким. А самим бегать незачем.

Фердинанд поплелся дальше, по-прежнему спотыкаясь и плача, а его брат болтался в седле, как тряпичная кукла.

По прибытии Суттеров тут же посадили в карцер. О первом побеге знал уже весь лагерь. Немцы пребывали в страхе, помня обещание хауптмана, что все будут отвечать за одного. Наступил вечер. Люди робко шмыгали по двору, ожидая грозы. Не слышно было аккордеона, никто не собирался на танцы. Около столовой не толпились бемы в предвкушении отбросов. Граур бродил мрачный, злобно что-то ворча под нос.

В девятом часу вечера комбат явился в лагерь. Двор моментально опустел, немцы разбежались по комнатам.

- Сгоняй всех до единого во двор! - приказал комбат Грауеру. - Живо! - и тон его не предвещал ничего хорошего.

- Ахтунг! Алле хинаус! - разнеслось по лагерю.

Немцы выбегали во двор и строились по ротам около первого корпуса. Комбат прохаживался, сурово поглядывая на них, и молчал. Остальные офицеры мрачно переминались с ноги на ногу. Когда все были построены, Хромов дал знак вооруженным охранникам. Через несколько минут они привели еле-еле передвигающих ногами Суттеров. Легкий гул пробежал по рядам немцев. Комбат приказал поставить беглецов к забору. Немцев охватил ужас. Кто-то воскликнул:

- Не расстреливайте их! Это бесчеловечно!

Комбат ничего не понял, но грозно поглядел в ту сторону, откуда послышался крик. Наступила полная тишина.

- Грауер, - громко сказал Хромов, - спроси их, что, по их мнению, нужно сделать с этими двумя гадами?

Грауер немедленно перевел слова комбата.

- Простите их! - раздались женские голоса.

- Отпустите нас домой, тогда не нужно будет нас ловить!

- Отпустите! Мы не хотим больше на вас работать!

Лаптев видел: это кричала вторая рота. Бемы оцетинились, лица были злыми, серыми. Плакали крестьянки; беспомощно, жалко выглядели подростки. Первая рота угрюмо молчала.

Комбат, которому Грауер поспешил перевести то, что кричали бемы, жестко отчеканил:

- Не хотите работать, так я вас заставлю! С сегодняшнего дня я с вами нянчиться прекращаю. Никаких танцев, вертоплянцев, музыки и тому подобного. Подъем, вместо шести, в пять. Не выполняющих норму - без разговора в карцер. В город на базар не отлучаться ни на одну минуту. Писем не разрешаю. Все! - и указав пальцем на Суттеров, закончил: - А этих подлецов - в карцер на десять суток. Двести грамм хлеба и стакан воды. Остальным разойтись!

Немцы побрели по своим комнатам, не глядя друг на друга. Звонов, шагая со своей ротой, угрюмо бормотал:

- Псих... развел панику, - а, увидев толпу бемов в коридоре, заорал: - Идите спать, дьяволы косолапые! Из-за вас весь сыр-бор разгорелся. Молчали бы, лучше бы дело-то было.

Лаптев прошел за Хромовым в комендатуру. Комбат нервно теребил усики и барабанил пальцами по столу.

- Пересолил ты немного, Михаил Родионович, - сказал Лаптев, садясь. - Насчет беглецов, в общем, правильно. Многовато только десяти суток, хватило бы и пяти. А касательно остальных мер, по-моему, зря. Не озлобляй ты людей, которые, в общем, не виноваты.

- Все они одним духом дышат! - никак не успокаивался комбат. - Видал, как волками смотрели? Того гляди, сожрут!

- Далеко не все. Не стриги ты всех под одну гребенку. Плохие настроения во второй роте, это верно. Надо срочно заняться ею, разъяснить этим дуракам всю нелепость побегов. Одним словом, нужно нам усилить разъяснительную работу.

- Желаю успеха! - иронически заметил комбат. - Только черного кобеля не отмоешь добела. И я прямо тебе скажу, политрук: молиться нам на них нечего! Чем меньше мы их отсюда живых выпустим, тем лучше! Это мое глубокое убеждение, и не советую тебе меня больше агитировать.

На следующий же день забор вокруг всего лагеря обвили свержу колючей проволокой, а на вышках выставили вооруженных часовых, которые должны были теперь дежурить круглые сутки. На работу немцев стали выпускать только

под расписку сопровождающего.

Пятого мая при штабе батальона было созвано совещание по поводу организации охраны интернированных немцев. На совещание были приглашены все руководители, бригадиры и сопровождающие немцев на работу. К немалой досаде комбата оказалось, что большинство из них составляли женщины и подростки.

- Ну, и охрана! - заметил он тихо Лаптеву. - Как до сих пор все немцы не разбежались?

Когда все собрались, комбат стал говорить о той исключительной персональной ответственности, которую несет каждый за доверенных ему немцев, о том, какие меры он должен принимать, если будут замечены попытки к бегству.

- А если немец побег, мне за ним бежать или остальных караулить? - спросил мальчишка-подросток, который водил немцев на строительство шоссейной дороги.

Комбат сделал свирепое лицо.

- Сколько тебе лет? Кто тебе немцев доверил? Что у вас в транспортном с ума походили, что ли?

- Да у нас в транспортном почти одни бабы. Они с немцами не хотят. А я немцев строго держу, - солидно сказал мальчишка.

Послышался смех, да и сам Хромов против воли улыбнулся.

- Наступила весна, - продолжал он. - Опасность побегов увеличивается. Сейчас уж, поди, не один немец в дорогу собирается. Вы ни на минуту не должны выпускать их из поля зрения. Никаких самовольных отлучек с рабочего места. Кто не подчиняется, рапорт мне. Я с ними управлюсь.

- Стыда с ними не оберешься, - заметила пожилая женщина в белом платочке. - Поминутно до ветру. А ведь мы - женщины. Не следом же идти. Это ужиздевка над нами получается... Что мужики наши убитые, так мы лучшей работы не заслужили?

Комбат закусил губу, сделав вид, что не слышал последнего замечания.

- Надеюсь, каждый из вас понял свою задачу? На виновных в допущении побега будет наложено строгое взыскание вплоть до суда.

- Не пугай ты людей, - подтолкнул комбата Лаптев.

Тамара сидела в уголке. Она только что вернулась из леса, усталая, в тяжелых мокрых сапогах. Все собрание она промолчала, исподлобья поглядывая на Хромова.

- Ну, что скажешь, Черепанова? - обратился к ней комбат, - у тебя ведь самый трудный участок. Как думаешь организовать дело?

- У меня оно и так организовано, - устало ответила Тамара. - Кому не доверяю, за тем слежу, а остальные и без охраны работают.

- Как же это ты знаешь, кому можно доверять, а кому нельзя? - с ехидством спросил Хромов.

- По работе видно. Я вам так скажу: чем строже с ними, тем скорее они бежать соберутся.

- Ну, лаптевская выучка! - развел руками

комбат. - Ты еще молода, Черепанова, мало каши ела, чтоб такие выводы делать.

Тамара встала, забрала свою сумку и пошла к двери:

- Сами их тогда и стерегите!

Комбат закрыл совещание. По дороге в лагерь спросил Лаптева:

- Ты что все время молчал?

- Молчал потому, что не во всем с тобой согласен. Что жмы наши разногласия будем, как сор из избы, выносить?

Хромов промолчал и только у самого лагеря заговорил снова:

- Я вижу, эта Черепанова под твоим влиянием находится. Ужне влюбилась ли в тебя, а?

- Ну, знаешь! Она же совсем девчонка.

- И хорошенькая девчонка! - комбат даже языком цокнул. - Шустренькая, люблю таких... Познакомил бы меня с ней поближе.

- Да ведь ты женат, - даже опешил Лаптев.

- Ну, подумаешь... - ничуть не смутился Хромов. - Жена где-то за тридевять земель, считай, что почти холост.

- Оставим этот разговор.

Вечером, возвращаясь домой, Лаптев прошел мимо окон Татьяны Герасимовны, в которых еще горел свет. Он остановился. После минутного колебания откинул крюк на калитке вошел во двор. Домик был маленький, всего в три окна, с низеньким крылечком. Во дворе было чисто замечено, аккуратно сложена большая поленица дров. В стойле шумно жевала корова.

На стук вышла сама Татьяна Герасимовна в безрукавной старой ситцевой кофтенке, тесной в плечах и груди. Увидев Лаптева, она метнулась в избу, схватила большой платок и накинула на плечи.

- Я некстати? - здороваясь, спросил Лаптев. - Вы уже спать ложитесь?

- Какое там спать! - отозвалась Татьяна Герасимовна. - Мать с ребятами легла, а я, было, хотела за дела садиться. Чаю не хочешь? Самовар еще не простыл.

Он поблагодарил и отказался, в горнице сел напротив нее и смущенно улыбнулся. Она усмехнулась тоже.

- Аль случилось чего?

- Ничего не случилось. Просто шел мимо; настроение у меня было паршивое, хотелось с кем-нибудь поговорить, совета спросить... Вот, и зашел к вам.

- Нашел у кого совета спрашивать, - она покачала головой. - Вся моя наука - три класса ликбеза с грехом пополам. Тебе ли со мной советовать: ты ученый, образованный человек, небось, институт закончил?

- Закончить-то закончил, но мудрость человеческая не институтами измеряется.

Татьяна Герасимовна слушала Лаптева, а он от нее глаз не мог отвести, так нравилась она ему в этой домашней кофточке и мягком платке на плечах. Он немного подвинулся к ней, покосившись на соседнюю комнату.

- Я вас очень уважаю, вы хорошая, Татьяна

Герасимовна... Я вам сейчас все расскажу.

Лаптев, торопливо и волнуясь, стал рассказывать ей о своих постоянных разногласиях с Хромовым, о том, как они разно понимают вопрос о немцах, как трудно им поэтому работать вместе. Она слушала внимательно.

- Да что тебе Хромов? - сказала наконец. - Как об этом деле выше-то понимают?

- Найдутся такие и выше, что Хромова поддержат.

- А ты все равно не поддавайся, Матвеевич, - понизив голос, посоветовала она. - Немцы тоже ведь люди. Дело ли это? Намедни вижу: Хромов твой посередеь дороги немца остановил, кулаками машет, матом садит, - она задумалась вдруг, а потом уже веселее добавила: - А с другой стороны, скажу тебе, Матвеевич, есть за что Хромова и похвалить. Человек он дельный. В лагере у вас чистота, порядок, люди на работу выходят без проволочек, дисциплина неплохая. Так ведь?

- Это верно, - с удовольствием согласился Лаптев. - И человек он, заметьте, честный: уж он государственной копеечкой не воспользуется, надо отдать справедливость.

- Вот ты и попробуй с ним еще раз поговорить по-хорошему. Вода мельницу ломает. Главное, голову не вешай. Так ведь, брат Матвеевич?

- Так, - согласился Лаптев и подвинулся к ней еще ближе.

Она прищурила глаза, спросила удивленно:

- Ты чего это?

Лаптев смутился.

- Вы на меня не сердитесь, что я пришел?

- Чего жсердиться? Заходи во всякое время. К тому же, знаешь, мое дело вдовье, - Татьяна Герасимовна засмеялась тихонько. - Шучу, шучу, приходи запросто.

В сенях Лаптев пожал ее теплую, мягкую руку и очень неохотно ушел. Она постояла немного на крылечке, кутаясь в платок и глядя в холодную весеннюю темноту.

11

Утром чуть свет Тамара повела немцев к драге «Изумруд» доканчивать постройку лотка. Было ясно, холодно, седой иней покрывал уже просохшую землю. Немцы шагали быстро, чтобы согреться. Миновали поселок, вышли на берег Чиса и направились кратчайшим путем прямо к драге. Послышался резкий прерывистый гудок, возвещавший окончание ночной смены. Пока спускались по крутому склону, от драги отчалила и поплыла к берегу лодка, с которой доносились веселые голоса. Тамара остановилась.

- Эй! - кричал звонкий голос с лодки. - Победа! Давайте по домам! Победа!

Тамара бросилась к воде. Дразники уже причаливали.

- Радио сказало: День Победы. Иди, курносая, домой и фрицев своих веди, сегодня нерабочий день. Эй, фрицы, Гитлер ваш ка-

пут!

Возбужденные, радостные дражники, выскочив на берег, помчались в поселок. А Тамара стояла как вкопанная. Штребель подошел и испуганно спросил:

- Фройлейн Тамара, что случилось?

- Война кончилась, Рудольф, - она смотрела на него и словно не видела, а потом, очнувшись, счастливо закричала: - Ура! Мы победили!

Штебель бросился к своим. Немцев будто подменили - они обнимались и плакали, а кто-то пустился в пляс.

- Фройлейн, мы так рады! - воскликнул Штребель. - Теперь близится час, когда мы сможем вернуться на родину. Ведь так, фройлейн Тамара?

- Наверное, - сухо ответила она.

Ей почему-то вдруг стало обидно, что Рудольф так явно спешит уехать. Но она тут же поймала себя на мысли, что родина есть родина и, конечно, он не может вести себя иначе. Да и ей-то что за дело до этого немца? Главное - победа! Но как Тамара себя ни уговаривала, настроение у нее испортилось.

А немцы обратно в лагерь не шли, а бежали. Тамара еле за ними попевала.

У самого поселка их встретил лейтенант Петухов.

- Давай, веди их обратно! Комбат не велит немцам отдыхать.

Тамара чуть не разрыдалась. Потом, собравшись с духом, выпалила:

- Пусть он сам их и ведет! А для меня сегодня - праздник победы! - и, даже не обернувшись, побежала по улице.

Петухов почесал в затылке, не зная, как поступить.

- Ну, ладно, идите в лагерь, там разберемся.

Вопреки желанию комбата, немцев в этот день так на работу и не повели - ни один русский не соглашался их сопровождать.

- Оставь ты свои строгости хоть для такого дня, - просил Лаптев. - Много ли пользы будет, если ты их выгонишь? Они же все равно работать не будут: погляди, какое у них настроение.

- Ну, черт с ними! - согласился наконец-то Хромов. - Сегодня не до них, это точно.

Идемте, выпьем! Петухов, Звонов, Салават, пошли ко мне! Петр Матвеевич, ведь победа же, черт возьми!

На улицах Хромов шумел, кричал, пел, останавливал женщин, пытался их целовать, сажал на плечи ребятишек.

Весь день прошел колесом: ходили от Хромова к Черепановым, от Черепановых к Татьяне Герасимовне, по пути залетали в каждый дом, веселились, кричали и пили. Лаптев держался все время поближе к Татьяне Герасимовне. Та нарядилась в светлое платье и, хотя выпила совсем немного, была красна, как роза, и глаза у нее блестели. Лаптев чувствовал, что влюблен. Несколько раз он пытался под столом поймать ее руку, но она всякий раз вздрагива-

ла и руку прятала. У Тамары пятки болели от кадрили. Плясала она и с Сашей Звоновым, и с Петуховым, и с самим Хромовым, и со всеми приисковыми мальчишками. Плясали в избах, и во дворах, и на улице. Под гармонь, под баян, под балалайку, и под сухую. Тамара всех переплясала, перепела и так устала под конец, что заснула в сенях на сундуке. Запас водки, вина, браги иссяк, но веселье не прекращалось. Ночь надвинулась, а никто не хотел расходиться по домам, гармонь продолжала заливаться, а молодежь звонко орала песни.

- Такого праздничка давно не упомяну, - сказал Черепанов Лаптеву. - Раньше, бывало, столы ломились, вина хоть залейся, а веселья такого даже на престольный праздник не бывало. Что значит, ждали этого дня пуще Воскресения Христова!

- А мой Федор не дождался... - отозвалась Татьяна Герасимовна. - Уж он бы сейчас погулял со мной.

Лаптеву показалось, что в голосе у нее слезы. Он снова попытался взять ее за руку.

- Я вас домой провожу, - сказал он тихо.

Они пошли, когда обозначился рассвет.

- Небось, устал? - ласково спросила Татьяна Герасимовна. - Шел бы домой-то...

- Нет, не устал. Голова немного болит после водки, много ведь выпили... А вы молодцом, я смотрю.

- Да я вовсе почти не пила. Так, от радости пьяная.

- А я, кажется, от любви пьян, - он неуверенно потянулся обнять ее.

Она поспешно отстранилась.

- Люби, а голову не теряй. Я, может, тоже люблю, да молчу. Эх ты, Петя-петушок!

- Я домой не пойду! - решительно заявил храбрый от выпитого Лаптев.

- Пойдешь! Для такого дня давай не ссориться.

Лаптев досадливо нахмурился. Татьяна улыбнулась и вдруг поцеловала его. Но он и опомниться не успел, как она хлопнула калиткой перед его носом. Он постоял немного, потом пошел домой. Стало почти светло, наступало розовое, холодное утро.

12

Постройка дороги была закончена. Начали вырубать яркий сосняк на вершине горы. С шумом падали стройные, двадцатиметровые сосны.

- Ахтунг, ахтунг! - раздавалось по лесу.

Свист рассекаемого воздуха, треск раздробленных сучьев, гулкий стук о землю - и огромное дерево лежит на земле, комлем на горе, вершиной книзу.

Бер потер ладонями затекшие колени.

- Ох, и устал же я! Хоть бы дух перевести дали, Рудольф, а то все пилите и пилите, как сумасшедший. У меня руки и ноги дрожат... О, майн готт! Что же мы наделали! - и он указал на раздавленный только что поваленным ими деревом огромный муравейник, который кишел живыми муравьями и белыми муравьиными

яйцами. Несчастные насекомые расползались в разные стороны. - Бедные муравьишки! - на глазах у Бера появились слезы. - Давайте попробуем столкнуть это проклятое дерево?

- Да вы совсем спятили, его не то что вдвоем, вдесятером не столкнуть! - заорал на него Штребль, который иногда становился ужасно грубым, особенно когда сильно уставал, как сегодня.

Бер вздохнул и отвернулся. А Штребль зло закурил и уселся на траву подальше от муравьиной кучи. С соседней делянки тут же явился Раннер, который постоянно стрелял у Штребля папиросы.

- Дай закурить, Рудольф, - попросил он. - Как получим деньги, я с тобой рассчитаюсь, - и, закурив, весело объявил: - Знаешь новость? Моя баба спуталась с Грауером.

- Чему же ты радуешься? - пожав плечами, равнодушно отозвался Штребль.

- Ну, уж и плакать не о чем! Спать с ней все равно негде, рубашек моих она стирать не хочет. Так на кой черт, спрашивается, мне жена?

Бер не любил подобных разговоров. Как можно так отзывать о жене? Если бы с ним сейчас была его милая Лотти, он был бы так счастлив! Что-то там дома? Стоило Беру вспомнить свой уютный чистенький домик и жену в ярком переднике с кофейником в руке, свои книжки по энтомологии, которые он читал по вечерам, когда Лотти уже сладко спала, и он сразу же начинал плакать. А сегодня он так устал, расстроился из-за муравьев, а главное - из-за грубости Рудольфа, что слезы сами собой скатывались по его плохо выбритой обвисшей щеке.

- Пойду пройдусь немного, поищу грибов, - тихо сказал он и поспешил уйти, боясь, что Рудольф заметит его слезы и станет подтрунивать, да еще при Раннере.

В начале июня пролились теплые дожди. В сосняке кучами высыпали маслята, а под горой, в ельнике, - грузди, лисички, рыжики. Лесорубы таскали их в лагерь целыми мешками. Но дожди скоро прекратились, наступила сухая, ветреная погода. Грибы пропали. Тщетно немцы шныряли по кустам. Грибов не было видно. И все же Бер набрел на кучку светло-серых нежных грибков. Он набрал их полную шапку и, уже полностью успокоившись, вернулся к Штреблю со своей добычей.

- Смотрите, какие хорошенькие, наверняка, вкусные, - гордо объявил он.

- Может быть, они ядовитые, - скептически отозвался Штребль. - Покажите их лучше фройлейн Тамаре.

- Ладно ужвам! Я прекрасно разбираюсь в грибах. Это, скорее всего, сыроежки, просто засуха, вот они и изменили свою окраску. Я сейчас поджарю один на углях и мы попробуем.

Бер нацепил на длинный прутик несколько грибков и стал поджаривать на углях догорающего костра. Поджарив, посолил и откусил маленький кусочек.

- По-моему недурно. Съешьте, Рудольф.

Штребль взял один гриб. Тот был сыроват, но на вкус не противен, и все же от следующего он отказался. Бер же съел с десяток почерневших и закопченных грибов.

Они еще часа полтора поработали, сделали завалку леса на завтра, отдохнули и стали ждать, когда остальные станут собираться в лагерь. Внезапно Бер побледнел и повалился на землю, схватившись за живот.

- Что с вами, Артур? - перепугался Штребль.

- Не знаю... Такая боль в желудке... Наверное, грибы были несъедобными... Ох, неужели я отравился?

Штребль помчался за Тамарой.

- Это путики, - с облегчением сказала она, найдя валявшийся около костра маленький грибок. - Они не ядовитые. Просто, видимо, он сырых наелся.

Бер жалобно стонал. Тамара велела уложить его на телегу и везти поскорее в лагерь. Штребль взвалил на плечо своего напарника, ставшего вдруг совсем легким, и понес к телеге. Колеса застучали по каменистой дороге. Бер все стонал и стонал, и в лагерь его привезли чуть живого. Докторша, ощупав вздувшийся живот, сейчас же велела везти немца в приисковую больницу, и сама побежала туда. Бедняга Бер ничего не слышал, он искал глазами Штребля.

- Я здесь, папаша Бер, - стараясь приободрить друга, спокойно, словно ничего не случилось, отозвался тот.

Дрожащая рука Бера извлекла из жилетного кармана крупные часы в чехолике и ключ от чемодана.

- Возьмите... Если умру, оставьте все себе на память. Напишите моей Шарлотте... адрес в чемодане.

- Не говорите глупостей, старина, все обойдется!

Пока Бера везли, он охрип от стонов. В больнице его сразу же потащили на операционный стол. Вечером Штребль пошел просить разрешения сходить к Беру. Лейтенант Петухов замотал головой: мол, комбат запретил выпускать немцев за зону. Но обещал позвонить в больницу. Целый час Штребль места себе не находил, мотаясь по коридору в ожидании Одноглазого Лейтенанта. Когда, наконец, Петухов показался в конце коридора, у Штребля чуть ноги не подкосились.

- Помер твой напарник, - мрачно сообщил лейтенант, - врачаха говорит, сердце после операции не выдержало... Понял ты меня?

Штребль понял. Всю ночь он не спал, в который раз перебирая в уме события прошедшего рокового дня, и от злобы на самого себя сжимал кулаки.

- Как я виноват перед ним! - шептал он. - Что мне стоило уговорить его не есть эти проклятые грибы... Как часто я был несправедлив к нему, отдохнуть ему не давал, а ведь он был на двадцать лет старше меня... Оказывается, у него действительно было больное сердце.

Бер, прости меня!

Утром, до выхода на работу, он нашел старосту роты Вебера и отдал ему ключ от чемодана Бера.

- Возьмите ключ, Езеф. Мне не надо его вещей. Я оставляю себе на память только его часы.

- Куда же мне их девать? - озадачился Вебер. - Что тут у него?

В чемодане лежали две пары нового белья и немного старого. Совсем новый коричневый костюм, полотенца, бритвенный прибор, пенсне в футляре, домашние тапочки, коробочка с иголками и нитками, носовые платки, щетка для волос, портрет жены и Евангелие, обернутое в голубую бумагу.

- Я передам все это Грауеру, - предложил Вебер. - Но ты зря, Рудольф, не берешь. Раз Бер завещал тебе, так возьми, пригодится.

- Не нужно мне ничего, - почти грубо отозвался Штребль. - Когда поедем домой, вещи эти надо вернуть его жене. Так и скажите Грауеру.

Вебер унес чемодан, а Штребль с тяжелым сердцем стал собираться на работу.

- С кем я должен сегодня работать, фройлейн Тамара? - тихо спросил он, когда их вывели из лагеря. - Папаша Бер скончался.

- Ой, бедненький... - Тамара в испуге прикрыла рот рукой. - Так жалко... Неужели не могли спасти?

Штребль шел, опустив голову. В этот день он работал в паре с Раннером. Оба молчали, и, только когда сели перекурить, Раннер мрачно произнес:

- Да-а-а, папаша Бер был хорошим человеком. Только, знаешь, Рудольф, это еще удивительно, что мы все тут не передохли... Некоторые, правда, и здесь неплохо устроились, вот, например, эта скотина Грауер! И сыт, и комната у него отдельная, и бабы его ночью греют! Причем - еще выбирает, какая понравится... Надо бы похоронить папашу Бера, как положено.

Штребль лишь молча кивнул.

Комбат разрешил похоронить Бера неподалеку от лагеря, на противоположном берегу Сухого Лога, густо поросшем молодыми елками. Когда стемнело, Штребля, Раннера и Эрхарда выпустили за зону. Они быстро выкопали могилу и сняли с телеги сосновый неструканный гроб.

Штребль вздрогнул, увидев Тамару, которая вышла из леска и приблизилась к могиле. Рыдания сдавили ему горло, и он отвернулся. Тамара первой бросила ком земли на крышку опущенного в могилу гроба и отошла.

Через четверть часа все тихо побрели к лагерю. Штребль шел последним, позади Тамары. Они пересекли огромный лог по каменистой извилистой тропе, а когда стали подниматься на противоположный берег, Тамара обернулась и тихо сказала:

- Зай ниht зо трауриг, Руди!..

Он схватил ее руку и поцеловал.

Несколько дней койка Бера пустовала. Потом

на нее переселился новый напарник Штребля молодой бем Георг Ирлевек. Бем был молод, физически крепок и считался одним из лучших в лагере лесорубов. Когда-то он рубил буковый лес на склонах банатских Карпат. С первых же минут работы Штребль понял, что такое настоящий профессионал. Пилил напарник исключительно свободно, каждый удар топора, каждый взмах колуна был у него рассчитан. Теперь они со Штреблем выполняли норму еще до обеда. Бем тут же бросал топор и заваливался в траву спать. Иногда шел собирать ягоды.

Однако с тех пор как Тамара заметила, что бем болтается полдня без дела и сделала ему выговор, он старался работать как можно медленнее. Штребля это злило, выводило из себя, особенно, когда он вспоминал несчастного Бера, который пилил из последних сил. Красивое, но глуповато-наглое лицо бема было отвратительно Штреблю. Вскоре он просто возненавидел напарника, но другого не находилось.

- Что ты так боишься отпилить лишнее полено? - как-то спросил он Ирлевека.

- А зачем? - невозмутимо отозвался бем. - Хлеба мне за это не добавят.

Штребль с презрением посмотрел в пустые синие глаза. Он знал, что хлеба Ирлевек съедает побольше многих. Жена этого верзилы, маленькая невзрачная крестьяночка, мыла на лагерной кухне посуду и весь свой хлебный паек тащила мужу, которого обожала. Он же был к ней совершенно равнодушен. Несколько раз эта бесцветная мышка отпрашивалась с работы и приходила к мужу в лес, чтобы побыть с ним наедине. Но Ирлевек даже не считал нужным доставить ей это маленькое и вполне законное удовольствие.

- Ты что, не понимаешь, зачем она к тебе пришла? - не выдержав однажды, спросил его Штребль.

Бем нагло усмехнулся и ответил:

- Было время, женщины уходили от меня шатаясь. А теперь я сам буду шататься, если стану возиться с женщиной.

- Вот скотина проклятая! - почти вслух пробурчал Штребль. - Кроме собственного брюха, ничего его не волнует...

Вскоре Ирлевек повадился побираться в ближайшей деревне. Его длинным ногам ничего не стоило отмахать в обеденный перерыв три километра туда и обратно. Возвращался он с мешочком, полным кусков хлеба и сырых картофелин. Талоны же, заработанные на дополнительный обед, потихоньку продавал в лагере. Когда ему удавалось особенно много выклянчить, он продавал и те талоны, которые полагались на обед, завтрак и ужин. В лагере был уже свой преискурант: обед - семь рублей, завтрак и ужин - по четыре, обед по талону - пять, хлебный паек - двадцать рублей. Бем заметно похудел и работать стал как-то вяло.

- Умышленно в дистрофию себя вгоняешь? - поинтересовался Штребль.

- Осенью пойдет эшелон в Румынию, - ответил Ирлевек. - Больных и слабых отправят домой.

- Будь спокоен, тебя не отправят.

Бем лишь исподлобья тупо посмотрел на Штребля.

В начале июля жара стояла страшная. Штребль стал худ и черен, как грач. Вечером он с наслаждением мылся в ручье и тут же стирал себе рубашки.

- Вы нехороший! - услышал он сзади ласковый голос. Это была Роза. - Почему вы не приносите мне свое белье? Я бы сама его выстирала. Ведь я еще ваша должница.

У Розы было свежее загорелое лицо, ее карие глаза приветливо щурились. Она взяла из рук Штребля мокрую рубашку и, наклонившись к воде, принялась стирать. Он заметил, что ее похудевшая фигура стала почти девичьей. Почувствовав его взгляд, она обернулась и доверчиво улыбнулась яркими, пухлыми губами. «Видно, я сильно сдал, если почти равнодушно гляжу на женщину», - подумал Штребль. Но тут же поймал себя на том, что лжет сам себе: мысли о Тамаре постоянно волновали его, он порой даже не мог работать, а по вечерам его одолевали сладкие, несбыточные мечты. Вместе со страданиями они принесли ему, впрочем, и огромное наслаждение. «Если бы вместо Розы здесь была она, я не был бы так спокоен», - мрачно решил он.

17

Километрах в семи от прииска «Нижний Чис», там, где в мутных водах плавала маленькая драга «Голубая», стоял в лесу старый, полуразрушенный барак. Здесь когда-то, задолго до войны, жили по зимам лесорубы и дражники, строители и золотоискатели. Дожди погнутили крышу, ветры раскрошили трубу, вырвали рамы, высокая завалинка осела и заросла травой. Но барак стоял еще прочно, словно врос в землю. Был он срублен хозяйственными руками самих зимовщиков, любивших тепло после целого дня работы на морозе и ветре. Татьяна Герасимовна не раз навещала сюда, когда возвращалась с покосов. Последний раз, когда была здесь вместе с Лаптевым, сказала ему:

- Зря хорошее жилье пропадает. Его бы подправить малость, вовсе хороший бы был барак. Поселили бы сюда твоих лесорубов, не надо бы их из лагеря за шесть верст каждый день гонять.

Мысль эта настолько овладела ею, что она не давала покоя Лаптеву до тех пор, пока он не согласился поселить часть немцев с августа в лесу.

- Ты как ночная кукушка! - с досадой, но шутливо сказал он ей. - Ты из меня прямо веревки вьешь.

- А что, разве я не дело затеяла? Увидишь, как хорошо будет! Баню здесь построим, сушилку, питание наладим, тогда и работу настоящую спросим. Знаешь, какие запасы в лесу создадим!

- Ну, тебя с твоими запасами! - засмеялся Лаптев и воровато ущипнул ее.

Татьяна Герасимовна, не откладывая, приступила к осуществлению своих планов. Собрала бригаду из плотников под руководством умелого Эрхарда. Сюда же попал и Штребль. Барак состоял из двух половин, посередине были просторные сени, два чулана и конторка. Каждая половина могла вместить до тридцати коек. Полы и стены были в сохранности, нужно только было перекрыть крышу, вставить новые рамы и переложить наново печи. Для кухни и сушилки срочно сделали прируб. Метрах в тридцати от барака, ближе к воде, срубили небольшую баню. Бригада работала на совесть. Женщины драли под горой мох для конопатчиков, рубили жерди, месили глину.

Лаптев выдал из лагеря железные койки, матрацы, подушки, одеяла, посуду. Два дня возили этот скарб из лагеря в лес на подводах. Завезли хлеба и продуктов на неделю. К концу августа в лес переехали тридцать мужчин и восемнадцать женщин. Хотя немцев пугала лесная глушь и страшили зимние морозы, ехали почти все с охотой.

- Ты, правда, смотри, Таня, не поморозь зимой немцев, - предупредил Лаптев.

- Смеешься ты! - весело отозвалась жена. - Да у нас кругом дрова. Это у тебя в лагере зимой только волков морозить.

В первый же день после переселения лесорубов Лаптев приехал вместе с ней в лес. Он осмотрел барак, приятно удививший его своим просторным и почти уютным видом. В настезь открытые окна свисали ветки поспевающей калины и жимолости. Свежеструганый пол был еще совсем чист: немцы разувались в сенях. На кухне жарилось какое-то кушанье, пахнущее грибами. Немок почти никого не было видно: кто ушел стирать на речку, кто собирал грибы в лесу. Из кустов доносилась протяжная немецкая песня на несколько голосов.

- Рудольф, - позвала Татьяна Герасимовна Штребля, - поди-ка сюда!

Штребль поспешно подошел и поклонился.

- Что ты худой такой стал? Не хвораешь?

- Нет, я здоров.

Лаптев внимательно посмотрел на него. Ему симпатичен был этот немец, с ясными, немного лукавыми глазами. У него отрасли небольшие каштановые усы, а лицо так сильно загорело, что он стал похоже на столько на европейца, сколько на жителя южных стран.

- Я хочу сделать вас старостой по этому маленькому лагерю, - сказал Лаптев.

- Пока Тамары Васильевны нет, будешь вместе с Колесником принимать заготовку, - добавила Татьяна Герасимовна. - Сам не работай, смотри за людьми. Понял?

- Понял, - по-русски ответил Штребль.

- За чистотой смотрите, - предупредил Лаптев. - Эпидемия в ваших условиях - вещь страшная. Вам же доверяются продукты. Думаю, вам нечего объяснять...

Штребль поклонился еще раз.

- Он мужик хороший, - уверенно сказала Татьяна Герасимовна, когда они с Лаптевым поехали домой. - Справятся они с Колесником, а там, глядишь, и Томка вернется.

- А как же, Таня, мы решим насчет охраны?

- Да поди ты со своей охраной! Какого лешего караулить? Народ все подобрался хороший, разве только Грауер один...

- Ну, этот-то куда побежит?

Для Штребля началась новая жизнь, дни, полные хлопот. Он раньше и не представлял, как трудно быть начальством. Теперь утром он вставал раньше всех, будил поварих, разводил всех по рабочим местам, следил за рубкой, трелевкой, вывозкой, потом шел торопить обед, а к вечеру надо было с одно-руким Колесником обойти всех, принять и записать работу, проследить за сохранностью и исправностью инструмента и за тем, погасили ли костры в лесосеке. Так как Колесник совсем не мог писать левой рукой, Штребль записывал начерно показатели по-немецки, и уже вечером с грехом пополам переделывали с Колесником сводку по-русски. Но Татьяна Герасимовна пока была довольна его каракулями. Раз два в неделю она приезжала в лес сама, а то Штребль с Колесником отправлялись верхом на прииск.

Возку продуктов и хлеба поручили Раннеру. Он же должен был ежедневно привозить три бочки воды из реки и ухаживать за лошадьми. Раннер так привязался к этим лошадам, что даже стал поменьше ворчать и порой насвистывал веселые мотивы. Поварихой поставили Розу Боден. Ей помогала шустренькая бемка Мари, которая должна была также убирать барак, топить по субботам баню и стирать постельное белье.

Работу начинали теперь очень рано, часов с шести, зато к полудню все уже справлялись с нормой. Погода стояла теплая. На горе рдела брусника, в осиннике под горой набухали грибы. Лесорубы вечерами рыбачили около драги. А ближе к ночи барак наполнялся пением протяжных крестьянских песен. Татьяна Герасимовна, когда приезжала в лес, часто задерживалась, чтобы их послушать.

- Когда вернется фройлейн Тамара? - спросил ее как-то Штребль, с трудом подбирая русские слова.

- Соскучился? - улыбнулась ему Татьяна Герасимовна. - Нет, скоро не жди. Ей еще со своей бригадой овсы косить. Не раньше октября.

Штребль действительно соскучился. Он очень часто думал о Тамаре и все чаще стал ловить себя на мысли, что ему трудно одному, что хочется быть любимым, хочется израсходовать весь запас накопившейся нежности. Порой он злился, ругал самого себя, порой заигрывал с женщинами, снова злился... и тосковал.

- Ну, ты, монах! - в свойственной ему грубоватой манере заметил Раннер. - Смотри, все завели себе баб, только ты один ходишь

надутый, как индюк. Это даже на тебя не похоже: раньше ты был суший черт! Сошелся бы с Розей Боден. Она хорошая баба и, помоему, влюблена в тебя...

С тех пор как Штребль заступился за Розу перед Грауером, между ними возникло нечто вроде нежной дружбы. Она заботилась о нем, стирала его белье, чинила одежду. Однако он не замечал, что Роза преследует его ласковым, молящим взглядом, ищет встреч наедине. То, что сказал Раннер, немного взволновало его.

- Вот Хорват женился все-таки на Нелли Шуман, - гнул свое Раннер. - Спросил разрешения у хауптмана, и живут себе, поживают. Спать вместе им теперь никто не запрещает.

- В общей комнате?

- Ой, ты ли это? Подумаешь, какое дело! Все мы люди.

Штребль на минуту представил себя рядом с Розой в общем бараке, и это показалось ему настолько смешным, что он громко расхохотался. Но после этого разговора он все же стал пристальней приглядываться к Розе. Приятно было сознавать, что тебя кто-то любит.

- Ваши маленькие ручки хорошо варят суп, - наконец сказал он ей, когда она подавала ему еду, - интересно, умеют ли они обнимать?

Роза покраснела до слез и выглядела счастливой. Но Штребль, съев суп, сразу ушел. Он бродил по лесу и думал о том, что ему стоит, пожалуй, сойтись с Розой, возможно, это положит конец его мучительным и безнадежным мечтам. Но он все еще сомневался. Наблюдая, как по вечерам парочки разбредались по лесу или сидели, обнявшись, в тени кустов жимолости, он испытывал щемящее чувство тоски. А когда похолодало, мужчины стали проскальзывать по ночам на женскую половину. Теперь уже из первой роты только Раннер и пожилой Эрхард ночевали в своих постелях. Но когда исчез и Раннер, Штребль возмутился и сказал Эрхарду:

- И еще смеет все время жаловаться, что его замучала язва!

Эрхард только пожал плечами.

А на следующий день, подходя к бараку во время обеденного перерыва, Штребль заметил в кустах на скамье Эрхарда, рядом с которым сидела высокая, еще совсем молодая крестьянка Кати Фишер. Эрхард чинил старый ботинок, а Кати ему что-то пыталась втолковать. Штребль замедлил шаг и прислушался.

- Мой муж был так груб со мною! - говорила Кати. - Мне не за что его любить.

- А я разве не груб? - с усмешкой спросил Эрхард, заколачивая деревянный гвоздь в подошву башмака.

- Ах, нет, Ксандль! Ты вовсе не груб! Ты такой хороший! - горячо сказала Кати, и в голосе ее сквозила такая нежность, что Штребль невольно позавидовал Эрхарду.

- Я уже стар для тебя, Катарина, - отозвался Эрхард, но голос его звучал молодо.

В ответ Кати провела рукой по его седым волосам и потянулась губами к щеке. Эрхард

ласково ее отстранил и пробормотал:

- Погоди... отодвинься немного. Сейчас закончу с башмаком, и мы пойдем... погуляем по лесу.

Штребель растерянно отступил в кусты. Сердце его стучало.

Перед ужином он шепнул Розе:

- Приходите, когда освободитесь, на берег к драге, где лежит сломанное бурей дерево. Знаете это место? Я буду ждать вас.

Ему не пришлось долго ждать. Еще не окончательно стемнело, когда Роза спустилась к нему, запыхавшаяся и счастливая. Он молча обнял ее, а она стала целовать его, страстно, не отрываясь.

- Нам давно следовало быть ближе друг к другу, - сказал Штребель. - Я ведь тебе не неприятен?

- Я люблю тебя уже давно, - отвечала Роза и снова принялась целовать его. - Как же ты раньше этого не замечал?

Он почувствовал себя почти счастливым и полным нетерпения. Под поцелуями Розы в нем пробуждался прежний Штребель...

- Довольна ли ты мною, Роза? - спросил он, провожая ее к бараку.

- Зачем ты это говоришь? Как тебе не стыдно? - прошептала она, прижимаясь к нему. - Ведь я же так тебя люблю!

«Подлец я!» - думал Штребель, чувствуя, как горяча ее рука, лежащая в его руке. В прощальном его поцелуе уже не было огня, но счастливая Роза этого не заметила.

Проснувшись рано, он вспомнил, как нежна и искренна была Роза, и печально усмехнулся. За окнами на траве блестела обильная роса, между вершинами сосен пробивались яркие лучи. Штребель взглянул на карманные часы.

Было без пяти пять. Он встал, накинул поверх рубашки пиджак и, поеживаясь, вышел в сени. Все еще спали, но Роза уже возилась на кухне. Она встретила его доверчивым взглядом и хотела поцеловать, но он остановил ее:

- Я еще не умывался.

Он вышел из барака и долго мылся холодной водой, а когда вернулся, то сказал весело, чтобы как-то загладить свою грубость:

- Теперь я охотно поцелую твою розовую щечку, - и слегка коснулся губами ее щеки.

Роза по-своему истолковала его сдержанность, и вся засветилась.

Штребель направился в лес. Плохое настроение мало-помалу испарилось, и он начал посвистывать, любуясь стройными рядами полениц и горами накатанных бревен. Спустился к берегу и прикинул, сколько дров еще нужно скатить к драге, пока она не уйдет вверх по реке. Стук копыт по каменистой дороге заставил его обернуться. Он вздрогнул: верхом на серой лошадке ехала Тамара.

- Гутен морген, Рудольф! - весело крикнула она.

- Здравствуйте, - еле прошептал он.

Девушка пристально посмотрела на него, и под этим внимательным взглядом он весь как-то внутренне сжался.

- Я так рад вас видеть, фройлейн Тамара, что даже растерялся... - наконец смог произнести он.

Тамара молчала.

- Вы не заедете к нам? - спросил Штребель, увидев, что она поворачивает лошадь.

- Нет, я спешу, - совсем другим тоном ответила она. - Заеду домой и обратно на покос... прощай, Штребель.

- До свидания, - пробормотал он.

Приказ начальника УНКВД ЧО за 1949 год

Содержание: о проверке состояния кладбищ по захоронению военнопленных и интернированных и дальнейшее их содержание в надлежащем состоянии.

от 26 мая 49 г. № 089 г. Челябинск

В целях приведения в надлежащий порядок всех кладбищ, организованных при лаготделениях, рабочих батальонах, спец. Госпитале УПВИ и лаготделениях ликвидированных лагерей, для захоронения трупов умерших военнопленных и интернированных в соответствии с требованиями распоряжения ГУПВИ МВД СССР № 8/2/3196 от 14.04.49 года.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Для проверки кладбищ и учетной документации по захоронению трупов военнопленных и интернированных в действующих и ликвидационных лаготделениях, рабочих батальонах и спецгоспитале назначить комиссии:

По Бакальскому кусту

Для проверки кладбищ ликвидационного лагеря МВД СССР № 68 и лаготделений АПВИ № 7, 29, 30, 31, 32 и 33.

Председатель комиссии - ст. л-нт Чирин. Члены: л-нты Гейнова, Инюшин.

По Магнитогорскому кусту

Для проверки кладбищ ликвидированных лагерей МВД СССР №№ 257 и 443 и л\о УПВИ №№ 21, 23, 24 и спецгоспиталя № 5921.

Председатель комиссии - кап. Хомуцкий. Члены: врач Пестерева, ст. л-нт Ваканов.

По Копейскому кусту

Для проверки кладбищ лаготделений УПВИ №№ 8, 9, 10, 11 и рабочего батальона

№№ 1076, 1080, 1081 и 1083.

Председатель комиссии – майор Дьячков. Члены: л-нт Козлов, мл. л-нт Белозеров.

По Коркино – Еманжелинск – Роза

Для проверки кладбищ лаготделений УПВИ №№ 10, 12 и 14.

Председатель комиссии – капит. Савченко. Члены: ст. л-нт Кунцевский, л-нт Шманин.

Златоустовский куст (Миасс, Сатка, Магнитка, Уржумка)

Для проверки кладбищ ликвидированного лагеря МВД СССР № 180 и лагерных отделений УПВИ №№ 25, 26, 27 и 28.

Председатель комиссии – капит. Щерба. Члены: врач Карманов, л-нт м\с Дьячук.

Кыштым, Карабаш – Уфалей

Для проверки кладбищ ликвидированного лагеря МВД СССР № 337 и лагерных отделений УПВИ №№ 16, 17, 18, 20 и раб. батальона № 1651.

Председатель комиссии – Помещенко. Член: л-нт Богданенко.

Челябинский куст

Для проверки кладбищ ликвидированного лагеря МВД СССР № 102 и лаготделений УПВИ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Председатель комиссии – кап. Ларин. Члены: кап. м\с Серебряков, л-нты Филатов, Половинкин.

Председателям комиссий закончить проверку состояния кладбищ и учетной документации на захоронениях военнопленных и интернированных, как по ликвидированным так и по действующим лаготделениям и рабочим батальонам на 4 июня 1949 года, с представлениями 2-х экземпляров: актов по проверке каждого кладбища, в котором отразить:

Дату открытия кладбища, общее состояние выявленных недостатков и принятых мер по их устранению, количество захороненных, кем и когда было разрешено занятие земли под кладбище. В отношении закрытых – дату закрытия, кому и когда передано под надзор и где хранятся документы по учету захороненных.

К акту на каждое кладбище приложить:

а) Копию разрешения местных органов власти на занятие участка земли под кладбище,

б) Схему кладбища, связанную с местностью, где расположено кладбище в 2-х экз.

в) Легенду, т.е. описание местности, где расположено кладбище (в легенде указать в районе какого населенного пункта расположено кладбище, в каком направлении и на каком расстоянии от населенного пункта, а так же подробный адрес населенного пункта).

г) Список умерших военнопленных и интернированных, захороненных на данном кладбище с указанием номера могилы и квадрата.

д) На кладбище ликвидированных лаготделений акты о их передаче под надзор местным органам власти в 2-х экз.

...

Подпись: нач. УМВД ЧО генерал-майор Захаров

(А.Ф. Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. 4 том. Стр.46)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЛЕННОГО ЭСЭСОВЦА

Мы, из культурной группы, должны были поддерживать хорошие отношения с комиссаром. Однажды он пришел ко мне и сказал: «Вас, СС-совцев, переводят в режимный лагерь, это лучший лагерь во всем районе». Я подумал, что он издевается.

Мы пришли в этот лагерь, и, во-первых, не поняли, что это лагерь. Он выглядел, как нормальный жилой микрорайон, там на окнах висели гардины и стояли горшки с цветами. Там нас принял немецкий комендант лагеря,

хауптштурмфюрер СС. Он спросил: «Какая дивизия?» – «Тотенкопф». – «Третий блок, доложите там старшине». Мы снова были у нас, в СС! Это был лучший лагерь за все мои более чем четыре года в русском плену.

Мы работали в шахте, шахта была в 150 метрах от лагеря, после нашей смены в шахте, туда заступала русская смена, у нас не было охраны, мы участвовали во всех социалистических соревнованиях, и ко дню Октябрьской революции, и ко дню рождения Сталина, и лучший шахтер, мы их все выигрывали! У нас был чудесный политический офицер, он привез нам 30 женщин из лагеря для интернированных, у нас был танцевальный оркестр, у нас был танцевальный вечер, но я на нем не был, была моя смена, черт ее побери. И вот теперь сенсация! Мы получали зарплату, столько же, сколько и русские. Я повторяю, мы получали столько же, сколько и русские! И даже больше, потому что мы работали намного старательней, чем они. И деньги приходили к нам на счет. Но все деньги мы снять не могли, мы должны были перечислять с наших счетов 456 рублей за расходы на нас в лагере.

В июле 1948-го года наш политический офицер, который не провел с нами ни одного политического занятия, потому что он сразу сказал, что нам это все равно до лампочки, нам сказал, что до конца 1948-го года в России не останется ни одного немецкого военнопленного. Мы сказали, ну, хорошо, и начали ждать. Прошел август, прошел сентябрь, наступил октябрь, нас построили и рассортировали по разным лагерям, так было во всех лагерях в нашем районе. В этот момент мы действительно боялись, что нас всех расстреляют, потому что он сказал, что до конца 1948-го года в России не останется ни одного немецкого военнопленного. В этом лагере мы не работали, но деньги из прошлого лагеря были у меня на счету, я покупал продукты, угощал товарищей, мы отлично отпраздновали Рождество. Потом меня перевели в другой лагерь, я попросился опять на работу в шахту, потом перевели в еще один лагерь, и там мы опять работали в шахте. Там было плохо, лагерь был далеко, условия были плохие, не было кабинок для переодевания, были смерти на производстве, потому что безопасность труда была плохая.

Потом этот лагерь ликвидировали, и я попал в Днепропетровск, там был гигантский автомобильный завод, мастерские, станки из Германии. С материалами там обращали очень расточительно, если за пару минут до конца рабочего дня привозили бетон, то его просто оставляли лежать до завтра, и он засыхал. Потом его ломали ломами и выкидывали. Готово. Мы грузили кирпичи, все брали по четыре кирпича, по два под руку, а один брал только два. Русские спросили, это что, почему ты берешь только по два кирпича, а все остальные по четыре? Он сказал, что все остальные ленивые, им лень ходить по два раза.

16-го декабря 1949-го года, мы спали в большой казарме, неожиданно раздался свисток и команда собрать вещи, сказали, что мы едем домой. Зачитали список, мое имя тоже там было. Я особенно не радовался, потому что боялся, что еще что-нибудь поменяется. На

остаток моих денег я купил в столярной мастерской два больших деревянных чемодана, 3000 сигарет, водку, черный чай и так далее, и так далее. Мы замаршировали пешком через Днепропетровск. Русский комендант лагеря хорошо знал немецкие солдатские песни и скомандовал, чтобы мы пели. До самого вокзала в Днепропетровске мы пели одну песню за другой, и «Мы летим над Англией», и «Наши танки едут вперед по Африке», и так далее, и так далее. Русский комендант лагеря получил удовольствие. Вагоны, были, конечно, товарные, но в них была печка, мы получили достаточно продовольствия, двери не запирали, и мы поехали. Была зима, но в вагонах было тепло, нам все время давали дрова. Мы приехали в Брест-Литовск. Там нас поставили на запасной путь, и там уже стояли три поезда с военнопленными. Там нас еще раз обыскали, у меня была фляга с двойным дном, которую я украл у русских, там у меня был список имен 21-го товарища, про которых я знал, как они погибли, но все обошлось. В Брест-Литовске нас продержали три дня, и мы поехали во Франкфурт на Одере.

На товарной станции во Франкфурте на Одере к нашему поезду подошел маленький немецкий мальчик с авоськой и попросил у нас хлеба. У нас было еще достаточно еды, мы взяли его в наш вагон и накормили. Он сказал, что он за это споет нам песню, и спел «Когда в России кроваво-красное солнце тонет в грязи...», мы все заплакали. [«Когда на Капри красное солнце садится в море...», Capri Fischer, немецкий хит того времени.] Железнодорожные служащие на вокзале выпрашивали у нас сигареты. Ну, ладно.

Нас привезли в еще один лагерь, мы еще раз прошли очистку от вшей, нам выдали чистое белье, русское, и по 50 восточных марок, которые мы, конечно, немедленно пропили, зачем они нам в Западной Германии. Еще каждый из нас получил пакетик из Западной Германии. Нас посадили в пассажирский поезд, может быть даже скорый, но дорога была однопутная, и мы должны были ждать каждый встречный поезд. Мы в очередной раз остановились прямо у какого-то полностью разрушенного вокзала, к нашему поезду по-

дошли люди и просили хлеб. Мы поехали дальше в Мариенбон. Там был конец, утром мы перешли границу Западной Германии. Там были русские, была нейтральная полоса, русские говорили, *dawaj, raz, dwa, tri*, и мы перешли границу.

Нас принимали, все были там, политики, католический священник, протестантский пастор, Красный крест и так далее. Тут мы неожиданно услышали ужасный вопль, как мы потом узнали, там забили до смерти одного антифашиста, который многих отправил в штрафные лагеря. Тех, кто это сделал, увела полиция. Мы были в Фридланде. Я разобрал мою флягу, отдал список из 21-го имени в Красный крест. Я пошел изредком комиссию, мне выписали демобилизационное удостоверение, на него мне поставили штампель «СС». Теперь я хотел попасть домой как можно быстрее. Я

пошел на вокзал, сел в поезд, потом сделал пересадку, в любом случае, 23-го декабря я опять был дома.

Я был рад. Англичане, конечно, нас подчистили, в доме больше не было ковров, исчезла одежда, и так далее, и так далее. Но, все получилось хорошо, я опять был дома. Я должен был прописаться, это было в городе, потом я пошел в социальное бюро, я хотел получить пенсию или пособие за мое ранение в легкое. Там увидели мое демобилизационное удостоверение со штампелем «СС», и сказали, а, СС, идите отсюда, мы про вас знать не хотим. Мой дядя устроил меня работать слесарем по машинам, потом я там постепенно стал мастером.

Источник: oko-planet.su
<http://newsland.com/news/detail/id/1032245/>

Приказ начальника УНКВД ЧО за 1946 год

Содержание: О результатах проверки по захоронению в\п в ЧО

От 7 марта 1946 г. № 0026 г. Челябинск

Проверкой выполнения директивы ГУПВИ НКВД СССР за № 28\2\23 от 24 августа 1944 года, предусматривающей точный порядок учета умерших военнопленных и организацию захоронения трупов, по лагерям военнопленных Челябинской области установлено, что указанная директива в большинстве лагерей грубо нарушалась.

В результате отсутствия надлежащего контроля со стороны начальника Управлений лагерей за этим чрезвычайно серьезным делом, розыск могил умерших военнопленных становится совершенно невозможным.

Во многих лагерных отделениях специальных участков под кладбище не отведено, а имеющиеся отведенные под кладбище участки не огорожены и не охраняются, опознавательные знаки на могилах не устанавливаются, кладбищенские или совсем не заведены или заведены, но ведутся чрезвычайно небрежно. До сих пор имеют место факты захоронения по несколько трупов одну могилу.

При обследовании 16 лагерных отделений лагеря № 102 установлено, что для захоронения умерших военнопленных в лагерных отделениях № 1, 2, 5, 6, 8 плановых кладбищенских участков нет, захоронение производится на общих гражданских кладбищах, в отдельных местах.

Во всех лаготделениях за исключением 26-го, кладбищенские участки не огорожены, планов на эти участки нет, участки на квадраты не разбиты, опознавательных знаков так же нет, а трупы умерших захоронялись от одного до трех в одну могилу.

В лагерных отделениях № 1, 2, 5 лагеря № 337 кладбищенские участки не огорожены, планов на участки нет, участки на квадраты не разбиты, опознавательные знаки на могилах не ставятся, в одну могилу хоронятся по несколько трупов умерших, кладбищенские книги ведутся формально и не соответствуют действительности.

Во время проверки кладбища 2 лаготделения, лагеря № 337 была обнаружена одна не закопанная могила с трупом умершего военнопленного. Немец могильщик объяснил это явление тем, что «могила выкопана на 4-х человек и когда умрут еще 3-е, последняя будет закрыта».

Подобное положение с учетом и захоронением трупов умерших военнопленных в лагерях № 257, 180, 68 и 443.

Приказываю:

Начальникам Управления лагерей НКВД № 102 м-ру тов. Качановскому № 337, № 257 – м-ру тов. Буцкому, № 180 тов. Хомутецкому, № 443 – м-ру тов. Емельянову и зам. Нач. управления лагеря № 68 тов. Глушенко – немедленно принять меры к устранению всех недочетов, вскрытых при проверке директивы ГУПВИ НКВД СССР № 28\2\23 от 24 августа 1944 года и к выполнению предложений по актам проверки.

Не допускать впредь захоронения военнопленных в общие могилы (по несколько трупов в одну могилу) без нательного белья. Умерших военнопленных офицеров хоронить в белье и верхней одежде.

Начальнику ОПВИ УНКВД м-ру тов. Тюрину с 20 марта по 1-е апреля с.г. организовать проверку результатов выполнения предложений по актам проведенного обследования.

На лиц, не выполнивших директивы ГУПВИ НКВД СССР № 28\2\ 23 и предложений по актам, материалы представить мне для привлечения виновных к ответственности.

Подпись – начальник Управления НКВД ЧО
Генерал-майор Павлов

(А.Ф. Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. Часть 3, стр. 19).

Остап Давыдов

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ЛЕЙТЕНАНТ ЛАСЛО ШИМОН

Немногие знают, что в поселке ЧКПЗ есть братская могила времен Великой Отечественной войны, где похоронены венгерские военнопленные

Часто ли в поселке ЧКПЗ появляются иностранцы? Какие-нибудь деловые американцы или европейцы, которые приезжают на завод за поковками, сразу сворачивая на машинах с Копейского шоссе заводской проходной. А если они прибыли на мотоциклах и свернули иначе, в сторону интерната и заброшенного парка, туда где овраги и пустыри?

Они прибыли жарким летним днем. По-русски говорили совсем немного, а по-английски не слишком хорошо понимают прохожие на наших улицах. Иностранцы интересовались каким-то «мемориалом», памятником погибшим венграм.

В этом году Фаркашу Шилларду стукнуло 40. Середина жизни, время, когда хочется осуществить давно задуманное. Более 13 лет он собирался в Россию. Тогда, в 1998 году у него появилась мысль побывать на могиле брата его бабушки, военнопленного лейтенанта Ласло Шимона и раздобыть хоть какую-то информацию о его смерти.

Шли годы, бабушка Иолан умерла, но в живых еще осталась ее сестра Стефания, которую тоже порадовали бы сведения о потерянном брате. Ей уже 94 года. Не время медлить. И вот Фаркаш и его друг Арьян купили надежные немецкие мотоциклы, оформили необходимые документы и отправились на далекий Урал. Сначала их путь лежал в Верхний Уфалей. Именно там терялись следы дяди Ласло. Об этом лагере Фаркаш прочел в книге бывшего венгерского военнопленного. Тому сейчас 100 лет, он в неплохой форме – Фаркашу довелось пообщаться с ним лично. Потом он вышел на российское общество «Военные мемориалы», где ему объяснили где и что искать в Верхнем Уфалее. Оказалось, что еще одна братская венгерская могила имеется и в Челябинске. Так Фаркаш и Арьян оказались на улице Феди Горелова, в поселке ЧКПЗ. Если памятник погибшим в Уфалее оказался цел, то в Челябинске венгерских гостей ждала печальная картина. Каменная плита с католическим крестом, установленная в 90-е

годы, исчезла. С трудом, среди мусора и сваленных деревьев, удалось обнаружить ее основание. Теперь здесь свалка. Кто виноват? Дети с задержкой психического развития? Подростки-вандалы? Или кому-то памятник просто пригодился в хозяйстве (как когда-то грабили церкви, выкладывая мрамором коровники)? Здесь похоронены пленные.

Какими они были и почему вообще венгры оказались врагами Советского Союза? С середины двадцатых годов страной правил диктатор, адмирал Хорти. Рыбак рыбака видит издалека, и Хорти быстро нашел общий язык с Гитлером. Справедливости ради надо сказать, что Хорти удавалось сохранять Венгрию от тлетворного влияния фашизма: вплоть до 1944 года на венгерскую землю не ступали сапоги немецких солдат, там не было концлагерей, не преследовались евреи и цыгане.

Но за «дружбу» с фюрером приходилось платить войсками, принимавшими участие в немецких операциях. Это вовсе не нравилось венгерскому народу. Например, известно что венгры и сербы не дружат, хотя и имеют общую границу. Но когда в 1941 году венгерским войскам предстояло участвовать в югославской операции Гитлера, возмущение было столь велико, что премьер-министр Телеки не выдержал и покончил с собой.

Есть еще одна деталь. На исходе тридцатых годов, когда происходил передел европейских земель, и более сильные страны разрывали на части более слабые, Венгрия также получила свой кусок пирога. В частности при разделе Чехии ей досталась часть так называемой Карпатской Руси, в том числе древний город Ужгород. Сейчас он находится на территории Украины. Почти ровесник Киева, он был основан, как ни странно хорватами, то есть славянами, но очень быстро перешел в руки угров-венгров. С тех пор кто только на него не претендовал, даже итальянцы и французы. Венгрия была в этом списке не последней. Но и Россия неизменно интересовалась судьбой славянских земель. Ужгород был включен в

территорию Венгрии в 1938 году. А всего через шесть лет, в 1944 году туда вошли сначала немецкие, а потом советские войска.

Начались аресты. Вместе с другими молодыми людьми был взят и младший лейтенант Ласло Шимон.

«Их арестовали в Ужгороде примерно 23 октября 1944 года и перевезли в Верхний Уфалей в лагерь № 180, – рассказывает его внук Фаркаш Шиллард. – Их путешествие заняло 2 месяца сначала они шли пешком, затем их везли в вагонах. В Верхний

Уфалей они прибыли 1 января 1945 года... После этого семья не получала никакой информации. Официально венгерские власти его объявили погибшим в 1949 году».

Лейтенант Ласло Шимон умер 31 марта 1945 года и похоронен в братской могиле. Довелось ли ему поработать той промозглой весной на какой-нибудь стройке, или его убила бесконечная дорога? Много лет спустя в распоряжении его родных оказался пожелтевший от времени кусочек бумаги, квитанция, «акт о смерти больного, находящегося на излечении». Так бывает, что более всего жестоко и страшно звучат именно сухие, лаконичные слова. «ЛАСЛО ШИМОН ДЮЛО, 1920 г.р. Женат. Профессия – учитель. Вероисповедание – католик. Скончался в лазарете лагпункта № 6, лагеря № 180 НКВД СССР.

Причина смерти: упадок сердечной деятельности на фоне дистрофии III степени. Неимущий. Похоронен без гроба, без одежды».

Сейчас венгры вспоминают, что русские называли их «malenkiy robot». «Robot», с ударением на второй слог – попытка передать русское слово «работник». Никаких электрических роботов тогда не было и в помине.

25 лет – не мальчишка. Да еще военный, хотя не зверь из абвера, тем более не из СС. Но довелось ли молодому учителю хоть раз стрелять из того оружия, которое вручили

ему в руки? Что ему оставалось, сбежать из армии и искать антифашистское подполье? Но ведь в строй он встал не за гитлеровскую Германию, а за Венгрию. Можно предположить, что у венгров и сейчас слишком неоднозначное отношение к тем временам. Достаточно упомянуть, что адмирал Хорти не был выдан международному трибуналу (этого требовали югославы) и хотя эмигрировал, не факт что в глазах своих соотечественников остался исключительно отрицательной фигурой.

Внук Ласло – Фаркаш Шиллард на русских не в обиде. Он благодарит тех, кто помог ему в поселке ЧКПЗ, и пишет: «Когда-то мысль проделать это путешествие была удивительным приключением, так оно и вышло».

Но для нас есть повод задуматься о том, что рядом, среди пластиковых бутылок и бумажки, покоятся кости тех, кто когда-то ходил, разговаривал, чувствовал. Да, иные слава и почет ветеранам, и совсем иное отношение к военнопленным.

Между прочим, в Венгрии сегодня в 1024 братских могилах покоится прах более 80 тысяч советских солдат. Члены общества «Мемориал» рассказывают, что в начале 90-х, когда Венгрия перестала быть страной соцлагеря, их надгробия так же сносили, хотя формально они находились под покровительством министерства обороны Венгерской республики. А впрочем, все зависело от конкретной местности, где-то жители ухаживали за памятниками добровольно. Не бросают прах соотечественников и русские: недавно над одной из могил в Киштелеке была возведена православная часовня святого Иоанна воина. Следуя той же логике, не осквернят ли ее местные хулиганы?

Остается вспомнить лишь евангельские слова: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

В ЧЕЛЯБИНСКЕ ВНОВЬ ОТКРЫЛСЯ ПАМЯТНИК ВЕНГЕРСКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ

В Челябинске восстановлен мемориальный комплекс в память о венгерских военнопленных, погибших в годы Второй мировой войны.

Как сообщает пресс-служба городской администрации, этот памятник существовал в городе с начала 2000-х годов. Изначально он был установлен в Ленинском районе – там, где в военные годы было место захоронения венгерских пленных. Инициаторами установки памятного знака выступила Венгрия совместно с московской ассоциацией «Военные мемориалы». Однако гранитный комплекс просуществовал недолго, его разрушили вандалы.

Когда встал вопрос о восстановлении мемориала, было принято решение изготовить

новый памятник и установить его в другом месте – на Фатеевском кладбище. Здесь были перезахоронены останки венгерских военнопленных и, что немаловажно, на кладбище памятник будет под наблюдением.

Сегодня новый мемориал установлен, про-

ект, утвержденный венгерской стороной, был полностью сохранен. Изготовлен комплекс силами муниципального унитарного предприятия «Мемориал – сервис» на средства ассоциации «Военные мемориалы».

09.10.2012

ОСТАНКИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРЕЗАХОРОНИЛИ НА УРАЛЕ

Венгерские солдаты, могилы которых разграбили мародеры, были перезахоронены в Челябинской области

На траурную церемонию от венгерской стороны прибыли вице-консул Золтан Петер, атташе по вопросам обороны бригадный генерал Ласло Варга, а также несколько военнослужащих.

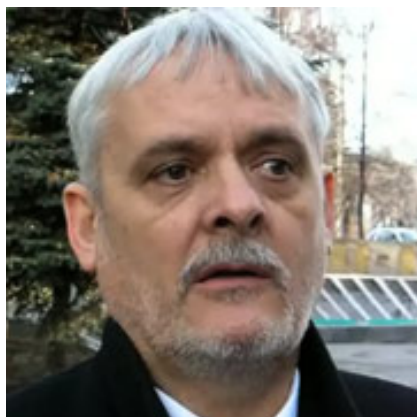

Военные возложили венки

Сначала вся делегация отправилась в ритуальный зал, где находились два небольших гроба в черной материи. Крышки гробов открыли, чтобы присутствующие могли убедиться, что в них находятся собранные кости. После чего кортеж отправился к мемориальной плите, рядом с которой они и были погребены. Венки к могилам возложили венгерские военнослужащие, а также представители российской стороны.

- Я очень рад, что удалось восстановить эти могилы, - рассказал Life News консул Республики Венгрия Чаба Байтан. - На этом кладбище будет памятник, который будет требовать постоянного ухода и внимания. Ведь на основе международного договора между Россией и Венгрией на территории России за сохранность отвечает российская сторона, на территории Венгрии - венгерская.

Напомним, что раскопанные мародерми могилы на заброшенном кладбище военнопленных обнаружили кыштымские охотники, которые готовили здесь тренировочную площадку для

**Консул Венгрии
Чаба Байтан**

охотничьих собак. Неподалеку от мраморной мемориальной плиты они увидели раскопанные могилы и человеческие скелеты. Вероятно, грабители рассчитывали найти в могилах ценности, вместе с которыми военнопленные могли быть похоронены.

<http://lifenews.ru/news/43055>

**Приказ
начальника УМВД Челябинской области**

за 1946 год

Содержание: О результатах обследования состояния л\о для военнопленных № 11,13, 19, 20, 22 в Коркино и Еменжелинске.

27 июня 1946 г. № 00119 г. Челябинск

Выдержки из приказа:

Лично проверив лагерные отделения, установлены существенные недостатки:

1. Зоны лагерей замусорены.
2. В жилых бараках наличествуют клопы.
3. Надзор за приготовлением пищи ослаблен.
4. В пайках хлеба обнаружены недвесы.
5. Помещения под лазареты находятся в худшем положении чем жилые.
6. Больные военнопленные участвуют в непосильных для них работах.
7. Отсутствует наглядная агитация.

Приказываю:

За развал работы начальника лаготделения № 20 арестовать на 20 суток и т.д.

Подпись: начальник Управления МВД ЧО комиссар
Генерал-майор Павлов

(А.Ф. Яловенко. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области. 4 том. стр.93)

Николай Черкашин

ПОЧЕМУ ЗА РУССКОГО ВРАЧА МОЛИЛИСЬ ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ

В мамином семейном альбоме вот уже 70 лет хранятся фотографии немецких женщин и детей, которых она никогда не видела, и которые не имели ни малейшего представления о существовании москвички Евгении Михайловны Черкашиной (Соколовой). И, тем не менее, она хранит эти фото совершенно неизвестных ей людей. Зачем?

Февраль 1943 года... Шестая армия генерала Паулюса замерзала под Сталинградом. По всей Германии собирали теплые вещи. В фонд зимней одежды была передана даже историческая реликвия – шуба самого Бисмарка. Для поддержания воинского духа генерал-полковнику фон Паулюсу был присвоен фельдмаршальский чин. Но уже ничто не могло спасти группировку немецких войск под Сталинградом – ни шуба Бисмарка, ни фельдмаршальский жезл Паулюса...

«В январе 1943 года, – свидетельствует военный историк, – на территории города было сформировано 13 лагерей-распределителей для пленных фашистских солдат и офицеров... Наибольшее количество военнопленных пришлось на 2 февраля – 91 545. Спустя непродолжительное время их число сократилось на четверть, так как 27 078 гитлеровцев умерли от

ран, обморожений и истощения, полученных в окружении».

- В феврале 1943-го нас, группу выпускников 1-го Московского мединститута, вызвали на Лубянку, – рассказывает Евгения Михайловна. – В этот массивный дом, с высоты которого, как утверждала молва, видна Сибирь, мы входили с опаской. И хотя никто никакой вины за собой не знал, тем не менее, по коже пробежали мурашки всякий раз, когда очередной часовой в коридоре проверял наши документы. Очень тяжелая аура была в этом Большом Доме...

- На Лубянке нам сообщили, – продолжает Евгения Михайловна, – что мы находимся в Управлении по делам военнопленных и интернированных, и что нашей группе предстоит лететь в Сталинград, где советские войска взяли в плен множество немецких солдат. И хотя дипломы мы еще не получили, нас в качестве зауряд-врачей распределяли по лагерям для военнопленных. В один из последних дней зимы мы вылетели на самолете типа «дуглас» в Сталинград. Это был мой первый полет на самолете да еще в военном небе. Летели долго с множеством посадок. Перед вылетом нас хорошо накормили, был даже такой забытый

деликатес, как бутерброды с сыром, горячий крепкий чай с сахаром. Но, увы, столь редкостные яства недолго задержались в наших желудках: болтанка и воздушная болезнь сделали свое дело.

Правда, я вполне сносно перенесла дорожные невзгоды, и потому в первой же открытке маме сообщала, что полет перенесла хорошо, но почти всем пришлось «слетать в ригу». «Сбегать в ригу» – говорили в деревне, когда хотели сказать, что кого-то стошнило. Моя же простодушная мама поняла это иносказание дословно и решила, что наш самолет посадили в занятой немцами Риге. Она проплакала целую неделю, пока не пришло мое письмо из Сталинграда.

Не буду описывать руины этого города. Все вокруг намного верст было превращено в пустыню, заметенную снегом. Именно так выглядел и лагерь № 108/20 для пленных, куда меня с тремя сокурсницами направили из местного управления НКВД.

Степь да степь кругом... До войны здесь было подсобное хозяйство тракторного завода. В больших бетонированных чанах, где раньше засаливали огурцы и капусту, сидели немцы. Это были счастливицы, потому что они, по крайней мере, укрывались если не от мороза, то от пронизывающего ледяного ветра. Другие ютились под навесами бывших картофельных буртов, некоторые просто сбивались в стайки, чтобы прикрыть хотя бы спины. Тут были и немцы, и итальянцы, и венгры, и румыны. Румын выручали черные меховые шапки вроде папах. А многие немцы были в летних полевых кепи, обвязанных всевозможным тряпьем. Смотреть на них было жалко. Хоть и захватчики нашей земли, но все же люди. Тем более, что многие пришли в эти степи по чужой воле.

В чудом уцелевшей сторожке размещалось управление лагерем и наша «медсанчасть». Я никогда не думала, что моими первыми пациентами станут немцы, пленные солдаты... В белом халате поверх ватника, я спускалась по веревочной лестнице на дно смрадных бетонных котлов, где люди были набиты, воистину, как сельди в бочке. Никакой охраны рядом со мной не было, я конечно же побаивалась: мало ли что могло прийти в голову вчерашним «сверхчеловекам», а ныне почти обезумевшим от страданий и обреченности людям? Однако они страшно радовались моим визитам – хоть кто-то проявляет о них заботу. Я делала перевязки раненым, давала таблетки больным, но чаще всего приходилось констатировать – смерть, смерть, смерть... Смерть от заражения крови, смерть от истощения, смерть от тифа...

Никто специально не морил их голодом в порядке мести, как потом, спустя десятилетия, утверждали некоторые западные журналисты. Просто вокруг все было уничтожено войной – на сотни верст лежала выжженная земля. Даже своим раненым не всегда удавалось дать кров, тепло, пищу, лекарства...

Для них, оказавшихся при жизни на дне адских котлов, даром что из бетона, появ-

ление русской девушки в белом халате было равносильно сошествию в чистилище ангела. Они так и звали ее «фройляйн Энгель». Умиряющие совали ей в руки фотокарточки своих жен и детей в надежде на чудо возвращения к ним. Каждый стремился привлечь с себе ее внимание, совали в карманы халата солдатские поделки, самодельные портсигары, губные гармошки... В школе и в институте она учила немецкий язык, поэтому худо-бедно могла объясняться со своими пациентами.

Однажды после очередного обхода, точнее «облаза» бетонных чанов, Соколова нашла в кармане небольшой сверточек, туго обмотанный грязным бинтом. Развернула – на колени упала мельхиоровая чайная ложечка. На черпачке в цветных эмалях был изображен океанский лайнер, из всех труб которого валил черный дым. Кто и в каком из «котлов» сунул в карман ей этот подарок, выяснить было невозможно. Ложечку вместе с фотографиями она спрятала на дне полевой сумки.

Вольно или невольно, но девушки-врачи готовы были разделить судьбу тех, кого лечили от тифа. Всякий раз после обхода больных они снимали друг с друга тифозных вшей. Первой свалилась Женя Соколова.

- Меня вместе с другими больными повезли в открытом кузове грузовика в госпиталь. Дорога заняла несколько часов. Я лежала с краю у самого борта, меня здорово продуло, и в добавлении к тифу я подхватила пневмонию. Шансов на выживание с таким «букетом» практически не было. Но я выжила. Наверное, за меня кто-то очень молился. Кто? Мама, конечно же...

Однако, молилась за нее не только мама... В одном из бетонных чанов узнали, что «фройляйн Энгель» больше к ним не придет – свалилась с тифом. Среди сидевших там солдат оказался полковой капеллан, который и предложил всем помолиться за здоровье русской девушки. И стал читать молитву. Ему нестройно вторили все остальные. Молитвы страдальцев всегда доходчивы. И небеса вняли заступничеству этих обреченных

людей, которые просили вовсе не за себя...

Об этом молебне со дна жизни она узнала спустя десять лет, когда вместе с мужем-офицером, служившим в оккупационных войсках, приехала в Берлин. Однажды на людной площади к ней подошел незнакомец и спросил по-немецки: «Фрау Энгель? Сталинград?!» Она кивнула в ответ. Мужчина исчез и через минуту догнал ее с цветами в руках. Он вручил ей букетик фиалок и рассказал, как «аллес цубер», весь чан молился за ее здоровье...

* * *

После Сталинграда Евгения Михайловна Черкашина работала врачом в московском эвакогоспитале ЭГ 5022 и лечила уже советских раненых, которые тоже дарили ей свои фотографии и свою признательность за исцеление.

Сегодня маме, капитану медслужбы в отставке, пошел 94-й год. У нее три внука и семь правнуков. И все мы молимся за ее здоровье и долголетие. И, слава Богу, она в силах и ясной памяти. И хранит фотографии о войне и Сталинграде.

А я, оказавшись в прошлом году в Волгограде, попробовал найти следы того лаге-

ря для военнопленных и нашел! Старожилы указали путь: поселок Бекетовка (вошедший сегодня в черту города). Только там теперь складывается не овощехранилище, а торговые склады. Последние чаны, в которых сидели немцы, выломали лет десять назад, а облицовку из нержавеющей стали сдали в утиль. Но историю-то в утиль не сдашь...

СПЕЦГОСПИТАЛЬ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ № 5921

В ходе Великой Отечественной войны в плен Красной Армии попало 4377,3 тыс. иностранных военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось на 639,6 тыс. человек. Кроме того, в целях пресечения террористических актов в тылу Красной Армии были интернированы 208,2 тыс. человек, «способных носить оружие», а также 61,6 тыс. арестованных функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попали и более 200 тыс. граждан Союза ССР, принимавших участие в войне на стороне фашистской Германии. Держать пленных вблизи линии фронта было опасно, поэтому их отправляли в глубокий тыл, в районы, испытывающие наибольшую потребность в рабочей силе.

На Урал военнопленные стали прибывать весной 1942 г. Вначале их размещали в специально отведенных зонах лагерей ГУЛАГа, а затем в формируемых отдельных лагерях в системе Главного Управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). Кроме лагерей, на территории Уральского региона были созданы и спецгоспитали для нуждавшихся в длительном лечении военнопленных. Таким образом, в 1942–1955 годах на Урале находилось свыше 250 тыс. военнопленных Второй мировой войны, оказавшихся в советском плену в основном летом и осенью 1945 года. Лагерь для военнопленных создавались во всех областях и республиках Уральского региона, однако большая их часть была размещена в Свердловской и Челябинской областях, имевших наиболее мощный промышленный потенциал. Попавший в советский плен контингент был значительно ослаблен, условия пребывания военнопленных, особенно в первое время, оказались достаточно тяжелыми.

Согласно документам в советских лагерях для военнопленных умерло более 580 тысяч человек. Численность умерших на Урале иностранных граждан только в 1943–1955 годы составила свыше 30 тыс. человек. За это время в Свердловской области умерло 14 306 человек, в Курганской – 687, в Оренбургской – 6 138, в Пермской – 1 442, в Челябинской – 2 220, в Башкирии – 1 331, в Удмуртии – 4 967 человек. Все они были захоронены на 189 специальных кладбищах.

С начала 1990-х гг. на территории некоторых субъектов РФ осуществлялись интенсивные работы по поиску архивных документов, установлению мест захоронений иностранных граждан и обеспечению их сохранности. В марте 1995 г. в Москве правительствами Российской Федерации и Венгерской Республики было подписано соглашение об увековечении памяти павших военнослужащих и гражданских жертв войны и статусе захоронений. В соответствии с ним стороны через уполномоченные ими органы обязались информировать друг друга о наличии и местонахождении российских воинских захоронений в Венгрии и венгерских захоронений в России. При этом стороны согласились также обмениваться данными о погибших в боях военнослужащих, умерших в плену, а также лицах, насильственно вывезенных на принудительные работы, и о местах их погребения на территории своих государств. Стороны обязались обеспечить защиту и право бессрочного сохранения российских и венгерских воинских захоронений, включая памятники и мемориальные объекты, расположенные в России и Венгрии. В соглашении указывалось, что каждая сторона за свой счет обеспечивает на территории своего государства содержание и уход за воинскими захоронениями другой стороны, включая памятники и другие мемориальные объекты.

Анализ сохранившихся архивных материалов свидетельствует, что умершие на территории Свердловской области военнослужащие венгерской армии захоронены на 33 воинских кладбищах. Большинство этих кладбищ интернациональные, однако встречаются чисто венгерские захоронения. В настоящее время по «венгерской программе» на Среднем Урале восстановлены кладбища в городах Верхняя Тура, Екатеринбург, Красноуральск, Нижний Тагил, Новая Ляля и Ревда. Кроме того, на местах захоронения венгерских военнослужащих в области установлено 25 памятных знаков. Весьма активно работы по «венгерской программе» велись и в других областях Уральского региона. Так, в Оренбургской области благоустроено 5 кладбищ и установлено 8 памятных знаков. В Челябинской области – 2 кладбища (оба в Магнитогорске) и 12 памятных знаков. В Пермской области – 3 кладбища и 8 памятных

знаков. В Удмуртии благоустроено кладбище в пос. Рябова Увинского района и установлено 6 памятных знаков. Памятный знак установлен венгерской стороной в г. Шумиха Курганской области, а также на Парфеновском кладбище Тюмени.

Все сказанное выше в полной мере касается нашего родного Магнитогорска. В частности, в военные и послевоенные годы здесь дислоцировался лагерь для военнопленных № 527, а также спецгоспиталь №5921. Лагерь имел

несколько отделений в различных частях города и его окрестностях, а упомянутый госпиталь располагался именно в районе закладки нашего тайника – около 2-й плотины! Здесь же располагается и второе захоронение венгерских военнопленных, обустроенное по «венгерской программе» (N 53° 19.2391' E 59° 05.3100'). Оба описанных захоронения, их мемориалы, надписи на них – просто близнецы братья!

<http://www.geocaching.ru/?pn=101&cid=138>

10 000 ПЛЕННЫХ

Известный историк-краевед Владимир Баканов посвятил военнопленным отдельную главу своей книги «Испытание Магниткой». Непосредственный участник событий тех лет, он четыре года проработал начальником отдела учета лагерных отделений для военнопленных № 21 и 22. Коренной оренбуржец, Владимир Петрович появился в Магнитке в середине февраля 1945 года. После второго ранения его, молодого лейтенанта, танкиста, завербовал НКВД для работы с военнопленными в тылу.

- Пленные появились в городе в ноябре 1944 года. Умирать стали в первые же дни. Их привозили истощенными, обмороженными, с ранениями. Когда я, только приехав, спрашивал дорогу к лагерю, мне говорили: а, так это бывшие конюшни. И на самом деле, одно из лагерных отделений размещалось на территории конного парка. Второе находилось в одноэтажных шлакоблочных корпусах и землянке. Под третьем отдале здание исправительно-трудовой колонии. Эти три лагерных отделения и спецгоспиталь просуществовали до конца 1949 года. Всего через Магнитогорск прошло около 10000 пленных солдат.

Венгры, румыны, закарпатские украинцы, чехи, словаки, итальянцы и австрийцы. В основном простые солдаты из крестьянских семей. Немцы содержались особо. Многие были настоящими эсэсовцами. Отсюда их увозили на суды. Всех прочих солдат в начале 50-х под конвоем отправили на родину.

Отклики на форуме:

Sturm: Старожилы рассказывают, что в Карабаше было два лагеря немецких военнопленных. Один, со строгим режимом, - для гестаповцев. Другой - для рядовых солдат и интернированных женщин.

Военнопленные (а среди них были не только немцы, но и румыны, венгры) работали в основном в шахте. Карабашец Гузаир Гизбулович Куштанов в интервью местной газете отозвался о них так:

- Хорошие были мужики, спокойные, уравновешенные. И работали очень хорошо. Со многими мы были в дружеских отношениях. Один немец даже подарил мне шубенки, я очень долго носил их. Все они проклинали войну.

Работая маркшейдером, Куштанов натол-

кнулся на папку с архивными документами. Были среди них описания несчастных случаев. По ним он восстановил 37 фамилий погибших в шахте немцев. Пытался этот список передать в немецкое посольство в Москве - не удалось.

Другой старожил Карабаша, Григорий Кузьмич Чернов, 15-летним пареньком конвоировал бригаду из 50 немцев, работавшую на ремонте школы. С бригадиром Адольфом, неплохо говорившим по-русски, подолгу доверительно беседовал. И с другими членами бригады юный конвоир (с берданкой и тремя патронами!) имел хорошие отношения. Нередко немцы приглашали его к нехитрому обеденному столу. Бывало, охранник, будучи уверенным, что «подопечные» не подведут, отлучался с объекта. Если к концу смены опаздывал, немцы строились в колонну и шли к лагерю. Не доходя, останавливались, ждали парнишку, переживая за него.

Половину бригады составляли девушки и молодые женщины, интернированные из Германии. Работали немки также на поверхности шахты, на полях соседних с Карабашом совхозов.

- Помню, как шли они колонной - исхудалые, но стройные, красивые: с прическами, с накрашенными губами, - говорит Михаил Григорьевич Никулин.

Интернированных немки помнят многие карабашцы. Галина Константиновна Старикова, работавшая кладовщицей в лагере военнопленных, в своих воспоминаниях называет их искусными мастерицами, а также добрыми, отзывчивыми женщинами. Они подарили ей красивое платье.

Нынче летом в Карабаше побывала группа пожилых граждан Германии: бывшие пленные солдаты и интернированные женщины (об этом «Челябинский рабочий» писал в материале «Фрау из лагеря» 14 августа). Фрау Карин Момзень родилась в Карабаше в 1947 году. Ее отец Гешель был старшим по лагерю. На днях от этих женщин в Карабаш пришла посылка с вещами, сшитыми в российской неволе. Вместе с воспоминаниями на немецком языке - для создания музейного уголка...

Очевидцы тех событий из числа местных жителей восторгаются цветочными клумбами, украшавшими территорию лагеря. А бывшая

заведующая детским садом Валентина Михайловна Соломонова до сих пор с теплотой вспоминает о том, какие замечательные игрушки из дерева для карабашских детей мастерили военнопленные. Приезжая за ними в лагерь, удивлялась обустроенному быту немцев, порядку и чистоте везде, даже в конюшне и сарае для свиней.

На месте лагеря военно-пленных стоит сейчас современный микрорайон. Где было кладбище немцев - гаражный кооператив. Их уцелевшие соотечественники намерены в центре микрорайона установить стелу в память о «карабашской странице» послевоенной истории Германии. В связи с этим горько думать о том, что никакого памятника тысячам наших политзаключенных, прошедших через лагерь Карабаша, здесь не предвидится. А ведь условия содержания и труда были куда тяжелее, судьбы - куда трагичнее:

Sturm: В Челябинске отремонтируют школу, построенную еще пленными немцами. Капитального ремонта дождалось одно из самых старых учебных заведений в Ленинском районе - школа №49.

Она была построена еще во время Великой Отечественной войны пленными немцами. Деревянные перекрытия и старая кровля давно не справляются с дождями, крыша то и дело протекает.

По словам директора школы Ларисы Сатаевой, самостоятельно собрать сумму, необходимую для реконструкции полувекового здания, невозможно. На эти цели было направлено 2 миллиона рублей из областного бюджета.

Деньги пойдут не только на основательный ремонт крыши, но и обновление фасада.

Sturm: ВОЕННОПЛЕННЫХ ТРУД, использовался в Чел. с янв. 1943 по 1951. 1 июля 1941 вышло «Положение о военнопленных». Содержание, учет, труд, использование военнопленных были возложены на Наркомат (с 1946 Минво) внутр. дел СССР. В Чел. военнопленные работали на ЧМС, на лесоразработках, предпр. угольной пром-сти, на Кировском заводе, а также при трестах «Челябстрой», «Челябдормостострой», «Челябинскжилстрой» и т. д. В общей сложности на терр. Чел. и области на правах военнопленных и интернированных оказалось более 30 тыс. немцев, румын, венгров и др., к-рые были размещены в 6 лагерях и 1 спецгоспитале. По прибытии в лагерь военнопленные проходили обязат. 21-дневный карантин. В соответствии с их физ. состоянием устанавливались категории трудоспособности: с 1-й по 4-ю, ослабл. контингент, лазаретные больные.

Распорядок дня военнопленных строился из расчета обязат. предоставления им не менее 8 ч для ночного отдыха и обеспечения 3-разового питания. Всем военнопленным предоставлялось 4 выходных дня в месяц. Для рабочих устанавливалось ден. вознаграждение (150-200 руб. в месяц). Военнопленным разрешалось поддерживать связь с родственниками: раз в месяц отправить открытку, ударникам труда

- 2 письма в 3 мес. Многочисл. нарушения режима труда и быта приводили к ухудшению физ. состояния военнопленных и высокой смертности (до 200 чел. в месяц). К осени 1945 в результате оздоровит. меропр. кол-во трудоспособных военнопленных увеличилось примерно на 30 %. В окт. 1945 - янв. 1946 на родину были отправлены первые 3407 военнопленных. Массовая репатриация началась в 1947 и к кон. 1950 в осн. закончилась. Последние военнопленные покинули Чел. после амнистии в 1955.

Sturm: БАКАЛЛАГ (Челяблаг), лагерь строителей Бакальского (Чел.) металлург. з-да (см. Челябинский металлургострой). Находился в подчинении Управления особого стр-ва НКВД и ГУЛАГа. Существовал с нояб. 1941 по май 1947. Осн. рабочая сила Б. - заключенные, рабочие колонны, строит. батальоны и отряды, укомплектованные представителями разных национальностей, преим. немцами. (см. Трудмобилизованные немцы). В кон. 1943 стали прибывать военнопленные немцы, затем интернированные граждане Германии и др. европ. стран. На 1 февр. 1944 трудмобилизованные немцы составляли 59,8 % всего лагерного контингента (20 696 чел.). 13 авг. 1942 Б. был переименован «Челябметаллургострой» (Челяблаг). Б. сформирован по образцу крупных лагерей НКВД, входивших в систему ГУЛАГа. Здесь функционировали оперативно-чекистский отдел, учетно-распределит. часть, культ.-воспитат. часть, отдел кадров и ВОХР, укомплектованные кадровыми сотрудниками НКВД. Весь контингент Б. был разделен на 4 лагучастка, укомплектованных заключенными, и 16 стройотрядов (трудоармейцев). Числ. мобилизованных в стройотряды колебалась от 1 тыс. до 7 тыс. чел. Крупные стройотряды состояли из колонн по 1023 чел., к-рые делились на бригады по специальностям (10-25 чел.). Рук-во осуществляло Управление лагеря при Б. Осн. стройплощадка представляла собой лагерь, раздел. на зоны по кол-ву строящихся объектов: Жилстрой (стройотряд № 1); Тэцстрой (стройотряд № 3), Доменстрой (лагучасток № 1 - стройотряды № 15, 16), Кам. карьер (лагучасток № 2), Ремзаводстрой (стройотряд № 13), Предзавстрой, Огнеупорстрой. Кроме осн. стройплощадки Б. имел вспомогат. объекты на терр. области: лесозаготовит. участки, шахты в Коркино и Копейске, Тургорское рудоуправление, агломерационную ф-ку, подсобные х-ва и др. Каждый из объектов был организован по типу отд. лагпункта, огорожен колючей проволокой, ограничен контрольно-следовой полосой с наблюдат. вышками. Охрану несли 7 дивизионов ВОХР, включавшие от 2 до 5 взводов. В основе производств. деят-ти лежала гулаговская система принудит. труда: строгая дисциплина, поддерживаемая карат. мерами; дифференцированное питание, организованное по нормам ГУЛАГа и полностью зависящее от выполнения производств. заданий; выплата заработной платы при условии выполнения плана, хорошей дисциплины и

вычетов за питание, коммунал.-бытовые услуги и госзаимы; изнурит. 10–11-ч рабочий день. В 1947 Б. был ликвидирован, а трудармейцы переведены на режим спецпоселения, к-рый сохранялся до 1956.

dimax: Дети военных лет гуляли вместе с пленными немцами.

Воспоминания своей бабушки о военных годах записала студентка истфака ЧГПУ Дарья Юсова

Страшно думать о том, что у поколения 30 - 40-х самая прекрасная пора человеческой жизни - детство - было омрачено войной. Еды не хватало, игрушек не было, даже с бумагой у школьников было тяжело: приходилось менять продукты на исписанную бумагу, чтобы в свободном промежутке между строк учиться писать.

В военные годы моя бабушка Любовь Кузьминична Юсова росла под Оренбургом в деревне Новоникитино и рассказывала, что фабричные игрушки были большой редкостью. Больше всего они любили играть в «таташки» - это осколки от фарфоровых тарелок, обточенные водой, которые ребятишки собирали после половодья.

- Даже пленные немцы с нами играли, - рассказывает мне бабушка. - К нам их поселили осенью 44-го и, несмотря на то, что к этому времени не осталось такого дома, где бы не было погибшего или инвалида, относились к немцам без злости. Люди понимали, что их вины в этом нет, и делили с немцами последние крохи.

С немцами у моей бабушки даже связано первое горе. Вот что она рассказывает об этом.

«Как только выпал снег, мы с подружкой вышли лепить снежную бабу. Немцы взялись нам помогать. Баба вышла у нас большая, красивая, даже ведро где-то ей раздобыли. И тут один немец говорит моей подружке:

- Варя, «ктоку» давай!

- Варь, а чего это они просят? - спрашиваю я.

- Кошку им надо, они их едят...

- Как?! - мне было непонятно, как же можно есть кошек? Они же не еда...

- Да как... В сапоге. Мы им дома не разрешаем, так они на улице, за домом.

Тут меня стало раздражать жуткое детское любопытство: как это так, кошек в сапоге? А у соседей как раз было несколько котят, и одного мне давно предлагали. И этого серенького пушистенького котенка я и отнесла немцам.

Они взяли его, засунули в сапог и пошли за дом: там было что-то вроде треноги. За ними я не пошла. Через несколько минут мне вернули шкурку - ту самую, пушистую и серую... Вот до чего практичная нация - ничего не пропадет. Слез было... Я даже не помню, ругали меня или нет. Помню только, как сидела на лавочке и рыдала.

В 1945 - 46 годах начали возвращаться с фронта односельчане. Как провожали все

вместе, так и встречали тоже все. Новость с одного конца деревни на другой доходила очень быстро. Какая это была радость...

- Помню, когда мой дядя вернулся, он в подарок копченой колбасы нам привез, - говорит бабушка. - Редкость в то время. А я по незнанию еще подумала: ну что это за гостинец такой? Коричневый какой-то, некрасивый».

У всех воспоминания о войне разные: у фронтовиков одни, у рабочих другие и совсем другие у детей: светлые, наивные, ведь они воспринимают мир как данность и еще не замечают, насколько он суров и несправедлив.

А для меня они очень важны: это маленькие кусочки, которые составляют большую Победу.

dimax:

История ЧТЗ в миниатюре Кладбище «Северо-Восточное» с часовней во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи появилась в Челябинске в годы войны.

«Северо-Восточное» кладбище Челябинска расположено рядом с жилой застройкой. Дом № 10 по ул. Чоппа практически стоит на его территории. Жители вспоминают, что когда они въезжали в новые квартиры, во дворе зияли разрытые могилы. Сейчас дворовая территория относительно обустроена, чего не сказать о старом кладбище. Здесь собираются бомжи, бесчинствуют подростки, местное население выгуливает собак, жители частного сектора сажают картошку. Чтобы оградить это место от вандализма и напомнить людям об уважении к мертвым, на «Северо-Восточном» при активной поддержке бывшего главы района Александра Ивановича была построена часовня простой архитектуры, характерной для некрополей и парков.

Историю ее возникновения лучше всех знает преподаватель школы № 59 Марина Салмина. Будучи не только жителем микрайона, но и неравнодушным человеком, Марина Сергеевна вместе с учениками решила исследовать историю старого кладбища. Работа продолжалась год, а ее итогом стала не только часовня, но и книга, повествующая об этих исследованиях и ставшая библиографической редкостью.

Вот что рассказывает Марина Салмина:

- Кладбище «Северо-Восточное» - это история ЧТЗ в миниатюре. В годы войны здесь хоронили первых тракторостроителей, местное население, трудармейцев, раненых эвакогоспиталя, немецких, румынских и венгерских военнопленных. Их руками возводились заводы, жилье, дороги, трамвайные линии. Условия труда и проживания однозначно были лучше, чем в наших лагерях. Мы записали воспоминания Алексея Печенкина, который в 14 лет водил военнопленных на работу: забирал колонну из барakov на ул. Котина и вел на гвоздильный завод, располагавшийся на ул. Российской. Пленные были одеты в форму вермахта, потому что другой одежды у них не

было, пели песни, а Печенкин шел впереди. Бывший военнопленный Людвиг Мюллер, работавший на ЧТЗ в 1947-1949 годах, тоже вспоминает, что отношение к ним с стороны населения было нормальным, доброжелательным. К пленным настолько привыкли, что когда Людвиг и другие немцы уезжали на родину, для них даже устроили концерт.

- Откуда такие подробности?

- 5 лет назад г-н Мюллер приезжал в Челябинск с сыном и двумя внуками. Это была его мечта – посетить место, где прошла его юность. Мы много общались и, конечно, посетили «Северо-Восточное» кладбище, где покоится прах его соотечественников. В общей сложности в 94 братских могилах захоронено 186 человек. Это не каратели, не зондеркоманда, а такие же жертвы войны, как русские солдаты, и, мне кажется, символично, что все они лежат рядом, в одной земле. Немцы не забывают своих мертвых. Ежегодно кладбище посещают группы из Германии до 30 человек, была делегация из Венгрии.

- Удалось установить какие-то фамилии, судьбы?

- Мы восстановили имена почти 500 погибших. Среди них немцы Шмидт, Базель, Дамс... Есть мусульманские захоронения, есть еврейские. «Адолику Бердичевскому» – написано на могиле ребенка. Встречаются надписи «Привет из Ленинграда», «Привет с Западной Украины. Мы никогда не увидимся!» Однажды к нам обратилась сотрудница музея ЧТЗ: в 50-х у нее умер братик, а точную дату смерти она не помнит. Мы подняли документы и нашли могилу. Местные жители вспоминают, что несколько лет назад на кладбище приходила женщина, по всем приметам – дочь одного из военнопленных (многие из них создавали семьи в России). Долго искала могилу отца,

но не нашла. Безымянными остались могилы некоторых трудармейцев с Востока: в книге регистрации смерти про таких вместо имени и фамилии могли написать: «Таджик».

Sturm: Второе яркое впечатление у меня связано со строительством кузнечно-прессового завода. Стройка велась ударными темпами. Вместе с заводом рос и поселок ЧКПЗ. Вот тогда мы узнали наших врагов, так как строили поселок военнопленные немцы. Ходили смотреть на них и признавали, что это такие же люди, как наши мужики.

Пленных охраняли солдаты с овчарками. Тем не менее побеги происходили. Я запомнил два случая. Однажды за сбежавшим была организована погоня. Собака взяла след и привела охрану к озеру. Мы, мальчишки, бежали за охраной из любопытства. На берегу след оборвался. Оказалось, немец скрылся в воде и дышал через соломинку, но долго так прятаться он не мог и был вынужден вынырнуть. Охрана схватила его и побила, а когда немца вели назад, мальчишки кидали в него камнями. Охрана не запрещала этого делать. Для нас он был врагом. В другой раз пленный спрятался на картофельном поле, но и его вскоре поймали.

Со строительством поселка ЧКПЗ военнопленных немцев не стало, зато появились узбеки. Жилья у них не было, поэтому они не выходили из цехов предприятия. Наши рабочие рассказывали, как приезжие ночевали на подстилках у печи и здесь же умирали. Помню, что трупы «бабаев» – так мы их называли – находили за территорией завода в кустах, а еще как их хоронили в общей могиле: на грузовой машине привезут на кладбище за поселком, побросают в яму и экскаватором засыплют.

СТРОИЛИ НЕМЦЫ

20 марта 2012. Губернатор Южного Урала Михаил Юревич посетил реконструированный корпус № 6 Челябинской областной клинической больницы, где осмотрел отделения гинекологии, пульмонологии, гнойной хирургии и физиотерапии.

Как сообщили **Накануне.RU** в пресс-службе главы региона, шестой корпус областной больницы еще недавно был едва ли не самым известным долгостроем Южного Урала – это 4-этажное здание возводили пленные немцы сразу после Великой Отечественной войны. Со временем деревянные балки обветшали, проводка перестала соответствовать нормам безопасности, поэтому эксплуатацию здания запретили, а врачей и пациентов перевели в соседние корпуса. Пока в течение нескольких лет шли ремонтные работы, в стесненных условиях ютились отделения гинекологии, пульмонологии, гнойной хирургии и физиотерапии. Потом из-за недостатка финансов реконструкция была и вовсе приостановлена. Два года назад правительство Челябинской области выделило почти 300 млн рублей на строительство и оснащение оборудованием, и работы продолжились. Благодаря этому удалось полностью восстановить половину корпуса. В короткие сроки оказались заменены устаревшие коммуникации, укреплены металлоконструкциями стены здания, обновлена кровля, отремонтированы помещения.

В НАШЕМ ГОРОДЕ НАШЛИ КУСОЧЕК ЕВРОПЫ

«Жители Metallургического района Челябинска обратились к депутатам с просьбой включить дома по ул. Социалистической в список охраняемых памятников архитектуры.

Есть в Челябинске улица, попадая на которую можно представить себя в каком-то европейском городе. Расположенные на ней кирпичные дома разительно отличаются от общегородской застройки. Речь об улице Социалистической, что в Metallургическом районе...

Главный архитектор города Николай Ющенко рассказал, что строили дома в квартале, ограниченном улицами Социалистической, Жукова, Мира и Дегтярева, в 40-х годах военнопленные. Работали по-немецки аккуратно и основательно, кирпичик к кирпичику, поэтому постройки выглядят превосходно. Эти дома, безусловно, украшение Челябинска. Особый статус нужен, чтобы их не снесли».

Шлыкова С. В нашем городе нашли кусочек Европы //Вечерний Челябинск.- 2009.-20 ноября.-С.3

ПРИЗНАТЬ ПАМЯТНИКАМИ АРХИТЕКТУРЫ

В Челябинске дома, построенные пленными немцами, могут стать охраняемым памятником архитектуры

Челябинск, Ноябрь 18 (Новый Регион, Ксения Уфимцева) – В Челябинске, за неимением исторических памятников, достопримечательностью решили признать дома в Metallургическом районе.

Как передает корреспондент «Нового Региона», жители Metallургического района обратились к депутатам Челябинской Гордумы с просьбой внести дома, построенные пленными немцами, в список охраняемых памятников архитектуры. Сегодня на заседании комиссии по градостроительству этот вопрос был рассмотрен.

По мнению депутатов, Челябинск небогат на исторические достопримечательности. Поэтому, с одной стороны, отчего бы не признать дома, ограниченные улицами Социалистической, Дегтярева, Жукова и Мира, памятниками архитектуры муниципального или даже областного значения. Однако ради этого необходимо провести экспертизу, которая определит ценность объекта. Стоимость этой процедуры для одного здания – не менее 300 тысяч рублей. Тем более, если внешне дома выглядят в целом неплохо, их внутреннее состояние оставляет желать лучшего. На ремонт, естественно, тоже нужны деньги.

Эта информация заставила народных избранников призадуматься, ведь денег в городском бюджете-то нет. Заместитель главы Челябинска по вопросам градостроительства и вовсе предложил (в шутку) признать эти дома аварийными и снести, а фрагмент стены вклеить в новое здание. По его словам, это общепризнанная мировая практика.

Тем не менее, депутаты решили обращение населения поддержать и вынести этот вопрос на заседание Гордумы.

(2009)

ХЛЕБ ДЛЯ НЕМЦА

«Однажды кто-то постучал к нам, мы открыли дверь – глядь, а на пороге стоит изголодавшийся немец. Мы и сами, конечно, были не очень обеспечены едой, но все-таки дали ему хлеба. Мы понимали: это были совершенно не опасные немцы, никто к ним даже не испытывал ненависти».

В моей памяти очень смутно сохранилось детство. Помню, какие-то постоянные железные дороги, купе, где набито очень много детей, причем, лежат они на кресле вальетом, в одну сторону у одного голова, у другого ноги. Какие-то станции, где с нас снимали

одежду, закидывали в жуткие металлические шкафы, которые прогревались таким образом уничтожались блохи в нашем незатейливом гардеробе.

Помню свой детский сад, большой, просторный, на берегу озера... Игрушек у нас не было никаких, совсем. Я помню, мы шли однажды по дороге всем своим детским садом и нашли одну настоящую игрушку – игрушечный автомобильчик. О, это был праздник нашего детства!

Потом, уже ближе к 43-44 году, стали приходить к нам в садик замечательно красивые

подарки с фронта – немецкие трофейные игрушки. Солдаты понимали, что у нас ничего нет, вот и присылали... Я запомнил одну такую игрушку – светофорчик с лампочками, который зажигался, крутился во все четыре стороны... Он казался чем-то фантастически бесподобным. Но такие вот трофейные игрушки давали преимущественно тем, у кого родители погибли на фронте. Я не мог еще понять, что мне-то, без этих игрушек, но с живыми родителями, крупно повезло! И мне, помнится, было очень печально, что мои родители не погибли на фронте и поэтому мне игрушек не давали...

Я запомнил военную технику, которую мне довелось увидеть, в особенности танки, запомнились мне и танкисты... Однажды, к нашему жуткому удивлению, танк свалил дерево огромное, почему-то наехав на него. Это было около красивого озера, где-то в районе Челябинска...

Я помню, с книгами у нас было плохо, читали нам одну-единственную книжку, моему, «Каменное сердце»...

Когда нас вернули в Москву, война еще шла, и я помню, что у нас весь Кутузовский проспект, все окна его занавесили черными шторами. Если где-нибудь проблескивалось что-то блестящее, то непременно в этот дом приходили дежурные патрули и строго говорили: «Закройте, иначе вы демаскируете Москву». Зашторенная, погружалась Москва в полную темноту. Все окна были заклеены бумажными крестами, чтобы в случае взрыва осколки не разлетались, а падали на землю...

Еще одно мое детское примечание: до войны в столице были начаты стройки, вырыты большие котлованы. За военные годы они заполнились водой, в них рыба завелась, лягушки, и мы, ребяты, с большим удовольствием играли возле этих котлованов.

Еще помню, что ходили шпики по улице, по Кутузовскому проспекту, у них были свои схроны в парадных входах, человека три, наверное, было в нашем доме, а он длиной метров 400-500...

Черные машины ездили частенько, и такое ощущение было, что если шло машин много, например, семь, – значит это Сталин поехал, пять – значит Молотов...

Из детских игр помню конечно, как играли в войнушку. У меня в записях детских есть такая заметка: «Сын спрашивает: «Папа, ты воевал?» Папа говорит: «Воевал». «Папа, а

кем ты был – русским или немцем?»

Немцы у нас пленные работали прямо во дворе, в серых довольно изношенных одеждах и пилотках. И иногда конвойные отпускали их ходить по домам, просить хлеба. Однажды кто-то из них постучал к нам, мы открыли дверь – глядим, а на пороге стоит изголодавшийся немец. Мы и сами, конечно, были не очень обеспечены едой, но дали ему хлеба.

Мы уже понимали: это были совершенно не опасные немцы и никто к ним даже не испытывал ненависти. Они как чернорабочие трудились: копали, строили...

Нам было не до пленных. По рукам ходили настоящие патроны, пистолеты, снаряды... Это был настоящий шик – обладать личным оружием.

Из вкусного съестного мало что помню, разве что кусочек хлеба, максимум какой-то пряник. Вообще, если тебе давали кусок черного или белого хлеба, посыпанный сахаром – это было самым вкусным... Голодали все. К 1947 году я, как очень ослабленный ребенок, был отправлен в санаторий под Москву...

Кто нас воспитывал, понятно, – улица и двор. Мои родители были инженерами: рано утром уходили, вечером приходили поздно. Абсолютно все дети нашего двора (огромный двор на Кутузовском проспекте, дом № 22), приходя из школы, десятиклассники, пятиклассники, первоклашки, нулешки, высыпали во двор... Двор был огорожен большим забором – и это была наша большая детская комната, где малыши прыгали в классики и через веревочку, где-то гоняли в волейбол, где-то на деньги играли, а где-то старшие ребята надували презерватив дымом и выпускали его на Кутузовский проспект, к ужасу приличных бабушек.

В те военные годы все было мне интересно, ничего страшного не было, все воспринималось по-детски. Взрослые заботились о тебе: «А, поехали, значит поехали, не важно куда, зачем...»

День Победы я практически не помню. Знаю, что общее веселье было, гудела вся Москва, все улицы... Я был в Москве в этот день, слышал, как жажали салюты со страшной силой, все сверкало и летело во все стороны, раскрашивая небо в звезды.

Энциклопедия войны: воспоминания о войне. Воспоминания участников Великой Отечественной войны

Справка начальника 2 отдела ГУПВИ НКВД СССР И. С. Денисова об удельном весе военнопленных в общем балансе рабочей силы ведущих хозяйственных министерств и крупных строек

Москва 5 марта 1947 г.

Секретно

Военнопленные как рабочая сила имеют значительный удельный вес в общем балансе рабочей силы ведущих хозяйственных министерств и на крупных объектах внутри этих министерств. Так, например, по Министерству строительства предприятий тяжелой

индустрии военнопленные составляют 20,1 % от общего количества рабочих, занятых в этом министерстве, в том числе удельный вес военнопленных по крупным стройкам министерства составляет:

Закавказметаллургстрой	76.9
Запорожстрой.....	34.3
Тагилстрой	30.1
Магнитострой	15.7

На строительстве авиационной промышленности удельный вес военнопленных составляет 31.0 %, в том числе:

Стройтрест № 4	67.0 %
№ 13.....	58.0 %
№ 11.....	34.0 %
№ 16.....	71.0 %
№ 18.....	44.5 %

По Министерству черной металлургии - 5,9 %, в том числе:

Запорожсталь.....	57.6 %
Ашинский металлургический завод	33.7 %

(ЦХИДК.Ф. 1/п, оп, 9а, д. 9, л. 183-184. Подлинник.)

Владимир Вержбовский

В КУЗНЕЦКЕ ПОСТАВИЛИ ПАМЯТНИК СОЛДАТАМ ВЕРМАХТА

На исходе лета в Кузнецке без всякой помпы и скорее даже с некоторой осторожностью открыли памятный знак немецким военнопленным. Да, тем самым, что воевали против нашего народа в 1941 - 1945 гг. Хоронили умерших пленных в лесном массиве в районе нынешней лыжной базы «Снежинка». Только по официальным данным, здесь нашли последний приют более восьмисот человек. А вот инициатором установки знака стал гражданин Германии Кристиан Зеегер, который пятьдесят с лишним лет искал могилу своего отца.

О немецких пленных

При содействии столичной ассоциации «Военные мемориалы» Зеегер и осуществил заветную мечту всей жизни. В том, что на территории Пензенской области находились рядовые, так и не дождавшиеся возвращения на родину, нет никаких сомнений - офицерских лагерей у нас не существовало. Да и в соответствии с международными конвенциями офицеров не могли заставить трудиться на нужды «социалистического народного хозяйства».

Немного истории: уже в годы войны пленных немцев рассылали по всем городам и весям Союза. Не стала исключением и Пенза. Здесь немцев использовали на самых тяжелых работах.

- Сколько их было, теперь узнать достаточно сложно, поскольку архивы, ранее хранившиеся в УВД, давно отправлены в столицу, - говорит пензенский историк и краевед Виктор Малязев. - Вкалывали пленные на строительстве дороги Рязань - Челябинск. Жили в лагерях классического типа: обычная поляна без насаждений обносилась по четырехугольному периметру колючей проволокой. В каждом углу по вышке с автоматчиком. Внутри несколько дощатых барачков на 100 - 150 человек или же

землянки. Посередине плац. Внутри барака двухъярусные нары и печь. Стены пленные обшивали матами из гибкой лозы. Топили всем, что попадалось под руку.

Слишком много горя принесли завоеватели. А потому вкалывали немцы от зари до зари и мерли, словно мухи по осени.

- Работали пленные на лесоповале, торфоразработках в Ахунах, Бессоновке, Трофимовке, Степановке, Городище, под Лунином, в Сосновоборске и ряде других районов и на строительстве дорог, - продолжает тему старейший пензенский краевед Александр Тюстин. - Большинство небольших погостов так и осталось вдоль трассы. Иногда на месте захоронения ставили лишь столбик с понятными одним сотрудникам МГБ значками. Правда, были на территории области и целые кладбища немецких военнопленных - как в Кузнецке и на Тумалеувской горе за Ишимом.

Старожилы рассказывали Виктору Малязеву, что пленных, как правило, хоронили в одном гробу по несколько покойников. Над могилой ставили крест. По мере строительства дороги перемещались и лагеря. А кто же будет следить за брошенной могилой? И мальчишки, у которых отцы не вернулись с войны, попро-

сту ломали эти кресты и затапывали погосты. Поэтому сегодня выяснить, где находятся подобные захоронения, крайне сложно.

«В лесах под Пензой»

Именно так назвал свои воспоминания Карл Хаугер, бывший наблюдатель зенитной батареи, пробывший у нас на деревозаготовках с января по май 1946 года. А пензенский журналист Александр Соболев перевел этот опус на русский язык.

«Мы прибыли на маленькую железнодорожную станцию посреди леса как раз в канун Нового года, - вспоминал Хаугер. - Надзора за нами почти не было, поэтому передвигались свободно. Мы, как и русские, понимали, что в этих глухих местах побег невозможен.

Офицер, обратившийся к нам с речью на станции, оказался нашим командиром. Желая произвести на военнопленных впечатление, он всячески демонстрировал суровость и даже грубость, но чувствовалось, что на самом деле это добрый человек».

Уже на следующее утро немцев разделили на группы, в каждую из которых назначили гражданского начальника и прикрепили охрану. Каждому выдали дневную норму хлеба, и колонна тронулась в путь. Лишь через четыре часа ходьбы по заснеженной лесной дороге пленные добрались до места.

«Меня очень впечатлили березы с заснеженными ветвями, - читаем у Карла Хаугера. - И если бы не голод и гнетущее чувство неопределенности, то мы бы несомненно насладились красотой природы. В конце пути увидели большой деревянный дом, одну четвертую которого занимала семья лесника. Остальная часть представляла собой большой барак с рядами деревянных нар.

В центре находилась печь. Охранники расположились рядом с нами».

Работали немцы попарно и за световой день должны были срубить и обработать четыре дерева. «Их срубили, распиливали на четырехметровые куски, обрубили ветки, а затем складывали в штабеля, - написано в мемуарах. - Мерой производительности нашего труда являлось количество штабелей из заготовленной древесины. В конце каждого дня результаты записывались в тетрадь.

Но иногда нам удавалось обмануть начальство: мы перетаскивали уже подсчитанные штабеля на новое место. Работа была очень тяжелой. К тому же надо добавить морозы. Перед тем как свалить дерево, мы для удобства вырубали окружавшие его небольшие деревца и кусты. Надпилив ствол, подрубили его топором, чтобы дерево упало в нужную сторону.

Спустя неделю у нас появился первый заболевший. Из-за упадка сил он не мог работать. В конце января двух человек придавило огромной сосной. Один погиб на месте, а другой не мог идти, и его пришлось нести. В

тот же вечер, греясь у костра, я почувствовал боль в пальцах рук. На следующий день у меня почернели два пальца. Я их обморозил. Медик помазал их чем-то и наложил повязку. Но от работы меня не освободили.

Крайне тяжелые условия все чаще заставляли задумываться о побеге. Мы строили планы, как добраться до Волги, захватить там плоты и уплыть на них в Турцию. Несмотря на абсурдность наших планов, сами разговоры на эту тему воодушевляли нас и помогали выжить.

С каждым днем я все явственнее ощущал, как меня покидают силы. В середине февраля мое тело совсем отказалось слушаться. Меня отправили в лагерь. «Ну, вот и конец», - подумал я. Но, слава Богу, меня перевели на легкую работу - записывать количество заготовленных штабелей».

С продовольствием у пленных тоже было туго. Провизия в лагерь нередко запаздывала, и немцы в течение 2 - 3 суток оставались практически без пропитания. «Тогда русские говорили: «Скоро всем будет п...», - листаем страницы воспоминаний дальше. - К тому же часть продуктов уходила на черный рынок.

Но в мае все изменилось. Питание стало значительно лучше. Прошел слух, что лагеря проверяет какая-то комиссия и выясняет причины гибели военнопленных.

О комиссии говорили много, но приехала женщина-медик с несколькими помощниками. Десять человек признали негодными к тяжелому труду, в число коих попал и я...»

Легионеров прокатили

Пару лет назад представители министерства обороны Чешской Республики обратились к городским властям с предложением установить в Пензе мемориал в память о событиях мая - июня 1918 года.

Напомним, что тогда в последний раз в новейшей истории на территории столицы сурского края велись настоящие боевые действия. Чехословацкие легионеры отказались подчиниться приказу Льва Троцкого о разоружении, захватили штурмом город, выбив из Пензы большевиков, и спустя сутки покинули его.

Не будем сейчас вдаваться в политические оценки тех давних событий. Дело в другом. Пенза не Питер, и похвастаться обилием памятников мы не можем. А здесь такая удача: за свой счет чехи хотели поставить памятник, далее наверняка начались бы поиски захоронений легионеров, было бы обустроено и их кладбище, сюда бы в обязательном порядке стали приезжать их родственники из Чехии и Словакии...

Чем плохо? А вышло так, что город отказался от данного проекта. Почему? Непонятно это...

**Газета «Молодой ленинец».
Выпуск: №37 (7656) от 10 сентября
2013 года**

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ, ИЛИ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА УРАЛЕ

Поиск солдат двух самых кровавых войн XX столетия и их потомков ведет вот уже восемь десятилетий общественная организация из Австрии «Черный Крест». На территории России, и в частности, в Свердловской области немало захоронений австрийских военнопленных. А в землях бывшей Австро-Венгрии покоятся многочисленные останки россиян.

Австрийский «Черный Крест» выясняет судьбы соплеменников в разных странах мира. Заботится не только о своих. Как подчеркнул во время одной из уральских поездок член президиума «Черного Креста» Петер Ризер, общественная организация занимается также поиском русских пленных. В частности, российской стороне был передан список из 72 тысяч имен и фамилий воинов, погибших на австрийской территории. «Черный Крест» ухаживает за могилами русских и советских солдат на территории своей страны.

Представители «Черного Креста» сотрудничают с Тамбовом и Волгоградом. В Свердловской области представители общественной организации побывали несколько раз. Благодаря сотрудничеству с местными властями и общественностью, прежде всего, с профессором Уральского госуниверситета Владимиром Мотревичем, австрийцам удалось разыскать немало захоронений. Но самым удивительным фактом стала судьба уроженки Австрии Фриды Вагнер. Шестнадцатилетняя Фрида Вагнер после окончания Второй мировой войны была выслана в Россию. Вновь увидеть родину помог «Черный Крест». Спустя почти полвека!..

Драматическая история началась в 1946 году в Нижней Австрии. У Фриды при проверке не оказалось советского пропуска, и ее вместе с другими подозрительными лицами вывезли в Советский Союз. Сначала были лесозаготовки в Челябинской области. После лагеря, в 1951 году, Фрида получила, как и ее соплеменники, разрешение вернуться в Австрию. К несчастью, вмешался случай. При отправке поезда, на вокзале, незнакомая женщина попросила Фриду немного присмотреть за ребенком. И не вернулась.

С тяжелым сердцем провожала девушка уходящий поезд. Она понимала, что новые выездные документы ей удастся оформить не скоро. Пришлось искать работу. После нескольких переездов Фрида Вагнер оказалась в Свердловске. Она трудилась в горнодобывающей промышленности, потом на транспортном предприятии. Вышла замуж. Но дети умерли вскоре после рождения. Супруга Фрида похоронила в 1984 году. В последние годы перед отъездом она жила в маленьком деревянном домике, работала уборщицей.

Наверное, последним шансом увидеть родные места стал визит в Россию представителей «Черного креста» в 1992 году. Петер Ризер выступил по радио и предложил всем австрийцам, не сумевшим вернуться после войны, подать о себе весточку. По счастливой случайности Фрида Вагнер услышала это обращение и попросила подругу составлять письмо в посольство Австрии. После этого в Екатеринбург приехал сам Питер Ризер. После переезда, во многом благодаря собранному профессором Владимиром Мотревичем документам, Фрида Вагнер получила австрийскую пенсию и сняла небольшую квартиру.

Господин Ризер во время нашей встречи подчеркнул, что еще многие австрийцы и их потомки, согласно полученным сведениям, живы. «Черный Крест» постоянно получает письма от австрийцев - родственников пропавших без вести. Прерванные связи с родиной могут быть восстановлены, если обратиться в посольство Австрии в Москве или написать в «Черный Крест» в Вьену (Osterreichisches Schwarzes Kreuz, Wollzeile 9, 1010 Wien, телефоны: (0222) 51-23-769 и 51-20-557, факс: 51-20-556).

На Урале помощниками «Черного Креста» стали местные жители. И это понятно: старожилы Ирбита еще помнят оставшихся здесь военнопленных, с которыми бок о бок провели не один десяток лет. Свою лепту в благородное дело человеческой памяти внесли ирбитские казаки.

Во время Первой мировой войны, после Брусиловского прорыва, по словам товарища атамана Зауральского казачьего округа Олега Потеряева, австрийских военнопленных эшелонами перебрасывали в центр России. От Екатеринбурга везли через Реж, Артемовский, поселок Зайково, Ирбит, в сторону Туринска. По несколько человек оставляли почти на каждом полустанке. Военнопленные должны были помогать в строительстве железной дороги. После Октября 1917 года симпатии бывших солдат Австро-Венгрии разделились: кто примкнул к частям Красной армии, кто ушел к «белым», некоторые остались в уральских деревнях. Завели семьи. Один из них, по фамилии Кучера, в 20-х годах даже создал первую баскетбольную команду в Ирбите.

Добрую память сохранили в селе Зайково Ирбитского района о бывших военнопленных австро-венгерской армии. Некоторые из солдат-славян, ушедшие на фронт из Галиции, остались жить на Урале. В 1918 году местная девушка Александра, поведала мне зайковский краевед Мария Амбарова, решила выйти замуж за австрийца по фамилии Козак. Но отец

о такой свадьбе и слышать не желал. И тогда Александра убежала из родного дома. И всю жизнь прожила со своим «австрияком» очень счастливо.

А свекор Марии Ивановны сталкивался с австрийцами не один раз. Андрей Амбаров во время Первой Мировой войны был тяжело ранен в Закарпатье. Его спасли солдаты австро-венгерской армии. Потом он лечился в австрийском госпитале, работал у австрийского торговца. Предлагали жениться - отказался: дома ждала семья. Вернувшись на Урал, Андрей Амбаров опять же вместе с австрийцами строил железную дорогу. Кстати, еще один из этих пленных, тезка Амбарова, Андрей Бондарчук прижился в селе Зайково, вместе со всеми зарабатывал трудодни в колхозе. Теперь на могиле Андрея Бондарчука стоит небольшая стела, как и на месте расстрела колчаковцами двух других солдат из Австро-Венгрии. Такова дань памяти своим соотечественникам

австрийского «Черного Креста».

Если «Черный Крест» в Австрии заявил о себе еще в 1919 году, то в России подобная организация появилась лишь в 1991 году. Деятельность ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» проходит под эгидой Министерства обороны РФ. Впрочем, несколькими годами ранее ее цели предвосхитил наш земляк, ныне профессор кафедры этнологии Уральского государственного университета, доктор исторических наук Владимир Мотревич. Наверное, одним из первых он поднял в научных кругах проблему захоронений военнопленных на российских землях. Сегодня профессор Владимир Мотревич в качестве представителя ассоциации «Военные мемориалы» координирует поиск могил военнопленных на Урале.

<http://www.uralgalaxy.ru/literat/ug2/avstr.htm>

Елена Ивановна Тураева

ПАМЯТНИКИ ИНОСТРАННЫМ ВОЕННОПЛЕННЫМ В АСБЕСТЕ

Давно закончилась Великая Отечественная война, а некоторые страницы истории этой войны все еще не изучены до конца. Иностранные военнопленные и их захоронения относятся к таким неизученным темам. Многие жители Асбеста и не знают, что в нашем городе есть четыре памятника умершим иностранным военнопленным. Эта тема меня заинтересовала тем, что один из памятников находится рядом с поселком Ново-Кирпичный, где я живу с 1991 года. А когда я спрашивала об этом местных жителей, никто не знал, кто и когда установил этот памятник. Поэтому, когда я прочитала условие конкурса «Неизвестный Урал», то сразу же поняла, что именно о памятниках военнопленным в Асбесте хотела бы рассказать, но не предполагала, что их оказывается, не один, а четыре.

Воинские захоронения времен второй мировой войны изучают уральские ученые, краеведы. Доктор исторических наук Владимир Павлович Мотревич занимался поисками «генеральского кладбища» в Асбесте. Публикации по этой теме в газете «Асбестовский рабочий» были подготовлены также Натальей Суржиковой из Уральского Госуниверситета. Этими вопросами интересуются родственники бывших военнопленных. В 2006 году в Асбест приезжал внук немецкого унтер-офицера Флориан Шварц. Его дед Лео Дунц находился в лагере для военнопленных в Асбесте. Почти неделю провел Ф. Шварц в Асбесте и помогал ему найти информацию внук русского солдата, сам человек военный - Сергей Владимирович Липачев. Дед Сергея Владимировича прошел всю Великую Отечественную войну. В городе

Асбесте никто не знает о военнопленных и их захоронениях столько, сколько знает Сергей Владимирович. Всю информацию на эту тему он изучает и систематизирует. Мы, сотрудники библиотеки, тоже обратились за помощью к Сергею Владимировичу, и он предоставил нам фотографии трех мемориальных памятников и подробно рассказал, где они находятся. Рассказал и о четвертом памятнике – большом мемориальном кресте, который установил немецкий народный союз по уходу за воинскими захоронениями. Немецкий народный союз обустроил могильник в районе асбофабрики № 4.

По официальным данным, в советском плену оказалось свыше четырех миллионов иностранных граждан. В Свердловскую область военнопленные вражеских армий начали поступать уже в 1942 году. Асбестовский лагерь для военнопленных был вторым по величине в Свердловской области. В 1944-1948 годах в Асбесте размещались четыре отделения и управления лагеря для военнопленных № 84. По известным данным, на июль 1946 года в лагере содержались 9467 человек. Из них 7778 человек – немцы, 687 – австрийцы, 422 – венгры, 387 – румыны, 193 – военнопленные других национальностей. Основную часть заключенных составляли военнопленные рядового состава – 9188 человек, остальные – 281 – военнопленные офицерского состава. Пленные работали в тресте «Союзасбест», в сентябре 1947 года их насчитывалось 4, 2 тысячи человек. С 1949 года по 1956 год в лагере № 476 содержались военные преступники. О них напоминает могильник в районе

асбофабрики № 4, где захоронены 49 человек, в том числе пять генералов вермахта. А вот от лагерьного отделения, находившегося в поселке Лесозавод, не осталось даже кладбища. Около 150 могил ушли под глиняный карьер, где в 1953 году началось строительство кирпичного завода. Сейчас на том месте венгерским правительством в память о военнопленных из этой страны установлен памятный знак. Он находится на левой обочине дороги к подъезду кирпичного завода, сейчас это закрытое акционерное общество «Заречный». Всего в Асбесте находятся четыре воинских захоронения. В 1998 году финская сторона установила на одном из них памятник жертвам войны. Два памятных мемориальных знака умершим военнопленным (финнам и венграм) находятся прямо посередине огромного асбестово-

го карьера. Они остались нетронутыми, так перезахоронение, если оно случится, будет производиться за счет той стороны, которая заинтересована в этом. По словам В. П. Мотревича, по договору Российской Федерации с иностранными государствами платит тот, кто инициирует эксгумацию. Перенос памятников в свое время инициировал комбинат «Ураласбест», но комбинат не имеет таких средств, чтобы финансировать эксгумационные работы. Все памятники находятся далеко от города на закрытой для посещения территории, кроме того, что поблизости от дороги к кирпичному заводу. Этот памятник сфотографировала я сама этой осенью. Автор фотографий трех остальных памятников – Сергей Владимирович Липачев.

Список используемой литературы:

Брюховецкая М. «Финны посетили старое кладбище» / М. Брюховецкая // Асбестовский рабочий. – 2006. – 19 сентября. – С. 3.

Суржикова Н. С мечом пришли...: иностранные военнопленные на Урале / Н. Суржикова // Асбестовский рабочий. – 2000. – 20 июня. – С. 2-3. – (Когда-то запретная тема).

Мотревич В. Солдаты вермахта ... в Асбесте / В. Мотревич // Асбестовский рабочий. – 1992. – 8 октября. – С. 3.

Паспорт: мемориальные памятные знаки захоронения умерших иностранных военнопленных / Сост. Чикунова Н. Л. // Отдел охраны памятников истории и культуры местного (муниципального) значения отдела культуры Асбестовского городского округа. – Асбест. – 2006.

Сохранить хрупкую память: захоронения военнопленных в Асбесте // Асбестовский рабочий. – 2009. – 3 марта. – С. 2. – (Далекое-близкое).

6. Синявский В. Встретились внуки солдат мировой войны /В. Синявский // Асбестовский рабочий. – 2006. – 16 ноября. – С. 2. – (Далекое-близкое).

Описание памятных знаков захоронения умерших военнопленных

Мемориальный памятный знак захоронения умерших иностранных военнопленных

Мемориальные памятные знаки находятся на месте горных разработок северного рудоуправления, а точнее карьере № 1-2 ОАО «Ураласбест», между Северным карьером и карьером № 1-2.

Мемориальный памятный знак захоронения умерших иностранных военнопленных содержит в себе два памятных знака, памятный знак захоронения финских военнопленных (установлен в июне 1998г.), памятный знак захоронения венгерских военнопленных (установлен в апреле 2000г.).

Мемориальный комплекс основан на месте захоронения военнопленных лагеря № 84, умерших в 1942-1943г.г., всего захоронено около 2000 человек (немцы, румыны, венгры, итальянцы, финны). Финнов из них – 63.

1). Памятный знак захоронения финских военнопленных установлен по инициативе финской стороны, стела была изготовлена в Финляндии и перевезена в Россию. Памятный знак захоронения венгерских военнопленных был изготовлен в России по инициативе венгерской стороны.

Памятный знак (финнам) представляет собой серую мраморную плиту с текстом: «Умершим в плену финским военнослужащим» (на финском и русском языках). В верхней части стелы герб.

2). Памятный знак (венграм) представляет собой ромбовидную плиту на ступенчатом основании (из двух плит) с текстом: «Здесь покоятся венгерские военнопленные – жертвы второй мировой войны» (на венгерском и русском языках).

Мемориальный памятный знак захоронения умерших венгерских военнопленных

Мемориальный памятный знак является памятником истории, находится на обочине дороги к подъезду ЗАО «Заречный», (бывший Кирпичный завод).

Мемориальный памятный знак захоронения умерших венгерских военнопленных установлен в 1998г. на месте лагерьного кладбища (в районе лесозавода (сегодня кирпичный завод) располагалось лагерьное отделение № 5 лагеря № 84). Всего захоронено около 159 человек (захоронены

Памятный знак захоронения финских военнопленных (вверху), памятный знак захоронения венгерских военнопленных

не только венгерские военнопленные).

Памятный знак установлен по инициативе венгерской стороны. Стела изготовлена в Нижнем Тагиле (подобная стела единственная в своем роде, все последующие, которые устанавливались как в России, так и в мире были ромбовидной формы, в том числе второй памятный знак, расположенный на территории горных разработок северного рудоуправления). Данный памятный знак представляет собой трехгранную стелу, высотой около 1,5м. Верхняя часть стелы скошена под углом 45 градусов.

Текст: «Здесь покоятся венгерские военнопленные – жертвы второй мировой войны». Текст на двух языках: русском и венгерском

Мемориальный памятный знак захоронения умерших военнопленных

Мемориальный памятный знак установлен на месте кладбища лагеря МВД № 476, находится на окраине города Асбеста в районе асбофабрики № 4. На этом кладбище 46 захоронений, есть предположения, что именно там похоронены пять генералов вермахта.

Памятник представляет собой большой мемориальный крест, который установил немецкий народный союз по уходу за воинскими захоронениями. Немецкий народный союз обустроил захоронение в районе асбофабрики № 4.

Текст: «Здесь покоятся военнопленные – жертвы Второй мировой войны». Текст на двух языках: русском и немецком.

**Центральная детская библиотека
МКУК «Централизованная библиотечная система» Асбестовского городского округа,**

**А.М. Украинцев,
Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т.С. Мальцева**

ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

**(Из материалов Всероссийской научно-практической конференции
VI Зырянские чтения, Курган, 11-12 декабря 2008г. Издательство КГУ, 2008)**

Вторая мировая война, прокатившись по Европе огненным смерчем, опалила своим чудовищным дыханием народы всех воевавших стран. Никогда ранее история не знала такого количества военнопленных, интернированных, депортированных и перемещенных лиц. Неоправданно долго оставался закрытым доступ к информации о режиме и качестве содержания военнопленных и интернированных, об использовании их труда, о правовых и гуманитарных аспектах плена, о культурно-психологической атмосфере лагерей, об идеологической работе по перевоспитанию вражеских военнопленных. Реконструкция этих сторон функционирования советской пенитенциарной системы и составляет задачу данного исследования.

На Урал военнопленные стали поступать с 1942 года. В 55 лагерях и 23 спецгоспиталях содержалось свыше 250 тысяч человек. Под патронажем СМЕРШа эти лагеря были материальной и строевой принадлежностью ГУЛАГа, затем были переданы специально созданному Главному управлению по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). В плену умерло и погибло около 30 тысяч человек. Целенаправленного уничтожения не осуществлялось. Умершие в плену захоронены на 216 спец. кладбищах, 2,2 тысячи захоронены в Челябинской области (1, 120). Статус захоронений определен Женевской конвенцией 1949 г., Постановлением Правительства РФ от 16. 12. 1992 г. № 979 и 2-х сторонами соглашениями между РФ и ФРГ об уходе за могилами воинов. Что касается интернированных, то постановлением ГКО от 16 декабря 1944 г. предусматривалась мобилизация на работу в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте: мужчины – с 17 до 40 лет; женщины – от 18 до 30 лет. На начало 1946 г. в СССР было 132,4 тыс. интернированных граждан немецкой национальности, в основном женщин. На Урале – 14,6 тысяч (2, 229).

На территории Курганской области для содержания военнопленных и интернированных было создано 4 спецлагеря: один – в г. Шумихе (при спецгоспитале № 3757); второй – РБ МВД № 1085 – в г. Кургане – командир батальона т. Коваленко; третий – ОРБ МВС № 437 – на станции Иковка – командир батальона подполковник Стёпин (3); четвёртый – лагерь № 514 – около г. Шадринска – начальник лагеря майор Сычёв Н.М., который, согласно записи в трудовой книжке, «прибыл для прохождения службы в УВД Курганской области в 1943 году» (4, 8). Лагерь существовал с апреля по ноябрь 1945 года, после чего он был расформирован. В нём, согласно рассекреченному фонду 767 Шадринского городского архива, числилось

674 человек, из них 48 мужчин и 626 женщин, преимущественно немцев из восточной Пруссии, а также поляков, принявших германское подданство (фольксдойчи) (5, 66).

Основанием для интернирования могла быть принадлежность к одной из фашистских организаций. Так, в лагере № 514 все лица, содержащиеся в нём, входили в национал-социалистические организации: БДМ (Бунд Дойче Мэдель) – союз германских девушек; «Гитлерюгенд»; НСДОП (национал-социалистическая партия немецких рабочих) «Арбайт-фронт». Не менее важным основанием для интернирования была принадлежность к зажиточному слою крестьян, владевших своей землёй или применение в своём хозяйстве подневольного труда советских военнопленных, как и наёмного труда вообще, что подтверждается материалами личных дел заключённых. Из протокола допроса Марты Геринг: «С 1940 г. я состояла в БДМ. ... У нас работал русский раб» (6, 66).

Большинство интернированных из Шадринского спецлагеря имели 8-классное образование, работали в хозяйстве родителей. Интернированными представлены округа городов Диршау, Браунсберг, Кенигсберг, Картузы, Данциг. Значительная часть интернированных была представлена поляками, принявшими немецкое подданство (фольксдойчи). Например, Хильдегарт Мишке, в замужестве Раушенбах, из Восточной Пруссии, д. Дикшен, почтовое отделение Усбаллен, округ Пиллькаллен (6, 187). Семья имела хозяйство в 40 моренов земли; что позволяло кормить 8 человек: отца, мать, бабушку, деда, двух старших сыновей, дочь Хильду и сестру матери (6, 6).

За период с 1945 по 1948 гг. все заключённые лагеря, разделённые на роты (побарачно), выполняли преимущественно полевые работы, трудились также на разгрузочной платформе и в цехах ШААЗиС, эвакуированного из Мо-

«Немецкие дома» в Шадринске

сквы. Были и военнопленные. Они построили железнодорожную баню и дома по ул. Красноармейской с № 75 по № 85 (6 домов); рыли канавы на кладбище (5, 65).

За работу, при условии 100%-го её выполнения, выдавалось 600 граммов хлеба, но, как вспоминает Х. Раушенбах, чаще всего выдавалось 500 граммов: питание было скудным, как правило, это перловая каша, к которой на обед добавлялся перловый суп, иногда в нём обнаруживались крупинки мяса. «Летом кухня разнообразит наш стол грибным супом. Ждём осени, которая должна принести нам такой долгожданный картофель» (6,58), Для сравнения следует добавить, что кадровый состав, охранявший эти лагеря, получал хлебный паёк в количестве 600-700 граммов.

Тем не менее, всем учреждениям, содержащим военнопленных и интернированных, НКВД предписывалось иметь подсобные хозяйства, деятельность которых жёстко контролировалась спецфинотделами через финансовую отчетность. Так, согласно отчёту за 1943 г. эвакогоспиталь № 3757 (ст. Шумиха) имел в подсобном хозяйстве 73 га земли, из них 28 га пашни; 2 дойных коровы; 10 свиней; 6 овец. Это хозяйство велось эвакогоспиталем, имевшим в штате 182 человека, 600 больничных коек и фонд содержания в 1090,5 рублей (7). Кроме того, имелся большой огород, где совместным трудом медработников и военнопленных выращивали хороший урожай капусты, помидоров, огурцов, репы, брюквы, моркови.

Стараниями начальника госпиталя, врача-хирурга Анастасии Афанасьевны Корытовой, и её помощника по медчасти Елизаветы Феоктистовны Феединой гарантировалось гуманное и милосердное отношение к раненым военнопленным. В палатах поддерживалась идеальная

чистота. «В госпитале проходили концерты. Итальянцы поражали своей певучестью» (8). Это не противоречило строгой военной дисциплине. «Часто водили военнопленных под конвоем на работу по городским организациям».

...День Победы стал праздником для всех.... Вскоре военнопленных стали отправлять на родину. Я как медработник сопровождала эшелон до г. Кенигсберга» (8).

Но плен есть плен. Х. Раушенбах отмечает, что очень тяжело переносилось отсутствие всякой информации о родине; слухи о судьбе послевоенной Германии морально подавляли, особенно о ликвидации Восточной Пруссии, так как многие были именно оттуда; а также о разделе Германии на 4 зоны оккупации; о неопределённости своей собственной судьбы. Несмотря на все невзгоды, не было никогда сказано ни одного плохого слова о взаимоотношениях с местным населением, в данном случае с жителями Шадринска. Все 50 бывших узниц лагеря № 6437, сумевших приехать на встречу в Бад-Пермонте, близ Ганновера, инициатором которой была Х. Раушенбах, вспоминали, как постоянно получали что-то съестное от жителей Шадринска, хотя те и сами жили впроголодь (9, 8).

Так было вначале. В конце заключения материальный достаток улучшался и за счёт... зарплаты: «В начале февраля диспетчер Наташа говорит нам, уже окончившим дневную смену, что-то совсем невероятное: «Девушки, идите в отдел. Получите зарплату». Нам кажется, что мы ослышались. ...По какому принципу она распределялась, нам не понятно, все мы выполняем одинаковую работу. Я получаю 23 руб., в пересчёте на хлеб – это две булки. Но мы всё равно не можем пойти в магазин, ...для нас это возможно только на базаре по завышенным ценам. Хлеб у русских до сих пор

распределяется по карточкам» (6, 89).

Администрация лагерей несла полную ответственность за личное имущество пленников, что подтверждается личными воспоминаниями и анализом имеющихся в распоряжении исследователей документов. Так, в Книге регистрации входящих секретных документов аппарата НКВД при эвакогоспитале № 3757 зарегистрирована служебная переписка «по причине не возвращения кольца Кнауте Отто» (10). Отдельно от других проходят документы с информацией о военнопленных, проживавших в Эльзас-Лотарингии (11). Специфичность этой

информации даёт возможность предположить, что заинтересованным заказчиком на неё могли быть спецорганы союзной Франции.

12 июля 1946 г. в книге регистрации входящих и исходящих документов аппарата НКВД (МВД) при эвакогоспитале № 3757 произведена последняя функциональная запись об откомандировании нескольких сотрудников в распоряжение ОК УМВД Курганской области «в связи с ликвидацией госпиталя». За год до этого начала осуществляться интенсивная репатриация военнопленных и интернированных.

Примечания

Мотревич В.П. Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия (УИЭ). - Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. - С. 120.

Мотревич В.П. Интернирование // УИЭ. - Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998, - С. 229.

ГАКО Ф. № р-802. Оп. 1. Д. 4.

Зуева М.И. Начальник лагеря военнопленных // Исеть. - 2005. - 10-15 марта. - С.8.

Зуева М.И. Интернированные в Шадринске // Материалы научно-практической конференции по проблемам гражданского и патриотического воспитания молодежи. - Курган. 2000. - С. 64-67.

Раушенбах Х. Ссылка в Сибирь. - Шадринск, 2000 / Von Pillkallennach Schadrinsk. Gerhard Rautenberg Leer. 1993.

ГАКО, Ф. № Р - 1138. Оп. 1. Д. № 16

Медведева Е.Л. Немцы в... Шумихе // Знамя труда. - 1989. - 22 авг.

Раушенбах Х. Вспоминая шадринский плен: Литературно-краеведческий выпуск // Исеть. - 1998. - 20 нояб. - С.8.

ГАКО, Ф. № Р-802. Оп. 1. Д. № 4. С.17, регистрац. запись от 17.11.1944.

ГАКО, Ф. № Р-802. Оп. 1. Д. №4. С.19, регистрац. запись от 3.10.1945

http://www.kurgangen.org/local-finding/New%20History/Voennoplennye_1/

ВОЙНА НИКОМУ НЕ НУЖНА

Худой мир лучше хорошей войны – эта истина выстрадана человечеством. Но оно не всегда ей следует. Вторая мировая война или Великая Отечественная война, как считаем мы, нанесла огромный удар по вековым добрососедским традициям российского и германского народов. Наша важнейшая задача их восстановить. Для этого есть серьезная основа: глубокие чаяния наших народов извлечь уроки из исторических ошибок и жить в дружбе.

К этим выводам приходили немецкие солдаты даже на фронте, когда казалось бы ненависть переполняет сердце. Об этом, как на исповеди, они писали домой из окружения под Сталинградом, когда, глядя в лицо смерти, пишешь о самом важном. Они были опубликованы в мартовском 1990 года номере журнала «Знамя». Вот что писал во вступлении главный редактор журнала Григорий Бакланов:

«История этих писем такова. В дни, когда завершался разгром окруженной 6-й немецкой армии Паулюса, завершалась Сталинградская битва, одним из последних немецким самолетов была вывезена почта. Самолет благополучно приземлился в Новочеркасске, почты было семь мешков, и все они были конфискованы немецким командованием. До адресатов письма не дошли, более того, имена отправителей и адресатов в дальнейшем уничтожили...

...Люди не рождаются врагами, врагами их делают. Пришло время услышать и тех, кто был по ту сторону фронта, кого сорок с лишним лет назад фашизм сделал нашими врагами»

«...У меня в руках твоя фотография. Я долго в нее вглядываюсь. И вспоминаю чудный вечер в последнее мирное лето – мы вдвоем идем по цветущему лугу к нашему дому. Близость

наша сначала говорила языком сердца, а потом зазвучала истинной любовью и счастьем. Мы говорили о своем будущем, которое разворачивалось перед нами, как многоцветный

ковер.

Ничего не осталось от того ковра. От того летнего вечера и цветущей долины. Мы в разлуке. И вместо яркого ковра бесконечное белое поле, и сейчас не лето, а зима, и нет будущего, во всяком случае, для меня его нет и потому, наверное, и для тебя.

Меня все время мучило какое-то необъяснимое чувство, я не понимал, что это, но теперь, я знаю – это был страх за тебя. Я через тысячи километров ощущал, что и ты чувствуешь то же самое. Когда получишь это письмо, вслушайся в него и, может, ты услышишь, мой голос. Нам говорят, что мы тут сражаемся за Германию, но очень немногие здесь верят, что нашей Родине нужны бессмысленные жертвы».

* * *

«...Вчера на наблюдательном пункте Ханнес уговорил меня написать тебе. Я неделю колебался, писать или не писать это письмо, потому что думал: неизвестность хоть и мучительна, но все-таки оставляет искру надежды. То же самое я думал и по поводу своей судьбы. Каждый раз, засыпая, осознавая всю отчаянность нашего положения – между надеждой и гибелью. Но я старался ничего не додумывать до конца. Я много раз мог погибнуть, но прежде это было бы внезапно, неожиданно, без подготовки. А сейчас все иначе, с сегодняшнего утра я знаю, что нас ждет, и мне стало легче, потому что я хочу освободить от мук неизвестности.

Когда я увидел карту, я пришел в ужас. Мы совершенно покинуты, без всякой помощи извне. Гитлер нас бросил в окружении. И письмо это будет отправлено в том случае, если наш аэродром еще не захвачен...»

* * *

«...Сегодня я снова пишу тебе письмецо, хотя только вчера отправил два: одно тебе, второе Хансу Мюльнеру. На мое молчание ты не можешь пожаловаться. Я от всей души поздравляю бабушку с 74-летием и очень жалею, что не могу попробовать вашего именинного пирога. Есть у вас из чего испечь его? У нас тут, конечно, о пирогах и речи нет, но, когда выберемся отсюда, будет все, а пока приходится потуже затягивать пояса. Сходи в сберкассу, сними пятьдесят марок и купи для бабули хороший подарок. Пусть порадуется. У Бергеров наверняка есть кофе, ведь он работает в управлении порта. Если у них есть, они обязательно дадут, ты только скажи, что для дня рождения. Они мне многим обязаны.

Прости, что пишу такую ерунду. Но лучше уж ерунда, чем совсем ничего. Никогда не знаешь, где тебя настигнет пуля. Но ты не бойся за нас. Мы непременно выберемся и сразу же получим все по 4 недели отпуска.

Тут очень холодно, а у вас снег лежит? Тут его столько, что надо следить, как бы он тебя не засыпал».

* * *

«...Ну вот, теперь ты знаешь, что я не вернусь. Пожалуйста, сообщи об этом нашим родителям как можно осторожнее. Я в тяжелом состоянии. Прежде я верил и поэтому был сильным, а теперь я ни во что не верю и очень слаб. Я многого не знаю на того, что здесь происходит, но и то малое, в чем я должен участвовать, – это уже так много, что мне не справиться. Нет, меня никто не убедит, что здесь погибают со словами «Германия» или «Хайль Гитлер». Да, здесь умирают, этого никто не станет отрицать, но свои последние слова умирающие обращают к матери или к тому, кого любят больше всего, или это просто крик о помощи. Я видел сотни умирающих, многие их них, как я, состояли в гитлерюгенд, но, если они еще могли кричать, это был крик о помощи, или они звали кого-то, кто не мог им помочь...»

* * *

«...Если есть Бог, написала ты мне в твоём последнем письме, он скоро вернет тебя мне живым и здоровым. Ты писала: такого человека, как ты, который любит животных и цветы и никому не делает зла, любит своего ребенка и жену, Бог непременно сохранит.

Благодарю тебя за эти слова, письмо твое теперь всегда со мной в нагрудном кармане. Но если ты, дорогая,ставишь свою веру в существование Бога в зависимость от исполнения твоей надежды, ты окажешься перед очень тяжким решением. Я ведь религиозный человек. Ты всегда была верующей, но теперь это изменится, если мы будем исходить из нашей прежней позиции, ибо обстоительства таковы, что выбрасывается на свалку все, во что мы верили...

Если Бог есть... Там на другой стороне, это тоже повторяют многие, и, наверное, миллионы в Англии и Франции. Я не верю больше в доброту Бога, иначе он никогда не допустил бы такой страшной несправедливости. Я больше не верю в это, ибо Бог прояснил бы головы людей, которые начали эту войну, а сами на трех языках твердили о мире...»

* * *

«... Какое несчастье, что началась эта война! Сколько прекрасных деревень она разорила, разрушила. И поля всюду не паханы. Но страшнее всего, что столько людей погибло. И теперь все они лежат во вражеской земле. Какое это огромное горе! Но радуйтесь, что война идет в далекой стране, а не на нашей любимой немецкой Родине. Туда она не должна прийти, чтобы горе не стало еще большим. Вы должны быть благодарны, должны на коленях благодарить за это Господа Бога...»

* * *

«...Господин тайный советник! Сталинград – хороший урок для немецкого народа, жаль только, что те, кто прошел обучение, вряд ли смогут использовать полученные знания в дальнейшей жизни. А результат надо законсервировать. Я – фаталист, и личные мои

потребности настолько скромны, что я в любой момент, когда первый русский появится здесь, смогу взять рюкзак и выйти ему навстречу. Я не буду стрелять. К чему? Чтобы убить одного или двух людей, которых я не знаю? И сам я не застрелюсь. Зачем? Что, я этим принесу

какую-нибудь пользу, может быть, господину Гитлеру? Я за те четыре месяца, что нахожусь на фронте, прошел такую школу, которую, наверняка, не получил бы, даже прожив сто лет...»

Письма были предварительно рассортированы по содержанию и настроениям, по результатам составили статистическую сводку. Что интересно, оппозиционно относящихся к войне, не верящих, отвергающих войну оказалось свыше 60 процентов. Были сомневающиеся, индифферентные, одобряли войну в этих письмах только 2,1 процента...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Военнопленные немцы появились в Челябинской области в 1943 году и работали на различных производствах. Количество военнопленных Второй мировой войны, содержащихся в семи лагерях, составляло 101 857 человек. Силами военнопленных с мая 1946 по январь 1950 года было построено: жилой площади – 117 295 кв. метров, промышленных площадей – 11 225 кв. метров, объектов соцкультбыта – 2083 кв. метра, автодорог (в пересчете на ширину 5 м) – 32 900 погонных метров, три мартеновские печи, трамвайных линий – 21 800 метров, стекольный завод, кирпичный завод, выпускающий девять миллионов кирпичей в год, две фабрики сульфидных руд, турбогенератор ТЭЦ, паровозное депо. Изготовлено: тракторов – 47 891 штук, грузовых автомобилей – 7011 штук. Добыто: каменного угля – 841 258 тонн, медной руды – 493 200 тонн и многое другое. Последние военнопленные покинули нашу область после амнистии в 1955 году.

В нашей области было официально похоронено 2,2 тысячи военнопленных Второй мировой войны - из тех, кто был в плену и работал у нас.

Мне пришлось уже в наше время встретиться с немецкими ветеранами, которые были в плену в СССР. Я понимаю, что любой плен не сахар. Но меня встречи с этими ветеранами потрясли. В первую очередь, тем чувством любви и уважения, которые они испытывают к советскому народу. И второе, огромной жадной добиться дружбы между немецким и российским народами.

Среди этих героев, наш испытанный и искренний друг Зигфрид Бургмайстер, который описал свою историю в книге «Жизнь между заблуждениями и надеждой». Он проделал непростой путь от воспитанника гитлерюгенд до борца за мир и дружбу между народами.

Зигфрид один из активистов германского Общества помощи ветеранам войны в России из Дрездена, которое на протяжении десяти лет оказывало огромную гуманитарную помощь российским ветеранам. Именно в плену у него произошел психологический переворот, и он навсегда стал другом СССР и России.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

История взаимоотношений России и Германии имеет немало ярких страниц. Трагедии двух мировых войн вбили между нами огромный клин, который до сих пор мешает нашим народам, особенно в России, по-другому взглянуть на бывшего соперника и врага.

Но логика жизни пробивает себе дорогу и очищает ее от исторических завалов. Наш край вносит в этот процесс огромный, не побоюсь высоких слов, исторический вклад. Именно в Челябинске состоялась первая встреча немецких и российских ветеранов Второй мировой войны, которые заявили: помним прошлое и в будущее шагаем вместе.

Сделать этот шаг нашим ветеранам было непросто. Каждую годовщину Победы мы ветеранов «загоняем в окопы», чтобы они, в первую очередь, как в годы войны, вспомнили сколько немцев убили, сколько танков подбили. Нас не интересует, как ветераны прожили послевоенное время, какой вывод из войны для себя сделали, каким видят послевоенное устройство мира, и какой опыт хотят передать молодежи.

Но народная дипломатия действует, и мы находим дорогу друг к другу.

Наши ветераны превратились в лакированные экспонаты исторического музея, роли которых давно определены. Военные годы до сих пор остаются для большинства наших сограждан чем-то далеким и неизвестным. А уж встречи и беседы с бывшими врагами, чем-то несбыточным. Но война в истории народов только миг, хотя и трагический, а мир – вот цель и содержание жизни. Понять это непросто.

Дорогу к миру и согласию могут найти только сами народы при совместной работе и работе душевной. Когда к согласию и взаимопониманию приходят через совместную работу, когда смотрят в глаза друг другу и идут рука об руку.

Виктор Максимов

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ

Наша работа приобрела большой размах. Самое важное, что она ставила перед собой цель не только решить материальные проблемы госпиталей: привезти медикаменты, продукты, одежду. Главное, что во время этого процесса изменялась психология участников, как с немецкой, так и с российской стороны — каждый понимал, что это сотрудничество должно прийти к более тесному взаимодействию и даже к современному переосмыслению итогов второй мировой войны. Но каждый варился в

собственном соку: работали в своих странах. Не было личного контакта, а мне хотелось добиться наиважнейшей цели — исторического примирения народов и особенно среди тех, кто более 60 лет назад смотрел друг на друга через прицел автомата.

Для этого уже созрели хорошие условия. Первоначальное недоверие исчезло в результате совместного участия в гуманитарной акции помощи ветеранам войны в России, организованной германским Обществом с

привлечением немецких ветеранов войны, участие в торжествах по случаю Дня Победы и дня окончания второй мировой войны и, естественно, активное общение. Информация в прессе, на телевидении и радио о гуманитарной помощи госпиталям ветеранам войны германским Обществом, вызвало широкий положительный отклик как в России, так и в Германии, признание и благодарность ветеранов войны России, общественности двух стран. Все это привело меня к мысли организовать официальную встречу ветеранов войны Германии и России.

Идея была поддержана всеми членами Общества в Германии. Проведение такой встречи горячо поддержали и российские ветераны, а Совет ветеранов Челябинска предложил организовать совместную конференцию в бывшем Танкограде, в областном госпитале ветеранов войны с привлечением общественности, инициативу поддержало и правительство Челябинской области. Дата проведения совместной акции была выбрана знаменательная: 60-летия нападения фашистской Германии на Советский Союз.

В ночь с 21 на 22 июня 2001 года в аэропорту Баландино Челябинска немецких гостей встречали начальник госпиталя ветеранов войны доктор, профессор Дмитрий Альтман, председатель правления Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль и от имени российских ветеранов – я. Гостей принял коллектив госпиталя и разместил в двухместных палатах, где, к немалому удивлению гостей, они увидели функциональные кровати с постельными принадлежностями, полученные госпиталем по гуманитарной акции от германского Общества.

Наступило 22 июня 2001 года. В 10 часов утра немецкие друзья отправляются в центр города, где начались мероприятия, посвященные 60 годовщине начала Великой Отечественной войны.

Основное действие проходило у Вечного огня, рядом с памятником воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. Площадь, была окружена серебристыми елями, в центре. По периметру площади стояли тысячи челябинцев с цветами в руках, приглушенно звучал реквием. Объявляется минута памяти, минута молчания. Под стук камертона немецкие ветераны подошли к Вечному огню и на глазах тысяч граждан России на черный гранит возложили венок и цветы. Через 60 лет, день в день, как началась война, они встают на колени перед памятью жертв войны. Плечом к плечу вместе с немецкими солдатами встаю на коленях и я, бывший русский солдат. Кладет цветы и склоняет голову и скорбит дочь немецкого солдата, погибшего в войне доктор Х. Дандерс.

Что было в эти минуты со мной, что я ощущал, передать не могу: только потом увидел на экране телевизора, как смахивал слезу, а у Ханса Лаубша чуть дрожал подбородок...

На какой-то момент все затихло и люди

медленно стали сужать круг и приближаться к Вечному огню для возложения цветов.

Все молча покидали траурный митинг.

Конференция. В госпитале людно. В вестибюле, перед конференц-залом и в самом зале развернута выставка акварелей немецкого художника, профессора Адольфа Бёлиха и челябинских художников, ветеранов войны. Участники конференции, в основном, ветераны войны, многие в старой армейской униформе, при параде наград с интересом рассматривают картины. Большая, богатая палитра цветов в пейзажах Адольфа Бёлиха, красоты природы притягивают к себе, выражение лиц ветеранов становится доброжелательным и одобрительные слова звучали в адрес художника.

Заметно волнение старых солдат перед встречей со своими пусть и бывшими смертельными врагами. Как мне казалось, все были в состоянии повышенной возбужденности.

Следует сказать и о том, что немало времени было уделено на подготовку проекта совместного документа Обращения к мировой общественности с призывом прекращения войн и разоружения государств в XXI веке, которое должна была принять конференция К моему удивлению уже перед началом конференции текст Обращения я увидел в руках участников конференции. Совет ветеранов Челябинска размножил текст и до начала конференцией вручил его ветеранам и представителям общественности.

Зал был заполнен до отказа: часть сотрудников госпиталя и некоторые ветераны стоят у входа в зал и в проходах. В президиуме председатель совета ветеранов Челябинска Евгений Куракин, начальник госпиталя Дмитрий Альтман, председатель правления Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль, немецкие друзья: Уве Лааш, Рольф Леманн.

Евгений Куракин объявил открытие конференции, приветствовал гостей из Германии, рассказал о трагедии народов Европы, которая произошла 60-лет назад и он отметил особую роль ветеранов России и Германии в этот трагический день, которые должны заявить о том, что такая трагедия не должна повториться.

С докладом выступил профессор, доктор, генерал Рольф Леманн. Он дал на русском языке развернутый анализ и объективную оценку причин и условий возникновения Второй войны, обратил особое внимание на политику властей государств в послевоенное время и выразил большую тревогу за непрерывную гонку вооружений. Он подчеркнул необходимость объединения миролюбивых сил всех стран в противостоянии политики войны и это должно стать непреложным фактором общественной жизни всех государств.

Ветеранов волновали не только проблемы войны и мира, но они говорили о том, что давно надо было собрать ветеранов России и Германии и провести такую конференцию. Особый упрек прозвучал в адрес властей: почему молчат руководители государств, которые в

первую очередь отвечают за то, чтобы между народами формировалась доброжелательная атмосфера.

Эмоциональным прозвучал голос представителя общества «Дети погибших воинов» о трагедии сирот, погибших солдат в войне. Она требовала принять меры для того, чтобы больше никогда не повторилась судьба миллионов детей прошлой войны.

Мнение участников конференции после каждого выступления было единым - принять обращение.

Меня не удивляло, что наши российские ветераны не сказали ни одного слова упрека в адрес немецких солдат за участие в прошлой войне. Обвинения были адресованы вождям фашистской Германии и в адрес властей других стран, развязывающих войны. Все отмечали, что солдат в любой войне, ее первая жертва, орудие в руках власти.

Время и жизнь поставили все события прошлой войны на свои места, определили и виновников любой войны - это власть!

После конференции я видел как нелегко расставались ветераны, но расставались друзьями. Человек в человеке узнал брата, брата по несчастью, породненного войной. Расставались старики удивленными встречей, как будто они проснулись после кошмарного сна, длившегося почти всю жизнь.

Теплая беседа продолжилась на торжественном обеде, который организовал коллектив госпиталя с фронтовыми ста граммами. В непринужденной обстановке сердца и души старых солдат, как ворота и двери, распахнулись настежь, было полное доверие друг к другу и была полная откровенность. Ветераны не скрывали своих чувств и мыслей. Они особенно подчеркивали те надежды, которые могут быть поглощены в жизнь при совместной работе российских и немецких народов. Обо всем, как говорят, это накопело, они говорили спокойно, без лишних эмоций.

Я прекрасно понимал, что это был разговор друзей, связанных одной судьбой, разговор о том, что волновало старых солдат, и россиян, и немцев. Все приходило в конце концов к поиску ответа на главный вопрос: как добиться прекращения убийства людей, как остановить войны, какими путями идти к миру и как исключить войны из жизни народов.

Мне кажется, ветераны затрагивали вопросы, которые касались действительно актуальных проблем настоящего дня — гонка вооружений и то, что накоплено огромное количество ядерного оружия. Они были критичны и в свой адрес: проповедовали по-старинке, воспитывая молодежь в духе патриотизма, и мало рассказывали о необходимости борьбы за мир, против войн и насилия.

И все же больше было слов о дружбе. И за дружбу поднимали бокалы, причем «за нашу дружбу»!

- Спасибо вам, что вы сделали первый шаг, что приехали, - эти слова произнесла

фронтоничка, в недалеком прошлом партийный работник Таисья Тихоплав, которая шла на конференцию с осторожностью, и думала: «Что еще немцы могут нам сказать?» Но искренность и открытость немецких друзей ее потрясла и «разоружила».

Она же, обращаясь к немецким гостям, подвела главный итог конференции:

- ...Вряд ли теперь мы сможем жить дальше без нашей дружбы...

Таисья Тихоплав поблагодарила Общество за оказание гуманитарной помощи госпиталю, ветеранам и подчеркнула:

- Вы этим продлеваете нам жизнь!

Еще много слов благодарности было сказано в адрес германского Общества, в адрес немцев и, особенно за дареные медикаменты высокого, европейского качества.

Итог встречи был, по моему убеждению, старого солдата, историческим событием: под одобрительные возгласы и аплодисменты присутствующих, старых и молодых, российский ветеран войны Таисья Тихоплав и немецкий солдат Хельмут Петерсшаин подняли бокалы и выпили на брудершафт.

Бывшие враги сделали выбор.

Через 60 лет после окончания самой кровопролитной войны в истории человечества старые солдаты, ее участники, подвели итоги и выразили свое понимание прошлой войны и сказали свое последнее слово — войнам не быть.

На следующий день делегация посетила кладбища и возложила цветы на могилы российских и немецких солдат, захороненных на Урале, побывала и встретилась с пациентами госпиталя ветеранов войны, престарелыми людьми и инвалидами в домах интернатах. И всегда при встречах наших граждан с немецкими ветеранами атмосфера была доброжелательной и уважительной.

Встреча с российской молодежью в начале вызвала удивление: как это видеть и общаться с бывшими немецкими солдатами Второй мировой войны, возникала масса вопросов. В итоге сама такие встречи признавались не только интересными, но и полезными. Во всех случаях молодежь с интересом общалась и поддерживала принятое на конференции Обращение.

Делегацию принимали и члены Немецкого культурного центра. Гостей познакомили с историей российских немцев, они возложили цветы к мемориалу трудармейцев, в годы войны строителей Челябинского металлургического завода.

Накануне отъезда делегации в г. Екатеринбург, состоялась встреча с медперсоналом госпиталя. Мы обменялись мнением о дальнейшей совместной организации гуманитарной помощи ветеранам войны и госпиталю. От имени коллектива госпиталя Дмитрий Альтман поблагодарил немцев за помощь. Ханналер Дандерс поблагодарила российских друзей за гостеприимство.

МОСТ ДРУЖБЫ

Отношения между Россией и Германией всегда были особенными. Долгое время Русь с германскими княжествами связывала тесная дружба, к нам приезжали сотни тысяч саксонцев, баварцев, швабов, шла активная торговля, бывало, немцы и русичи объединялись, воевали плечо к плечу против общего врага. Но с возникновением единого германского государства две мировые войны фактически разделили нас. Они перечеркнули в общественном сознании все то хорошее, что накопили наши предки.

Задача нынешнего поколения немцев и россиян восстановить былое сотрудничество и дружбу, преодолеть исторические завалы и сделать все, чтобы впредь их не допускать. Путь этот непростой, но его надо пройти.

Так уж исторически получалось, но Челябинск никогда не был включен ни в процесс разобщения, нив процесс объединения. Историческое примирение народов происходило на государственном уровне, а делегациями обменивались другие регионы, но не Челябинская область. Перелом наступил в 2001 году. В год 60-летия начала Великой Отечественной войны в Челябинск приехала делегация Общества помощи ветеранам войны в России из Дрездена (и такая организация есть в Германии). Эта небольшая, но очень активная организация к тому времени уже 10 лет отправляла гуманитарные грузы в учреждения Свердловской и Челябинской области. Всего от них поступило 55 железнодорожных контейнеров, 30 автофур и грузовиков общей стоимостью семь миллионов евро.

По всей Саксонии организация ищет и объединяет людей, которые готовы сотрудничать с Россией и помогать российским ветеранам. Возглавляют Общество люди замечательные и удивительные. Первый председатель – доктор Иоахим Зюс, бывший преподаватель русского языка университета, который лишился работы после объединения Западной и Восточной Германии. Новой власти оказались не нужны такие специалисты. А у доктора Зюса в квартире до сих пор на книжной полке стоят книги русских и советских авторов на русском и немецком языках, и сейчас к нему приходят его бывшие студенты, которых он в свое время возил в летние языковые лагеря в Советский Союз.

Второй председатель – Виктор Максимов, россиянин, несколько лет назад уехавший на постоянное место жительства в Германию. Он сейчас проживает в Дрездене. Виктор Сергеевич прошел всю Великую Отечественную войну и теперь вместе с немецкими ветеранами работает для того, чтобы облегчить жизнь нашим пенсионерам.

Душой организации является доктор Ханнелоре Дандерс. Она - бывший преподаватель

русского языка. Ее отец погиб во Второй мировой войне, но мнение о России у Ханнелоре складывалось не из официальных релизов, а из общения с рядовыми советскими людьми, которые служили и жили в Германии. Именно из их рассказов она узнала и даже полюбила нашу страну. Именно эта любовь дает ей силы активно работать и помогать российским ветеранам.

Немецкое Общество помощи ветеранам войны в России уникально. У каждого ее члена своя история, которая привела в организацию. Некоторые из них в годы войны были военнопленными, других спасли от голодной смерти советские солдаты, у третьих русские корни и войну между нашими государствами он воспринял как противоестественную. Но сейчас все они объединены одной целью – прошлое не должно повториться и наши страны должны объединять только дружба.

9 мая 2001 года члены Общества, преклонив колени, возложили цветы к Вечному огню в Челябинске и организовали совместно с нашими ветеранами конференцию, на которой выступили под лозунгом «В XXI век без войн и оружия». Воспоминания приехавших немцев, их искренность и открытость поразили наших ветеранов, многие из которых не были готовы к такому разговору. Так был проложен путь к взаимопониманию, лед недоверия растаял. И тогда члены Общества пообещали, что в год 60-летия Победы они пригласят делегацию наших ветеранов в Дрезден, а позже проведут в Челябинске конференцию, на которой будет принято обращение к народам и правительствам Европы, призывающих строить международные отношения без войн и конфликтов.

Свое обещание немецкие товарищи выполнили. В марте этого года в Дрездене побывала делегация в составе участников Великой Отечественной войны Леонида Устиновича Чернышева и Михаила Семеновича Гавриленко, который, кстати, освобождал и после войны служил в Дрездене, руководителя областного Немецкого культурного центра.

Нам удалось познакомиться с многогранной деятельностью Общества, с его активистами, партнерами и друзьями. Поразили места захоронений советских солдат и военнопленных. Мы посетили мемориальный комплекс Лесное кладбище, где захоронены антифашисты, дрезденцы, погибшие в американскую и английскую бомбардировку 1945 года. Потрясающий памятник погибшим в концлагерях. Он кажется очень простым – прямо на асфальте, у вас под ногами, лежат «тела» погибших, покрытые саваном. Такое ощущение, что под покрывалом действительно лежат люди.

В 60 километрах от Дрездена находится захоронение Цайтхайн, где покоятся 35 тысяч

советских, польских и итальянских военнопленных. Здесь ветераны двух стран посадили яблоньку. Рядом с захоронением построен мемориальный комплекс. Он включает в себя барак (в подобных содержались военнопленные), их личные вещи, а также фотографии. Штатные сотрудники мемориала и сейчас занимаются поисками фамилий наших солдат, которые захоронены в Цайтхайне.

Не только большие комплексы захоронений советских солдат находятся в идеальном порядке. Рядом с Дрезденом расположен небольшой городок Хейденау. Мы побывали на его городском кладбище, где находятся индивидуальные захоронения. И здесь за ними заботливо ухаживают. На этом кладбище мы побывали вместе с членами Партии демократического социализма, бывшей гэдэровской Социалистической единой партией Германии. Надо отметить, что бургомистр Хейденау Михаэль Якобс сам христианский демократ активно сотрудничает с Партией демократического социализма, которая в Саксонии является мощной политической силой, и поддерживает деятельность Общества помощи ветеранам войны в России.

С бургомистром и руководителями де-

партаментов у нас состоялась встреча, на которой мы обменялись мнениями о путях сотрудничества наших стран, о преодолении недоверия.

Борьба с правым экстремизмом остается для Германии актуальной проблемой. Это мы почувствовали на встрече с антифашистами в Дрезденском техническом университете. В годы фашизма здесь располагалась тюрьма, в закрытом дворе которой была установлена гильотина. С ее помощью были казнены более 2000 военнопленных. Сейчас об этом времени напоминает мемориальный памятник и камеры узников, которые оставили как напоминание о тех страшных годах.

...Встречи в Германии позволили нам понять, что стремление жить в дружбе с народами России является искренним стремлением немецкого народа, но бороться за мир нужно вместе. Это подтвердил ответный визит делегации из Дрездена в апреле 2005 года. Мы провели совместную конференцию, посвященную 60-летию Победы, приняли обращение к народам и правительствам Европы. Мнение российских и немецких ветеранов едино – мы должны жить в мире, без войн и оружия.

Наталья Нахтигаль

РАБОТА ВО ИМЯ МИРА

Работа, отдых и возможность посмотреть мир – это... Это вам не Америка и не Англия с программами «Work and travel», это старая добрая Европа! Ты можешь рискнуть и поехать почти на месяц в Германию в национальный международный молодежный лагерь. Минус только в том, что ты не сможешь там заработать денег себе на светлое будущее. Но это не должно тебя останавливать! Потому что, во-первых, потратиться тебе придется только на дорогу и заплатить взнос в 25 евро. Во-вторых, ты сможешь познакомиться с ребятами из других стран, улучшить свой немецкий, английский, украинский или итальянский и хорошо провести свободное время, путешествуя по главным историческим реликвиям Германии и других близлежащих стран. Сегодня это реально. Такая возможность, конечно, дается не каждому. И если она тебе подвернулась – не упускай ее.

«Народный Союз Германии»

Ежегодно во всей Германии проводится несколько десятков таких лагерей. И работают они под девизом «Примирение над могилами – работа во имя мира». Основная задача участников - выезжать к местам военных захоронений и ухаживать за солдатскими могилами. Главным организатором таких международных молодежных лагерей является гуманитарная общественная организация «Народный Союз Германии по уходу за военными могилами». Именно этот союз собирает молодых людей из разных стран: Италии, Англии, Украины, Германии, Польши, Белоруссии, Молдовы и, конечно, России. Финансовую помощь русским оказывает Фонд западно-восточных отношений Берлина. Этот фонд выделяет день-

ги на частичную материальную компенсацию приехавшим россиянам.

Народный союз был основан 16 декабря 1919 года, сразу после Первой мировой войны. В 1933 году, когда нацисты пришли к власти, он был распущен. Свою гуманитарную деятельность он смог восстановить только в 1946 году.

Что сделано Народным Союзом за это время? Главное, в Германии удалось благоустроить более 400 военных кладбищ. А еще в далеком 1954 году правительство ФРГ возложило на Народный Союз обязанности по поиску немецких военных захоронений за рубежом, их сохранению и уходу за ними. На сегодняшний день под опекой Союза находится более 800 военных кладбищ в 45 странах мира. С 1990 года стало возможным искать и

обустраивать захоронения и на территории России. Многие из них оказались разрушенными и разграбленными, многие застроенными. Тем не менее, за последние годы удалось восстановить более 300 кладбищ Второй мировой войны. Около полумиллиона погибших перезахоронено.

Национальное лицо лагеря

В 2008 году «Народный Союз Германии по уходу за военными могилами» собрал в одном из своих лагерей возле Дрездена всех братьев славян. Так получилось, что приехали в основном ребята русскоговорящие – жители Белоруссии, Украины, Молдовы и России. Были, конечно, немцы, поляки. Была даже одна англичанка. Но жители бывшего СССР, впрочем, как всегда, оказались самыми шумными, самыми веселыми, инициативными и вечно всех удивляли. Было видно, что в нас течет не европейская кровь! Мы менее сдержаны и спокойны. В нас больше эмоций, и льются они через край.

Одним словом, мы были разными во всем... Мы и уплетали всегда все с хлебом, даже макароны, ели много мяса, которого нам всегда не хватало. И только мы – русские, украинцы и белорусы мечтали в богатой и сытой Германии о борще с домашней сметанкой, о блинчиках и пельменях.

Наш лагерь расположился в пригороде Гёрлитца, маленького немецкого городка, который расположен на востоке федеральной земли Саксонии. Сам город удивителен тем, что состоит как бы из двух частей: немецкий Гёрлиц (Görlitz) и польский Сгёржеlec (Zgorzelec). Разделяет их река Найсе.

Жили мы на окраине немецкого города, в пяти минутах от польско-немецкой границы, в огромном спортивном комплексе. Спали прямо с огромных спортзалов: мальчики – в зале для борьбы, а девочки – в волейбольном. В душевых вместо кранов – кнопки. И кто попал в страну впервые, то помучился. Сначала не знали, как воду открыть, потом все промокли, когда случайно ее нажали. Впрочем, освоились быстро.

Языком общения, как ни странно, стал русский. Немцев всего было пятеро. Одна англичанка погоды не делала. Три польки вели себя скромно и тихо. Оставались мы – славяне. А что объединяет нас – русский язык. Потому на нем и говорили. Ну а с немцами на английском. Так что понимали друг друга неплохо.

Впрочем, было исключение. Эн. Девочка из Германии. Эн – производная от Анна. Но дома звали ее так. А когда мы познакомились, узнали, что она любит русский язык, ходит везде с русско-немецким разговорником и пытается изъясняться по-русски. Пока получалось плохо. Но мы тут же стали звать ее на русский манер Аней, и она с радостью откликнулась.

Наш пожилой повар тоже говорил по-русски. Причем, знал он его со школы. Трудно поверить, что в послевоенные годы в Германии

в школах немцам преподавали русский язык. Но, так или иначе, он был рад вспомнить уроки и поговорить на знакомом языке. Тем более в России бывал не раз. Так что получилось, что не мы получали практику немецкого в Германии, а окружающие нас люди были рады поговорить на русском с нами. И нам было приятно.

Arbeit по-стахановски

Работали мы на территории бывшего военного лагеря, который располагался в польском городе Сгёржеlec. Именно там во времена Второй мировой войны находился лагерь «Stalag VIIIa», в котором жили немецкие солдаты. Этот лагерь представлял собой большой военный городок, который состоял более чем из пятидесяти корпусов. В одном из таких корпусов держали военнопленных. Были среди них и русские. Умерших солдат хоронили здесь же – на территории лагеря.

Сейчас от «Stalag VIIIa» практически ничего не осталось. Все разрушилось и заросло кустарниками и деревьями. Сохранился только мемориальный комплекс, установленный на братских могилах после войны. Но прошло уже много лет. И этот мемориал перестал быть местом, где собираются люди, чтобы почтить память жертв войны. Нам предоставили возможность потрудиться и вернуть мемориал к жизни.

Нас поделили на две группы. Пыльная, кропотливая, познавательная работа была на раскопках. Ребята вместе с археологами, которые знают историю этого места, снимали около пятнадцати сантиметров грунта. Под небольшим слоем земли наши «археологи» увидели хорошо сохранившийся пол, печную кладку бывшего здания театра. Просеивая землю этого участка, наши ребята смогли найти советскую и немецкую монеты, кусочек солдатского металлического жетона, пуговицу с военного мундира и множество фрагментов кафельной плитки.

Тяжелая, изматывающая работа ждала другую группу на самом мемориале. Необходимо было почистить памятник, бордюр и плитку от мха, спилить и вырубить деревья и кустарники, покрасить забор, собрать мусор и снять дерн с главной аллеи. Ничего особенного, скажите вы. Но пот с нас бежал ручьем и за обедом мы ели за троих.

Впрочем, мы старались сделать так, чтобы времени хватало на все. Для этого мы в сжатые сроки, не щадя сил, работали на объекте, сдавали его, а потом спокойно путешествовали по Германии. Немцы, конечно, пунктуальны и щепетильны в денежных вопросах. Но надо отдать должное, никто нами не командовал, не подгонял: быстрее-быстрее. Да и сдачи объекта как такового не было. Мы просто сами прекрасно понимали, что если не доделаем, то работу за нас уже никто не выполнит. А очень хотелось показать представителям Народного Союза и бургомистрам немецкого Görlitz и польского Zgorzelec, которые были

на открытии лагерями и видели предстоящий фронт работ, что мы успели сделать.

Наши труды были оценены по достоинству. Нас благодарили на трех языках – польском, немецком и английском. Впрочем, благодарили нас не только представители власти, но и простые граждане.

Будущее – это мы

К нашему историческому памятнику, где мы работали, устраивали даже «кар-тур» (это специально организованная автомобильная экскурсия). Однажды к нам приехало более двадцати машин. Более полусотни людей. Мы даже немного испугались – что это за люди и чего они хотят. Но оказалось, это гости из Польши. Специально для них наш руководитель организовал экскурсию, провел по аллее, показал им мемориальный комплекс и рассказал, что это за место, чем оно памятно и почему столько лет было забыто.

Вы только представьте! Люди в свой законный выходной бросили все свои домашние дела и приехали на собственных машинах сюда, к месту, где в братской могиле похоронены несколько тысяч человек, забытых и снова найденных.

Гости засыпали нас вопросами: «Здесь похоронены ваши родственники?», «Почему вы сюда приехали?», «Почему это для вас так важно?» Им казалось странным, что мы – представители разных стран приехали так далеко и столько сил тратим здесь, пытаясь воздать должное героям страшной войны. Они удивлялись нашим ответам, узнав, что здесь не похоронены наши родные. Просто 67 лет назад Великая Отечественная война вошла в дом каждого советского человека – русского, украинца, белоруса, молдаванина. Мы помним рассказы наших бабушек и дедушек о том страшном и тяжелом времени. Пытались донести до гостей мысль, что для всех нас счастье поучаствовать в этом благородном проекте – восстановлении забытых и заброшенных кладбищ, на которых похоронены солдаты разных стран.

Уверена, люди должны помнить о войне. Помнить о тех, кто начал эти войны и кто в них пострадал. Вне зависимости от национальности. Ведь погибших – общая могила. Земля. Она их объединяет. Ну а мы, живущие сегодня, особенно молодые при помощи таких проектов можем выразить свою антивоенную позицию и почтить память всех погибших.

Самое лучшее – время отдыха

В свободное от работы время мы не только играли в волейбол, сидели в барах, загорали на футбольном поле, купались в местной речке, сплавлялись по реке с порогами, поднимались в горы Цитау, с которых открывается отличный вид на окрестные деревушки. Главное, нам удалось побывать с экскурсиями в Дрездене и Праге.

Организаторы лагеря сделали все, чтобы

участники лагеря посмотрели мир. Мы побывали в ставшем нам родном немецком городе Гёрлитце, в Бауцене, свозили нас на целый день и в столицу Саксонии Дрезден. Это один из самых живописных городов Германии, его еще называют «Флоренцией на Эльбе». Дрезден был знаменит на всю Европу своей великолепной архитектурой и художественными сокровищами. Как вы помните, все изменилось в конце Второй мировой войны. Тогда ночью 13 февраля 1945 года бомбы вооруженных сил Великобритании и США обрушились на город. К утру легендарный Дрезден стал лишь воспоминанием. Прошло уже много лет. Памятники, дворцы и церкви немцам удалось восстановить. И сегодня Дрезден – это туристический центр, куда съезжаются люди со всего мира.

Самым главным сюрпризом стала для нас поездка в Прагу – один из самых красивых городов мира. Старинная и живописная, мрачная и тяжелая, готическая и сказочная, одним словом мистическая – такой нам показалась столица Чехии. Можно часами бродить по ее узким мощеным улочкам, заходить в маленькие магазинчики, торгующие сладостями и кофе, в сувенирные лавки. Достаточно купить карту города, и ты легко сориентируешься по ней и уже не заплутаешь в лабиринтах зданий.

Первый раз он трудный самый

Для многих ребят это была первая поездка за границу. Я думаю, это обстоятельство и доставило много хлопот, переживаний нашим родителям: поедут, посмотрят, как живут «там» и не захотят возвращаться...

Но все оказалось гораздо проще. Некоторым ребятам не было и двадцати. Они не очень были озадачены предстоящей работой на раскопках. Их больше интересовала свобода: наличные евро, множество магазинов и масса свободного времени. Наверное, такие и не успели оценить плюсы и минусы заграничной жизни... Это и к лучшему!

Что говорить о тех, кому за двадцать? Нас приятно удивляла чистота городов, и чем они были меньше, тем в них было чище, приятно удивляла доброжелательность людей. Все кругом казалось таким интересным и забавным, например, статуи Германии. Будь то камень, лошадь с восемью ногами, животное рыба-кролик – все это «великие произведения искусства». Как видите, любое самовыражение ценят в этой стране. Порадовали нас и цены. У нас, конечно, в стране не дефицит, но все же «там» дешевле. Поэтому утешать себя сладостями, вкусностями хотелось чаще обычного. Очень странным показалось и то, что товары местного производства дешевле, чем привозные. А у нас же все одинаково дорого – не хотите покупать то, что привезли невесть откуда, тогда покупайте за те же деньги местный свежий товар (хороший слоган получился!). Главное,

что всегда есть выбор – можно попробовать с этим смириться или голодать!

Еще в этой стране почему-то не хотелось выделяться. Нет, в этой стране пальцем не показывают и с ног до головы не рассматривают. Может, местные думают про нас: «понаехали

тут!»... Но хотелось просто быть таким же: «Я гость, но я уважаю вашу страну и принимаю ее культуру». Но не мною сказано, что хорошо там, где нас нет. А по мне: дома-то всегда лучше.

Наталья Нахтигаль

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛАГЕРЬ В МАГДЕБУРГЕ

Ежегодно в Германии проводятся международные молодежные лагеря. Трудятся в них ребята из разных стран под девизом «Примирение над могилами – работа во имя мира». Основная их задача – ухаживать за солдатскими захоронениями. Мне посчастливилось уже второй раз стать участницей этого лагеря. С 14 по 28 июля я побывала в Магдебурге.

Национальный коктейль

Летом 2009 года в городе Магдебурге, столице земли Саксония-Анхальт, международный лагерь собрал ребят от 16 до 19 лет из десяти стран – Молдовы, Латвии, Украины, Сербии, Боснии-Герцеговины, Польши, Чехии, Англии, Германии и России. Все они свободно говорили на двух-трех иностранных языках. И все искренне рассказывали о своей стране то, о чем не пишут в газетах и не показывают по телевидению. Конечно, и мне хотелось узнать, слышал ли кто-то о нашем Челябинске. Разумеется, поначалу было трудно объяснить, что бывшие кэвээнщики Дулин и Михалыч герои «Нашей Раши», программы, которую смотрят в странах ближнего зарубежья, – не «национальные герои» Южного Урала. Что Челябинск – это миллионный город, где есть знаменитый Танкоград, металлургические комбинаты, десятки вузов, что это земля, где растут яблоки и хлеб, а медведи водятся только в лесах.

Но лагерь – это не только вечера знакомств, танцы и спортивные состязания, это, прежде всего, труд. И труд осознанный. Труд, когда ты знаешь печальную и трагическую историю мест, где тебе приходится работать.

Фон Тресков из Магдебурга

Лагерь наш располагался в Магдебурге. Для начала стоит сказать, что история города насчитывает более 1100 лет. В 17 веке ему пришлось пережить страшный пожар, а в 1945 году он был почти полностью разгромлен массированными бомбардировками союзников по антигитлеровской коалиции. Тем не менее, сегодня в Магдебурге можно увидеть и сохранившиеся древние памятники архитектуры – например, готический кафедральный собор 16 века, и произведения современных художников. Можно увидеть последнюю знаменитую работу австрийского архитектора и живописца Хундертвассера «Зеленая цитадель» – большой и удивительно сказочный ярко розовый дом,

с уютным внутренним двориком, фонтаном, цветами и деревьями на крыше (поэтому это именно «зеленая», а не «розовая» цитадель). Все это удалось увидеть нам, участникам лагеря, во время экскурсий, которые нам устроила немецкая принимающая сторона.

Жили мы в обычной немецкой школе. Нашим домом на две недели стали кабинеты литературы, географии и биологии, в которых стояли кровати, столы и стулья. В нашем распоряжении был и большой спортивный зал. Вечером он превращался в кинозал – проектор, бум-бокс, стена-экран, а вместо мягких кресел – спортивные маты. Вот только последние ряды в нашем кинозале были не для поцелуев, а для спокойного сна. Там засыпали те, кому не нравился фильм.

Питались мы тоже в школе. Например, завтрак и ужин – шведский стол. Обед нам привозили из местного ресторанчика, но уверяю вас, что нет на свете ничего лучше маминого борща или солянки. Но немцам, которые не очень любят проводить время на кухне, наверное, этого не понять!

Были у нас дежурные, которые накрывали столы, мыли посуду, душевые комнаты и туалеты. В общем, все, как в обычном детском лагере. Днем – работа и экскурсии, вечером – обустройство быта.

Работать нам предстояло на территории старого городского кладбища Магдебурга. Это место, скорее всего, было похоже на парк – в центре небольшая церковь и здание крематория, кругом – роскошные цветочные клумбы и величественные вековые деревья. Главное, там похоронены советские солдаты, жертвы политических репрессий, заключенные концлагерей, солдаты Первой мировой войны. Как оказалось, местные жители часто прогуливаются по тенистым аллеям этого старого кладбища.

Есть на кладбище мемориал «16 января 1945 года». Именно в этот день Магдебург бом-

били английские войска, и под их снарядами погиб каждый второй житель города. Мемориал и стал нашим постоянным местом работы. Мы собирали мусор, чистили надгробные плиты, пропалывали цветники на могилах.

Однажды мы стали участниками небольшого митинга, который ежегодно проводится 20 июля. Дело в том, что именно в этот день 1944 года был приведен в действие план покушения на Адольфа Гитлера. Операция, которая называлась «Валькирия», провалилась. Группа участников заговора была арестована и расстреляна в Берлине в этот же день. Хеннинг фон Тресков – один из участников заговора, после провала операции покончил собой. А родился и вырос Тресков в Магдебурге. Именно поэтому в его честь на главной аллее центрального парка его родного города у памятного мемориала каждый год проводится митинг. После минуты молчания представители городской администрации, военные бундесвера и участники международного лагеря по традиции возлагают к монументу венки и цветы.

«Марш смерти» из Лангенштейн

В один из дней нам устроили необычную экскурсию. Скажу сразу, помимо исторических достопримечательностей городов, где нам удалось побывать, мы, прежде всего, приезжали в места, так или иначе связанные со словом «смерть». В городе Лангенштейне мы побывали в музее концентрационного лагеря «Цвиберге». Весной 1944 года в него доставили 5000 узников. заключенные должны были работать на строительстве подземных тоннелей. Выжить в этом концентрационном лагере было практически невозможно. По статистике узник погибал там уже через шесть недель, такие адские условия работы и содержания там царили. Умирили в «Цвиберге» от голода, болезней, гибли во время обвала в шахтах. Ровно через год, весной 1945-го, когда к лагерю приближались американские войска, фашисты расстреляли больных, а кто мог стоять на ногах, стали выводить из лагеря. Но так называемый «марш смерти» длиной в 300 километров выдержали не многие. В живых осталось всего 500 заключенных.

И вот мы в Цвиберге. Большие, заросшие травой поля, окруженные почерневшими от времени и сырости деревянными столбами. На некоторых еще сохранились куски колючей проволоки. Вот и все, что сегодня осталось от лагеря. Для немцев это место священо. Почти как кладбище. В 1949 году «Цвиберг» получил статус памятного места, через 30 лет там открыли музей, а в 1984 году – памятный мемориал.

У музея есть традиция. Гости, приехав-

шие на экскурсию, могут стать участниками особого ритуала. Его условно можно назвать так – «помянем невинно погибших». Каждому гостю дают небольшой камень, на котором маркером нужно написать имя, фамилию, дату рождения и дату смерти человека, погибшего в лагере «Цвиберге». Сделали такие надписи и мы, а затем отнесли камни памяти к главному мемориалу. Там тысячи таких камней. Как говорят работники музея, мы написали имена последних не помянутых погибших.

Огонь Гарделегена

По всей Германии в годы Второй мировой войны были разбросаны сотни концлагерей. Весной 1945 года, когда война уже близилась к концу и советские войска, американцы и англичане бомбили фашистскую Германию. Нацистская машина уничтожения еще не была остановлена – оставшихся в живых заключенных убивали.

Той весной на окраину города Гарделеген земли Саксония-Анхальт по железной дороге доставили 1016 узников, которых загнали в барак и подожгли. Узники сами чудом смогли потушить огонь, но спастись не смогли. Фашисты забросали барак гранатами.

Сегодня на этом месте музей под открытым небом. Каждый год сюда привозят участников международного лагеря города Магдебурга. Когда мы приехали, у музея нас встречали члены благотворительной организации «Ротари клуб» и бургомистр города Гарделеген. Они и рассказали нам о событиях, которые произошли здесь 64 года назад. А еще бургомистр сказал: «Вы молоды, полны сил и идей, знаете, что будущее зависит именно от вас. Надеюсь, что и ваши дети будут знать о Второй мировой войне, будут бороться с фашизмом и национализмом. Только вы можете объяснить им, что нужно беречь мир на земле. Только вместе мы можем сделать все от нас зависящее, чтобы страшные ошибки истории никогда не повторились».

На этой святой земле, политой кровью сожженных заживо людей, мы трудились два дня, и слова девиза международного лагеря: «Примирение над могилами – работа во имя мира» были нам как никогда близки и понятны.

Львы Брауншвейка

В один из редких солнечных дней мы поехали в Брауншвейк. Это крупный город на юго-востоке федеральной земли Нижняя Саксония, в котором проживает почти 240 000 жителей. Город с почти тысячелетней историей изначально имел название Брунsvик. Оно складывалось из двух слов – имени саксонского графа-основателя Бруно II и слова «вик», которое означает «перевалочный пункт, склад и место

отдыха для купцов». Ведь именно Брауншвейг, расположившись на реке Окер, долгое время был крупным торговым центром.

Символ города – лев. Дело в том, что к имени монарха герцога Генриха добавляли приставку «Лев». Неудивительно, что в 1166 году по приказу герцога на площади рядом с Кафедральным собором на пятиметровом цоколе была установлена бронзовая скульптура льва.

Находясь в этом городе, сразу понимаешь: Брауншвейк смог сохранить свою старину и древность – каменные скамейки и львов, мощные улочки, резные арки, старую торговую площадь, ратушу и роскошный собор Святого Власия, где находится гробница Генриха Льва и его жены. Между прочим, супруга Генриха Матильда была дочерью английского короля и родной сестрой короля Ричарда I Львиное Сердце.

В городе умело сочетаются здания различных эпох, а в магазинчиках, как и тысячу лет назад, бойко идет торговля посудой, одеждой и обувью. Роскошный вид открывается со смотровой площадки Квадриги.

Прогуливаясь по историческому центру города, мы обнаружили одно очень интересное здание. «HarryRIZZI House» – это небольшой шестиэтажный дом ярко розового цвета. Его окна – в форме сердечек и облачков, на стенах изображены счастливые и влюбленные люди. Здание увешано сердцами, поцелуями и звездами.

Берлинское «поле» бетонных колосьев

И вот мы в Берлине. В этот день столица Германии явно не ждала нас в гости. Казалось, берлинское небо вылило на нас всю воду. Единственным спасением стала автобусная обзорная экскурсия. Только сквозь окно автобуса удалось увидеть самые известные достопримечательности Берлина – 69-метровую Колонну Победы, увенчанную 8-метровой фигурой богини Виктории, Рейхстаг, Бранденбургские ворота, Александерплац, «Красную ратушу», Ведомство федерального Канцлера Германии и современный, открытый всего пять лет назад Памятник уничтоженным евреям Европы.

Если до этого времени мы видели памятники, водруженные на месте скорбных мест, то этот монумент сооружен в историческом центре городе как раз над бункером служебной виллы Геббельса. На его строительство Германия истратила более 27 миллионов евро. На площади в 19 тысяч квадратных метров в шахматном порядке установлены 2 711 бетонных стел различной высоты – от 20 сантиметров до 4 метров. По замыслу американского архи-

тектора Питера Айзенмена, памятник должен напоминать волнующееся поле колосьев. Не знаю, напоминает ли он поле, но когда ты идешь между огромными бетонными стелами, расположенными в четком геометрическом порядке, тебя обуревают страх, хочется взяться за руку рядом идущего, чтобы не потеряться в этом «поле», «чтоб не пропасть по одиночке»...

Задаешься вопросом: нужен ли страх современным немцам? Думаю, нет. Но государство постоянно наглядно демонстрирует своим гражданам, что оно признает преступления, которые были совершены их страной, что оно считает себя ответственным за историю и считает себя виновным в гибели миллионов людей. Потому в Германии не только заботятся о старых захоронениях и памятниках, но и строят новые. А близость «поля» к парламентским и правительственным кварталам только подчеркивает обращенность мемориала к государству и обществу.

Под мемориальным полем Памятника уничтоженным евреям Европы находится музей. В шести залах собраны не только архивные материалы, рассказывающие о Холокосте, его причинах и последствиях, но и частная информация – фотографии, личные документы, письма людей, в которых сплелась вся судьба еврейских семей в период Второй мировой войны.

...Мы вышли из музея и не узнали Берлина. На его чистом голубом небе светило солнце. Успели высохнуть лужи. Словно не только мы, но и природа прошла сложный период понимания, очищения, познания.

Вместо послесловия

Пролетели две недели невероятно быстро. В последний день нам устроили прощальный вечер. Девушки – в туфлях на каблуках, которые бесполезно валялись в чемоданах две недели, юноши – в белых рубашках. Все напоминало выпускной бал. Даже именитые гости были. Проститься с нами и поблагодарить за работу прибыл президент парламента города Магдебурга. На прощание – на польском, английском, латышском и русских языках прочитана речь, посвященная жертвам всех войн. Она призывала к миру.

После фуршета руководители лагеря вручили нам подарки, наговорили много добрых слов. Было немного грустно,

чувствовалось, что прощается большая, дружная, интернациональная семья. Увиденное, услышанное, прочувствованное, общение со сверстниками из других стран, труд, извините за пафос, во благо – все это подарило много сил.

Татьяна Нахтигаль

ПОСОЛ ГЕРМАНИИ ПРИВЕЗ ДОКУМЕНТЫ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

27 марта 2010 года в Челябинске чрезвычайный и полномочный посол Германии Вальтер Юрген Шмид вручил документы о местах захоронения в Германии пятидесяти советских солдат их родственникам, проживающим в Челябинской области.

Это произошло во время торжественного приема, который прошел в резиденции губернатора Челябинской области и был посвящен 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. На этом приеме чествовали тех, чьи отцы и деды из числа военнопленных до сих пор считались пропавшими без вести на дорогах войны.

Вице-губернатор Валентин Буравлев представил собравшимся высокого немецкого гостя, прибывшего в Челябинск с такой ответственной и благородной миссией. Господин посол сказал, что он привез родственникам документы, рассказывающие о судьбе их близких, что его народ осознает свою ответственность за мрачные страницы истории и делает все для национального примирения, ибо, только осознав всю глубину содеянного, мы можем избежать повторения прошлого.

- Вторая мировая война - очень мрачные страницы в истории наших стран, - подчеркнул Вальтер Юрген Шмид, чрезвычайный и полномочный посол Германии. - И мы, Германия, несем полную ответственность за преступное вторжение на территорию вашей родины. Мы осознаем нашу ответственность. И мне очень важно это вам сегодня сказать.

И в Германии, и в России есть люди, которые занимаются поисковой работой и на государственном уровне, и, что называется, по зову души. В данной ситуации пропавших без вести искали, объединив усилия, сотрудники объединения «Саксонский мемориал» и УФСБ России. Им помогали сотрудники военных архивов, поисковики Магнитогорского государственного университета, областной совет ветеранов.

Как рассказал начальник архива ФСБ, генерал-лейтенант Василий Христофоров, из Челябинской области ушло на фронт около одного миллиона человек. Судьба 750 тысяч из них установлена, но многое еще предстоит сделать, чтобы узнать про тех, кто считается без вести пропавшим. По России это огромные цифры. Ведь только в немецком плену было 4-5 миллионов советских военнослужащих. Домой вернулось около двух миллионов.

Объединение «Саксонский мемориал» активно занимается поиском без вести пропавших более десяти лет. Вот уже четыре года с ним сотрудничают поисковики МаГУ. Челябинская область получила базу данных на 2073 человек, которые погибли в Германии, будучи военнопленными. Пока что удалось найти родственников 157 из них (130 живут в Челябинской области). Безусловно, эта работа будет продолжаться. В благородном деле активно участвует общественная организация детей погибших защитников Отечества – «Память сердца». Несколько лет назад к общему поиску подключилось ФСБ Украины, Белоруссии. Вероятно, со следующего года подключится Казахстан.

130 имен и фамилий - 130 судеб, которые опалила война. Почти все южноуральские солдаты стали пленниками фашистских концлагерей, но у себя на Родине считались без вести пропавшими. Рядовой Советской армии Василий Паниковский ушел на фронт еще в 40-м, почти сразу же в родную деревню Григорьевка пришла похоронка. И только сейчас его племянница Наталья узнала: все четыре года, что шла война, ее дядя находился в плену в одном из страшных концлагерей под Нюрнбергом. Там же и был похоронен - в братской могиле.

- Я увлекаюсь историей своей семьи, - говорит Наталья Бельшева, племянница солдата Василия Паниковского. - Много написала о ней, искала корни. И вот то маленькое звено, которое нам было неизвестно, теперь заиграло новой гранью.

Как рассказал руководитель центра документации «Саксонского мемориала» Александр Харитонов, в Германии создана организация «Народный союз», которая ухаживает за военными могилами, в том числе и советских солдат. В целом на территории Германии около 15 тысяч мест захоронений советских солдат, и все они хорошо содержатся.

Родственники погибших поблагодарили немецких гостей за большую работу по сохранению памяти о погибших. Нюрнберг, Витцендорф, Хоенштайн, Зандбостель... Получая папки с бесценными документами, потомки погибших солдат признавались: их главная мечта сегодня - побывать на могилах своих родных в Германии.

«ПУТИ ЗЕМНЫЕ...»

Информация в СМИ Германии о гуманитарной акции помощи российским ветеранам войны, организованной немцами, и участие в этой работе помогали расширять круг моих знакомств с немецкими ветеранами войны. Одним из них явилось приглашение посетить выставку художника Христиана Модерсона, с которым руководитель Общества помощи ветеранам войны в России Ханнелоре Дандерс уже переписывалась.

Летним днем 1997 года мы с Ханнелоре едем в Фишерхуде, который находится недалеко от Бремена, в старой усадьбе, где жил и творил отец Христиана, художник Отто Модерсон. В свое время он соперничал в мастерстве с Репиным и Шишкиным. В Берлине одна из улиц города носит имя Отто Модерсона.

Христиан встречал нас с улыбкой на лице, излучающей стариковскую доброту, одет просто, по-домашнему. Из-под козырька фуражки через очки на нас смотрел живой взгляд... В первую очередь знакомимся с музеем Отто Модерсона, затем идем в мастерскую Христиана. Бережно он извлекает из папок оригиналы своих зарисовок, сделанные на фронте: в рваной, потрепанной одежде женщины, дети, старики, измученные, страдающие лица, глаза полные тревог на фоне разрушенных и сожженных изб, улиц. Деревенские, бытовые картины, пикирующие самолеты на Сталинград, разрывы бомб... Я все это видел уже раньше, на фронте и вот, вижу снова, как наяву, а сердце начинает учащенно биться...

Эти рисунки, оказывается, спасли жизнь художнику: под Сталинградом наши солдаты натолкнулись на тяжело раненного немецкого солдата и хотели его добить, но увидели в его сумке рисунки наших людей, удивились их правдивости, перевязали немцу раны и оставили лежать на поле боя. Уже потом немцы подобрали своего солдата и доставили в госпиталь. Немецкий врач в госпитале по бинтам понял, что Христиана перевязали русские и этим спасли ему жизнь.

Христиан подарил нам с Ханнелорой прекрасную копию рисунка: на вершину горы из последних сил, с посохом в руках и огромной сумой за спиной поднимается человек. Гора окутана мраком, пустынна...Смотрю на рисунок и перед моим взором возникает образ горьковского Данко.

Христиан восторженно приветствовал гуманитарную акцию немцев помощи российским ветеранам, считал ее очень важной, ведь он признавал вину своего народа за войну против Советского Союза. Христиана волнует гонка вооружения, милитаризация стран, волнует и судьба будущих поколений, и считает своевременным принятие обращение к народам ветеранов войны – «В XXI век, без оружия

и войн», в котором слышит голос прошлой войны.

Я понимал его сожаление о невозможности лично побывать в России, повстречаться с ветеранами и рассказать о своих чувствах и мыслях в кругу новых друзей. Радовала Христиана проведение выставок его работ в России, считая это его вкладом в укрепление нашей дружбы и примирения. Они прошли в городах Поволжья, на Урале: в Екатеринбурге, Челябинске, других городах уральского региона. Постоянными экспонатами остались в военно-историческом музее Екатеринбурга. Познакомились с работами Христиана Модерсона и жители Санкт-Петербурга. Поселились они в Успенском храме, возле Сологубовки, что рядом с кладбищем немецких и советских солдат, погибших под Ленинградом.

В 2005 году мы с Ханнелоре получили приглашение от Христиана Модерсона на открытие выставки картин его отца, Отто Модерсона. На этой выставке мне выпала честь вручить Христиану «Знак примирения» народов России и Германии, изготовленную в России. Зал музея во время этой процедуры буквально взрывался от восторга. Дискуссии после этого среди присутствующих затянулись до позднего вечера – война оставалась в памяти немцев старшего поколения.

Христиан с нескрываемым волнением заявлял, что он уверен в прекрасном будущем народов России и Германии, в том, что они вместе будут противостоять возникновению любого военного конфликта. Он верит в мирную жизнь людей и что разум восторжествует.

Во время одной из встреч у Христиана Модерсона, Ханнелоре дискутировала с хозяином дома о творчестве Бетховена, а мой взгляд бродил по картинам, развешанных на всех стенах, и вдруг, как молния, перед моим взором появилась икона! Наша, православная. Стояла она на почетном месте – на камине. Христиан заметил мое волнение при виде иконы и рассказал такую историю.

Его родной брат – Ульрих, не лишенный способности к живописи, был мобилизован на войну рядовым солдатом и оказался на Восточном фронте. С фронта Ульрих и привез с собой эту икону.

На фронте часть, в которой служил Ульрих, однажды остановилась в одной из деревень и он расположился со своими лошадьми и повозкой у одинокого старика и ночевал в старой, крестьянской избе, крытой соломой, очень бедной и совершенно пустой. И только одна икона, в углу избы привлекала внимание брата. Иногда он брал ее в руки, разглядывал и возвращал на прежнее место. Ульрих ухаживал за лошадьми, на которых подвозил на передовую продукты питания, помогал старику в

огороде, старался и подкормить старика. Так продолжалась несколько дней.

Покидая деревню брат запряг лошадей в повозку, забрал свои вещи, попрощался со стариком и уселся в повозку. Тронулся. И вдруг, солдаты закричали Ульриху и стали показывать, что к нему спешит старик. Все остановились. Старик подошел к Ульриху, рукой позвал его, и, когда он подошел к нему, старик перекрестил его иконой, которая была у него в руках и протянул ее Ульриху. Ульрих сообразил, что старик отдает ему икону и взял ее. Старик снова перекрестил Ульриха рукой, поклонился ему, показал пальцем на повозку и махнул рукой – поезжай.

Все происходило на глазах других солдат, стоящих вокруг повозки Ульриха. Солдаты стояли молча потрясенные, пока унтер-офицер не пошел к своей повозке. Старик стоял и взглядом провожал немцев...

Так икона оказалась в доме Модерсонов и стала самой дорогой семейной реликвией. А Ульрих с войны не вернулся.

Невольно, когда думаю об этом случае, стараюсь найти ответ на главный вопрос: почему старик подарил немцу икону, святыню? Мало того, еще и дал ему свое благословение... Не знаю, до сих пор не могу объяснить и понять не могу.

...Не перестаю удивляться благосклонности судьбы ко мне, старому солдату. Она свела меня в Дрездене с ветераном войны, немецким солдатом Хансем Мрачински, к тому же еще и художником, профессором. Юношей Ханс был мобилизован в армию и отправлен на Восточный фронт освобождать народы от каких-то коммунистов, каких-то врагов, которые угрожали и немцам, и Германии, но вскоре оказался в плену.

Лагерь военнопленных находились в Подмосковье. В лагере профессия художника предопределила многие возможные события судьбы военнопленных: ватман, карандаш, краски и рабочий стол в структурах лагерных служб политпропаганды.

Со слов Ханса, только в лагере он осознал и понял, что война была ужасом и страданием для всех людей, втянутых в нее по воле политиков. С тех пор война поселилась в его мыслях и чувствах, и стала яркой канвой в его творчестве и не ослабевает до сих пор, если не нарастает.

С первой встречи наши мысли и души с Хансом, старых солдат, оказались открыты друг другу: единая судьба, понимание прошлого. Что не говори, прошлое и роднило нас: из утробы войны мы вышли. Войну без слов я увидел в рисунках Ханса, написанных в лагере и после войны. Война, она и есть война, откуда на нее не посмотри.

Оригиналы некоторых рисунков, после возвращения из плена, в ГДР у Ханса изъяли соответствующие органы, о чем он весьма сожалеет, но тему войны продолжает рассказывать в рисунках и после.

Работы Ханса Мрачински вместе с рисун-

ками Христиана Модерсона представлялись на выставках в России для общественности, остались в фондах музеев Екатеринбург, Санкт-Петербурга, музея примирения в Успенском храме Сологубовки, кладбища немецких и наших солдат, погибших под Ленинградом.

В 2008 году Ханс Мрачински на личные средства издал триста экземпляров проспекта картин, последствий прошлой войны и подарил Обществу, выражая этим и материальную поддержку: держа в своих руках прошлое, люди прикасаются к истории прошлой войны своими глазами, а старшее поколение напоминает, невольно прикоснет к прошлому, военному времени...

Активное участие Ханса в работе Общества помощи ветеранам войны в России, материальная поддержка, содействуют, помогают поиску и торению путей укрепления дружбы российских и немецких ветеранов войны, примирению народов России и Германии. Ханс всем своим сердцем близко принял совместное обращение ветеранов войны «В XXI век без оружия и войн» к общественности. Я понимал, чувствовал его тревогу и заботу за политику милитаризации стран властями, военные конфликты, нестабильность в мире. Близки и его тревоги за возможность ядерной войны...

Что говорить, особенно на Западе, сердце старых солдат еще и кровоточит... О своем – не говорю.

Аргументы Ханса в этом – неоспоримы. Так же, как и всех старых ветеранов, солдат, немцев и российских. Всех, в ком остается еще и живет война своим кровавым следом, страданиями народов...

Нет смысла говорить о том, насколько близки мне, старому солдату, Христиан Модерсон и Ханс Мрачински. Война породила нас: доступны и понятны стали наши судьбы, связанные войной. И все же между Христианом и Хансом, плюс ко всему, оказалось сходство их профессии – художники. Мы, ветераны стараемся, в меру своих возможностей, сказать свое слово о войне, человеческом горе и страданиях принесенные войной, мы не можем молчать об этом, не имеем права перед ее жертвами. Мы в постоянном диалоге с людьми, общественностью: рассказываем, выплескиваем их себя прошлое, напоминаем нынешнему поколению о тех ужасах, которые выпали на нашу долю.

Говорят об этом и мои друзья, но помимо слов Христиана и Ханса еще и представляют возможность людям, с помощью рисунков увидеть реальность кошмара и безумия войны своими глазами: люди видят и содрогаются их души, сжимаются сердца и смогут видеть всегда, в будущем.

1996 год. В центре Екатеринбурга, накануне Дня Победы в музее молодежи, с трансляцией российского телевидения, открывается персональная выставка акварелей немецкого художника, профессора Адольфе Бёлиха, организованная германским фондом помощи

ветеранам войны России и нашим фондом помощи инвалидам войны.

Через несколько дней, после открытия выставки получаю сообщение – на выставке в книгу отзывов посетителей записал, излил свою душу: у нас де, куда не посмотри на картинах, в журналах мазня, уродливые тела, не поймешь кто и что, голые бабы, от чего отворачиваешься... причем все выражалось словами нашего, русского языка, богатого фольклором... а зашел на эту выставку и очумел: чудесная гамма цветов радует глаз, видишь красоту природы, чувствуешь доброту, умиротворение. От всего исходит тепло, уют, такое чувство и не хочется расставаться с увиденным и думает человек,, рассуждает: почему у немцев все по-человечески, а у нас... и снова мысли и слова в наш адрес, да такие, что решили как-то, незаметно убрать лист из книги отзывов.

В то время в России, уже новой России можно было говорить и писать все откровенно, ничего не бояться – налаживалась демократия...

Адольф Бёлих. Мальчишкой помнит войну, непростое послевоенное время – война оставила свой след: юношей начал трудовой путь электриком, но дар и любовь к живописи, упорная борьба за реализацию своего дара помогли стать художником, профессором, доктором искусства и ректором художественной академии в городе Дрездене.

Знакомство с Ханнелоре Дандерс, интерес к новой России и сложности социальных проблем российских ветеранов войны России, гуманные чувства привели Адольфа в Общество помощи ветеранам войны в России.

Выставка акварелей Адольфа Белиха положила начало проведению, в последующем, в которых стали участниками Христиан Модерсон и Ханс Мрачински. Выставки прошли в городах Урала: Екатеринбурге, Челябинске, в том числе – академии искусств, музеях, выставочных залах, ВУЗах. Немецко-культурный центр Челябинска организовал выставки в городах региона. Прошли выставки и в Санкт-Петербурге, где отдельные работы навсегда поселились в музее примирения Успенского храма, кладбища немецких и русских солдат, возле Сологубовки.

Вход на выставки посетителей всюду был свободным. Все они готовились немецким Обществом помощи ветеранам войны в России.

От имени Общества акварели дарились госпиталям ветеранов войны, общественным и благотворительным организациям, музеям, административным органам и инвалидам, ветеранам прошлой войны. При последнем посещении Германии Адольф вручая мне картины, просил подарить их старым, российским солдатам, ветеранам прошлой войны, чтобы они, картины, оставаясь в квартирах и домах жертв войны, напоминали, как память, знак примирения наших народов.

Удивляюсь, как много же послал добра и своих чувств людям России своими картинами Адольф Бёлих. Большинство картин прошло через мои руки и мое сердце. Не представляю, как выразить чувство признания и благодарности за все, что сделал Адольф людям, помог и обрадовал своим вниманием, своим пониманием и своей искренностью.

Если рисунки на выставках и музеях Христиана Модерсона и Ханса Мрачински напоминают и навевают о великой скорби народа и будут волновать людей всегда, то акварели Адольфа Белиха, наоборот – излучают добро, ласкают и будут ласкать взор людей красотой природы, гармонией счастья.

Сколько же я везу с собой, когда еду в Германию, для Белихов приветов, добрых пожеланий, благодарностей, сувениров из России от наших ветеранов, людей, посетивших Германию и побывавших в гостях у Адольфа и Кристины. Замечал: когда меня просили об этой услуге наши люди, надо было видеть их лица и слышать тон голоса, видеть глаза, а после, в Германии передать все Адольфу и Кристине. Это мне еще бывает по плечу, а вот как выразить чувства своих земляков – бывает непросто.

По стариковски поделюсь: сколько картин Адольфа Белиха Ханнелоре ежегодно привозит в Россию, в специально приобретенном для этого большой, по размерам чемодан, чтобы не смять картины, а сколько картин подарены с выставок.

Это у меня голова кругом идет, а у Адольфа Белиха не видно, что она кружится: в глазах выражение внимания, приветливости и вместе с улыбкой, на чисто выбритом лице, вижу счастливого человека...

Коснусь судьбы всего друга, немца Вольфганга Хверта: прошел войну сполна, остался жив, журналист, профессия и жизнь бурлила, насыщена судьбами людей и так до старости. Казалось бы, радуйся, отдыхай, будь счастлив. Не получается: Вольфганг человек той судьбы, крест которой таскает на себе всю, послевоенную жизнь. Только к старости он стал тяжелым и давит своим грузом прошлого. Неспкойная старость у Вольфганга, ответственная, как считают старые солдаты, и уйти от этого им невозможно: настоящее и будущее людей беспокоит. Ради этого Вольфганг пашет в Обществе помощи ветеранам войны в России: информационная работа, переписка общества, редактирование материалов, Интернет – куда больше, иногда и дня не хватает пробиться в бюрократических условиях.

Волнует старых солдат нестабильность в мире: военные конфликты, угроза войны... и это только ради того, чтобы не повторилось прошлое, ради завтрашнего дня, мирной жизни будущих поколений...

Тревогу за будущее у старых солдат отнять невозможно. Этим мы живем, и этим живу я, вместе, русские и немцы.

Дмитрий Лычковский, Ирена Полторац

ОТЕЦ ВЯЧЕСЛАВ ХАРИНОВ: «ПОГОСТЫ НЕ УЧАСТВУЮТ В РАСПРЯХ»

Имя питерского священника Вячеслава Харинова периодически мелькает в прессе, сопровождаемое неоднозначным контекстом. Одни восхищены тем, что в мирное время Харинов фактически стал фронтовым священником – он отпевает и предаёт земле останки советских солдат, которые достают из окопов поисковики. По 22 тысячам душ провел уже заупокойную отец Вячеслав, а в ленинградской земле лежат не похороненными сотни тысяч. Но звучали в прессе и другие голоса: они громогласно задавались вопросом, почему русский поп опекает также и фашистские кладбища, и называли Харинова защитником могил оккупантов.

Чудо блокады

Отец Вячеслав – батюшка продвинутой, в прошлом по одному образованию – инженер-системщик, по другому – переводчик с английского, по третьему – музыкант. Высшее богословское образование не мешает ему свободно ориентироваться в молодежной терминологии и субкультуре. Не зря к нему обращаются за отпеванием отвязные рок-музыканты, хотя в заупокойных речах Харинов даже не думает приукрашивать образ усопших.

Он является настоятелем сразу двух храмов – в самом центре Питера (церковь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Шпалерной) и трехпрестольного белокаменного собора Успения Божией Матери в ста километрах от мегаполиса, в абсолютной глуши.

– Я заново открыл для себя войну, потому что оказался благочинным в бывшей прифронтовой полосе: Кировском районе Ленинградской области. Благочинный – тот, кто надзирает за порядком служб в одном из округов, на которые делится епархия. В мой округ входит 13 приходов. Эта часть епархии, которую мне поручили, особенная. Такого клочка земли больше на свете не найти. Если мы возьмем статистику военных действий на планете – именно битв, а не ковровые или ядерные бомбардировки, то аналогичных потерь, какие случились здесь во Вторую мировую, нигде не было. Там, где шли бои, до сих пор тела лежат на глубину штыка. Да, в 1946 году похоронные команды прошли по области, у них была разрядка в день пройти 10 км. Но команда – это одна подвода и пять-семь рабочих, а вокруг сотни тысяч тел. Земля там кровавая.

Я проезжаю на спецтехнике, на «уазиках» в непроходимые места, где полками бойцы полегли: Гайтолово, Тортолово, Гонтовая Липка. Они все еще едва присыпаны землей. Про некоторые импровизированные кладбища поисковики знают, но хранят координаты в тайне – чтобы мародеры не добрались. И везде я служил панихиды по нашим солдатам. Сейчас мы с поисковиками работаем в контак-

те. Когда они находят упавшие самолеты, уже сами меня зовут – чтобы извлечение останков летчиков не стало своеобразным нарушением могил. Обычно у летчиков – простите за жуткие подробности – при падении срезает череп приборную доску и он оказывается рядом с хвостом самолета, на поверхности. Остальная часть тела уходит глубоко в землю. Поэтому сначала я совершаю около черепа краткую заупокойную службу, а потом поисковики приступают к раскопкам. Это свидетельство нашей любви к павшим и веры, что господь простит нас за потревоженные останки. Не

тревожить нельзя: захороненным считается лишь тот, кого с молитвой и с любовью погрузили человеческие руки в специально вырытую могилу.

А как вы можете быть уверены, что все они – христиане?

Однажды поисковики натолкнулись на останки двух летчиков, один русский, второй, судя по документам, татарин. И когда мы их хоронили, то позвали муфтия из мечети. Сначала я совершил обряд отпевания, потом он. И было так странно слышать, как над березками возносятся молитвы на арабском. Но для меня все советские бойцы – христиане. Если ты честно погиб в бою «за други своя», значит, ты – крестившийся в своей крови. В этом плане у меня ни проблем, ни сомнений.

Притом что советские солдаты были атеистами.

Это миф. И это стало для меня открытием – что, несмотря на запреты политруков, наши солдаты верили и носили при себе кресты, зашивали в одежду иконки и ладанки. Вот на-престольный крест, такие служат для богослужений в сельских церквях – был найден на груди солдата, весь испещренный осколками. А вот икона, которую нашли у нашего летчика. В болоте лежал немецкий самолет, внутри поисковики обнаружили тело в немецкой форме, но без документов. Известно, что наши использовали для разведывательных полетов трофейные немецкие самолеты – русские летчики надевали чужую форму и кружили над позициями. В подсумке оказались несколько рукописных икон, сделанных карандашом. По тому, как написано «Аз есмь свет миру», видно, что человек знал церковнославянский язык, а по тому, как нарисована икона – что он искренне верующий.

Вот у этой иконы Казанской Божией Матери еще более интересная судьба. Она принадлежала Александре Минаевой, беженке из Орловской области, которая брела по дороге почти без вещей, в состоянии, близком к голодной смерти. Немецкий солдат пожалел ее и дал три кило соли. Во время войны это равносильно трем килограммам золота. Она в благодарность вручила ему самое ценное, что имела – икону Казанской Божьей Матери, сказав: «Эта икона будет хранить вас от несчастия». Немец смысла не понял, но записал эти слова латиницей карандашом на обороте иконы. А потом он прошел целым через такие мясорубки и сражения, что объяснить это мог только спасительной силой образа. Оставшуюся жизнь он держал его дома как святыню и завещал после смерти вернуть в Россию.

Чем объясняется, что в годы войны советское руководство неожиданно обратилось за моральной поддержкой к церкви?

Тем, что Сталин вдруг обнаружил: он не знает собственный народ. Там, где немцы открывали закрытые большевиками храмы – это была политика Геббельса, – сразу случался религиозный бум. Люди ломались в церковь, и это стало откровением для советского ру-

ководства. Масса фактов говорит о том, что советские власти были просто вынуждены сделать срочную переоценку ценностей. К началу войны на всю страну осталось лишь два реально правящих архиерея, на осень 41-го планировалась новая лавина репрессий, уже было подготовлено постановление НКВД в отношении «церковников, сектантов, католиков и клерикалов». И вдруг – срочно открывают в Лавре могилы наших полководцев Александра Невского, Михаила Кутузова, Федора Ушакова, чтобы солдаты могли сходить туда перед отправкой на фронт. В голодном осажденном Ленинграде Жданов – известный душитель церкви, у которого руки по локоть в крови, – распоряжается выдать муку и кагор для совершения литургии. И случается необъяснимое: на крохотном кусочке просфоры, на причастии – вине в объеме чайной ложки, люди выживали неделями, не испытывая грызущего голода. Это настоящее чудо блокады.

Довожу немцев до слез

Пятнадцать лет назад никакой не священник, а еще только студент духовной школы Вячеслав Харинов поставил себе цель – найти в Ленинградской области самый безнадежный храм и заняться им. В ста километрах от Питера, в непролазной сельской глуши, возле деревни Сологубовка он наткнулся на руины собора: обрушенные своды, зияющие проломы окон. Приблизиться к руинам можно было только на тракторе: вокруг – поле в рывинах и колдобинах, поросшее бурьяном.

Нищенствующий студент-идеалист – страшная сила. Харинов растряс местные власти, нашел деньги на первое время, нанял рабочих и стал закрывать собор сверху рубероидом.

– Трижды мы его укладывали – и трижды, словно проверяя мои намерения на прочность, крышу размером в половину квадратного километра срывало ураганом и относило в поле за сто метров. Мы ее находили, снова ставили, пришивали скобами, прикручивали проволокой. И вдруг выясняется, что храм даже надежней, чем я думал. Его вот-вот взорвут – немцы, потому что согласно межфедеральному соглашению между Россией и Германией здесь создается огромное сборное кладбище, на котором захоронят останки немецких солдат со всей Ленинградской области.

Студент Харинов решил, что немцы должны пересмотреть свои планы. Он объявил Германии маленькую личную войну: без крови и ненависти. Немецкому военному кладбищу – быть, но и православному собору – быть! Биться решил самым безотказным для истинных арийцев оружием: бюрократией и педантичностью.

– Я обратился к немцам с заявлением, что согласно архитектурным нормам дорога к их кладбищу должна обходить две с половиной высоты храма. Это подействовало, руины мы отстояли. Потом стал упираться на то, что германские войска этот храм разрушили – Германия и должна помочь его восстановить. Немцы тут

же отреклись: мы ничего не разрушали, это русские все по взрывали. В ответ я предоставил им воспоминания солдат немецкого саперного батальона – как они снимали купола. Немцы дрогнули и согласились восстановить – но только крышу: на остальное денег нет. И тогда я вышел на «Штерн» и «Шпигель», попросил рассказать историю про храм на всю Германию. Сегодняшние немцы болезненно относятся к своей истории, хотят реабилитации перед миром. И деньги пошли. Благодаря этому в Сологубовке теперь красуется великолепный трехпрестольный собор-красавец. Рядом мы разбили парк Мира – со скульптурами, с продуманным ландшафтом. И уже дальше начинается немецкое военное кладбище, по которому я вожу приезжих из Германии, рассказывая им правду о войне. Эту правду я сам для себя открывал с болью, потому что она нелицеприятна для обеих воюющих сторон. И немцы, слушая ее, плачут.

- Ну, они ведь вообще сентиментальная нация.

- Отнюдь. Помню встречу с одним старым немецким офицером, будто вышедшим из карикатурного советского фильма про фашистов: черные очки, костяная рука, весь такой сухопарый, характер нордический... Он мне сказал: «А у меня никакого раскаяния перед русскими нет. Иван воевал очень жестоко. Мы всю Европу прошли, соблюдая Женевскую конвенцию. Но когда вступили в Россию, наш санитарный батальон тут же вырезали подчистую: русские зарезали раненых и фельдшеров, словно баранов. После этого командование, которое до того на Ленинградском фронте нас сдерживало, сказала: ответим русским тем же! Больше пленных не берем. Через месяц мы уже сами не могли остановиться».

На меня эти слова старого фашиста крепко подействовали. Тема жестокого отношения русских солдат к немецким врачам и санитарам и без того давно мучила. Я не знал, чем ответить на этот жуткий упрек. Но потом – слава богу – объявился свидетель с противоположной стороны, мой прихожанин Михаил. Он рассказал, как на десятый день войны в Новгороде купался с другими детьми в прудах близ города. Вдруг в небе появился самолет, и немецкий летчик на бреющем полете начал расстреливать ребятшек из пулемета. Они обезумели от ужаса. Один закричал: прыгайте в воду, другой – нет, лучше бежим к кустам! Самолет сделал круг и вернулся. Видно, пулеметные патроны у летчика кончились, потому что он начал добивать детей из револьвера. Этот мой прихожанин, Михаил, видел его лицо и сказал, что не забудет его до самой смерти. Как не забудет вид своего дружка, мальчишки, лежащего в пыли с простреленной головой. И маленькую девочку, крутившуюся на земле от боли, она повторяла «мамочка, мамочка» и прижимала руки к окровавленному животу.

Потом его вместе с матерью посадили на баржу. Были сшиты из простыней полотнища, на них нарисовали красные кресты – и

три баржи, груженные женщинами и детьми, двинулись по реке. Тут налет немецкой авиации – бомбы кидали точно на кресты. Запертый в трюме, он слышал крики и стоны с палубы. Вот этих свидетельств мне и недоставало, чтобы противопоставить словам немца с костяной рукой! Ведь это же «Люфтваффе», рыцари неба, люди, выросшие на принципах старой летной школы, где царил турнирный дух и врага в небе перед схваткой было принято вначале приветствовать. По крайней мере так было в Первую мировую. А во Второй мировой, уже на десятый день войны в России все принципы слетели с них как шелуха!

Это еще не весь рассказ Михаила. Они с матерью добрались тогда до Урала, осели в одном из городков. И он стал выковыренным. Это неизвестный нам язык войны: так называли эвакуированных. С точки зрения местных, он был неполноценным, лишенцем. Его били в школе жестоко, каждый день, пока один физически крепкий местный парнишка-чуваш не взял приезжего под свое покровительство. Михаил вспоминал: «У меня появилась возможность отомстить обидчикам, но я зла на них не держал. Я мечтал увидеть только одного человека на земле – того летчика».

Однажды в городке несколько барачников оцепили проволокой. Пошел слух, что там собираются открыть лагерь для военнопленных, и вскоре их действительно привезли. После школы Михаил ходил туда и подолгу стоял около проволоки, вглядываясь в лица пленных. Конечно, того немца он не встретил. Как-то мать дала ему кусок хлеба и сказала: «Отнеси, брось пленным за проволоку, говорят, они там голодают. Многие наши женщины подкармливают их. Иди!» Он пошел послушно с этим хлебом, встал у колючей проволоки. Немцы с той стороны смотрели, ждали, когда он кинет хлеб. А он не мог! Он сказал мне: «У меня рука стала как каменная. Я не мог ее поднять. Вернулся домой, сказал – я не могу». Михаил рассказывал это с раскаянием в голосе. Чувствовалось, что он до сих пор ощущает свою вину.

- На каком языке вы говорите с немцами?

- Я не говорю с немцами по-немецки, хотя на разговорном уровне поддержать беседу бы смог. Мы обычно говорим на нейтральном для обеих сторон языке – английском. И это для меня вопрос принципиальный.

Буфф, который не стрелял

- Как вам самому хватает нервов водить бывших фашистов по немецкому военному кладбищу в Сологубовке? В вашем роду с войны все вернулись?

- Отец ушел на фронт в 17 лет и демобилизовался в 1944-м, получив жесточайшее ранение и заработав в окопах туберкулез. Он был весь в шрамах, на бедре – цветок из мяса. И я помню свои детские ощущения, как в общественной бане среди голых тел всегда отыскивал отца по этому развороченному бедру. Когда он вернулся в родную Костромскую

область, к родне, там уже создали лагерь для пленных немцев, они что-то строили. Мой дед, который тоже вернулся с войны израненный – Василий Федорович, видя, что сын к тяжелой работе непригоден, сказал: а иди-ка ты работать в лагерь, там в конторе люди нужны. Отец возразил: что угодно, только не это, на немцев смотреть больше не могу. Но дед велел не артачиться.

А дальше случилось неожиданное – работая в лагере, отец подружился с немецким военнопленным по фамилии Шнайдер. Этот талантливый парнишка, как и отец, хорошо играл на аккордеоне, хорошо рисовал. Мой отец стал забирать Шнайдера из-за колючей проволоки и приводить к себе домой, в семью. Они вместе ходили на вечеринки, вместе пили самогонку и прекрасно ладили – эти два промахнувшихся друг в друга на фронте юнца.

Потом Шнайдера освободили, он уехал в Германию, а контакты в ту пору поддерживать было невозможно. Но когда я в 1989 году впервые поехал в Германию, отец сказал: «Знаешь, если увидишь там человека моих лет по фамилии Шнайдер, передай ему привет». Я засмеялся: «Отец, в Германии Шнайдеров больше, чем у нас Кузнецовых. Имя хоть назовешь?» – «Не знаю, мы его звали просто Шнайдер».

Я стал священником уже после того, как отца не стало в 1995-м. И начал в Сологубовке приезжающим немцам рассказывать эту историю. Считал, что это своеобразное завещание, данное мне отцом, связанное с умением прощать и видеть во враге человека. На кладбище в Сологубовку приезжает много немцев, и каждый раз кто-нибудь откликнулся – у меня соседи Шнайдеры, у меня мать в девичестве Шнайдер. История эта пошла гулять по Германии, и в 2003 году я получил письмо от Карла Шнайдера – солдата вермахта, который воевал на Восточном фронте, попал в плен. Это, конечно, не тот Шнайдер. Но это было просто очень хорошее письмо – с покаянием, с благодарностью в адрес русских, с проклятием в сторону политиков, игравших людьми как пешками.

Как мне хватает нервов? Но там, на немецком военном кладбище, лежат очень разные люди. Например, Вольфганг Буфф. У меня хранятся его дневники, где он писал: «Любите своих врагов, благословляйте проклинаящих вас, – вот что всегда было ценностями немецкого народа». Он был не согласен с тем, что его заставляют творить. До войны Буфф хотел стать священником, ухитрился даже на фронте не брать в руки оружие – он был баллистиком, просчитывал траекторию снарядов. Погиб на Синявинских высотах, пытаюсь спасти советского офицера, умиравшего от потери крови на нейтральной полосе. Буфф пополз за ним, но был сражен шальной пулей. Какой же это фашист?! Война – сгусток обоюдного греха, а не примитивное противопоставление «свои – чужие».

- Как жители Сологубовки отнеслись к со-

седству с немецким военным кладбищем?

- Сначала резко отрицательно, говорили: вот, мы их громили, а теперь их кладбище перед носом красуется. Александр Невзоров целое шоу на этом захоронении разыграл: красной нитью шла мысль – фрицы и поныне на нашей земле хозяйничают. Но я спрашивал сологубовских: хорошо, а куда вы предлагаете их девать? Ведь кладбище возникло не на пустом месте, немцы еще в войну там 3 тысячи своих солдат похоронили. В ответ ветераны Великой Отечественной войны заявляли: нам все равно, пускай хоть в Германию своих покойников забирают.

А потом мы с этими ветеранами проехали почти по всем воинским захоронениям в Германии – где русские солдаты покоятся. Эти кладбища еще со времен Первой мировой войны в идеальном состоянии, и даже во времена Гитлера за ними старательно ухаживали. Немцы ко всем могилам бережно относятся – и своим, и чужим. В Германский народный союз по уходу за воинскими захоронениями входит 1 миллион 300 тысяч человек, его структуры занимаются обустройством немецких военных кладбищ в 50 странах мира. В Сологубовке – в том числе, а в целом в России около тридцати сборных немецких военных кладбищ.

В общем, ветераны как увидели такое уважение к мертвому русскому солдату – сразу попритихли. Жители Сологубовки тоже со временем пообвыкли, к приезжающим немцам относятся с вежливым равнодушием.

Я и до ребят-поисковиков постепенно донес: есть четкая христианская позиция по поводу поверженных врагов. Раньше как было – находят поисковики кости, видят, что немецкие: ага, гад-фашист, в костер тебя, чтоб следа не осталось. А я напомнил им – мертвые срама не имут. Эти души уже предстали перед Богом, и это он им – судья. Мы можем судить либо живого человека, либо преступную идеологию или режим. Но христианская этика гласит – нашел незахороненного, предай земле. По отношению к останкам любого человека надо быть милосердным.

Неужто сегодня еще можно определить, немец в земле лежит или русский?

Конечно. Есть остатки амуниции. Или такой момент – как зубные пломбы поставлены. У нас поисковики настолько уже опытные, что определяют даже просто визуально. Говорят – ну не наши кости, и все тут. Как правило, не ошибаются.

Христос над танковой колонной

- Кто был вашим предшественником в сологубовском храме во время войны – знаете?

- Предатель. Человек, на которого я уже собрал столько материалов, что пора писать книгу «История одного негодяя». Его звали Иван Амосов. Восстановив собор, я стал разыскивать его как героя: знал, что он служил во время войны священником в моем храме и вроде ра-

ботал на партизан. А все оказалось наоборот. Амосов работал на фашистов, на СД, лгал и делал подлости каждую минуту и секунду своей низкой жизни. Он был не священник, а самосвят – самозванец, стучал на прихожан и на настоящих священников. В Гатчине жил весьма почитаемый протоиерей Александр Петров, он в открытую сказал, что Амосов самозванец, и поплатился за это жизнью. На совести Амосова прямые убийства и доносы, по которым убивали людей. В 1945 году его разоблачил СМЕРШ, он отсидел девять лет, но потом Сталин умер – и Амосов вышел по амнистии. Остальную жизнь стучал себя в грудь: что он ветеран войны, герой, выбивал привилегии. Добился реабилитации и умер с «чистой биографией». Собирая на него материал, я дошел до офицера ФСБ, занятого раскрытием архивов сегодня. На фамилию Амосов он откликнулся сразу: «Предатель, однозначно предатель!»

Ко мне обращалась женщина, которую Амосов крестил во время войны. И не ее одну! Она была в ужасе, узнав правду об этом негодяе, умоляла, чтобы я ее крестил снова.

- Вы, конечно, перекрестили?

- Конечно, нет. Перекрестить – грех. Если даже мирянин соблюдает формулу крещения, оно уже считается состоявшимся. А тут вдобавок человек – если только Амосова можно назвать человеком! – получил приличную практику в одном из северных монастырей. У него треск в руках. Так что негодяй – не негодяй, но совершил все по уставу.

- Что-то от присутствия черной души самозванца в Сологубовском соборе сегодня ощущается?

- Да вы что! Собор же восстановлен с нуля. Если там и есть незримое присутствие чьей-то души, то это душа бывшего солдата вермахта и прекрасного человека Андрея Блока.

Он окончил в Германии гимназию с богословским уклоном, а тут – «хайль Гитлер», Вторая мировая, всеобщая мобилизация. И зеленым юнцом Блок попадает в Грецию. Видит православный храм – и прямо в амуниции, с оружием, зная, что это категорически запрещено, топает внутрь. Грек-монах посмотрел на него, но ничего не сказал. А Блок стоит, разглядывая образа. «Вдруг, – рассказывал он мне впоследствии, – чувствую, смотрит на меня кто-то. Кручу головой по сторонам – никого. Поднимаю глаза: а из-под купола на меня Христос смотрит. И этого взгляда я потом всю войну забыть не мог».

Блок прошел мясорубку Сталинграда, там ему раздробило ногу – пришлось ампутировать. И после войны отправился в православный монастырь на Афоне: учиться писать иконы.

Когда он узнал, что в Сологубовке возле православный храм, то загорелся написать для него иконы и, пылая энтузиазмом, свалился мне на голову. У меня, заявил Блок, такие замечательные идеи! Мы с помощью этих икон покажем, что такое война. Нарисуем на

образах взорванные танки, гибнущих людей! Он уже начал прорисовывать один такой сюжет: Спаситель выводит Адама и Еву из огня войны... Представьте, как это выглядело в каноническом иконописном стиле.

Я говорю: нет-нет, подумай, это же временные вещи, это уйдет вместе с нами. Напиши лучше обычные иконы. Долго мы с ним спорили. Он дед такой гонимый, но очень хороший. Мы с ним подружились, Блок стал часто наезжать в Россию.

Наконец мы договорились, что он возьмет лучшее, что на Афоне видел, и попробует повторить. И он на год засел за работу. Когда я увидел, что получилось, в ужас пришел. Блок взял совершенно неподъемную для него вещь – Синайского Христа. Но это же совершенно особенная икона во всей мировой иконописи! И вообще – он копировал архаичную икону, а в архаике уже изначально такие странные глаза у ликов, нарушенные пропорции. Блок это старательно повторил. Однако если в старых иконах эта странность отражала эсхатологическое ощущение талантливого художника – ощущение краткости времени, оставшегося до второго пришествия, то у Блока получилось непонятно. Какие-то встревоженные лица на щедро выложенном золотом фоне. Я спросил: зачем золота-то столько? А он: не беспокойся, у меня приятель золотых дел мастер. И очень довольный собой вернулся в Германию.

Я решил, что в храме это, конечно, не повешу. Сложил их в какой-то закуток и забыл. Но через год Блока разбил инсульт. И он, парализованный, диктует мне письмо: мол, ничего больше так не хочу в жизни, как увидеть свои иконы на стенах храма в Сологубовке. Жди, скоро приеду. Мне его стало очень жалко. Елки-палки, ну нельзя его обижать, придется устраивать потемкинскую деревню. Сделали мы иконостас и выставили эти иконы в соборе на всеобщее обозрение.

Блока ввезли в храм в коляске. Он плакал от счастья, глядя на свои картины. Он вообще, на мой взгляд, душой был никакой не немец, а наш русский человек. Очень светло мы с ним тогда расстались. Вскоре пришла весть, что он скончался.

Сразу после его отъезда снять иконы рука у меня не поднялась. И как-то потихоньку стали мы на них молиться. Обвыклись и уже почти не замечали их странности. А потом началась зима – холодно в храме, так что в этот период в Сологубовке служб нету. По весне богослужения возобновились. Прихожане мне и говорят: ой, батюшка, а вы иконы за зиму все поменяли – новые красивые такие! Я удивился: ничего не менял. Ну как же, мы ж видим! Не было у нас раньше таких икон. Я говорю: «Это все те же иконы Андрея Блока. Просто вы на них молились, и иконы изменились».

У меня друзья – иконописцы в Сологубовку приезжают. Заходят в храм и вначале не могут сдержать улыбку. А потом походят по храму и говорят: «Знаешь, оставь их. Они – живые. В другие храмы зайдешь: все

четко выверено, тщательные такие прорисы, но выглядит это как декорация – мертвые они. А у тебя живые». Да я и сам, когда молюсь на них сегодня, чувствую силу и благодать этих образов. Так и висит теперь блоковский

иконостас в Сологубовке – победой христианского духа.

<http://magazine-patron.blogspot.ru/2007/11/blog-post.html>

Анонимный комментирует: «Потрясающая статья, проникновенное интервью. Зацепило. Скопировал себе в блог».

Анонимный комментирует: «Невероятный текст, спасибо огромное. И журналистская работа очень тактичная».

Анонимный комментирует: «Статья действительно потрясающая!!! А еще более потрясающий сам отец Вячеслав! Знаю его давно - бок о бок работали в поиске... Я ни на минуту не задумывалась, где крестить своего сына. Мы из Архангельска специально приезжали в Сологубовку. Такого обряда крещения я не видела больше нигде!!!! Это просто чудо!!! Отец Вячеслав широкой души человек и великий пастор!!!! Дай БОГ здоровья ему и всем его родным!!!! С уважением, Елена».

Анонимный комментирует: «Расплакалась даже! Спасибо большое за интересную статью, побольше бы таких!!!»

Анонимный комментирует: «Сегодня смотрела передачу с участием отца Вячеслава. Потрясло. Такого, бы, в духовные отцы. Спаси его, Господи».

Александр Нахтигаль

ДРУЖБА ПОНЯТИЕ КОНКРЕТНОЕ

В советские времена было немало такого от чего нельзя было отказываться или по крайней мере сохранить: это дружбу между народами бывшего Советского Союза и дружбу между народами бывшего социалистического лагеря. Но политические бури разметали нас в разные стороны. Нашим элитам это оказалось ненужным, а у нас мнение никто не спрашивал. Мы погруженные в проблемы посчитали, что мы, российские граждане никому не интересны и нас с легкостью выбросили из своей памяти народы бывших братских стран. Но оказывается это большое заблуждение и в этом мне пришлось самому убедиться.

В конце октября 2009 года меня, представителей Челябинского городского Совета ветеранов и областного госпиталя ветеранов войны пригласили в Берлин наши партнеры из Общества помощи ветеранам войны в России из Дрездена на торжественную и очень приятное мероприятие. Международный клуб при Министерстве иностранных дел ФРГ совместно с Фондом Западные и восточные встречи провел итоги конкурса среди германских организаций, которые реализуют гуманитарные проекты на территории бывшего Советского Союза. Победителем этого конкурса и стали наши друзья из Дрездена.

С этой организацией нас связывает многолетняя дружба и тесное сотрудничество. Наши немецкие друзья оказали существенную материальную помощь госпиталю ветеранов войны, совместно с Советом ветеранов войны Челябинска мы провели конференции, в которых участвовали российские и немецкие ветераны Второй мировой войны, а вместе с Немецким культурным центром организо-

вали выставки немецких художников в вузах Челябинска. Также призерами конкурса стали немецкие организации, которые работают в Таджикистане и в Прибалтике.

Мне пришлось представлять всех уральских партнеров Общества помощи ветеранам войны в России и в память о встрече от имени челябинских организаций я вручил председателю Международного клуба г-ну Б. Шлагхекту книгу-фотоальбом «Челябинская область», а президенту Фонда Западные и восточные встречи г-ну Г. Домке — златоустовскую гравюру.

Впервые деятельность немецкой организации в нашем регионе была так высоко оценена правительственной структурой ФРГ. Члены клуба, а это дипломаты, депутаты бундестага, общественные деятели, были искренне удивлены масштабом и глубиной сотрудничества Общества с российскими организациями и той поддержкой, которую оказывают этой дружбе региональные власти Челябинской области.

Хочется сказать, что Международный клуб находится в здании Министерства иностранных дел Германии и он имеет солидный вес в международных делах. Это подчеркнули и дипломаты тех стран, представители которых получали награды. Но только представителей посольства России не было, к сожалению, в их числе.

Но не об этом речь. После награждения мы стали активно общаться и выяснилось, что многие очень хорошо говорят по-русски. А потом я узнал информацию, которая меня, честно сказать, потрясла. Оказывается Фонд Западные восточные встречи это бывшее Общество германо-советской дружбы, которой после объединения Германии сохранилось и

продолжает работать. Были сохранены средства Общества, которые формировались из добровольных пожертвований граждан ГДР, а их хотели забрать.

Деньги, которые остались после обмена валют, расчетов по долгам, были положены в банк и на эти средства Фонд продолжает финансировать гуманитарные проекты на территории бывшего Советского Союза. Мы, к сожалению, ничего об этом не знаем, а те зерна дружбы, которые были посеяны продолжают давать благодарные всходы. Хочу особенно подчеркнуть, что среди членов германских организаций, которые работают у нас, немало немецких ветеранов Второй мировой войны. Это ли не признаки того исторического примирения между российским и немецким на-

родами, которые позволяют нам вместе идти в будущее и строить на основе сотрудничества и взаимопомощи новый европейский дом.

Поверти, очень приятно находится в месте, где во многом формируется европейская политика, обсуждать мировые проблемы на русском языке и твои собеседники с большой радостью вспоминают и практикуются на языке, который всегда и сейчас ассоциируется как язык дружбы и взаимопонимания. А мне было приятно попрактиковаться в немецком языке.

И простите за высокопарность, если немцы и россияне договорятся, то эти договоренности никто не разрушит. А это гарантия стабильности в Европе.

Немцы снимают фильм о Челябинской области

Челябинская область станет первым российским регионом, о котором снимет фильм крупнейший немецкий телеканал.

В Челябинск для съемок фильма об экономическом потенциале Южного Урала прибыл известный немецкий тележурналист Томас Юнкер.

Т. Юнкер — специальный корреспондент немецкого канала MDR. Более 15 лет он снимает фильмы по всему миру, рассчитанные на политическую элиту и деловое сообщество Германии. По независимым оценкам экспертов, Т. Юнкер является одним из самых популярных немецких тележурналистов-аналитиков. Его передачи собирают до 12 процентов телеаудитории страны.

«Снять фильм о Челябинской области — мощном экономическом регионе России — господин Юнкера пригласила Южно-Уральская торгово-промышленная палата. Задачей проекта является представить ведущие предприятия области, рассказать о созданных региональным правительством условиях ведения бизнеса для иностранных инвесторов с целью формирования у немецких бизнесменов и политиков объективного представления о регионе и привлечения их к внешнеэкономическому сотрудничеству», — сообщает пресс-служба ЮУТПП.

Съемки фильма пройдут с 12 по 14 сентября. В программе пребывания Т. Юнкера в Челябинской области запланировано посещение нового цеха «Высота 239» Челябинского трубопрокатного завода, Миасского машиностроительного завода, Златоустовской оружейной компании, Миньярского прокатно-термического завода и других предприятий, интервью с губернатором Михаилом Юревичем, президентом ЮУТПП Федором Дегтяревым.

По завершению съемок состоится пресс-конференция с участием Т. Юнкера, в ходе которой он поделится с челябинскими журналистами впечатлениями о работе в регионе, ответит на все интересующие вопросы.

Источник: su.urbc.ru (09.09.2011)

НИКОЛАЙ ГАУФЛЕР: СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

У русскоязычного населения Гамбурга появился свой депутат в земельном парламенте. Амбициозный уроженец Челябинска в одночасье превратился в популярно-го политика от ХДС, стоило ему включить в свою программу актуальные по-настоящему важные для российских немцев проблемы: образование и работу. Журналисты предсказывают Николаю Гауфлеру большое будущее в политике.

Отказ от атомной энергии, однополые браки, ограничение скорости на автобанах – российских немцев эти вопросы волнуют мало. В Германии проживают почти четыре миллиона выходцев из СССР и России, которых в пер-

вую очередь беспокоит, как найти хорошо оплачиваемую работу, заверить свой диплом о высшем образовании, отдать ребенка в школу или взять ипотеку. И именно решение этих вопросов назвал своей первоочередной

задачей 26-летний политик от партии ХДС Николай Гауфлер (Nikolaus Haufler), одержавший в конце февраля победу на земельных выборах в Гамбурге.

Уроженец Челябинска и потомок крымских немцев, Николай Гауфлер переехал с Урала в Гамбург в 1995 году в возрасте 11 лет. В Германии он получил среднее образование, выиграл стипендию Фонда Конрада Аденауэра, окончил вуз в Веделе по специальности экономическая информатика.

Политикой Гауфлер занялся рано, вступив в 17 лет в молодежную организацию ХДС. Он быстро понял, что в Гамбурге с его высоким процентом русскоязычного населения, намного выгоднее помнить свои корни, а не растворяться в общей партийной массе. Благодаря ставке на интересы российских немцев, еще три года назад Гауфлер стал первым русским депутатом в Гамбурге, пройдя в районное собрание Гамбург-Митте.

«У наших людей большой потенциал, который еще не достаточно исчерпан, – счита

ет Николай. – Ведь в общественной жизни города - в искусстве, культуре, бизнесе или спорте - главные решения принимаются пока без нашего участия. Надеюсь, нам удастся это изменить!»

Во многом секрет успеха Гауфлера, считают немецкие журналисты, в том, что он не просто обращался к русскоязычному населению Гамбурга в целом, а постарался найти подход к его отдельным группам: молодежи пообещал качественное образование, взрослым – признание дипломов и работу по специальности, пожилым – повышение пенсии. В своей программе Гауфлер обращается и к немцам. Он надеется, что, показав истинную заинтересованность русских в процветании Германии, он не-много растопит лед между своими «земляками» и коренными бундесбюргерами.

<http://germania-online.ru/politika/politika-detaj/datum/2013/07/11/nikolai-gaufler-svoi-sredi-chuzhikh.html>
23.05.2011

Анвар Валеев

НИКОЛАУС ГАУФЛЕР: «В ЧЕЛЯБИНСКЕ Я БЫЛ БЫ ЭКОЛОГОМ»

Одним из гостей прошедшего на этой неделе в Челябинске экологического форума был депутат парламента федеральной земли Гамбург Николаус Гауфлер. Ему всего 27 лет, и он первый в истории представитель законодательной власти Германии, кто родился в бывшем Советском Союзе. Но самое интересное, что его родина – Челябинск. Здесь, в Металлургическом районе, до сих пор живут его бабушка и дедушка.

На форуме Николаус или просто Николай Хауфлер рассказывал о сотрудничестве госорганов и частных компаний в деле защиты окружающей среды. Меня поразили один пример. Почти в центре Гамбурга действует медеплавильный комбинат «Аурубис». Он выплавляет в три раза больше металла, чем «Карабашмедь». Присутствие «Аурубиса» в городе, который посещает 19 миллионов туристов в год, практически незаметно. В прошлом году Гамбург был объявлен экологической столицей Евросоюза.

А мне было интересно!

- Николай, вы переехали в Германию, когда вам было...

- ...почти 11 лет. Мы уехали в ноябре 1995-го. Мои родители – и папа, и мама – были учителями русского языка и литературы. Нас двое детей – я и мой младший брат. Как жили тогда учителя, все помнят. По телевизору говорили, что людям нужно учиться бизнесу. А что такое бизнес в ту пору? Спекуляция, купи-продай. К этому нужна некая расположенность... А еще шла чеченская война, и конца видно не было. У мамы младший брат получил ранение в Чечне, и позже, в том числе от последствий, умер. Он был водителем

бронетранспортера...

- Вы принимали участие в решении уехать?

- Я с энтузиазмом к этому отнесся. Мне было очень интересно. Челябинск находится очень далеко от всего. Даже крупных городов в России я не видел. Отпуск мы обычно проводили в пределах области, выезжали на природу. А тут – другая страна, плюс мы что-то знали о своем происхождении...

- Чем ваши родители занимаются в Германии?

- Мама – социальный педагог, помогает семьям, у которых трудности в воспитании своих детей. Она приходит к ним домой, рассказывает, что детей нужно кормить завтраками,

одевать... В общем, это сложные семьи. А папа работал одно время в компании по экспорту фармацевтической продукции, но дело не пошло. Сейчас занят тем, что в Германии называется «временная работа».

- Вы говорили на немецком в России?

- Мы его учили как иностранный. Ба-бушка и дедушка знали язык, но не передавали. Потому что это в советское время было чревато. Немцы ведь до 1973 года (уточнение, до 1956 года, до 1973 года они не могли вернуться в места откуда были депортированы – А.Н.) жили «под комендатурой», без права выбора места жительства. Фактически были неполноценными гражданами. Старшее поколение хорошо об этом помнит.

- У вас еще остался русский акцент?

- Очень мало, кто его замечает, а если замечают, то спрашивают, из какого региона Германии мой диалект. Кстати, хочу поблагодарить свою 82-ю гимназию, теперь лицей. Там мы учили немецкий язык с первого класса. В подготовительном классе в Германии я говорил намного лучше остальных. И уже через полгода меня перевели в настоящую немецкую школу.

- Трудно было привыкать?

- Трудно не трудно, но приехало-то нас в Германию 2,8 миллиона, и все прошли через это. Конечно, нелегко, так же как пойти учиться в университет или устраиваться на работу. Вопрос отношения. Если человек попадает в иную по менталитету, языку и культуре среду, он может почувствовать себя изолированным, отчужденным. А может, наоборот, заинтересоваться. Вот мне было интересно!

Тут многое еще от возраста зависит. Дети в подавляющем большинстве не испытывают этих трудностей. А взрослые ведь приехали не просто из другой культуры и языковой среды – из другой экономической системы. В 1995 году они смутно знали, что такое рыночная экономика или, как в Германии, социальная рыночная экономика. Не знали, что такое настоящая демократия, выборы, отлаженная политическая система. Старшему поколению и в России трудно было привыкать к переменам...

«Наш кандидат»

- Когда вы поняли, что хотите стать политиком?

- Я не хотел стать политиком. Я вступил в молодежную организацию партии ХДС в 17 лет не с целью сделать политическую карьеру, а чтобы узнать, как работает политическая система Германии изнутри. Мне просто было интересно общаться с такими же, как я, молодыми людьми, говорить о будущем страны, о социальной системе, о демократии.

- А когда вы, что называется, втянулись в реальную политику?

- Сначала я прошел в районный парламент,

мне было тогда 24 года. Район большой – это 220 тысяч жителей. Я не занимался специально темой русскоязычных избирателей. Но вот когда я туда попал, люди начали ко мне приходить, и эта тема для меня открылась во всей глубине и ши-роте.

- Насколько трудно было вам избираться в городской парламент Гамбурга?

- Тут специфическая ситуация. Меня поставили в партсписок на 50-е место из 60. Как молодого кандидата, можно сказать, чисто символически. Но впервые в истории Гамбурга у избирателя появилась возможность голосовать не только за партию. В каждом партийном списке можно было поставить крестик и за конкретного кандидата.

Многие политики со стажем даже не просчитали, насколько серьезными будут изменения. А я был готов к тому, что буду проводить кампанию не просто за партию, но и лично за себя среди русскоязычных избирателей Гамбурга. У меня были планы, идеи. Плюс меня уже знали люди по работе в районном парламенте, обо мне писали в русскоязычных журналах, ко мне приходили люди за помощью, и мне удавалось кое-что сделать для них. Я не был человеком со стороны. И поэтому мне было не так сложно избраться.

К тому же очень многие люди мне помогали совершенно бескорыстно. В свое свободное время они раздавали мои листовки, рассказывали обо мне знакомым. Потому что очень хотели, чтобы появился свой депутат и у российских немцев. Как есть депутаты, например, у турок. В Гамбурге пять турецких депутатов.

- А сколько в Гамбурге русскоязычных немцев?

- 63 тысячи из 1,8 миллиона жителей. Примерно три процента населения.

- Ваша избирательная кампания дорого стоила?

- По российским меркам – смешные деньги. Фактически стоимость печатной продукции. Все! За месяц до выборов мои соратники с утра до вечера раздавали листовки. А издатели русскоязычных газет дали мне возможность бесплатно разместить свою информацию в виде вкладыша, простого листа форматом А4.

- Каков был ваш лозунг?

- «Наш кандидат». Это мой официальный слоган и сейчас.

Депутаты на полставки

- Что собой представляет парламент Гамбурга?

- У нас уникальный парламент. Депутаты здесь работают на полставки. Заседания парламента начинаются в три часа дня, заседания комиссий – в пять вечера. Человек приходит с работы – и занимается городской политикой. То есть он не только депутат, он еще и, например, врач, адвокат, предпри-

ниматель, медсестра, пенсионер. Мне очень нравится такой принцип – у депутата есть связь с людьми через свою работу. Я вот студент, получаю второе высшее образование. А больше всего в нашем парламенте, пожалуй, государственных сотрудников...

- То есть, по-нашему, бюджетников?

- Да.

- А в России в парламентах больше всего коммерсантов...

- У нас, наоборот, нехватка предпринимателей в парламенте. Потому что им некогда этим заниматься. Они заняты своим делом. Жаль. Но это говорит в первую очередь о том, что человек может заниматься бизнесом, не участвуя в парламенте...

- В Германии еще есть депутаты из русскоязычной среды?

- Через три месяца после меня выбрали человека в парламент города Бремен. В Берлине много выходцев из бывшего СССР, но русскоязычный кандидат никогда не проходил в парламент. Нет их в Бундестаге. И в Европарламенте тоже никого.

Чтобы рыба не погибла...

- Слушая ваш доклад на экологическом форуме, я поначалу подумал, что вы из партии «зеленых»...

- Нет, ХДС (Христианско-демократический союз) – консервативная партия. Экология в России и в Германии – очень разные вещи. Здесь – это защита природы, зверей, растений от тотального уничтожения. А там – это спасение всего земного шара от возможной экологической катастрофы, или, как минимум, от парникового эффекта. То есть гораздо дальше от повседневной жизни моих избирателей.

В Челябинске я, наверное, был бы экологом. По крайней мере, человеком, который занимается в политике экологией. Здесь эта проблема затрагивает очень многих людей, состояние окружающей среды оказывает прямое влияние на здоровье. И ее очевидным образом нужно решать. У нас, в Германии, мало осталось таких проблем.

- В Гамбурге экологической проблемы не существует?

- На сегодняшний день нет. Может быть, 20 лет назад экологический вопрос был насущным. 40 лет назад – точно был. А сейчас у нас вопрос экологии это, например, как не допустить попадание рыбы в водозабор новой теплоэлектростанции. Чтобы рыба не гибла, для нее строится специальное сооружение, по которому она может проплыть против течения, обойдя водозабор. Цена вопроса – 16 миллионов евро...

- Вы не застали время, когда завод «Аурубис» еще дымил?

- Это, должно быть, было очень давно. Думаю, экологические проблемы, как сейчас в России, в Германии имели место в

60-е годы.

- Интересно, как началась дискуссия между городским сообществом и медеплавающей компанией. Наверное, вначале был конфликт?

- Нет, там обычно как-то с пониманием относятся. Если у них есть прибыль, они повышают производительность, значит, у них есть возможность вкладывать в экологию. Обычно у такого рода предприятий прибыль есть везде – и в Германии, и в России.

- Но у собственника предприятия могут быть другие планы, например, оставить прибыль себе...

- Если факты загрязнения налицо, а государство знает, что у завода есть прибыль, то в чем может быть конфликт? Государство просто требует с него. Какой будет его аргумент против вложения в экологию?

- Допустим, эти деньги нужны для развития еще одного производства.

- Такого же вредного? Если выбор – или голод, или чистый воздух, тут все очевидно: надо кормить людей. А если выбор – чистый воздух или новая машина для сотрудника завода, то это совсем другое. У христианских демократов такое мышление. А «зеленые» более радикальны – выступают даже за отказ от использования нефти...

Но мы все в Германии пытаемся построить высокотехнологичное общество, у которого есть в материальном смысле все, но которое живет в природных условиях, как будто там человека и не было. Я имею в виду его отрицательное влияние.

- Но у ХДС при этом есть и мировоззренческий взгляд на экологию, так?

- Да. Христианские демократы считают, что земля создана Богом, поэтому человек не вправе ее разрушать, включая любое растение и всех зверей. Точно так же, как человек не имеет права другого человека убивать.

Работа на перспективу

- Каковы ваши политические планы, скажем, на перспективу следующих 10 лет?

- Я хочу сначала решить политическую задачу, которую взял на себя. Создать условия, чтобы российские немцы были закреплены в демократическом обществе. Чтобы они были конкурентоспособными на рынке труда. Чтобы их присутствие чувствовалось в германских партиях. Чтобы они имели своих депутатов. Чтобы из их среды выходили топ-менеджеры крупных компаний. Это работа на долгое время.

- Николаус Хауфлер будет когда-нибудь канцлером Германии?

- Бог знает... Но сегодня у меня нет та-кого желания. По моему впечатлению, канцлер за год службы стареет примерно на четыре года. Насколько я к этому готов – не знаю...

НЕМЕЦКИЕ ГОЛОСА С ЮЖНОГО УРАЛА

В Германии издана книга о российских немцах

Немецкий ученый, культуролог, историк, автор 40 книг и 200 научных трудов Генрих Мель шесть раз был в Челябинской области. По направлению службы старших экспертов в Бонне он читает лекции на факультете лингвистики и перевода ЧелГУ. В этом сезоне 68-летний энтузиаст просвещал магнитогорских студентов. И в каждый свой визит на Урал он старается попасть в Чебаркуль. Там живет его партнер и единомышленница, преподаватель немецкого языка Тамара Чебалец. Вместе они уже несколько лет реализуют германо-российские проекты, направленные на укрепление отношений между двумя странами.

О тех, кто остался

Знакомство ученого с Чебаркулем началось с показательных уроков немецкого языка в школе №4, а завершилось изданием книги «Мое сердце осталось в России». 18 месяцев назад Генрих Мель поделился с Тамарой Николаевной идеей выпустить книгу о российских немцах.

Сейчас в Германии проживает около четырех миллионов российских немцев, и они охотно делятся воспоминаниями о своих предках. Берлинское издательство «Достояние времени» уже выпустило в свет немало книг о жизни немцев в царской России, СССР, о традициях, культуре, чудом уцелевших реликвиях, а также о депортации, репрессиях, реабилитации, отъезде на историческую родину. Чаще всего истории заканчивались признанием: «Живу в Германии, но мое сердце осталось в России».

Эти книги пользуются большим успехом и спросом. Однако Мелю захотелось высветить эту же тему «с голоса» по другую сторону границы — с просторов Южного Урала. О немцах, решивших доживать свой век в России. Это произошло после того, как профессор познакомился с немцами Челябинской области, узнал о работе челябинской гимназии №96 с углубленным изучением немецкого языка, когда увидел дома, построенные немецкими военно-пленными.

Поиск, сбор, подготовка и перевод материалов с русского на немецкий были бы невозможны без помощников. Правой рукой на Урале для Меля стала Тамара Чебалец. Она нашла 14 человек с немецкими корнями, согласившихся поделиться историей своих семей. К сожалению, уже приступив к написанию воспоминаний, кто-то отказался без объяснений, другие заволновались за внуков: «А вдруг это на них аукнется?»

В итоге до «финиша» дошли Ирина Иосифовна Зайц (Миасс), Вольдемар Александрович Цитцер (Чебаркуль), Валентина Владимировна Шепелева (Чебаркуль), Неля Григорьевна Осмачко (Миасс), Александр Гаральдович Рунг (Чебаркуль).

Истории

В исповеди Ирины Зайц речь идет о матери, попавшей в трудармию в 16 лет (на лесоповал), о бабушке, угодившем в заключение за фразу «Вот ругают Америку, а жизнь там лучше». А также о бабушке, дважды совершившей побег — к детям, умиравшим с голода, но выжившим благодаря помощи председателя колхоза, и к мужу. Воссоединение этой семьи стало возможным лишь спустя 11 лет.

Украина, Польша, Казахстан, Урал — такова нелегкая «география» семьи Шепелевой (Краузе). Ее отца, тогда 6-летнего мальчика, тяжело раненого при налете в 1944 году, дед отнес на руках через линию фронта, и его прооперировал немецкий врач. А после операции так же на руках нес мальчонку домой, не ведая, что идет на встречу своей депортации и принудительным работам.

Рассказ Вольдемара Цитцера — о жизни в Казахстане, о нечеловеческих бытовых условиях, разлуках, сохранении национальной культуры, традиций.

Александр Рунг с теплотой вспоминает мать — учительницу немецкого языка, сумевшую детей ввести в нетленный мир Гейне, Шиллера, Гете. Это также история о дяде, даже в лагере Нижнего Тагила не опустившего руки: он организовал там малую академию, курсы лекций, музыкальную группу.

История Нели Осмачко (единственной в группе соавторов русскоязычной представительницы) подкупила издателя силой эмоций, почти профессиональным стилем изложения. Но главное, содержанием: украинское село на оккупированной территории было сожжено, коммунисты и евреи — расстреляны, для остальных эсесовцы строили виселицы. Неля, тогда 10-летняя девчонка, не знала, куда ушли оставшиеся в живых сельчане. Насмотревшись ужасов и очутившись среди солдат и техники, упала на землю и заревела.

— Тише, девочка, беги туда! — сказал немецкий солдат. И показал дорогу в знаменитый Брянский лес, к партизанам. Девчонка на бегу рвала зубами колбасу, запивала водой из луж, но дошла до партизанского отряда.

В воспоминаниях она пишет: «У того солдата, наверное, есть родные, пусть знают,

что он спас мне жизнь. Я так хочу надеяться, что он вернулся живым домой. Ну не мог такой человек погибнуть!»

Эта история как особенная вошла в звуковое приложение к книге.

Книга

... Вот он, почти пятисотстраничный том, не потерявший типографского аромата даже после долгого путешествия в посылке. Отличная полиграфия, обилие иллюстраций, суперобложка. «Mein Nerz blieb in Russland». Истории «из первых уст» помогла обработать переводчица Лариса Дюк (родилась на Украине, русская, 20 лет назад вышла замуж за немца и выехала в Германию). Невзирая на адаптированность труда к широкому кругу читателей, его можно считать и научным, во многом благодаря приложениям. Книга сопровождается справочником-хронологией «Немцы в России и Советском Союзе»: начиная с событий 1652 года, когда была построена немецкая слобода в Москве, до 2008 года, когда Медведев в качестве президента свою первую поездку в Западную Европу начал с Германии. В книгу вложены карты расселения немцев в России. Интересен словарь упомянутых в книге исторические названий и понятий, таких как «баня», «баланда», «трудлагеря», «КГБ»,

«саман», «пурга», «валенки», «талоны». Труд щедро иллюстрирован уникальными снимками: награды, копии документов, плакаты, моменты праздников, свадеб, похорон, великих со-ветских строек, подлинные семейные фото (самая старая — 1904 года). И несколько оригинальных фоторабот Асмуса Реммера, солдата-фотолюбителя фашистской армии: немецкие воины на построении в русской деревне (1942 год), русские крестьяне со своим добром возвращаются в свои села.

Благодаря любви к России, ее истории, Генрих Мель сумел сохранить в книге дух исторической правдивости и политкорректности. Это кредо издательства — стоять выше политических взглядов, опираться только на живые истории. Презентация книги получилась «двойной» — в Германии и Чебаркуле. Мероприятие должны были провести в Челябинском государственном университете, однако так и не дождавшись посылки с книгами, Генрих Мель был вынужден отбыть на родину. «Уральскую» презентацию провела Тамара Николаевна, пригласив соавторов и вручив им заветные тома. Книга уже продается в Германии.

Немецкий ученый и уральская учительница не прочь продолжить работу с теми, кто не осмелился сотрудничать на первом этапе.

АРХИВ И НЕМЕЦКИЕ СТУДЕНТЫ — ВМЕСТЕ СОЗДАЕМ БУДУЩЕЕ

Госархив Челябинской области стал активным участником проекта «Год Германии в России», который стартовал в июне 2012 г. и закончится в июне 2013 г. Девиз Года - «Германия и Россия – вместе создавать будущее». Будущее без прошлого мертво, гласит народная пословица. Именно в архиве сосредоточены огромные документальные богатства, которые необходимо изучать, чтобы использовать опыт предыдущих поколений и не повторять их ошибок. Вот и студенты-магистранты из разных университетов Германии с огромным интересом углубились в архивные первоисточники, изучая историю своих соплеменников, живших в СССР в далекие военные годы. Молодые ученые – участники Международной летней школы «Немцы в сталинской системе принудительного труда: насилие, воспоминания и столкновение культур» (27 августа – 9 сентября 2012 г.), организованной Центром культурно-исторических исследований ЮУрГУ (И. В. Нарский). Объединенный государственный архив Челябинской области – партнер в учебном процессе летней студенческой школы.

Архивисты основательно подготовились к встрече молодых ученых-историков. В архиве хранится фонд немцев-трудармейцев, работавших на шахтах, на строительстве объектов

промышленности, в том числе на возведении ЧМЗ во время Великой Отечественной войны. Челябинские архивисты участвуют в проекте «Возвращенные имена», посвященном восстановлению подлинной истории немецких трудармейцев. Тема Трудармии недостаточно изучена и в России, а в Германии – тем более. Потому так пристален интерес будущих немецких историков к этой новой для них проблеме. Современных студентов интересует судьба советских немцев, депортированных с Поволжья, с Украины, с Кавказа на Южный Урал и заключенных в ГУЛАГ. Специально для них архивисты подготовили цикл лекций о принципах и приемах работы с документами, провели практические занятия по изучению первоисточников, фиксации воспоминаний, использованию биографического материала – интервьюирование одного из бывших трудмобилизованных, 94-летнего Д. Фелька, подготовили выставку документов и фотографий, посвященных принудительному труду трудармейцев в Бакаллага на строительстве ЧМЗ. В программе были и другие практические занятия по изучению документов Бакаллага, где студенты самостоятельно опробовали поисковые и аналитические приемы работы в архивах. Двенадцать магистрантов с головой

окунулись в terra инкогнито.

Дороти Ризе, студентка из Германии, в России впервые. Ей интересно все: современный промышленный город Челябинск, новые лица людей, но больше Дороти увлекают события прошлого, история и проблемы национальных меньшинств в Европе и особенно в России, история советских немцев. Дороти Ризе уверена, что в Челябинске она откроет много нового для дальнейшей работы в качестве историка.

Вольфганг Шнайдер тоже будущий историк. Но пока он студент Гельдербергского университета. Его привлекает изучение судьбы соотечественников - немцев Поволжья в СССР. Уверен, что эта тема для историков Германии неизвестна. Собирается в Челябинске получить опыт практической работы по восстановлению исторического прошлого.

А вот Берта Калиновска и Нина Янс о трудармии знают не понаслышке. Их деды, немцы по национальности, во время войны были депортированы, оказались в системе ГУЛАГа. Вполне возможно, что изучение событий прошлого в России станет для немецких студентов поворотным моментом жизни и откроет новые горизонты для будущих исследований.

А пока впечатления от работы в архиве

нашли отклик в фотографиях итоговой выставки. Молодые люди фиксировали документы, особенно их поразившие, взволновавшие, оставившие глубокий след в сердце, и разместили их на стендах в ЮУрГУ. Там же нашли место и снимки событий летней школы и наиболее значимых мест Челябинска, связанных с трудармией. В том числе место, где установлен поклонный крест трудармейцам – советским немцам, ценой своей жизни построивших гигант металлургии. Правда, сейчас к кресту не подобраться – там почему-то возведена бетонная стена. Но студенты почтили память павших – положили цветы рядом со стеной.

За сотрудничество с Архивной службой Челябинской области Международная летняя школа наградила благодарственными письмами начальника отдела публикаций и научного использования документов ОГА-ЧО Е. П. Турову и главного археографа И. С. Янгирова.

Подводя итоги Школы, научный сотрудник Центра культурно-исторических исследований ЮУрГУ О. Ю. Никонова отметила огромную заинтересованность немецких студентов в знакомстве с историей России, их готовность к научному поиску и открытию, их неформальное, очень теплое общение с людьми.

Александра Мокроусова

НЕМЕЦКИЙ ЮНКЕР С РУССКИМИ КОРНЯМИ

В нашей области побывал Томас Юнкер – популярный в бизнес-кругах тележурналист-аналитик из Германии.

Официальная цель визита специально-го корреспондента телекомпании MRD – создание документального фильма об экономическом потенциале Южного Урала. Однако, по словам самого режиссера, в Россию его в первую очередь влечет широкая русская душа.

Бабушка Томаса – русская. Отсюда и название телевизионного цикла Юнкера о нашей стране – «Душа России – гордость России».

В России наш коллега пятый раз, а значит, Челябинская область – это его пятый шаг на пути познания нашей загадочной природы. «Более десяти лет я снимаю фильмы о жизни за границей, побывал в 101 стране мира, Россия привлекает меня своей сердечностью и близостью ее культуры немецкой».

В 2006 году «съёмочной площадкой» для сотрудника MRD уже был Миасс. Спустя пятилетие Томас не мог не отметить ряд изменений региона, связанных с экономическим кризисом. Но был и приятно удивлен: «Несмотря ни на что, люди не опускают руки, а продолжают работать».

Для Южно-Уральской торгово-промышленной

палаты, по приглашению которой и посетил нас Юнкер, приоритетной задачей проекта является привлечение немецких инвестиций. Демонстрация ведущих предприятий области, таких как Челябинский трубопрокатный завод, Миасский машиностроительный завод, Миньярский прокатно-термический завод, а также условий ведения бизнеса в регионе для иностранцев позволят инвесторам из Германии составить о регионе объективное представление.

На вопрос о том, как собирается режиссер совместить в своем кино экономический аспект с тем самым «душевым», Юнкер пожимает плечами: «Работа тоже жизнь. На Златоустовском ликероводочном заводе, например, одни женщины, мне интересно было с ними, с каждой, поговорить. Когда я еду по трассе, останавливаюсь поесть шашлык, мне любопытно и то, как живет тот, кто его готовит. Даже огород для русских – труд, в Германии – это только удовольствие».

На том же ликероводочном журнале заострил внимание еще и на повышении ак-

цизов на такого рода продукцию при попытках реанимировать это шесть лет простаивавшее без дела предприятие.

Юнкер побывал в институте биофизики в Озерске, «Макфа» впечатлила его культурой производства, а Миньярский завод – стараниями гендиректора обеспечить людей работой. «У меня нет заранее заготовленного мнения, для меня существуют только факты. Я представитель немецкого зрителя».

Томас в восторге от Уральских гор. Да, он любит пельмени, но считает, что кроме них в русской кухне есть еще немало вкусных блюд. И наконец, находит, что ехать в Россию

однозначно стоит. «Здесь люди добры ко мне не как к журналисту с камерой, а просто как к человеку».

«Душа России – гордость России» – цикл из пяти телевизионных картин, героями которых помимо Челябинска стали Самара, Тольятти, Новый Уренгой и так далее. В Германии трансляция начнется 22 ноября в 19.30 на канале MRD. После чего торгово-промышленная палата при участии правительства области переведет фильм на русский язык. На немецком вы сможете посмотреть его раньше, уже 24 ноября на сайте www.mdr.de

01.10.2011

Светлана Шлыкова

ЕЛЕНА ХЕНЦЕ: «НЕМЦЫ ПРОСТО ЗАВИДУЮТ РУССКИМ»

Если русскую душу называют загадочной, то с немецкой вроде бы всё понятно: жители Германии педантичны, прагматичны, консервативны. А ещё они скупы, любят бутерброды и пиво – таков по крайней мере стереотип. Соответствует ли он действительности? Об этом, а также о том, какие мифы о русских гуляют по Дойчланд, читатели «Вечёрки» сегодня узнают от фрау Хенце. Именно так вот уже два-дцать лет величают нашу землячку Елену, живущую в Германии. Хотя на родном языке она говорит с акцентом, так как практикуется мало, тем не менее в душе всё равно считает себя русской.

Выйти замуж за иностранца

— Я уехала в Германию в конце восьмидесятых годов, — рассказывает Елена Хенце (в девичестве Шлыкова). — Вышла замуж за иностранца. Познакомилась с ним, когда училась в Московском энергетическом институте. Поступила в него в 1981 году, после того как не прошла по конкурсу в наш ЧПИ и поработала на радиозаводе «Полёт».

Факультет выбрала соответствующий — радиотехнический. Торстен, будущий муж, изучал в столичном вузе электронную технику. Первое время мы бегали с ним на свидания тайком.

Дело в том, что студентам моего факультета запрещалось встречаться с иностранцами и уж тем более выходить за них замуж. Но, поняв, что любим друг друга и создадим семью, перестали таиться. Мне, правда, пришлось перевестись на другой факультет.

— **В то время замуж за иностранцев было не принято ходить...**

— Более того, было очень сложно это сделать. Во-первых, из-за бюрократических препон. В загсе у нас не приняли заявление, заставив представить кучу справок из Германии. Во время каникул Торстен все их собрал. Потом пришлось переводить

документы с немецкого на русский...

И даже на свадьбу родители мужа смогли приехать лишь благодаря своим каким-то знакомствам — в СССР им отказались де-лать приглашение. Во-вторых, сложности возникли и в чисто человеческом плане. Многие меня осуждали за то, что выхожу замуж за иностранца.

— **Не завидовали, а именно осуждали?**

— Тогда было другое отношение к таким бракам. Помню, во время беременности — а к окончанию института у нас с Торстеном родились уже две дочки — я постоянно получала письма с оскорблениями в свой адрес.

Больная совесть

— **Как вы сами относились к тому, что придётся поменять место жительства?**

— А мы хотели остаться в Москве, но нам негде было жить. В Челябинск мужа-иностранца не пустили бы. Поэтому и уехали в ГДР. Нам, специалистам с высшим образованием, имеющим двух детей, сразу же дали трёхкомнатную квартиру в Берлине. И семейный кредит на покупку мебели предоставили.

Торстен первым делом тогда приобрёл стиральную машинку-автомат — в Советском Союзе про такие даже и не слышали. А вот я про то, как живётся в Германии, представление имела. В детстве там жила — мой отец, военный, служил в ГДР.

— **Как к русским в Германии относились?**

— В ГДР — прекрасно. Лучше, чем сейчас...

— **Фразу «Понаехали тут!» приходилось слышать?**

— Раньше нет. Сейчас, к сожалению, несколько неприятных инцидентов в связи с этим у меня было. Последний произошёл, когда попыталась сделать замечание немцу-водителю. С группой, которую я курировала, его пришлось долго ждать.

И он мне ответил: «Что ты тут выступаешь со своим акцентом!» Я, конечно, это дело так не оставила. Позже работодатели этого водителя официально извинились передо мной. У немцев вообще больная совесть после войны. И если их пытаются обвинить в каких-то национальных проблемах, они очень серьёзно к этому относятся.

— **По-немецки вы говорите с акцентом? Неужели за двадцать лет он не пропал?**

— И не пропадёт. Тем более славянский. Но немецкий язык, конечно же, уже стал для меня тоже родным. Даже думаю на нём.

Фрау волнует экология

— **За двадцать лет вы стали настоящей немецкой фрау?**

— Да я остаюсь русской! И постоянно произношу фразу «А вот у нас в России...» Правда, тут же ловлю себя на мысли, что того, о чём

говорю, может быть, давным-давно уже в России нет. Потому что двадцать лет назад я уезжала совсем из другой страны. И о ней ничего плохого сказать не могу. Запомнилось только хорошее.

— **В последние годы вы часто приезжаете и в Москву, где у фирмы вашего мужа открыто представительство, и в Челябинск, где живёт ваша мама. Что поражает в российской действительности?**

— Роскошь. В ней россияне купаются. Но поражает, что параллельно с этим существует и другая, убогая жизнь. Многие дома, особенно в глубинке, разрушены. Не понимаю, как там люди до сих пор живут. И экология в России очень плохая. Ничего не меняется.

— **Вас экологические проблемы волнуют на самом деле?**

— Конечно. Я в Москве и Челябинске дышать не могу. Посмотрите на свои окна — стёкла ведь все в грязи от пыли.

— **А сами люди другими не стали? Что можете сказать про бывших сограждан?**

— Уравновешеннее стали. В советские годы очень много было озлобленных людей. Может быть, потому что проблемы имелись — житейские, бытовые? Но русские, как и прежде, готовы прийти на помощь, принять участие в судьбе того, кому плохо. Ещё замечая, что практически не видно на улицах пьяных — когда это считалось серьёзной проблемой.

Радуется, что некоторые россияне перестали жить одним сегодняшним днём, а, думая о будущем, берегут каждую копейку, как европейцы, которые всё время на что-нибудь копят — на дом, машину, старость. Русские же всегда все деньги сразу тратят.

Может быть, потому что в России копить невыгодно? Деньги могут обесцениться или просто пропасть. Что ещё бросается в глаза в поведении бывших земляков? Отношение к своим должностям. Многие считают, что при исполнении служебных обязанностей можно повелевать другими людьми.

Но кто дал такое право считать, что они, как говорится, поверху стоят? Каждый человек заслуживает уважительного отношения к себе, respekта. В России же многие считают своим долгом кем-то покомандовать. Особенно удивляет, что к пожилым относятся как к детям. И обращаются с ними соответственно.

Большая проблема Запада

— **Кстати, про пожилых людей. Россияне, когда выходят на пенсию, влчат жалкое существование и едва сводят концы с концами. А в Германии, наоборот, пенсионеры начинают путешествовать по миру...**

— Но в Германии в последние пять лет не было повышения пенсии, а в России, я знаю, за последний год два раза её увеличивали! Так что у вас гораздо больше для пенсионеров делается, чем у нас.

— **Но давайте подсчитаем, сколько получает средний пенсионер в Германии и в России!**

— В Германии — в среднем около тысячи евро. Не очень много...

— **Но это в переводе на рубли почти 37 тысяч рублей! А у нас не все имеют пенсию в три тысячи рублей...**

— Неужели? Но зато трудоспособные россияне стали много зарабатывать и могут себе позволить то, чего не позволяют европейцы.

— **Об этом и поговорим. В зарубежных газетах в последнее время часто по-являются материалы о жителях нашей страны. Вот и в немецком издании два года назад вышла нашумевшая статья о том, как «невоспитанные русские сви-ньи» отдыхают за границей. Неужели мы на самом деле ведём себя не так, как все остальные?**

— Все эти разговоры и о бескультурье русских — от зависти. Немцы действительно возвращаются с отдыха недовольные: «Ох, на курортах одни русские! Одни русские!» А что они, то есть мы с вами, не лю-ди?

И я разделяю мнение немецкой журналистки Габриэлы Кроне-Шмальц, которая работала два года корреспондентом в Москве и объясняет истоки такого поведения примерно так: «Раньше, когда России было плохо, Запад ей помогал. А сейчас, когда страна встала с колен, завидует. Но тогда надо разобраться, чья это проблема — Запада или России?» И я полностью согласна с корреспондентом. Потому что европейцы очень завистливы и не любят, когда кому-то лучше, чем им.

Мифы и правда

— **Но тогда давайте развенчаем некоторые мифы. Русские невоспитанны?**

— Неправда. Да, они могут не поздороваться, когда заходят в отеле в лифт. Но ведут они себя намного интеллигентнее и культурнее многих. Те же немцы очень шумная нация, на отдыхе они позволяют себе кричать, очень громко разговаривать, не задумываясь, мешают ли другим. Итальянцы, например, именно поэтому не любят немцев.

Такое поведение, я считаю, оттого, что в детстве их не научили элементарным правилам. В Германии детям позволено многое. И чужому ребёнку, когда он шумит или залезает в грязной обуви на белый диван, нельзя даже ничего сказать. Замечания делать не принято, иначе можно получить иск в суд.

— **Тогда скажите, русские пьют больше всех?**

— Немцы пьют не меньше. Но русские перестают пить водку, когда она закончилась. А немцы — когда не хотят больше пить. Зато благодаря закалке русские пьянеют не так быстро, как иностранцы. Немцам нескольких кружек пива достаточно «для счастья».

— **Русские расточительны?**

— Вот это — да. В отличие от скупых немцев если у русских есть деньги, они их тратят

не задумываясь. Хотят, допустим, огурец с икрой — заказывают. Немец же в такой ситуации подумает: «Зачем я буду отдавать такие деньги, если смогу заказать что-нибудь дешевле или купить это же, но опять же дешевле?» И так во всём.

Русские привозят и оставляют в Европе много денег. Они приезжают, даже когда на горнолыжных курортах нет снега. И этой расточительностью многие пользуются. Допустим, немецкие власти пускают в страну русских туристов при условии, что те будут жить только в пятизвёздочных отелях. Я считаю, что это безобразие.

Размеренность во всём

— **Чувствуется, что вы человек, сочувствующий россиянам.**

— Сама же русская!

— **Но жизнь в Германии вам нравится?**

— Я привыкла к определённом ритму. Он меня устраивает. Знаю, что никогда не буду тратить время на очереди в больницах — у нас очередей просто нет, так как все приходят в строго назначенное время.

Знаю, что, собираясь в поездку, рассчитаю время и приеду на вокзал за пять минут до отправления поезда, не боясь опоздать — весь немецкий транспорт ходит по расписанию. Знаю, что в три часа дня я закончу работу и займусь своими делами...

— **Почему в три часа дня?**

— В Германии у многих рабочий день длится с семи часов утра до трёх дня. Это удобно, потому что чем раньше начинаешь, тем раньше освобождаешься.

На многих предприятиях принят так называемый скользящий график: на службу можно приходиться с семи до девяти утра и, отработав обязательные часы, уходить с трёх до пяти дня. И каждый выбирает сам удобное для себя время.

— **Слышала, что из Германии в последнее время многие уезжают.**

— И это серьёзная проблема для страны, из которой в год эмигрируют по 220 тысяч человек. Уезжают в основном молодые семьи. Причина — очень большие налоги и отчисления на различные социальные программы.

53 процента от заработной платы приходится отдавать. Считается, что ежегодно до 7 июля все немцы работают на государство и только после этого на себя.

— **Ваша семья не думает о переезде?**

— Из Берлина в Баварию мы уже переехали. В Россию — не собираемся. С мужем по делам его фирмы — Торстен, как и прежде, занимается любимой светотехникой — и так в Москве часто бываем. Но жить в ней не будем, потому что не представляем жизни вне стен своего уютного дома в го-родке недалеко от Мюнхена.

Живём в нём сейчас уже одни: дочери Мария и Диана давно самостоятельны. Учатся в

университетах, одна на экономиста, вторая на фармацевта. Я же работаю в метрологическом государственном учреждении. По специальности, которую получила когда-то в Москве.

Скучаю по семечкам и пельменям

— **В Москве или Челябинске есть что-то, чего нет у вас дома, в Германии?**

— Семечки! У нас их просто не продают. Первое время по ним очень скучала. Просила родственников и друзей привозить, когда приезжали в гости.

— **По чему-то ещё скучали?**

— По пельменям, пирожкам и блинам. По родителям. По гостеприимным знакомым. В Германии принимают гостей совсем не так, как в России. Поэтому-то, наверное, все мои нынешние соседи очень любят приходить к нам в дом.

— **Уж вы-то умеете накрывать стол по-русски, то есть застелить его самой красивой скатертью и заставить тарел-**

ками с едой так, чтобы скатерть не было видно...

— Примерно так, — улыбается. — Од-ним кофе или чаем мы точно не ограничиваемся. Салат оливье, манты, сало и солёные огурцы — всё это сильно нравится на-шим гостям-немцам.

— **С ними Россию обсуждаете?**

— А как же! Вот недавно о конфликте Грузии с Южной Осетией, к которому Россия имеет отношение, говорили. В Германии журналисты совершенно необъективно преподносят информацию о войне, говоря, что русские напали на грузин. Это несправедливо.

Кстати, ещё раз о войне. В Германии это больная тема. И всегда, когда мне приходилось разговаривать с немцами, которые участвовали в Великой Отечественной, все без исключения считали своим долгом мне, русской, сказать, что они никого не убивали. Меня всё время это удивляло...

**Фото Вячеслава НИКУЛИНА
«Вечерний Челябинск» (12.09.2008)**

Дарья Смагина

ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ АГРАРИИ НАЧИНАЮТ ПЕРЕНИМАТЬ ЕВРОПЕЙСКИЕ СХЕМЫ РАБОТЫ **Фермеры Сатки укрепляют сотрудничество с экспертами Немецкого крестьянского союза**

По информации пресс-службы Сатки, на этой неделе район посетили руководитель российско-германского кооперационного проекта Моника Эрат и главный эксперт проекта доктор Франц-Йозеф Файтер. В ходе рабочего визита глава Саткинского района Александр Глазков и аграрии Челябинской области обсудили с немецкими гостями вопросы развития сотрудничества.

На данный момент в Германии около 90% фермеров входят в Немецкий крестьянский союз, который является их посредником в решении любых вопросов, а также представляет интересы в политической сфере. В качестве аналогичного органа в России появилась Ассоциация фермерских хозяйств и крестьянских кооперативов, и плотное сотрудничество с Немецким

крестьянским союзом призвано помочь ее развитию.

Взаимодействие на основе уже подписанного договора сотрудничества запланировано до 2014 года. Пока это только информационная помощь. Первым пунктом в плане кооперации стоит создание информационно-консультационных центров для фермеров. До недавнего времени такой центр в Челябинской области был в единственном экземпляре и располагался в Агаповском районе, в августе 2013го с помощью иностранных гостей открылся второй, в Саткинском. Франц-Йозеф Файтер сообщил, что эксперты Немецкого крестьянского союза готовы помочь коллегам из Сатки в консультировании по оптимизации хозяйства с помощью современных технологий и решению возникающих в процессе фермерского дела проблем.

10 Октября 2013

ШКОЛА НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМА

2009 год – особый год в истории гимназии № 96. В этот год школа получила право готовить и проводить экзамен на международный сертификат «Немецкий языковой диплом 1-ой и 2-ой ступеней». На церемонии вручения языковых дипломов господин Форстер, консул Генерального консульства ФРГ в г. Екатеринбург, торжественно вручил доску, знак подтверждения тому, что гимназия № 96 является школой нового статуса-школой «Немецкого языкового диплома». Данный диплом признается во всем мире и является сертификатом, подтверждающим очень хорошие знания немецкого языка, т.е. уровень С1. Сертификат позволяет российским учащимся продолжить свое образование за границей и имеет неограниченный срок действия.

При подготовке к экзамену для учащихся 8-10 классов организуются языковые стажировки в Германию. По продолжительности они могут быть от одного месяца до трех. Цель одна: улучшить знания немецкого языка при непосредственном общении с носителями языка и одновременно познакомиться с действительностью в Германии. Программа Петера Гёбеля успешно решает эту задачу.

Вторая программа Петера Гёбеля носит название «Германия глазами российских школьников». По этой программе учащиеся 8-9 классов нашей школы уже дважды были приглашены в гимназию города Ниски (Саксония).

По направлению Центра управления зарубежными школами Германии в школе 2-ой год работает учитель немецкого языка из Германии. Эрих Ное готовит учащихся к сдаче экзамена на сертификат «Немецкий языковой диплом».

Надо отметить, что Центральное управление заинтересовано в высокой квалификации педагогов школ-экзаменационных центров. Поэтому в планирование работы включается обязательное участие педагогов в методических семинарах (г. Екатеринбург, г. Пермь) и стажировки в Германии.

Последняя международная научно-практическая конференция была проведена совместно с представителями колледжа Марбургского университета. На конференции «Возможности обучения российских школьников в высших учебных заведениях Германии» были задействованы преподаватели немецкого языка, учащиеся и родители. Трое учащихся – выпускников нашей школы продолжили обучение в Марбургском колледже довузовской подготовки.

«Школа немецкого диплома» не является самостоятельной образовательной программой, а координируется представителем Центрального ведомства Федерального управления по школьному ведению за рубежом (г.Кельн) и вся работа строится согласно планированию мероприятий со стороны этого ведомства. Таким представителем для Уральского региона является госпожа Ута Вулленбеккер.

Общее руководство работой школы осуществляется заместителем директора по научно-методической работе Никитиной С.Н.

С 2009 года 42 обучающихся 9 –х и 11-х классов получили дипломы немецкого языка уровней В1, В2 и С1. С 2012 года планируется сдача на немецкий диплом учащимися 4-5 классов на уровень А1 с последующим вручением сертификатов международного образца.

НЕМЕЦКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ПОМОГУТ ПЕРЕНЕСТИ ОРГАН ИЗ ХРАМА В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Специалисты органостроительной фирмы «Герман Ойле» (Германия) в конце ноября 2010 года приедут в Челябинск, чтобы решать технические вопросы о переносе органного зала, который в настоящее время находится в храме Александра Невского, в другое помещение,

сообщила во вторник директор зала камерой и органной музыки Ирина Андреева.

На протяжении десяти лет верующие обращались к властям с просьбой вернуть здание челябинского храма Александра Невского, где сейчас находится органный зал, церк-

ви. Губернатор Челябинской области Михаил Юревич во время визита в регион Патриарха Московского и всея Руси Кирилла пообещал, что орган будет перемещен в другое здание, а храм будет передан Русской православной церкви.

Власти сочли подходящим зданием для переноса органа бывший кинотеатр «Родина». Теперь его пригодность для органа предстоит определить немецким специалистам, изготовившим челябинский инструмент.

«Техническими проблемами переноса и реставрации органа будут заниматься специалисты органостроительной фирмы «Герман Ойле», которые изготовили и установили челябинский орган. В конце ноября по нашему приглашению они должны прибыть в Челябинск», — рассказала Андреева журналистам.

По ее словам, орган будет демонтирован и перенесен только после полного завершения реконструкции нового концертного зала в бывшем кинотеатре «Родина».

В настоящее время в храме Александра Невского проводятся и концерты, и молебны.

«Коллектив зала камерной и органной музыки оказывает помощь в подготовке к проведению богослужений. Для проведения литургии нужно больше пространства, поэтому наши рабочие будут часть кресел выносить, а часть сдвигать. Мы также составили график служб и концертов, чтобы избежать их накладок по времени», — добавила Андреева.

Все концерты органного зала, завершающегося летом 2011 года, состоятся согласно планам, сказала она.

Как отметил настоятель храма Александра Невского проиерей Игорь Рысенко, за этот год

подготовить кинотеатр «Родина» к переносу туда органа нельзя.

«Сначала предстоит привести его в нужное состояние, в первую очередь решить вопросы с вентиляцией», — уточнил он.

Проиерей отметил, что церковь планирует полноправно зайти в здание храма в сентябре 2011 года и начать реставрацию, чтобы уже в декабре 2011 года встретить 100-летний юбилей его освящения.

В настоящее время министерство промышленности и природных ресурсов области ведет регламентные работы по приобретению здания бывшего кинотеатра «Родина», который принадлежит челябинскому бизнесмену, в областную собственность.

В августе в регион поступило заключение от главы органостроительной фирмы «Герман Ойле» Иржи Коцоурека, в котором он анализировал возможность переноса челябинского органа из храма в бывший кинотеатр «Родина». Глава фирмы заявил, что после реконструкции можно будет получить подходящий для органа зал, учитывая акустику и глубину.

По информации пресс-службы администрации, храм был заложен в 1907 году в честь Александра Невского — небесного покровителя убиенного царя Александра II. В настоящее время в храме на месте алтаря находится орган.

В сентябре на заседании правительство Челябинской области одобрило выделение из бюджета региона 10 миллионов рублей на проведение технической экспертизы и определение акустических возможностей бывшего кинотеатра «Родина».

26 октября, 2010 (РИА Новости)

Людмила Токменинова

Председатель секции ДОСОМОМО-Урал, член Федерального научно-методического совета по культурному наследию при Министерстве культуры РФ, российский куратор международной программы «Баухауз на Урале».

ПОД УГРОЗОЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ПАМЯТНИК ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В МАГНИТОГОРСКЕ

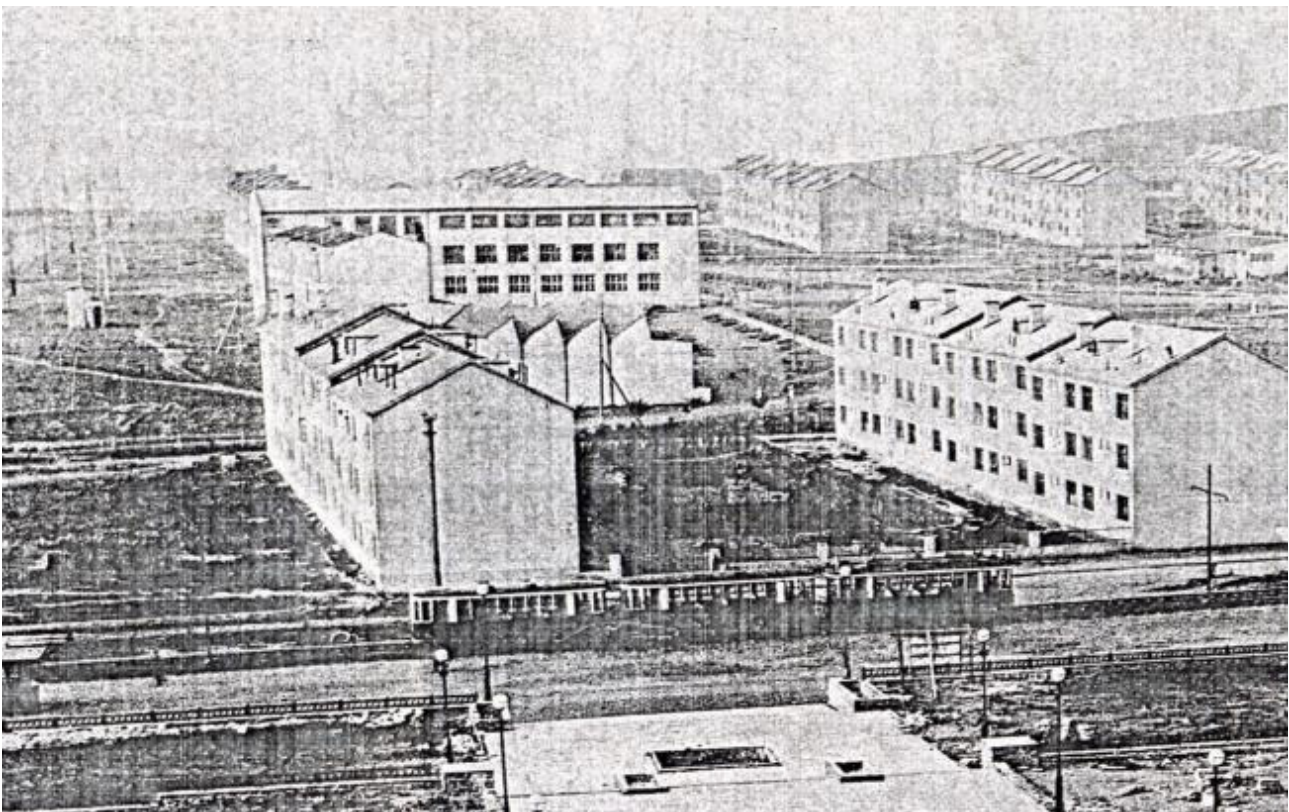
В ближайшем будущем может быть утрачен всемирно известный памятник архитектурного авангарда – «Квартал № 1», единственная сохранившаяся часть плана «соцгород Магнитогорск» немецкого градостроителя-функционалиста Эрнста Мая.

Здания квартала проектировались архитекторами из команды Эрнста Мая, за исключением домов центральной части, построенных по проектам известного советского архитектора Сергея Чернышова. Несмотря на усилия специалистов, давно добивающихся постановления комплекса на государственную охрану, челябинские органы охраны наследия тормозят процесс. Беззащитный памятник деградирует, и уже претерпел ряд перестроек и утрат. Но до сих пор все, при желании, могло быть восстановлено. Теперь же над кварталом № 1 нависла угроза непоправимого искажения.

21 февраля этого года с аукциона было продано крупное общественное здание, играющее ключевую роль в композиции квартала – школа ФЗС (фабрично-заводской системы обучения) вместе с прилегающей к ней территорией. По условиям аукциона, здание может быть снесено, а его участок застроен жилыми домами. Таким образом, уникальный памятник градострои-

Интерьеры. Предоставлено автором

Квартал № 1 соцгорода. Начало 1930-х годов. Предоставлено автором

Фасад школы ФЗС со стороны спортивных площадок. Предоставлено автором

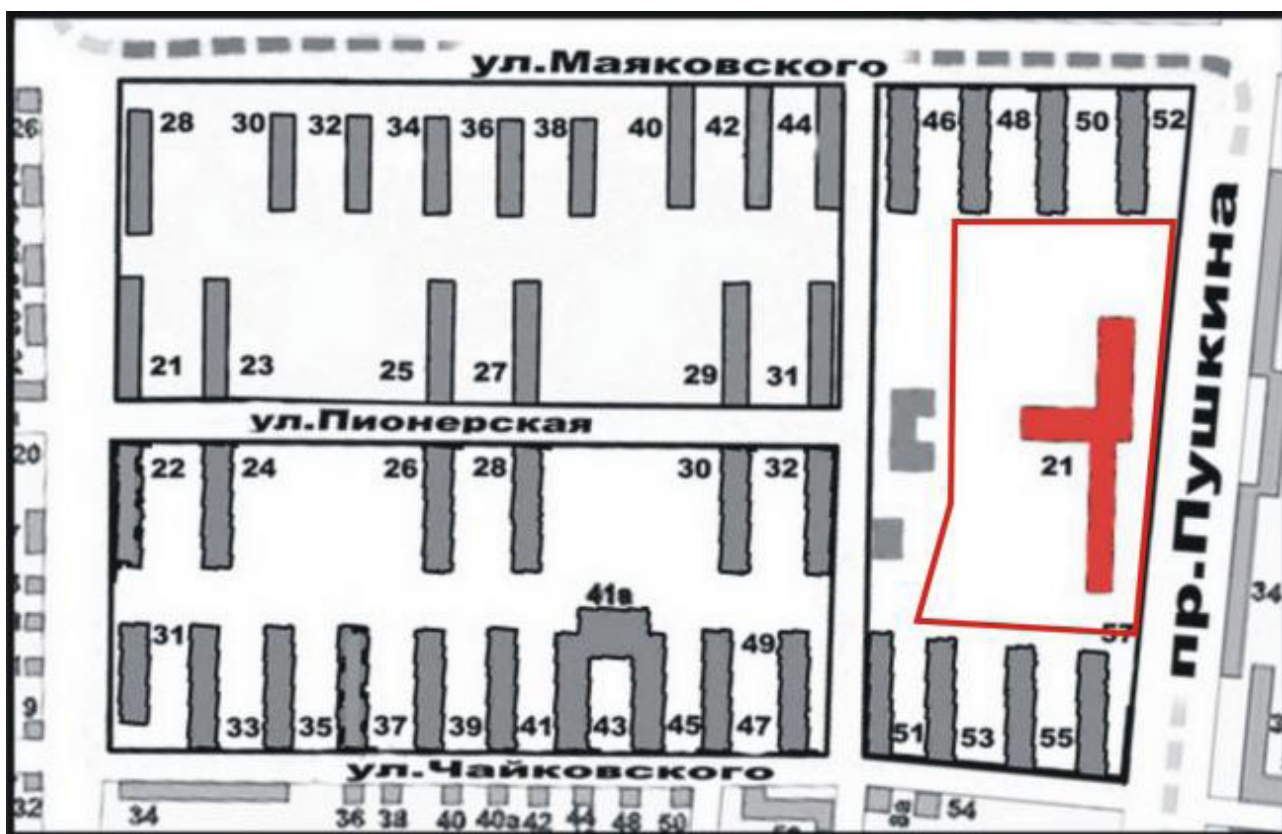

Схема планировки квартала. Предоставлено автором

Фрагмент фасада жилого дома. Предоставлено автором

Интерьеры. Предоставлено автором

тельного искусства безвозвратно утратит свою цельность – а значит, и шанс постановки на государственную охрану.

Застройка Квартала, состоящего из тридцати восьми жилых и общественных построек, – своеобразный аналог рабочих поселков 1920 – 1930-х в Берлине, охраняемых сегодня ЮНЕСКО, – является живым свидетелем индустриализации 1930-х годов и знаменитой Магнитки, ставшей именем нарицательным. Он наглядно демонстрирует применение новых функционально-градостроительных идей, своеобразное преломление концепции «города-сада», организует жизнеустройство в отдельно взятом элементе (квартале) социалистического города. Здание школы ФЗС (произведение Вильгельма Шютте из группы Эрнста Мая), в свою очередь, находится в одном типологическом ряду с учебными зданиями начала 1930-х годов в Германии.

С 2007 года российские, немецкие и голландские специалисты предпринимают огром-

ные усилия по сохранению памятника, но все они, увы, блокируются бездействием чиновников. Ни конференции, ни обращения к органам охраны наследия, ни научные публикации, ни поддержка международных форумов такого уровня, как Петербургский диалог, ни даже обращения жителей квартала и депутатов городского собрания Магнитогорска в защиту квартала не послужили аргументами для официального признания застройки квартала памятником градостроительного искусства. Квартал в Магнитогорске продолжает балансировать на грани утраты, которая теперь уже почти предрешена.

И это не единственный разрушающийся объект общего российско-германского культурного наследия. Аналогична участь комплекса «Фабрика-кухня – Торговый корпус УЗТМ» в Екатеринбурге (арх. В.Парамонов, Б.Шефлер). Особенно остро эти проблемы культурного вандализма воспринимаются сегодня на фоне «Года Германии в регионах России».

От составителя:

Май Эрнст (27.07.1886, Франкфурт — 11.09.1970, Гамбург), немецкий архитектор и градостроитель, участник 1-й мир. войны, почет. член С А СССР. В 1908 учился на архитектора в колледже при Лондонском ун-те (Англия). После переезда в Германию продолжил образование в техн. ин-тах в Дармштадте, затем в Мюнхене (окончил в 1912). Первый опыт градостроительства приобрел в Лондонском бюро Р. Энвина. В 1913 начал самостоятельную деятельность во Франкфурте-на-Майне. После 1-й мир. войны, с 1919, в Силезии: техн. рук. (1919—21), дир. территориального об-ва «Силезский дом», издатель одноим. журнала. В 1925 гл. архитектор Франкфурта-на-Майне, издатель ж. «Новый Франкфурт». Совм. с М. Эльзесером и группой сотрудников разработал ряд проектов новых жилых районов Франкфурта (1925—30). М. принадлежала новаторская идея стр-ва жилых домов из бетонных панелей, изготовл. в заводских условиях (т. н. система Мая). Опыт М. в области градостроительства привлек внимание Прав-ва СССР. В 1930—34 М. продолжил градостроит. деятельность в СССР, в проектном бюро Цкомбанка (Москва). Группой иностр. и рус. специалистов под его руководством были разработаны эскизные проекты ген. планов новых городов СССР, жилых районов, в т. ч. левобережной части Магнитогорска (см. Магнитогорска архитектура). Проект ген. плана жилой застройки (на 250 тыс. жит.) левобережной части Магнитогорска, выполн. в стилистике конструктивизма, в соответствии с принципами децентрализации, «строчной» застройки (по типу западноевроп. рабочего поселка, без сан. разрыва от пром. зоны, вдоль к-рой размещается жилая застройка в виде ленточного массива), не был утвержден, до дек. 1933 неоднократно перерабатывался. На принципе открытой «строчной» застройки (в 4 ряда зданиями в 3—4 этажа, с проработ. схемой обслуживания жит. и благоустройства терр.) осн. планировка квартала № 1 Юж. части; его застройка завершена к 1934 (проектные предложения реализованы не полностью, не построены предусмотр. по периметру квартала общест. здания). Этот градостроит. объект является первым примером социалист. поселения в Магнитогорске (см. Соцгорода). В 1934—53 М. находился в эмиграции в Танзании (Африка), где разработал ряд проектов зданий и сооружений. С 1953 жил в Германии; в архит. практике обратился к более свободным пространств. комплексам (пос. Н. Альтона и Грюн-хоф близ Гамбурга, 1954—55). Осенью 1964 посетил Магнитогорск, в частности, построенные по его проекту кварталы № 1 и 2 соцгорода на левобережье.

СВЯЗУЮЩИЕ НИТИ С ГЕРМАНИЕЙ

Данные из справочника «Российские немцы-авторы»

Тиссен Федор

«Меня зовут Федор Тиссен, я родился в 1947 году в Челябинск-40. Мой отец, Тиссен Борис Петрович до войны работал учителем сельской школы в Казахстане, в 1942 году был призван в трудармию на Урал. Там работал на лесоповале, на атомной стройке и монтажником на Че-

лябинской металлургическом комбинате. Моя мать, Анна Егоровна Тиссен (девичья фамилия - Шварц) родилась в селе Хуссенбах (СССР НП), была сослана в 1941 году на Алтай, а оттуда призвана в трудармию на Урал, где работала на лесоповале.

С 1953 по 1994 год наша семья жила на Алтае. Работать я начал в 15 лет. Работал пастухом, грузчиком, столяром, вальщиком леса, учителем физики и математики, директором школы и организатором по детскому туризму.

Был делегатом всех четырех немецких съездов в Москве и участвовал в прессе в самых острых дискуссиях по немецкому национальному вопросу.

В Германии с 1994 года. Здесь работал грузчиком, столяром, шофером, переводчиком научной литературы, оформителем стендов для международных промышленных ярмарок, журналистом, педагогом, руководителем интеграционных проектов.

Выступал на научных семинарах в Германии и в Греции, но ученой степени не имею. Заснял и смонтировал несколько десятков видеорепортажей с моих проектов и с наших переселенческих фестивалей.

Печатался в таких изданиях как: «Земляки», «Heimat», «Ost-Express», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Reinskaja gaseta», «Volk auf dem Weg», «Deutsche Umschau» и других».

Марат Гайнуллин

ЛЕКАРСТВО ОТ БЕСПАМЯТСТВА

**Оно не способно стереть прошлые трагедии,
но предотвратит их в будущем**

Педантичность, скрупулезность, аккуратность — эти черты в немецких студентах были обнаружены уже на второй день их пребывания в Челябинске.

Челябинские дни немцев

Первая международная летняя шко-ла гуманитарного направления, связавшая Россию и Германию, открылась в ЮУрГУ несколько дней назад. Организатором шко-лы выступил Центр культурно-исторических исследований вуза, в течение нескольких лет поддерживающий научные и культурные связи с историками Германии. «Немцы в сталинской системе принудительного труда: насилие, воспоминания и столкновение культур» — так звучит

тема школы.

Через жесткий конкурсный фильтр сумели пройти лишь 12 студентов-магистрантов (пятикурсников) из различных университетов Германии — Берлина и Тюбингена, Дюссельдорфа и Мюнхена, Гейдельберга, изъявивших желание отпра-виться именно в наш город. Немцы-трудармейцы и военнопленные, работавшие на промышленных предприятиях и стройках Челябинска и области, в том числе в Першино, в системе Бакаллага — эти две

категории людей, проживавших на Южном Урале около 70 лет назад, стали для студентов главным объектом исследований.

Кропотливое изучение архивов ОГАЧО, посещение кладбищ и школьных музеев, встречи с престарелыми трудар-мейцами, многочисленные интервью — этим заполнены дни юных немецких историков.

«Лагерная пыль»

В прошлом году в Челябинске вышел первый том «Книги памяти». Ее составители, настроенные на лечение нравственно нездорового общества, рассматривали это издание именно как «сильное и действенное лекарство от беспамятства», которого нам так не хватает сегодня. Главным героем исследований историков и архивистов стала та самая «лагерная пыль», как цинично отзывался Берия о ГУЛАГских заключенных.

И вот впервые более чем за 60 лет мир узнал имена десятков тысяч людей одной национальности, но разных социальных и профессиональных групп, по-разному относившихся к режиму в Германии и к советской власти, но волею судьбы попавших в гигантскую безликую массу под названием «трудмобилизованные немцы». Примечательно, что еще десять лет назад из 89 субъектов Российской Федерации «Книги Памяти» были изданы уже в 54. Среди первых опыт исследования этой темы предпринял бывший узник Бакалстроя Г. Вольтер, собравший воспоминания около полутора сотен трудармейцев.

Один из бывших трудармейцев Т. Шлей был основателем школы с углубленным изучением немецкого языка (ныне это гимназия №96 г. Челябинска). Здесь был создан Музей истории российских немцев, в котором собраны личные вещи и воспоминания более ста трудармейцев. Их историей занимается сегодня и музей школы № 74. В базе данных составителей «Книги Памяти» число персоналий трудмобилизованных составляло более 40 тысяч.

В колонке «Причина убытия» против фамилии значилось: освобожден, дезертир, умер... Только с марта 1942-го по июнь 1943 года лагерным судом были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны 315 российских немцев. В период с 1942-го по 1946 годы количество умерших трудармейцев Челябинска составило 6288 человек. Причинами смерти, как не трудно догадаться, было хроническое недоедание и непосильный труд.

На уникальной карте ИТЛ Бакалстрой-ЧМС и спецпоселений Челябинской области 1940-х — начала 1950-х годов обозначена вся неотъемлемая атрибутика лагерной жизни. Трудно вообразить, что еще каких-нибудь 60 с небольшим лет назад на тех местах, где сегодня в Металлургическом районе стоят кинотеатры, бассейны, школы, находились за колючей проволокой спецпоселения немцев и места их массового захоронения, спецпоселения власовцев и штрафные лагеря... По сей день бывшие трудармейцы, а теперь уже их дети и

внуки составляют значительную часть населения Челябинска. С одним из них молодые немецкие студенты и познакомились в эти дни.

В архивах этого не найдешь

Двадцать пар живых молодых глаз не отступно следили за движениями рук, мимикой сидящего напротив человека, разница в возрасте с которым у них была более 70 лет. Интерес огромный, жадный. Как же ему, их соплеменнику, жилось здесь, вдали от исторической родины, в этих сталинских лагерях, да еще в такое непростое время? Давид Генрихович Фельк родился в 1918 году. Волею судьбы стал трудармейцем. В Челябинск попал в год смерти Сталина, в 1953 году.

Ровно сто лет назад его отец с матерью хотели уехать в Америку, да не успели, в 1919 году дед его отдал советской власти все, чем обладал — мельницу, пятикомнатный дом, позднее — в колхоз лошадей и коров, овец и даже верблюда.

Семья становилась жертвой голода на Волге. Давид Генрихович рассказал и о том, как был на фронте, как в августе 1942 года из 25 человек его взвода 10 отправили в трудармию лишь по причине того, что были немцы. После войны нередко приходилось мучительно выслушивать звучавшее за спиной обидно-несправедливое: «фашист проклятый»...

При этом рассказчик выглядел оптимистом, сыпал шутками и прибаутками.

А в конце так расчувствовался, что даже запел песню на немецком языке. Тут ребята перестали понимать своего визави: может быть, то был иной диалект? Но, скорее всего, сказывались десятилетия, проведенные бывшим трудармейцем в русскоязычной среде.

Перекосов — «эти хорошие, а вот эти плохие» — не было. Говорил объективно. А главное — красочно и в картинках.

— Такого не найдешь ни в одном архиве, — радовались немецкие студенты.

Мука подболточная

— А что такое б/п? — спрашивали ребята из Германии, перебирая в архивах персональные карточки трудармейцев.

— Беспартийный, — отвечали им терпеливые архивариусы.

— А мука подболточная?

Архивисты пытались объяснить: «вероятно, от слова подбалтывать, то есть подмешивать». Этот продукт был известен еще в период Первой мировой войны. Фигурирует он и в приказе НКВД СССР № 00943 «О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в ИТЛ и ИТК НКВД СССР». И конечно же, от лично знали эту добавку немецкие военно-пленные и трудармейцы.

Вообще же, русский язык немецкие студенты знают вполне прилично, замечает первый заместитель председателя Госкоми-тета по делам архивов Челябинской области Галина Кибиткина. Их хорошую языковую и научную

подготовленность отмечает и один из координаторов проекта кандидат исторических наук, доцент Центра культурноисторических исследований ЮУрГУ Ольга Никонова. Так что ребята вполне могут изучать архивы и брать интервью у трудармейцев, впрочем, пока еще не без помощи словаря.

Перед тем, как отправиться в летнюю школу, они писали в анкетах, что интересуются именно устной историей своих со-племенников, попавших в сталинские лагеря. Один из студентов из Гейдельберга Вольфганг Шнайдер признается, что не разочаровался поездкой на Южный Урал — напротив, он именно за этим

и ехал, чтобы «увидеть реальные документы и услышать живые воспоминания».

Других отправить в далекий Челябинск заставили семейные предания. Одна из студенток уверяет, что в списках трудармейцев нашла фамилию своего деда. Однако, она намерена доказать это — опять же с немецкой педантичностью и аккуратностью. В любом случае вместе со своими друзьями она уже нашла столь нужное и действенное лекарство «от беспамятства».

**«Южноуральская панорама»,
06.09.2012**

Фото Вячеслава Шишкеева

НЕМЕЦКИЙ МЕХАНИЗАТОР ЯН ХОФМАН К 80-ЛЕТИЮ ЧТЗ ИЗДАЛ КНИГУ О ТРАКТОРАХ

Вместе с коллективом тракторостроителей юбилей предприятия отпраздновал давний друг ЧТЗ любитель исторической техники из Германии Ян Хофман.

Экскаваторщик по профессии, рабо-тающий в местечке Диттерсдорф в Саксонии, приехал на Южный Урал на юбилей предприятия, уточняет пресс-служба ЧТЗ. В день торжеств вместе с заводчанами он шел в праздничной колонне вслед за строем техники, направлявшейся на специально организованную выставку.

Хофман привез в подарок тракторостроителям изданную им в Германии книгу о том, как восстанавливал трактора Т-100, произведенные на ЧТЗ в 60-х годах. Ранее он отправил на завод фильм о машинах предприятия, режиссером и продюсером которого выступил сам.

Интерес Яна к челябинской технике пробудил его отец, много работавший на тракторе Т-100 еще в ГДР. Он и предложил сыну реконструировать такую машину, не-когда одну из самых распространенных в мире. Свой первый челябинский трактор энтузиаст обнаружил в одной из местных фирм. Недостающие детали помог найти дилер ЧТЗ в Праге. Поставив одну «сотку» на гусеницы, Ян выменял у товарища вто-рой трактор, начал комплектовать его. Вза-мен они с отцом отремонтировали машину

его бывшему владельцу.

Вместе с группой немецких любителей истории тракторной техники в 2008 году Хофман побывал на торжествах в честь 75-летия ЧТЗ. Вернувшись на родину, ускорил реставрационные работы. Пригодились книги и каталоги, которыми его снабдили на Урале. Спустя некоторое время энтузи-аст прислал фотоотчет о проделанной рабо-те.

«Я очень горд нашей дружбой, – под-черкнул Ян Хофман в письме. – Это был эмоциональ-ный порыв – посетить ваш за-вод. Для меня осуществилась детская меч-та. Так хотелось увидеть место, где была собрана техника, на которой работал мой отец! Я даже не думал, что такой день на-станет».

Хофманы являют собой яркий пример народной дипломатии. С отреставрирован-ными машинами участвуют в выставках, слетах исторической техники, пропаганди-руя марку ЧТЗ. Ян даже предложил оказать содействие в продвижении новых моделей в Европу. У него есть знакомые в строи-тельной компании, которым рассказывает о продукции челябинцев.

«Без формата» 6.6.2013

Людмила Пономарева
заместитель директора по учебно-воспитательной работе
школы № 10, г. Златоуста

УЧИТЬ НЕМЕЦКИЙ – ЗНАЧИТ ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ!

В 2009 году Немецким культурным центром им. Гете при информационной поддержке Федерального агентства по образованию Рос-

сийской Федерации был реализован проект «Учить немецкий - думать о будущем», в котором приняли участие 32 средних общеобразова-

тельных и высших профессиональных учебных заведений, выигравших грант в размере 1500 евро. Школа № 10 с углубленным изучением иностранного языка г. Златоуста (директор школы Орехова А.Д.) была в числе победителей данного конкурса, проводимого в России впервые. Период проведения проекта – сентябрь 2009 – май 2010 г. был насыщен самыми разнообразными событиями, связанными с изучением и пропагандой немецкого языка среди учащихся школы № 10.

Проект проводился с целью популяризации немецкого языка, повышения интереса учащихся к его изучению и совершенствования процесса обучения немецкому языку в школе. В нашей школе изучают немецкий язык со второго класса 501 человек в качестве основного иностранного языка, а с пятого класса 371 учащийся изучают немецкий язык как второй иностранной. В школе шесть опытных преподавателей немецкого языка, в основном это бывшие выпускники нашей школы: Гудкова Людмила Анатольевна, Трофимова Лариса Анатольевна, Гаврилова Елена Владимировна, Тукбаева Светлана Ивановна, Пономарева Людмила Ивановна. Именно им и принадлежала идея проекта «Deutsch- Land- ein großes Vergnügen», а лозунг его: «Ich spreche Deutsch, was du nicht sprichst...». Учителя совместно со школьным Клубом любителей немецкого языка разработали программу по поддержке изучения немецкого языка в школе и предоставили ее на конкурс в Немецкий культурный центр им. Гёте в Москве.

Нашей школе, прошедшей конкурсный отбор, была предоставлена поддержка в ходе реализации программы в виде актуальных учебно-методических материалов, методических семинаров для учителей и преподавателей, консультационной и информационной помощи. Альбом «чемодан с чудесами» поразил и учителей и учащихся изобилием игр, дисков, плакатов, книг, словарей, методических пособий для преподавателей немецкого языка. В ноябре 2010 года Гаврилова Е.В. приняла участие в организационно-методическом семинаре Немецкого культурного центра имени Гете в Москве для школ в рамках проекта «Deutschlernen - an die Zukunft denken». Себастьян Гаудигс, Свантье Хюскен (Германия), Наталья Макарова, Надежда Морохова, Ирина Баева, Людмила Соколова (институт им. Гете, г. Москва) обсуждали с участниками проекта актуальные проблемы преподавания немецкого языка как иностранного. «Страноведение на уроках немецкого языка», «Общеввропейские компетенции преподавания иностранных языков», «Коммуникативная методика», «Использование актуальных учебных видеоматериалов и ИКТ на уроке немецкого языка», «Реклама немецкого языка в школе» - вот далеко не полный перечень вопросов, которые обсудили учителя совместно с ведущими зарубежными и отечественными методистами. Участники семинара привезли в свои школы новые учебные пособия для учащихся средней

и старшей ступеней. Наша программа включала различного масштаба мероприятия на немецком языке, начиная с праздников для младших школьников и заканчивая участием в международных проектах. Содержание коллективных творческих дел охватывало многие аспекты, связанные с историей, культурой и наукой Германии и других стран, говорящих на немецком языке. В рамках конкурса «Город языков» учащиеся 8-10 классов познакомились с историей немецкого языка, его диалектами. Жюри конкурса отметило презентации Мисюкевич Натальи, Прокопьевой Натальи, Ковина Максима, Райникова Александра. Интересная работа была проделана в школе к 60-летию со дня образования ФРГ и 60-летию Конституции ФРГ. Среди старшеклассников была проведена Большая викторина «60 вопросов - 60 ответов». Клуб юных лингвистов пригласил учащихся 5-7 классов участвовать в игре «60 лет ФРГ», рекомендованную журналом «Deutschperfekt». В День объединения Германии уроки немецкого языка во всех классах учащиеся начали с исполнения национального Гимна ФРГ. Выпуск школьной стенгазеты был посвящен этапам развития Германии с 1945 по 2009 г.г. Приветственный адрес школе имени Хиллера в г. Штайнхайм (Германия), с которой мы реализуем с 1993 года совместный проект «Мосты дружбы», нашел радостный отклик у наших зарубежных коллег, учащихся и их родителей. В юбилейной конференции, посвященной 260-летию со дня рождения Иоганна Вольфганга фон Гете, были задействованы учащиеся 7б класс (учитель Гудкова Л.А.) и 11 а, б классов (учитель Пономарева Л.И.). На конференции звучали стихи Гете в переводе Панкиной Леры, Гладышевой Марии, Перелыгиной Полины, Пфаффенрот Кирилла. Были названы имена победителей конкурса «Волшебное слово»: Мисюкевич Наталья (11б), Старикова Екатерина (10б), Прокопьева Наталья (11б класс), Бахчева Дарья (11б). Малкова Александра продемонстрировала страницы проектного задания «Liebeslyrik per SMS», выполненного в рамках международного проекта «Встреча с Восточной Европой», отмеченного жюри конкурса как самое лучшее в данной номинации.

«25 идей по празднованию Рождества» - так назвали школьный проект его организаторы: кафедра учителей иностранного языка, Клуб юных лингвистов и Совет старшеклассников. Каждый день имел свое название: «Рождество в немецкой поэзии», «Рождество в изобразительном искусстве», «Рождественская сказка», «Рождественские игры», «Мы пишем и сочиняем о Рождестве», «Рождественские мелодии на уроках иностранного языка», «Путешествие на Рождество в Германию». В выставке постеров на тему «Рождество» отличились учащиеся 5а, 8а классов (учитель Трофимова Л.А.), Иванова Анна и Петрухина Анна (9а), Сусарова Ксения и Смекалина Екатерина (10б), учащиеся группы 9б класса и 11а класса (учитель Гаврилова Е. В.), Курлыков А.(11б) В конкурсе на лучшую рождественскую поделку трудно

было определить победителей. Учащиеся 3а класса (кл. руководитель Порсева Т.Л.), 3б класса (кл. руководитель Фролова Е.В.), 1а класса (кл. руководитель Шилова И.В.), 4б класса (кл. руководитель Набунская Т.А.) были самыми активными и творческими. Рождественская ярмарка привлекла внимание не только детей, но и их родителей. Вырученные от ярмарки деньги были подарком Дому ребенка г. Златоуста. Выставка рождественских календарей, рождественских икебан, конкурс инсценировок на немецком языке, викторина «По сказкам братьев Grimm» и традиционные рождественские уроки запомнились многим участникам. Уроки «Встречаем Рождество!» в 8а классе (учителя Трофимова Л.А. и Ивановская Л.А.), в 9а классе (учитель Томилова В.В.) были красочны, музыкальны и очень содержательны.

День родного языка 21 февраля отмечался и в нашей школе. Среди учащихся школы есть российские немцы, предки которых говорили только по-немецки, потом освоили русский язык – для общения с русскими соседями. В силу известных исторических событий, способностью свободно общаться на немецком языке сейчас, к сожалению, обладают не все российские немцы. Будет ли билингвизм и дальше оставаться отличительной особенностью российских немцев, сохранится ли немецкий язык – основа сохранения этнической идентичности, в повседневной жизни, останется ли немецкий родным языком для молодых российских немцев – зависит и от школы. Наша школа была и остается сподвижником городского Немецкого культурного центра (руководитель Вайцель Л. Г.) во многих культурных программах и проектах. К 65-летию победы над фашистской Германией альбом воспоминаний российских немцев пополнился новыми фотографиями и материалами из архивов родственников трудармейцев.

Участвуя в 2010 году в международном конкурсе среди школьников Европы «Встреча с Восточной Европой», Алтухова Вероника, ученица 3б класса, и Баукина Диана, ученица 6б класса, выиграли грант 100 евро, а 35 учащихся 3-9 классов получили грамоты и поощрительные призы жюри международного конкурса.

В этом году продолжалось тесное сотрудничество с Международным союзом немецкой культуры (г. Москва). Мы приняли участие во Всероссийском конкурсе «Друзья немецкого языка», организованного МСНК в рамках федеральной целевой программы «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008-2012 годы». Учащиеся 1-4 классов стали участниками в конкурсе рисунков по теме «Моя любимая немецкая сказка», старшеклассники представили свои работы в номинации «Юный писатель», в номинации «Моя профессия – немецкий» учителя рассказали о своей педагогической деятельности. Четверо учителей приняли участие в конкурсе «Немецкий в нашей школе», в ко-

тором разработки мероприятий для младших школьников В. В. Томиловой были отмечены среди лучших. Ковин М. и Райников А. сделали видеомонтаж на тему «Как мы изучаем немецкий с Шрумдирумом».

Сохранение и развитие целостного и культурного обмена современного молодого поколения через изучение, понимание и владение немецким языком знания культуры, традиций и истории Германии и российских немцев было целью областного этапа межрегионального конкурса Знатоков немецкого языка в рамках программы поддержки МВД Германии в пользу возрождения культуры российских немцев. Конкурс стал доброй традицией и проводит его областной Немецкий культурный центр (руководитель Александр Нахтигаль) совместно с координатором GTZ Алевтиной Слабышевой и зав. кафедрой иностранных языков УралГУФК, доцентом, к.п.н. Шаламовой Н.А. Победителями в данном конкурсе в этом году стали ученица 8 класса Мешкова Алена (учитель Трофимова Л. А.) и ученица 11а класса Зайтэлло Мария (учитель Гаврилова Е. В.).

В этом году учащиеся 8-9х классов прошли централизованное тестирование и были зачислены в группы по подготовке к сдаче экзамена на получение «Языкового диплома по немецкому языку». Проводила тестирование представитель Центрального Управления по делам школьного образования за рубежом госпожа Вулленбэкер. Томилова В.В. и Трофимова Л.А. начали обучение 21 учащегося по программе «Deutsches Sprachdiplom». В получении немецкого языкового диплома заинтересованы обе стороны. Учителя, задействованные в проекте «Partnerschulen», имеют возможность проходить стажировку в Германии.

Научное общество учащихся в городе Златоусте известно далеко за его пределами. Старшеклассники, которые проявляют особый интерес к изучению немецкого языка, занимаются в секции «Немецкий язык» под руководством В. В. Томиловой. Пликина А., ученица 9 класса, выступала с докладом «Немецкие топонимы как источники информации о географии, историческом и культурном развитии Германии» на научно-практической конференции НОУ и заняла 1 место, на 6-ой Уральской межрегиональной конференции юных исследователей «Интеллектуалы XXI» ее исследовательская работа получила также высокую оценку.

Наиболее значимыми культурными событиями в этом году стали для учащихся коллективный просмотр художественного фильма на немецком языке «Эксперимент 2. Волна» и посещение оперы «Лоэнгрин» на немецком языке в театре оперы и балета в г. Челябинске. Большую роль при обсуждении обоих художественных произведений сыграла искусствовед, к.и.н. Ирина Ликинская.

Проект «Страна «Немецкий язык»» продолжается и летом. На базе школы будет организована лингвистическая площадка для учащихся 5-х классов. У старшеклассников начнется

практика по техническому переводу, во время которой они будут иметь возможность использовать теоретические знания, приобретенные ими в течение года, на практике, выполняя заказы предприятий города по переводу текстов с немецкого на русский язык. Некоторые учащиеся станут «читающими лисами» и включатся в проект «Lesefuechse», организатором которого выступает институт им. Гете. В июле Немецкий культурный центр г. Златоуста приглашает учащихся нашей школы в языковой кемпинг им. Александра фон Гумбольдта на горе Таганай.

Вот такая интересная жизнь в школе № 10, в школе с углубленным изучением иностранного языка, приоритетным в которой был, есть и останется немецкий язык. И проект «Учить немецкий - значит думать о будущем!» помогает его участникам идти правильным путем, путем Диалога культур, преодолевая замкнутость и стереотипы, развивая умение находить более интересное и вдохновляющее в общем потоке создания единого образовательного пространства стран Запада и Востока на основе межкультурной коммуникации.

(2010)

ШКОЛА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С ВРУЧЕНИЕМ ГЕРМАНСКОГО ДИПЛОМА

2009 год – особый год в истории челябинской гимназии № 96. В этот год школа получила право готовить и проводить экзамен на международный сертификат «Немецкий языковой диплом 1-ой и 2-ой ступеней». На церемонии вручения языковых дипломов консул Генерального консульства ФРГ в г. Екатеринбург господин Маркус Форстер торжественно вручил знак, подтверждающий, что гимназия № 96 является учебным заведением нового статуса-школы «Немецкого языкового диплома». Данный диплом признается во всем мире и является сертификатом, подтверждающим знания немецкого языка на высоком уровне С1. Сертификат позволяет российским учащимся продолжить свое образование за границей и

имеет неограниченный срок действия.

При подготовке к экзамену для учащихся 8-10 классов организуются языковые стажировки в Германию. По продолжительности они могут быть от одного месяца до трех. Цель одна: улучшить знания немецкого языка при непосредственном общении с носителями языка и одновременно познакомиться с Германией.

Программы Петера Гёбеля успешно решает эту задачу. Вторая программа носит название «Германия глазами российских школьников». По этой программе учащиеся 8-9 классов нашей школы уже дважды были приглашены в гимназию города Ниски (Саксония). (фото №4, №5)

По направлению Центра управления за-

рубежных школ Германии в школе 2-ой год работает учитель немецкого языка из Германии. Эрих Ное готовит учащихся к сдаче экзамена на сертификат «Немецкий языковой диплом».

Надо отметить, что Центральное управление заинтересовано в высокой квалификации педагогов школ - экзаменационных центров. Поэтому в планирование работы включается обязательное участие педагогов в методических семинарах (г. Екатеринбург, г. Пермь) и стажировки в Германии.

Последняя международная научно-практическая конференция была проведена совместно с представителями колледжа Марбургского университета. На конференции «Возможности обучения российских школьников в высших учебных заведениях Германии» были задействованы преподаватели немецкого языка, учащиеся и родители. Трое учащихся – выпускников нашей школы продолжили

обучение в Марбургском колледже довузовской подготовки.

«Школа немецкого диплома» не является самостоятельной образовательной программой, а координируется представителем Центрального ведомства Федерального управления по школоведению за рубежом (г. Кёльн) и вся работа строится согласно планированию мероприятий со стороны этого ведомства. Таким представителем для Уральского региона является госпожа Ута Вулленбеккер.

Общее руководство работой школы осуществляется заместителем директора по научно-методической работе Никитиной С.Н.

С 2009 года 42 обучающихся 9 –х и 11-х классов получили дипломы немецкого языка уровней В1, В2 и С1. С 2012 года планируется сдача на немецкий диплом учащимися 4-5 классов на уровень А1 с последующим вручением сертификатов международного образца.

Ольга Задворных

«КУЛЬТУРНЫЙ ПОСОЛ» ИЗ ГЕРМАНИИ ЛИЗА ОЗЕ: «Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕРНУСЬ, ЧТОБЫ СХОДИТЬ В КУЛИНАРИЮ, НА ЧТЗ И ПОКАТАТЬСЯ НА ЛЫЖАХ»

Лиза Озе - менеджер в сфере культуры немецкого фонда им. Роберта Боша. Легкий акцент заставляет прислушиваться к ее словам, делая ее речь притягательной, а не сходящая с лица улыбка сразу располагает к дружбе. Два года назад она приехала в Челябинск, чтобы наладить культурный обмен между двумя такими разными народами. И неожиданно сама стала частью местной творческой

тусовки. Но теперь проект закончен и на этой неделе Лиза прощается с городом, который успел стать для нее родным.

Какой пляж Лиза называет «итальянским»? Зачем с актрисой из Германии они собирали на улице грязные перчатки? И что немка заберет с собой на память о Южном Урале?

- Лиза, наверняка, первый вопрос, который тебе задают при знакомстве: откуда ты так хорошо знаешь русский язык?

- Да, это правда, все удивляются. Я начала учить русский еще в 9 классе, тогда у нас в гимназии была возможность вы-брать дополнительный предмет. Предлага-ли географию, театральный, испанский и русский языки. На самом деле, я хотела в театральный класс, но там не хватило мес-та. Тогда я решила, что русский язык может открыть мне больше возможностей: целый материк и огромную страну. И мне очень хотелось приехать сюда.

- Как тебе это удалось?

- Сначала я побывала в Белоруссии. И с этой страной связана одна удивитель-ная история. Я работала там волонтером в летнем лагере. Мы проводили праздники для ребят, устраивали игры, мастерили что-то вместе. А потом мне предложили отпра-виться в центр для детей-инвалидов. Я должна была пробыть там всего 3 месяца, но осталась на 13. И вот, когда я все-таки вернулась домой в Германию, мы с родите-лями разобрали старые вещи и нашли до-кументы дедушки, который воевал во вто-рой мировой войне. Он был с немецки-ми войсками на территории Белоруссии. И в книжке, которую мы нашли, было написа-но «Пропойск». Я тогда была очень удив-лена, ведь это старое название города того самого

города, где я работала волонтером, сейчас он называется Славгород.

- Ты считаешь, это не случайность?

- Думаю, нет. Судьба решила так, что спустя 60 лет я должна быть на том месте, где воевал мой дедушка, но уже с добрыми намерениями, работать с больными детьми, помогать им. Я ведь даже не знала, что де-душка когда-то там был. Я его даже не помню, он умер, когда я была совсем ма-ленькой.

- А как судьба привела тебя в Че-лябинск?

- Я окончила университет по специ-альности культурология. Во время учебы я делала не-сколько проектов, которые связы-вали меня с Россией, проходила практику в Питере. А потом я увидела объявление, что фонд имени Роберта Боша ищет молодых людей, которые хотели бы стать менедже-рами в сфере куль-туры и отправиться в Россию на 2 года, что-бы здесь заниматься творчеством и помогать странам обмени-ваться культурами.

- Ты сама выбирала город, в кото-рый должна отправиться?

- Вообще, выбирать было можно, но меня сюда определили. Сказали, Лиза, мы тебя хотим видеть именно в Челябинске.

- До приезда ты хоть что-нибудь слы-шала о нем?

- Нет, и я сразу начала искать инфор-мацию в интернете. Меня немного напугала эколо-

гическая ситуация, прочитала много «страшилок» о «Маяке». Но все страхи, конечно, исчезли, как только я приехала сюда – это было в июне, стояла такая отличная погода, светило солнышко.

- Лиза, ты за два года провела здесь множество культурных мероприятий. Что тебе самой запомнится навсегда?

- Акцию «Экспедиция Урал» я точно никогда не забуду. Актеры музыкально-театрального коллектива «Musiktheater bruit!» из Берлина и Ганновера прилетели в Челябинскую область. И они здесь вместе с ребятами из коллектива «Театр Небо», который работает при Камерном театре, 10 дней ездили по разным городам, которые как-то связаны с немецкой культурой, либо где есть просто интересные места.

- Как тебе удалось объединить несколько коллективов в одну команду?

- Это было очень интересно, у всех ведь разный подход к театру. Все работают в современных жанрах, но все равно по-разному. Немцы – исследователи, им нужно все изучить и осознать, у российских коллективов – все более чувственно и эмоционально проходит. Это был очень интересный межкультурный процесс.

- Где за 10 дней успели побывать актеры?

- Мне особенно запомнилась поездка на саткинские «Пороги», где стоят немецкие турбины. Там, как и везде, ребята из Берлина записывали разные звуки, например, пытались запечатлеть, как звучит таяние снега? Старались ловить такие тонкие моменты. И пока мы работали, познакомились с лесником,

который живет там в старом домике, держит корову. Это было очень любопытно. Он и его жена, всех нас было примерно 10 человек – пригласили к себе, так приятно было с ним пообщаться, вместе пили чай. Еще мы были в Магнитогорске и Копейске.

- Для чего ребятам из Германии звуки, собранные на Южном Урале?

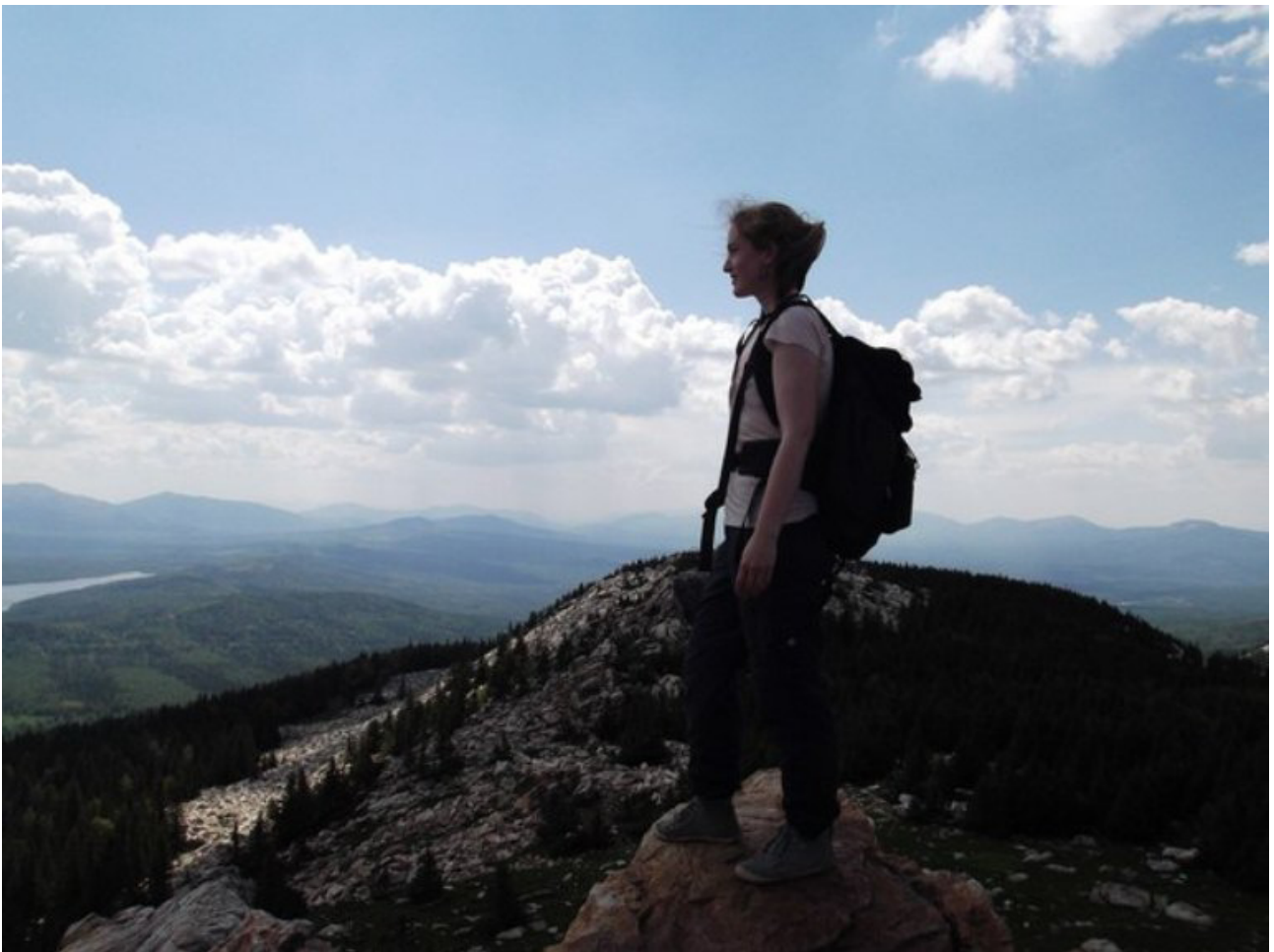
- На самом деле они собирали не только звуки – самый разный материал. Когда мы путешествовали в апреле, было вокруг еще много снега и грязи, а еще много брошенных перчаток. Так вот одна девушка, которая занимается декорациями, собирала их повсюду.

- Прямо из грязи доставала?

- Да, поднимала, где бы та не лежала и насколько грязной бы перчатка не была. Еще один важный компонент: истории, которые рассказывали нам люди. Например, на одно из выступлений в Сатке к нам пришла женщина, у которой на войне с фашистами погибли два брата. Она пришла к нам, чтобы рассказать свою историю – это было очень печально и трогательно. И еще она хотела познакомиться с современными жителями Германии, узнать их поближе. Из всего этого материала они делают постановку. Сейчас в Берлине идут репетиции, 19 сентября будет премьера в престижном театре. Она будет называться: «Экспедиция Урал».

- Лиза, в Челябинске ты и сама занимаешься творчеством. Как вдруг стала солисткой местной группы?

- Совершенно случайно. Я организовывала мастер-класс, который проводила немецкая саксофониста для студентов института музыки.

Там я познакомилась с Юрой Костомаровым из группы «Странствующее озеро». Я сказала, что тоже пою и давно хотела найти здесь друзей, с которыми можно было бы помузицировать. Он пригласил меня на репетицию, познакомил с группой, и мы начали вместе пытаться что-то творить.

- Сразу спелись?

- Да, у нас все получилось. Я помню, что всего через несколько дней после знакомства мы выступили один раз вместе. А потом однажды я сидела дома с подружкой, ела блинчики. Мне звонят ребята и говорят: «Так, Лиза, через два часа мы выступаем, приезжай в Оперный театр». И тогда мы впервые выступили вместе, зато сразу на большом джазовом фестивале. И эта связь с музыкой, то, что я тут пела - для меня город сделали совершенно другим, более ярким и интересным.

- Ты же стала и сама писать песни?

- Да, в Челябинске я впервые написала песни. Одна из них для меня особенно важна. Потому что слова родились у меня после знакомства с одной удивительной женщиной. Она больна раком, но она такая жизне-радостная, она никогда не опускает рук и старается каждый день прожить полноценной жизнью. И она, и ее отношение ко всему очень вдохновили меня, и я посвятила ей песню о том, что никогда нельзя отчаиваться.

- Какие еще интересные люди тебе тут встретились?

- Однажды мне позвонила женщина и говорит: «Лиза, я прочитала о вас в газете «Челябинский металлург». У меня очень интересная судьба, связанная с Германией, я вам хочу

об этом рассказать». Я заинтересовалась и поехала к ней в гости в Каштак на общественном транспорте. Сначала на трамвае «тройке» доехала до конечной, потом пыталась узнать, как на автобусе добраться, но там очень редко они ходят. В итоге, я добиралась на попутках, все меня подвозили – столько добрых людей мне помогли.

- История, которую тебе поведали, стоила того?

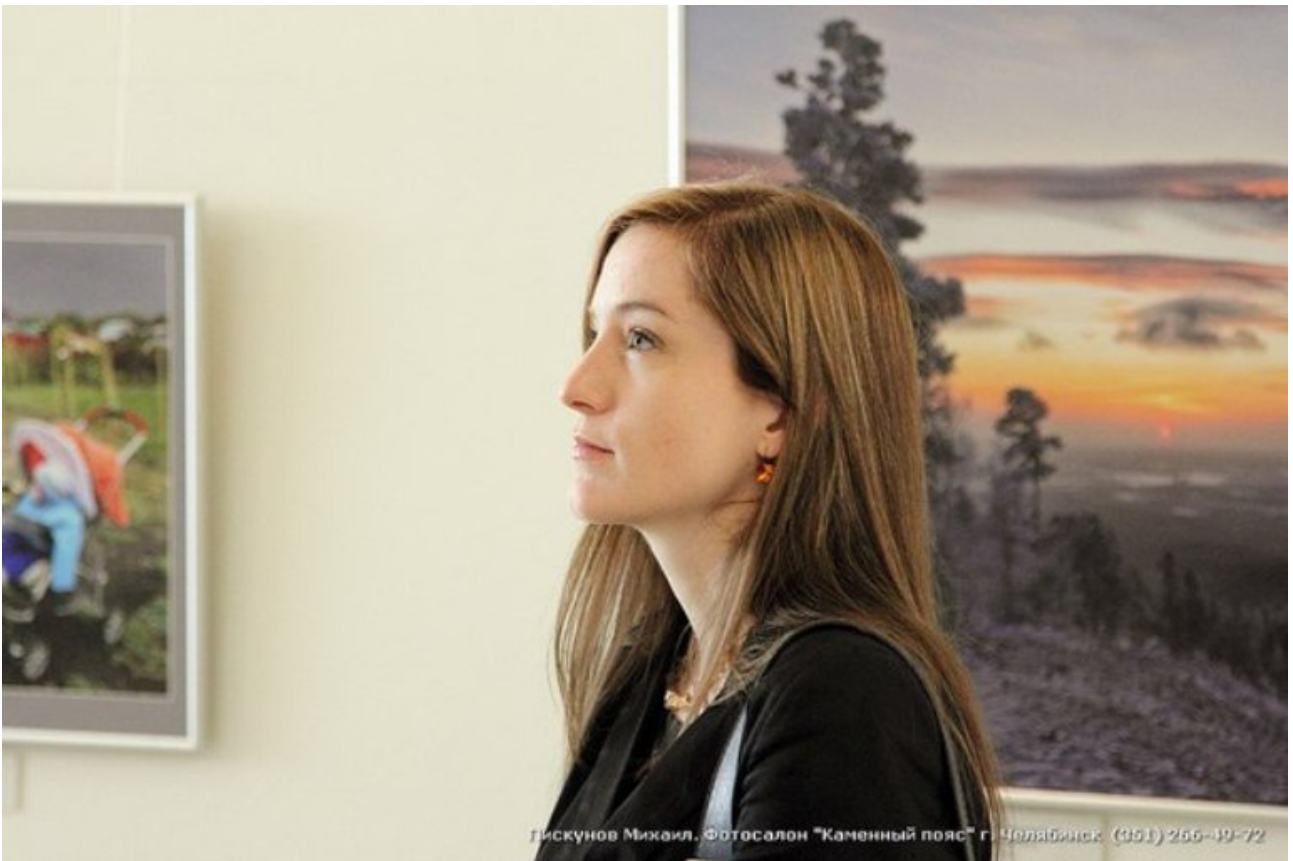
- Да, мне было очень интересно. Эта женщина русская, она родилась на Волге. Там стоят города Энгельс и Маркс, в которых тогда было очень много немцев. Мама не могла ее содержать и сдала в детский приют на время, но вдруг началась вторая мировая война, и вместе с другими детьми ее переселили, в паспорте указали, что она немка. Сначала она попала в Казахстан в трудовой лагерь, а потом в Челябинск. Все время, получается, она провела с немцами и отлично знает язык. Я даже записала старые песни, которые она помнит с детства.

- Как к твоей работе в России отнеслись родители?

- Они меня поддержали и недавно прилетали в Челябинск, чтобы посмотреть, где я жила все это время. Я свозила их на Аркаим, показала Тургояк, потом поднялись на Таганай. Я познакомила их с друзьями и родителям тут очень понравилось.

- Челябинск сильно отличается твоей родиной?

- Я живу в небольшом городе под Франкфуртом, он называется Идштайн. Это средне-вековый город, там сохранилось очень много

старинных домов. Там очень красивые узкие улочки.

- А здесь у тебя появились любимые места?

- Я чувствую себя особенно комфортно в лесу, в городском бору. Часто катаюсь на велосипеде в районе Шершней. А еще люблю Кировку – она и ее старые здания мне напоминают Германию, у нас тоже много таких пешеходных зон. Есть пляж, который я называю «итальянским».

- Что за пляж?

- На озере Смолино. Там деревья очень похожи на оливковые. Сам пляж песчаный очень маленький и уютный. А еще мне посоветовали сесть на пятый трамвай и прокатиться по ЧТЗ, друзья сказали, что там есть кулинария, в которой делают очень вкусные пирожные, за которыми выстраиваются огромные очереди. Но я так и не успела до нее доехать.

- Пирожные уже, наверное, в другой раз придется попробовать. Ты же еще планируешь вернуться в Челябинск?

- Да, сейчас мне очень не хочется уезжать, я даже не хочу думать об отъезде, потому что сразу начинаю плакать. Здесь мне все очень понравилось, и город я стала воспринимать почти как свой родной. Я обязательно вернусь зимой, потому что не успела покататься на горных лыжах.

- Что еще не успела сделать?

- Я очень хотела побывать на Коркинском разрезе. Я видела много фотографий, но так туда и не попала. Много еще можно озер посмотреть, и окраины Челябинская я плохо

знаю, чаще приходилось бывать в центре.

- Как ты проводишь свои дни перед отъездом на родину?

- С ребятами из «Странствующего озе-ра» мы проводим прощальные выступления, благодаря которым я могу увидеть как можно больше людей, с которыми я под-ружилась. А чтобы не везти домой лишние вещи, я устроила «барахолку». Пригласила всех знакомых и предложила выбрать, что им понравится: книги, которые я уже про-читала, диски, - самые разные вещи

- А что ты увезешь с собой? Что тебе будет напоминать о Челябинске?

- Я возьму с собой камушек, который я взяла на вершине Таганая. Возьму малень-кие подарочки, которые делали мне друзья. Например, расписанную традиционными узорами посуду, шкатулочки и статуэтки из камней – то, что называют народным мастерством.

- Лиза, что ты пожелаешь городу на прощание?

- Я пожелаю велосипедных дорожек! А если серьезно, то просто двигаться вперед. У вас очень много спортивных и культурных мероприятий проходит, столько молодежи активной, нужно поддерживать ее инициативы. Ну, и конечно, желаю беречь экологию и прекрасную природу, которая у вас есть.

**В В материале использованы фотографии Евгения Сеницына.
19.08.2013**

http://hornews.ru/news/interview/kulturniy_posol_iz_germanii_liza_oze_ya_obyazatelno_venus_v_ch.html

Наталия Питюлина

64 ГОДА СПУСТЯ ПОСЛЕ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ НЕМЕЦ ГЕРД МАЙЕР УЗНАЛ СУДЬБУ СВОЕГО ОТЦА, ПОГИБШЕГО В ЛАГЕРЕ ЗАНДБОСТЕЛЬ

В «Дыме Отечества» уже неоднократно упоминалось название небольшого немецкого городка Витцендорф. Именно там, на кладбище советских военнопленных, минувшим летом появилась памятная плита от Республики Коми.

Ее отвезла в Германию и установила народная делегация, куда входили наши землячки – дочери и внуки покоящихся на этом кладбище коми солдат, считавшихся до последнего времени пропавшими без вести в годы Великой Отечественной войны. Поездка по местам бывших лагерей и кладбищ военнопленных вместила множество поразительных, волнующих открытий и встреч. Одна из таких встреч произошла в Витцендорфе, возле мемориала советским солдатам. И хотя она не касалась судеб наших земляков, никого из членов нашей делегации не оставила равно-душным.

Семейное табу

Стройный, элегантный мужчина мед-ленно обходит немногочисленные памятные плиты на русском кладбище в Витцен-дорфе. На кладби-ще, со всех сторон «огороженном» зелеными купами деревьев, кроме нас, делегации из

Коми и приехавших из Гамбурга православных священно-служителей, никого нет. Только этот незнакомый человек. Кто он, что его привело в этот незаметный, тихий уголок?

Священник Сергей Бабурин, приехавший по нашему приглашению на Витцендорфское кладбище совершить литию по коми солдатам,

коротко рассказывает, кто же он, привлекая наше внимание незнакомцем. «Он – немец, сын русского военнопленного. Его отец какое-то время после пленения находился здесь, в лагере Витцендорфа. Затем его перевели в другой лагерь, в Зандбостель, под Бременом, где он и умер». Не познакомиться с человеком та-кой необычной судьбы мы не могли. Знакомство на кладбище продолжилось беседой в отеле, где мы остановились на время пребывания в этом немецком городке. А затем все последующие месяцы длилась переписка по электронной почте.

Герд Майер

Герду Майеру, так зовут нового знакомого, 65 лет. Он рассказывает о себе: «Я родился в ноябре 1945 года, после окончания войны. Появился на свет в крестьянской семье, в маленькой деревне в 80 километрах от моря, в округе Бремерфёрд. Моя мать была одной из дочерей хозяина поместья, моего деда. Недалеко от нашей деревни в годы войны располагался большой лагерь для военнопленных Зандбостель. Уже намного позже я узнал, что через него прошло около миллиона военнопленных солдат. О бесчеловечном содержании русских солдат в этом и в других лагерях теперь знают все.

Я знаю сейчас и то, что мой отец был доставлен в Зандбостель и через какое-то время определен для работы в хозяйство к бауэру. Так он появился на крестьянском дворе моего деда.

В деревне в то время проживало около 150 человек. Для военнопленных, работавших в хозяйствах, был выстроен специальный барак. Утром военнопленных доставляли на определенный крестьянский двор, а вечером обратно водво-

ряли в этот барак.

Когда отец попал в хозяйство деда и долго ли он там работал, точно сказать не могу. Знаю лишь, что между моей матерью и русским военнопленным возникло взаимное чувство. Мама стала ждать рождения ребенка. А отец сильно заболел. После чего его обратно отправили в лагерь. Он даже не смог узнать, что должен был появиться я. А вскоре умер.

Долгое время я абсолютно ничего не знал об отце. Мать никогда не говорила о нем. В послевоенные годы разглашать та-кие тайны было небезопасно. Да и потом, позже, на подобные факты было наложено табу. Лишь в 23 года, будучи студентом, я узнал, что у меня русский отец. Но от взрослых членов нашей семьи я перенял это табу и никаких расспросов, поиска сведений об отце много лет не предпринимал».

Русская бабушка из Старой Молнии

Герд Майер продолжает: «После же-нитьбы узнать хоть что-то об отце сподвиг-ла жена: «Ты должен знать, кто твой отец. Расспроси же свою маму!» Но мама от этих разговоров уклонялась. Ее можно понять. В войну немецких женщин, контактировав-ших с военнопленными, а тем более родивших от них детей, жестоко наказывали. Мужчин, решившихся на такую связь, расстреливали. А женщин заточали в тюрьму, отправляли в лагеря. С моей матерью наверняка случилось бы точно так же, если б к моменту моего рождения не закончилась война.

Единственное, о чем удалось узнать от матери, что русский военнопленный, мой отец, был студентом, примерно 23 лет, высокий, стройный, симпатичный, проживал до войны недалеко от Москвы, немножко знал немецкий. Называла она его Антоном. Все остальное, скорее всего, из страха, она вытеснила, вытравила из сознания».

Шли годы. Герд работал школьным учителем, стал многодетным отцом, у него подрастали четверо детей. Иногда он рассказывал им, что у них – русский дедушка. Но больше почти ничего к этому добавить не мог. Дочери

Герд Майер (в центре) на кладбище советских военнопленных в Зандбостеле. 2010 год.

уговаривали отца спросить у бабушки, каким был их русский дедушка. Но мать Герда продолжала хранить молчание.

Наступил 2001 год. Младшая в семье Майеров Анна-Лена училась в гимназии города Люнебург. В это время начался обмен между школьниками Люнебурга и российского города Ижевска. Герду позвонила приятельница: «Хотите взять к себе двух русских мальчиков?» Вскоре в семью Майеров приехали двое ижевских школьников, жили у них десять дней. Хозяин дома рассказал им, что он наполовину русский. Но юные гости никак на это известие не отреагировали.

В следующем, 2002 году Герд вместе с дочерью смог с ответным визитом посетить Ижевск. Вот как он рассказывает об этом: «Мы побывали в деревне Старая Молния под Ижевском. В этой удмуртской деревне нам показали музей, затем в школе пообедали. После этого сидели рядом с пожилыми женщинами, они пели протяжные песни. Я оказался перед одной из поющих женщин, она приобняла меня. И тут что-то пронзило меня, разбудило... «Герд! У тебя русская бабушка. И если бы она знала, что есть ты, она точно так же обняла бы тебя!»

Герд Майер с дочерьми Анной-Леной, Гезой и с сестрой отца Инной Михайловной. 2010 год.

Сразу же, моментально, вышло решение – начать поиск моей русской семьи».

Последний день февраля

Когда возвратился домой, позвонил в Зандбостель, где находился лагерь военнопленных. По телефону Герду ответили, что архивы по лагерям и находившимся в них военнопленным сосредоточены в России, в подмосковном Подольске, в архиве Министерства обороны России. И что с 1990 года картотека по военнопленным доступна и российским, и немецким исследователям, так как выставляется в интернете. Так у Герда Майера появился шанс разыскать хоть какие-то сведения об отце.

К тому времени пусть совсем ненадолго, но завесу над обликом отца приоткрыла и мать Герда. Она сказала, что полное имя русского

военнопленного – Анатолий. Еще пожилая женщина поведала, что о его смерти в 1945 году сообщил охранник из лагеря. Он хорошо знал их семью, он же беременной женщине сказал: «Анатолий мертв». Она на всю жизнь запомнила день, когда получила оглушительную весть, – 15 марта. Правда, день смерти отца своего ребенка она так и не узнала, полагая, что это, по всей видимости, случилось между 10 и 12 марта.

Анатолий Покровский, на этом снимке ему 18 лет.

К поиску сведений о русском военно-пленном из лагеря Зандбостель по имени Анатолий подключились сотрудники мемориальных фондов из Дрездена и Ганновера. Мчались годы. Но на каждый свой запрос Герд получал стандартный, лаконичный, вежливый ответ: «Ничего нет, очень жаль...» Так продолжалось до осени 2009 года.

Надежда, как известно, умирает последней... После очередного неутешительного телефонного разговора с Дрезденом, Герд Майер решил навестить в этот город, чтобы лично просмотреть картотеку военнопленных, которая в полном объеме к тому времени имела и в Германии.

«В Дрезден я поехал в октябре, – рассказывает Герд. – Уселся за компьютер, просмотрели 45 карточек – столько русских военнопленных в лагере Зандбостель умерло за март 1945 года. Один Анатолий среди них отыскан. Но он был 1904 года рождения, ему уже исполнилось 40 лет, быть моим отцом он не мог. Что делать?»

Перед тем как выключить компьютер, я предложил: «Может, посмотреть еще и за февраль,

вдруг он умер чуть раньше?» Мы открыли документы за 28 февраля. Оказалось, что именно в тот день скончался военнопленный по имени Анатолий, чей год рождения 1921-й – подходил к возрасту моего отца. Анатолий Михайлович Покровский. Это мог быть только он!

На это указывала и розовая лазаретная карточка: по скупым рассказам матери, он был болен. Там же имелась приписка, сделанная кем-то от руки, – «Хаазель». Это та самая деревня, где родился я. Потом мы обнаружили еще две карточки на отца, на одной из которых были зафиксированы имена его матери и отца, указаны место жительства до войны, дата пленения. Так в 64 года я нашел своего отца.

Эти сведения ошеломили меня. Описать то, что творилось тогда со мной, невозможно. Я не понимал, что делать с переполнившими чувствами. Пошел пешком по Дрездену. Первым зданием, которое встретилось на пути, была православная церковь. Я вошел и зажег свечи за упокой отца и моей погибшей дочери Инзы. Она погибла в автомобильной катастрофе два месяца спустя после возвращения из Ижевска. Она же больше других детей просила разузнать побольше о своем русском де-душке».

По следам Покровских

Михаил Покровский с женой Марией и дочерью Инной.

Еще в 2003 году Герд Майер в Зандбостеле познакомился с бывшим советским военнопленным Дмитрием Борисовичем Ломоносовым, который в марте 1945 года тоже находился в лазарете бывшего здесь лагеря.

После обнаружения сведений об отце Герд послал их в Москву. А уже 2 ноября 2009 года получил сообщение от ветерана войны: «Я нашел сестру твоего отца!» Оказалось, сестра отца Анатолия Михайловича Покровского – Инна Михайловна, учительница, проживает в селе Земетчино Пензенской области. Так удалось установить связь с русской семьей. В январе 2010 года Герд с дочерьми полетели в Москву, на встречу с обретенными родственниками. И испытали шквал ошеломительных впечатлений, радостных волнений.

Еще из писем от Дмитрия Ломоносова Герд

знал, что все российские родственники очень ждут встречи с ним, хотя просто посмотреть на него. А когда увидели воочию, все признавались: «Вылитый дед». «Мы встретились не как чужие, а соскучившиеся друг по другу члены одной семьи. Фантастика, трогательно, волнующе!» – такими словами Г. Майер описывает впечатление от поездки в Россию.

Сестра отца, Инна Михайловна, рассказала Герду, что оба ее брата – Владимир и Анатолий не вернулись с войны. (У матери Герда в годы Второй мировой тоже погибли оба брата.) Владимир погиб восемнадцатилетним. Анатолия девятнадцатилетним призвали на службу в армию. Он подавал большие надежды как спортсмен, отлично играл в футбол, в бильярд. «Тонкий, симпатичный, сдержанный, умеющий слушать и примирять» – таким в памяти сестры остался жить погибший в плену брат.

О том, что Анатолий Покровский погиб в плену, до письма от Дмитрия Ломоносова его родные даже не подозревали. Последнее письмо от него они получали незадолго до начала войны, в июне 1941 года. Это послание с вложенной в него маленькой фотографией с посвящением бабушке и дедушке Анатолий отправил из Саратова. После этого как в воду канул, на все запросы приходил одинаковый ответ: «Пропал без вести». Можно лишь догадываться, каким потрясением для его близких стало полученное 68 лет спустя известие о том, что остались дата, место его гибели. И самое главное – у Анатолия есть сын!

Герд узнал также, что его прадед Митрофан Дмитриевич Покровский был священником. Сначала он с семьей проживал в Глуховке Тамбовской губернии. Там же родился и Анатолий. Затем семья переехала в Земетчино Пензенской области. От православных священнослужителей из России, приезжавших в Гамбург к о.Сергию (Бабурину), Герд попытался разузнать судьбу прадеда, не подвергался ли он гонениям после прихода к власти большевиков. Но никаких результатов этот поиск пока не дал.

Крест на погосте Зандбостеля

«А как восприняла эти новости мать?» – не могли удержаться, чтобы не спросить немецкого друга и об этом. «Когда я сообщил ей, что нашел отца, она закрыла свою голову руками. Этот жест сказал сам за себя: ужас и страх снова вернулись к ней, – говорит Герд. – После поездки в Россию одна из моих дочерей оформила специально для бабушки альбом с фотографиями. Мама этому подарку очень обрадовалась. Человек очень сдержанный, научившийся скрывать эмоции, за этот альбом она без конца благодарит внуку, обнимая ее, приговаривает: «Ты сделала это чудесно!» А меня по телефону часто спрашивает: «Ты звонил в Россию? Как у них идут дела?»

...После случайной встречи с Гердом Майе-

ром на лагерном кладбище Витцен-дорфа делегация из Республики Коми направлялась в Зандбостель. Этот немецкий городок в маршруте нашей поездки значился тоже не случайно. Здесь, на лагерном кладбище, нашли последний приют пятеро коми солдат. Еще столько же наших земляков прошли через Зандбостель, а затем были переведены в другие лагеря для заключенных. Среди последних – и отец Альбины Михайловны Курыдкашиной – Михаил Карпов. Отсюда он попал в лазарет лагеря Херлесхаузен, расположенного в 360 кило-метрах от Зандбостеля. Там же он и умер.

Деревянный крест на кладбище в Зандбостеле, установленный в память Анатолия Покровского

На лагерном кладбище Зандбостель внимание привлёк небольшой деревянный крест. Гид Курт Волланд, подводя нас к нему, стал рассказывать историю, не по-дозревая, что еще вчера, в Витцендорфе, мы уже слышали ее от самого Герда Майера. Он же изготовил этот крест, установив его на месте, где похоронен его отец. На деревянной перекладине можно прочесть лаконичную надпись: «Анатолий Михайлович Покровский».

История любви двух молодых людей, немецкой девушки Катарины и русского военнопленного Анатолия, а также удивительного поиска, предпринятого их сыном Гердом, не оставила равнодушными дочерей коми солдат – членов делегации из Коми. «Если бы и моему отцу перед гибелью выпало такое же счастье...» – вслух рассуждала Элида Анато-

льевна Тарабукина, дочь погибшего в плену Анатолия Осипова. Это идущее от сердца сочувствие, наверное, и есть тот ключик к постижению сокрытых от глаз глубинных пластов человеческой природы, да и нашей недавней истории тоже.

...А переписка с Гердом Майером продолжается. В недавнем письме он сообщил, что 29 апреля вновь отправляется в Зандбостель. Здесь будут отмечать очередную годовщину со дня освобождения британцами лагеря для военнопленных. Сюда же в эти дни обещал приехать из России и участник войны Дмитрий Ломоносов.

Обязательно будет в Зандбостеле он и 22 июня. Здесь в этот день по традиции проходят траурные мероприятия. А затем Герд снова приедет в Россию, в Земетчино, к своим родным. И учит русский язык.

Шталаг ХВ Зандбостель

Шталаг ХВ Зандбостель

Шталаг ХВ Зандбостель был организован в 1939 году. Его первыми узниками стали захваченные в плен поляки. По мере вступления нацистов в новые страны расширялся и национальный состав заключенных: около 1 миллиона человек 40 национальностей прошли за годы войны через страшные застенки лагеря. Одной из самых многочисленных групп пленных были красноармейцы.

В шталаге ХВ одновременно находилось до 50000 человек. После регистрации их направляли в так называемые рабочие команды для принудительных работ или перемещали в другие лагеря. Русских отправляли на самые тяжелые и грязные работы.

Шталаг ХВ Зандбостель был освобожден англичанами 29 апреля 1945 года. Последние военнопленные покинули его в начале июня, бараки по гигиеническим соображениям были сожжены.

В нескольких километрах от лагеря располагалось кладбище, на котором было погребено свыше 50 тысяч военнопленных. Сегодня на этом месте создано памятное захоронение в виде братских могил, где указаны страны, чьи граждане нашли здесь мученическую смерть.

Список коми солдат, погибших или находившихся к концу войны в лагере Зандбостель:

Попов Александр Петрович, 05.08.1911 г.р., с. Деревянск, Усть-Куломский р-н. 127 стрелковый полк, пленен в г. Рига. Умер 13.11.1941 г., лагерь Зандбостель. Родственница – Попова Анастасия Ивановна.

Шулепов Семен Алексеевич, 14.09.1920 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н. Место пленения – г. Шауляй. Находился в плену с 02.07.1941 г., 04.03.1945 г. переведен из лагеря Бромберг (предположительно Польша) в лагерь Зандбостель. Сведений о его дальнейшей судьбе нет. Девичья фамилия матери – Иевлева. Родственница – Шулепова Александра.

Демин Карп Кириллович, 10.10.1915 г.р., д. Подгорье, Ибский с/с, Сыктывдинский р-н. Пленен 27.07.1941 г. в г. Тарту. Находился в лагере Витцендорф, 01.12.41 г. переведен в лагерь Зандбостель. Умер в Зандбостеле 20.03.1942 г. Отец – Демин Кирилл Иванович. Девичья фамилия матери – Безносикова.

Фирсов Павел Андреевич, 20.06.1920 г.р., д. Ивановка, Сыктывдинский р-н. Пленен 27.07.1941 г. в г. Тарту. Гражданская профессия – обувщик. Умер в декабре 1941 г. в лагере Зандбостель. Девичья фамилия матери – Новикова. Родственница – Фирсова Евдокия.

Куратов Иван Николаевич, 09.07.1918 г.р., д. Расчой, Сысольский р-н. Пленен 03.08.1941 г. в г. Каунас. Находился в плену с 03.08.1941 г., 09.03.1945 г. переведен из лагеря Торн (ныне Торунь, Польша) в лагерь Зандбостель. Сведений о его дальнейшей судьбе нет. Родственница – Куратова Устинья.

Статья была опубликована в газете «Республика»
<http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/36680>

Анна Кучерявая

КСЕНИЯ, ЧЕЛОВЕК С НОВЫМ ИМЕНЕМ

Ксения Окулова - ученица выпускного класса челябинской школы №9. Она - необыкновенная девчонка: в 16 лет получила диплом, дающий ей право поступать без экзаменов почти в любой вуз Германии.

Для Ксении волшебство началось с учебы в лингво-гуманитарной гимназии, в режиме интенсивного изучения немецкого языка, истории и культуры Германии. В начале десятого класса она стала ходить на занятия по усиленной программе в так называемую «шпрах-группу». «Сначала мы воспринимали это как наказание. Три раза в неделю после уроков как проклятые сидели в школе по два часа и долбили немецкий. Сейчас вспоминаю эти дни и думаю: как же здорово было!» Учиться в шпрах-группе было очень тяжело: бесконечные сочинения, аудирование, двусторонние переводы. Помимо русского педагога, занятия вел специально приглашенный из Германии шпрах-ассистент Вильфрид Бильтс.

В апреле прошлого года в Челябинск по программе культурного обмена прибыла группа ребят из Германии. И в семье Ксении на две недели поселилась жизнерадостная хохотушка Ингрид. «Я не ожидала, что мы с ней подружимся. Так случилось, что семья Ингрид прислала мне специальное приглашение, чтобы я приехала к ним в сентябре».

Первые две недели в Германии, в гимназии «Санта Ангела» города Випперфюрта, пролетели для Ксении как один день. Беспечная жизнь закончилась тогда, когда позвонил Бильтс и сообщил, что появилась возможность сдать экзамен в Институте Гете. «Это было как гром среди ясного неба. Я так перепугалась». И, тем не менее, Ксюша прошла тестирование и была допущена до сдачи экзамена экстерном, несмотря на то, что ей не исполнилось 18 лет. Экзамен состоял из пись-

менного и устного этапов и был рассчитан не только на знание языка, но и на общую эрудицию. Например, было такое задание: выбрать из множества фотографий одну и составить по ней рассказ о жизни немцев. Ксения выбрала картинку с изображением немцев, пьющих пиво. И у нее все получилось! Когда она позвонила в институт и узнала, что получила общую оценку «хорошо», то не поверила своему счастью.

Сертификат европейского стандарта продвинутого уровня знаний по немецкому языку, который получила Ксения, дает ей великолепную возможность устроить свое будущее. Но оказалось, что она вовсе не торопится «сделать ноги из этой страны», как многие из ее сверстников...

«Было бы хорошо, если бы мы все жили в Германии, но были русскими» - так Ксения определила свое отношение к тамошней жизни, процитировав одного из российских политиков. «Мне кажется, что можно хорошо жить и у нас. Я собираюсь поступать в Южно-Уральский государственный университет на факультет экономики и права. Хожу на подготовительные курсы, хотя с золотой медалью мне надо будет сдать только два экзамена. Если я поступлю, то после второго курса можно будет поехать по обмену в Германию и там доучиваться». По немецким законам, воспользоваться своим дипломом и поступить в университет Ксения сможет, лишь достигнув восемнадцатилетнего возраста, но одно она знает точно: «Я не смогу там долго жить. Когда я была в гостях, то очень скучала по дому. В каждом сне видела Челябинск и считала дни до возвращения».

...Дома Ксению, после получения немецкого диплома, встречали как победительницу. Вывесили огромный плакат с ее именем, все учителя обнимали, целовали, телевидение приехало. Конечно, девочке было приятно такое внимание, но в те дни больше всего ей хотелось побыть в домашнем гнездышке: «Мне необходимо замкнутое пространство. Я обожаю оставаться дома одна. Иногда закрываюсь на кухне, хотя знаю, что одна в квартире, и с удовольствием мою посуду».

В доме очень много красивых вещей, сделанных руками Ксении: симпатичные картинки, вышитые крестиком, плетенные из разноцветных ниток фенечки и мягкая игрушка по имени Рыба. «Мне нравится делать всякие штучки

своими руками и при этом напевать разные песенки - такое спокойствие внутри наступает, просто кайф!»

Будучи закоренелой домохозяйкой, Ксюша умудрилась собрать вокруг себя целую кучу друзей, подружек, приятелей. «Наверное, я очень верный человек, круг моих знакомых не меняется уже много лет. Я мало кого пускаю в себя. Чтобы мне разочароваться в человеке, он должен совершить нечто ужасное. Например, сказать мне, что я не нужна. Обиды помню долго, и если друг меня предал, то могу остаться с ним в приятельских отношениях, но поставлю между нами стену. У меня нет человека, которому я изливала бы все свои переживания. Хотя иногда возникает

такое желание. Все про меня знает только белый лист бумаги, которому я доверяю себя в рифмованных строчках».

Ксения очень увлечена театром, романтикой бардовских песен. На ее столе постоянно «живут» томик стихов Ахматовой и сборник сочинений Теннесси Уильямса. А еще она любит свой город, ей нравится ходить по его центру в сильный, сильный снегопад. Но, пожалуй, больше всего на свете Ксения Окулова любит маму и звезды: «Когда у меня гадкое настроение, я смотрю на огромное звездное небо: оно здесь особенное, такого больше нигде нет».

...Раньше Ксения была Оксаной. Она ненавидела это имя и поменяла его в 16 лет, когда получила паспорт. Это был очень серьезный шаг, ведь считается, что, меняя имя, человек меняет свою судьбу.

Трудно сказать, насколько сильно нынешняя Ксения отличается от бывшей Оксаны, но одно точно: неизменным осталось желание этой девочки всегда быть первой. Даже получив престижный диплом, Ксюша продолжает доказывать себе и окружающим, что она лучшая. Последняя ее победа - первое место на городской, а потом и областной олимпиаде по немецкому языку. «Когда я ставлю перед собой цель и добиваюсь ее, то испытываю чувство самоудовлетворения. Но самые счастливые минуты - когда я получаю то, чего хотела подсознательно, например, нежный взгляд или доброе слово, которого давно ждала. Если все идет так, как я хочу, как задумала, - это счастье. Пусть все остается так, как оно есть».

[http://www.marusia.ru/
style1999/07-03.html](http://www.marusia.ru/style1999/07-03.html)

Анастасия Татаринцева

НЕМЕЦКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА В РОССИЙСКОМ ТЫЛУ – В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

На Хайди Адлер не было лица. Она вернулась из школы раньше обычного, молча пробежала в свою комнату и закрылась изнутри на ключ.

Сердце матери беспокойно забилося. Что-то случилось, что-то определенно случилось – пронеслось в голове Бруни Адлер.

- Доченька, открой двери!

В ответ мать услышала плач, но дверь все же открылась.

- Что случилось, Хайди? Почему ты плачешь?

- Мама, мы - Nazi (нацисты)?!

Бруни Адлер давно ждала этого вопроса, но он прозвучал как гром среди ясного неба. Казалось, она все сделала, чтобы уберечь своих троих детей от расплаты за ошибки их дедов. Но фашистская Германия настигла их и здесь, в США, в 2000 году.

На рюкзаке восемнадцатилетней Хайди красовалась свастика. Ее нарисовали американские одноклассники...

Вторая Мировая война, унесшая и сломавшая жизни многих миллионов людей, для многих еще не стала историей. С одной стороны, живы горечь, боль и страх военного и послевоенного поколений, с другой стороны, живы идеи фашизма, которые с детской открытостью и невежеством впитывает молодежь. Бездумные, мы рискуем быть втянутыми в новую страшную войну.

Прежде, чем будет поздно, мы должны понять историю возникновения войны, и тогда не повторится Афганистан, Чечня... - считает немецкая писательница Бруни Адлер. Через всю жизнь этой женщины красной нитью проходит тема войны. Когда Бруни Адлер была маленькой (она родилась в 1952 году), тема войны была под запретом, никто не говорил о войне вслух, все помнили, но молчали, собственные же дети считали виновными во Второй Мировой войне своих родителей. Груз ответственности за содеянное лежал на всей нации. С этим комплексом вины Бруни Адлер жила 50 лет, пока не произошла ситуация, которая потрясла немку и заставила взглянуть на мир другими глазами. Бруни Адлер погрузилась в изучение природы войны. Об этом она рассказывает в своих книгах и лекциях, которые читает по всему миру.

В Челябинской области писательница собирает материал для новой книги – воспоминания русских и немцев, прошедших войну. В этом ей помогают Челябинская государственная академия культуры и искусств и Челябинский государственный педагогический университет. Бруни Адлер на Южном Урале в третий раз,

она пообщалась с несколькими ветеранами Великой Отечественной войны и со студентами вузов.

- Некоторые считают, что война это нормально, я считаю – нет. Война это намного сложнее, чем противостояние хороших и плохих. Нужно понять природу ее происхождения, тогда удастся избежать других войн...

- Но войны были во все века. И у нас есть страх, что война повторится вновь, - выразила мнение своих сверстников студентка академии культуры и искусств.

- Если думать, что вы ничего не можете сделать, то вы хороший потенциальный солдат... Нужно действовать, понимаете?! – возразила писательница. И у вас есть преимущество перед вашими отцами и дедками. Для них было большой проблемой получить информацию! Радио. Оно было идеологическим рупором, рупором власти. Сегодня все иначе, множество информационных каналов.

Немецкая писательница с активной гражданской позицией, Бруни Адлер открыла для себя истину и пыталась донести это ценное знание, сегодня – до челябинских студентов, завтра – до польских студентов, немецких...

О цели своего приезда на Южный Урал и о своей деятельности вообще Бруни Адлер рассказала корреспондентам агентства «Урал-пресс-информ».

- Что побудило вас писать книги о войне?

- Тема войны волнует меня с самого детства. Я не могла понять, как моя нация сотворила столько бед, несчастий... Для меня все были виновны, все были преступники. Это сложно, когда ты думаешь, что целое поколение виновно. И ты принадлежишь к этой нации. У меня было твердое убеждение, что военное поколение – это злые немцы, фашисты, я и

мои сверстники отгораживались от них. Считалось, что они заражены фашизмом, являются носителями бацилл. Шел разлом между поколениями.

Я много лет прожила за границей: 12 лет в США, несколько лет во Франции, в Англии. Там у меня было такое чувство, что я человек второго сорта. Я была уверена, что американцы, поляки, русские... - люди всех национальностей - смотрят на немцев с осуждением, потому что мы виновны в этой войне. И принимала это как должное. Но однажды все в корне изменилось, я была уже вполне зрелым человеком, мне было 50 лет, когда я прозрела! Я поняла, что не правильно ТАК относиться к немцам.

- Столько лет вы жили с таким психологическим грузом на душе... Что же произошло?

- Это было в 2000-ом году, мы с семьей жили в США. Моих детей – у меня их трое - оскорбляли, говорили, что они нацисты. Однажды моя 18-летняя дочь Хайди пришла из школы домой, а на рюкзаке у нее приклеена свастика...

Я сразу же пошла к директору. Я спросила его, почему в Америке считается неправильным оскорблять евреев, негров, индейцев, но можно оскорблять немцев? Я хотела знать, зачем одноклассник моей дочери прицепил ей на спину крест. Как оказалось, мальчик был еврей. Он спросил Хайди, а сколько евреев ее отец и дед уничтожили в газовых камерах?! А ведь отец моей дочери американец, а моему отцу, ее деду, было во время войны 15 лет, - пояснила Бруни Адлер. - Моя дочь отказалась разговаривать с обидчиком на эту тему. Тогда юноша решил заклеить Хайди клеймом нациста – приклеил ей на спину свастику.

Директор хотел наказать юношу. Но я думаю, мальчик поступил так по незнанию. И наказание ничему его не научит. Незнание можно исправить только знанием, нужно объяснить, что немец – не есть нацист.

Вот тогда я осознала, что незаслуженно категорично относилась к целому поколению немцев, так думали я и мои сверстники – это было коллективное мышление. И в этом еврейском мальчике я увидела себя. Когда я это поняла, мне стало стыдно перед собой. Сегодня я знаю - это глупо осуждать всех.

- Как стала меняться ваша жизнь?

- Я впервые заговорила с пожилыми немцами, которые были свидетелями и участниками войны. Я поняла, что они жили при тоталитарном режиме, поняла, как действует пропаганда. Она работает незаметно для человека. Если приходит сомнение, пропаганда не функционирует. Всегда легче воздействовать на подрастающее поколение, ведь именно молодежь наиболее уязвимая часть общества, хороший пластилин.

- Да, молодежь уязвима. Но как такую работу удалось сделать одному человеку?

- В десять лет личность еще не сформировалась, и искусный манипулятор может воспитать целое поколение солдат. Гитлер

считал, что нужны целые десятилетия, чтобы подготовить поколение воинов. В один день это невозможно было совершить. Нужно было основательно подготовиться. Постепенно, методично, изо дня в день прививать нужный образ мыслей. Этим грешны все тоталитарные режимы – фашистский, коммунистический... Обработывают молодежь. Организуя для детей веселые, интересные мероприятия, увлекая их, они незаметно внедряют доктрину. За альтернативное мышление наказывают, а конформистов, приспособленцев поощряют. Единомышленников награждают орденами, медалями, отступников отправляют в ГУЛАГи.

- Неужели этому никак нельзя было противостоять?

- Создавалась такая атмосфера, что люди не понимали, действуют законы государства или нет? И для кого они созданы? Один совершил что-то, ему за это ничего не будет, другой совершил то же самое, его наказывают... Люди были в полной растерянности и страхе. Они не знали, как будет воспринято каждое их слово. Все было организовано так, что молодежь вообще не слышала альтернативного мнения, а взрослые боялись что-либо говорить при детях - они могли «сдать» собственных родителей контролирующим органам. Так формировалось поколение, которое готовили к войне. Молодые люди были подобны натянутым стрелам, которыми можно стрелять, задать им направление и стрелять. Они были годны только для того, чтобы быть солдатами, выполнять приказы. Девушки были ориентированы на то, чтобы рожать как можно больше будущих солдат, будущих героев. Ведь любая война строится на таких идеологических понятиях, как герой и героизм. Без веры в это невозможно было бы вести войну.

То, что Гитлер затеял войну и подготовил для этого целое поколение, – это страшное преступление, преступление по отношению ко всем. К женщинам, старикам, детям...

- В России сильна идеология героев, идеология победителей, ведь мы выиграли в Великой Отечественной войне.

- На мой взгляд, на войне нет героев, все жертвы. Я думаю, что обе страны, и Россия, и Германия, проиграли, в войне не может быть победителей. Сколько убитых? Сколько покалеченных? Как в этом случае можно говорить о победе?!

Посмотрите, как сейчас живут эти самые герои – в Америке, во Франции, тем более в России. Они бедны, государство забыло о них, но вера в героев живет. Нынешнее поколение задается вопросом, а зачем нужны были эти жертвы, во имя чего погибло столько людей. Немцев, захваченных в плен русскими, Гитлер не освобождал, оставлял умирать от голода. Сталин превзошел Гитлера – русские, побывавшие в плену у немцев, вернувшись домой, ссылались в концлагеря, как предатели Родины.

- Любая война – это невинные жертвы, это горе и слезы. Но люди, защищающие свою Родину от вражеского захватчика, это

Герои. Вторая Мировая для нашей страны она – Отечественная.

- Когда мне говорят о героях войны, я вижу еще и изнасилованных немецких женщин.

- Это вы о мести советских солдат за зверства нацистов?

- Да. Красноармейцами-освободителями было изнасиловано много немецких женщин. Кстати, среди них была и моя мама, ее изнасиловали трижды.

А вот героем я по праву считаю того, кто противостоял, пытался противостоять бесчинствующей толпе. Ваш соотечественник Лев Копелев – для меня пример настоящего героя. Он один из немногих, кто посчитал это неправомерным, несправедливым. Освободители часто проявляют себя так же, как и захватчики – насилуют и убивают. Когда-то и Лев Копелев был ярким комсомольцем. В 1932-33 годах вместе с другими красноармейцами он отбирал хлеб, урожай у украинских крестьян. Он думал, что создает новый мир. А на пути к этому миру всегда есть смерть. «Я шел по трупам и не замечал их,» - напишет он позднее.

С началом войны, в 1941-м, Копелев ушел в армию добровольцем. Благодаря совершенному знанию немецкого, он работал переводчиком и пропагандистом среди немецких солдат. Был награжден боевыми орденами и медалями.

Поворотным моментом судьбы, перевернувшим его мировоззрение, стало вторжение Красной армии в Восточную Пруссию в 45-м году. Когда он увидел этих изнасилованных женщин, он сказал, что это неправильно! Немецкие женщины тоже люди. Он открыто выступил против проявлений жестокости по отношению к мирным жителям. За что Лев Зиновьевич был приговорен к десяти годам по уникальному обвинению – «пропаганда буржуазного гуманизма» и сочувствие к противнику».

И за такие заявления, он, как и Александр Солженицын, был отправлен в ГУЛАГ.

- Что думают современные немцы относительно Великой Отечественной войны? Что написано в немецких учебниках?

- Пишут, что Гитлер развязал Вторую Мировую войну. Сначала пошел на Польшу, потом на Францию, а затем в Советский Союз. Германия виновата. Я думаю, история не так проста, не так однозначна. Например, я была в Лансдорфе в Польше – это территория входила в Германскую империю со дня ее основания в 1871 году. Во время Второй Мировой войны сотни, может быть, тысячи советских солдат умерли от голода в концентрационном лагере Лансдорфа. Спасаясь бегством от освободительного войска Красной армии, немцы оставили пленных умирать от тифа и голода. В 1946 году здесь работала русско-польская комиссия по эксгумации трупов советских солдат, эксгумацией занимались немецкие женщины. Лагерь не закрыли, а посадили сюда немцев, комендантами назначили поляков и русских. А русских пленных, выживших в Лансдорфе, Родина не приняла – их отправили в ГУЛАГ.

Я думаю, что Сталину не были важны ни русские, ни немцы. Так же безразличны были люди и для Гитлера. Когда при тоталитарном режиме кто-либо стоит у власти, то простым людям остается либо приспособляться, либо им грозит концлагерь. Многие приспособлялись, так как хотели выжить. А многие были слепы, они безоговорочно верили вождю.

- Почему вы решили писать обо всем этом?

- Мне нужно было выговориться. У меня была своя история, история моей семьи. А история семьи неразрывно связана с историей всего немецкого народа. Мне нужно было выговориться за себя и за мой народ.

- В 2004 году вышла ваша первая книга. О чем она?

- Она основана на воспоминаниях людей, прошедших войну. Это несколько ярких историй: о любви эссесовца и коммунистки; о немке, которая влюбилась в пригнанного на принудительные работы русского, – мужчина был повешен, а она отправлена в концлагерь. О русском немце, который провел около двадцати лет в концлагере недалеко от Чернигова... После того, как я написала эту книгу, я поняла, что я не хуже и не лучше немцев, русских, американцев, швейцарцев, поляков... Это было моим излечением. «Прежде, чем будет поздно» - так называется книга.

- Что было вашим следующим шагом?

- С новым пониманием я приехала в Польшу. Моя мать принадлежит к тем 12-ти миллионам немцев, которые были насильно высланы из страны, из них два миллиона пытались сбежать и они все были расстреляны. В Польшу я приехала, чтобы узнать, как поляки пережили время немецкой оккупации. Вторая книга «Разделенные воспоминания немцев и поляков» вышла в 2006 году.

- Героями ваших книг становятся и фашистские захватчики, и те, кто с ними воевал...

- Это позволяет создать объективное представление о войне. Я думаю, что когда делишься воспоминаниями, вырисовывается полная, достоверная историческая картина. Воспоминания о войне и боли живы до сих пор во всех странах, которых она коснулась.

- Сегодня вы собираете материал для новой книги. Почему вы выбрали Челябинск?

- Основой этой книги станут воспоминания русских и немцев. Считаю, что по рассказам жителей этого региона можно понять, что переживала вся страна. А в Челябинске я уже третий раз, и оказалась здесь, благодаря своему хорошему знакомому, ректору одного из вузов Германии, который уже не первый год сотрудничает с Академией культуры и искусств Челябинска и Челябинским государственным педагогическим университетом. Теперь с их сотрудниками дружу и я, они помогают мне в сборе материала, к тому же книгу мы издадим совместно – она станет первой моей работой, которая выйдет на двух языках.

Я думаю, что для молодого поколения мы должны открыть книгу истории, общей для

немцев и русских. Обладая знанием, мы имеем шанс на СВОБОДУ. Иначе идеологический инструментарий может быть использован для развязывания новой войны. Мы должны научиться в первую очередь видеть человека. Коммунист он или фашист, он – человек.

- Мы знаем, что вы уже пообщались с несколькими ветеранами в Миассе, в Челябинске. Пустили они вас на порог, немку-то?

- Напротив, они очень радушно ко мне отнеслись, они рады, что их воспоминания не будут утеряны. Но они уверены до сих пор, что они – победители и герои. Они освободили Германию от фашизма. И такая идеология – это сильная идеологическая опора для любой следующей войны.

- Как вы планируете назвать книгу?

- Рабочее название книги «Уничтожение людей». Два тирана удовлетворяли свои амбиции, играя в войну. Это привело к массовому истреблению человечества. Мы должны делать правильные выводы из историй войн, чтобы они больше не повторялись.

Сегодня Бруни Адлер вновь в Челябинске и обращается к жителям области, прошедшим дорогами войны, с просьбой рассказать и свою историю. Особенно она ждет откликов людей, побывавших в германском плену, русских трудоармейцев, людей, прошедших ГУЛАГ, и переживших это страшное время женщин. Связаться с писательницей можно через посредничество агентства «Урал-пресс-информ» по телефону 237-29-33.

P.S. Как авторы этого интервью, мы не во всем разделяем взгляды Бруни Адлер на Вели-

кую Отечественную войну. Бруни Адлер пытается разобраться в природе войны и ищет оправдание своему народу, при этом и немцы, и русские для нее – жертвы. По ее мнению, героев на войне быть не может. Человеку свойственна субъективная точка зрения, тем более, если дело касается его семьи. Бруни Адлер не может смириться с тем, что воины-освободители сотворили с ее матерью. «Ни один красноармеец не просил прощения, вместо этого они говорили, что они освобождали немецкий народ от фашизма, - сокрушается Бруни Адлер. Видимо, поэтому героизм и русский солдат-освободитель для писательницы понятия несовместимые. Ведь это ее личная драма.

Нам же, россиянам, не нужно никаких доказательств героизма наших дедов и прадедов. Это истина. Они защищали Отечество и победили.

По прошествии времени так заманчиво желание подкорректировать историю, кто-то пытается это сделать деликатно, как Бруни, заявляя, что на войне нет героев, но ведь они есть – люди, которые не щадя жизни своей, защищают Родину, кто-то делает это варварски, как президент Украины Виктор Ющенко, договорившийся в своей ненависти к России до того, что украинцы не есть славяне, они якобы произошли от неких укров. Но история все равно все расставит все по своим местам. И назовет своих героев.

19.03.2008

<http://uralpress.ru/reviews/nemeckaya-pisatelnica-v-rossiyskom-tylu-v-poiskah-istiny>

А ВОЗМОЖНО ЛИ ОНО, ПРИМИРЕНИЕ?

Ответ на этот вопрос один из главных. Государства нашли общий язык, народ Германии идет своим путем, а мы, вступили ли мы на эту дорогу или будем сидеть в окопах? Сможем ли мы вернуть те дружеские чувства к германскому немецкому народу, которые когда-то были? Ответ на эти вопросы каждый ищет сам. Этот процесс нельзя ускорить, но нельзя его тормозить. В этом я глубоко убежден. Чтобы внести свою лепту в поиск взаимопонимания предлагаю познакомиться со следующими материалами.

Нам надо искать то, что нас объединяет. Российские немцы могут в этом помочь. Хотя мы, как народ формировались в отличной от германских немцев среде, но мы сможем помочь наладить взаимные мосты.

А. Павловская

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: НЕМЦЫ (Мы так близки)

Русскому человеку трудно писать про немцев. Труднее, наверное, только про самих себя. Видимо, слишком уж многое объединяет: самые близкие соседи из европейцев, давние и тесные исторические связи, общие страстные увлечения — философия, литература, музыка

и в то же время — самая большая боль. С одной стороны, так до конца и не решен вопрос о том, не немцы ли создали все то, что нас теперь окружает: от государства до системы образования. С другой — так и живут в русском человеке страх и отвращение при звуке немецкой речи — может, оставшиеся от бабушек и дедушек, переживших войну, может, от фильмов об этой войне, а может, это уже просто заложено генетически.

О пользе непредвзятости

На первый взгляд немец являет собой самый простой из устойчивых национальных образов. Согласно популярному в Европе анекдоту в раю немцы — механики, а в аду — полицейские. И то, и другое — благодаря своей четкости и принципиальности. Стереотипный немец всегда носит усы, всегда прекрасно организован, мечтает о порядке, выполняет законы, в идеале живет в ритме военного марша. И все это в основном (кроме усов) — правда. Немцы за границей всегда узнаваемы: аккуратные светлые одежды, гортанный смех, уверенность в каждом движении, неприменная кружка пива по вечерам. Более узнаваемы, пожалуй, только японцы, но и их легко спутать с южнокорейцами. К тому же немцев всегда выдает их речь, отрывистая, резкая, словно они общаются друг с другом приказами — даже не зная ни слова по-немецки, ее всегда отличишь от любой другой.

Но за этой простой схемой-стереотипом скрывается нечто неопределенное и туманное, и попытки заглянуть глубже наталкиваются на большие сложности. Начать с того, что даже название обсуждаемого народа неустойчиво и звучит по-разному в разных языках. По-нашему — «немец», он же по-английски — «German», по-французски — «allemande», по-итальянски — «tedesco», на своем языке — «Deutsche».

Исследователи ссылаются на тот факт, что современный народ складывался в результате смешения различных племен, вот и вошли в разные языки разные названия. Но из разных племен возникли и все другие народы. Казалось бы, чего только не намешано в современных итальянцах, но они ведь — везде итальянцы, только окончание меняется от языка к языку.

Возможно, данная неустойчивость и неопределенность немецкого характера обуславливаются неопределенностью и неустойчивостью положения самого государства. Ведь Германия — страна, почти не имеющая естественных границ, зажата между другими европейскими государствами, на протяжении своей истории постоянно меняла свои очертания, то расплываясь почти на все европейское пространство, то сжимаясь до размеров маленьких княжеств. Подобное среднее положение действительно определило участие самых разных племен и народностей в формировании немецкой нации: куда бы ни продвигались народы по Европе, они почти неизбежно проходили по территории Германии. И это особенно любопытно применительно к народу, ратовавшему за расовую чистоту и до сих пор считающему, что закон крови первейший. Известно, что, по немецкому

законодательству, дети эмигрантов, не граждан Германии, родившиеся в этой стране, могут не иметь немецкого гражданства, зато немцы, родившиеся в других странах, достаточно легко могут его получить.

Сложность и неопределенность характера немцев подчеркивает и то, как они изображаются в записках путешественников и публицистике. Страна, традиции, порядки, памятники приводятся точно и досконально, а вот когда дело доходит до описания народа, населяющего эту страну и создавшего эти памятники, наступает тишина. Н. М. Карамзин одним из первых в России дал блестящие характеристики европейским народам, с которыми он сталкивался во время своего путешествия: англичан он назвал угрюмыми, французов — легкомысленными, итальянцев — коварными. А вот про характер немцев у него — ни слова. При этом отметим, что в Германии он провел самую значительную часть своего путешествия, а в Италию не заезжал вовсе. Ф. М. Достоевский заявлял категорично: «К немцу надо особенно привыкать и... с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах». Да и сами немцы не оставались. Томас Манн, например, утверждал, что «немцы воистину непостижимый народ», а великий Гете считал, что «немцы усложняют все себе и другим»...

Сегодня среди самих немцев стало политически корректно разделять национальное и государственное: интернет-сайт немецкого посольства объясняет, что «немецкий — это язык, продукт, человек и тому подобное — все, что связано с национальностью; германский — это гимн, флаг, парламент и тому подобное — все, что связано с государственностью».

Откуда есть-пошли...

И все-таки немецкий характер существует, и разобраться в нем можно, особенно если принять его противоречивость, не пугаться стереотипных представлений и не пытаться их обязательно опровергнуть, согласившись с тем, что в них есть и доля правды. Одним из ярких доказательств существования этого характера являются так называемые «русские немцы».

Немцы появились на Руси очень давно, прежде всего с торговыми целями. В Новгороде, Пскове, а потом и в Москве возникли немецкие слободы. С начала XVIII века число немцев стало резко возрастать, а цели и задачи разнообразиться. Теперь они напрямую влияли на российскую политику, продвигали на русскую почву европейскую культуру и науку, лечили, учили, служили. Говорят даже о «засилье» немцев в отдельные периоды русской исто-

рии, об их всегдашнем стремлении нажиться на доверчивых русских и обмануть их. Были, конечно, и такие ловцы «славы и чинов». Но хорошо известно, что многие немцы верой и правдой служили России и считали ее своей родиной.

Хотя немцы, живя долгое время, а часто родившись, и не в первом поколении, в России, все-таки сохраняли немецкую идентичность и черты характера. Причем это сочетание — немецкого характера с русским происхождением — весьма нередко оказывало на немцев самое облагораживающее влияние. Немецкая размеренность и упорядоченность в России получали но-вый смысл служения отечеству, смягчались и становились более гибкими и душевными. Впрочем, несмотря ни на обрусение, ни на облагораживающее влияние, немец «вы-пирал» и через несколько поколений, при-чем отчетливо, самыми определенными чертами. Если уж те немцы, которые жили и смешивались с русскими, сохранили мно-гие свои черты, то что говорить о «русских немцах» — переселенцах, живших колониями в разных частях России: на Волге, на Урале, на Алтае (согласно переписи 1897 года, число таких «чистых» немцев составляло 1,8 млн. жителей).

Вот какое впечатление от общения с немецкими колонистами Поволжья вынес наследник русского престола, цесаревич Александр Николаевич, в 1837 году путешествуя по стране. В письме к отцу Николаю I он писал: «Весело смотреть на их благополучие, этот добрый народ сделался совершенно русским... но в них осталась их почтенная аккуратность немецкая, живут они чисто, пасторы у них преумные, и они меня принимали с удивительным радушием, точно как настоящие русские».

Впрочем, именно русские императоры сами являли собой удивительный пример русско-немецкого союза. Первым взял себе в жены немецкую принцессу Софию Шарлотту Брауншвейгскую сын Петра I царевич Алексей. А впервые на российский престол возвел немку все тот же Петр, сделав свою любовницу Марту Скавронскую сначала женой, а по смерти — и императрицей. Два последующих столетия много-численные немецкие княжества без устали «снабжали» Российскую империю то императрицами, то женами императоров. Но когда Александр II после смерти своей немецкой жены попробовал возвести на престол свою русскую возлюбленную, Екатерину Долгорукую, это вызвало в обществе огромное сопротивление. В результате она осталась только морганатической женой...

И вместе с тем эти немецкие по крови царственные особы были едва ли не самыми русскими из всех русских. И не только такие, как Александр III или Николай II, воплотившие в себе, кажется, все достоинства и недостатки русского национального характера, но даже и чистокровная немка Екатерина II, и ее сын, любитель немецких традиций Павел I.

Столь тесные и близкие отношения между

двумя народами не могли не привести к попыткам понять и узнать друг друга. Русская художественная литература — важный и далеко не всегда ложный источник наших знаний о других народах — по-святила множество страниц немецким персонажам, как правило, комическим или сатирическим (справедливости ради отметим, что и русского человека она не пощадила, так что ни о каком предвзятом отношении речи быть не может). Взять хотя бы Н. В. Гоголя с его жестяных дел мастером Шиллером с Мещанской улицы из «Невского проспекта»: «Шиллер был совершенный немец, в полном смысле этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский живет на фу-фу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в коем случае, не делал исключения. Он положил вставать в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье... Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать свою жену в сутки не более двух раз, чтобы как-нибудь не поцеловать лишней разок, никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп». Образы немцев — добродушных, как Карл Иванович из толстовского «Детства», энергичных, как Штольц из гончаровского «Обломова», целеустремленных, как лесковские персонажи, — но всегда педантичных, организованных и не терпящих хаоса, заполняют страницы русской классики. И всегда рефреном слышится чеховское: «Это тебя, брат, немцы испортили!» (видимо, немецкое влияние на русский характер за благо-творное не признавалось).

Первые и главные

Во внешнем мире для русского человека долгое время именно немцы были главными европейцами, поскольку именно с их землей начиналось знакомство с загадочным иным миром, манившим и пугавшим одновременно, то есть с Европой. Именно на границе происходили и первая встреча, и столкновение двух культур. Путешествовавший в Европу в конце XVIII века Ф. Растворчин писал в своих путевых заметках: «Тут начинается прусское владение, немецкий язык и курс терпения. Несчастный русский путешественник, плачь и сокрушайся о ямщиках! Забывай, что лошадь может скакать рысью! ...Никогда немец, почтовый извозчик, будь он молод до безумия, пьян или влюблен, не проедет в час, по хорошей дороге, более одной мили...»

Нередко первая встреча с Европой вызывала разочарование — слишком мало было экзотики, слишком тесны связи, слишком много немцев у себя дома, отсюда и «кислое впечатление», по словам Достоевского, которое производил Берлин, первый крупный немецкий город на дороге, очень походивший, как казалось, на Петербург.

Впрочем, близость и сходство эти очень поверхностные. Берлин и сегодня достаточно близок и понятен русскому человеку, он

гораздо более «свой», чем другие столицы Европы. Однако это «родство» по мере стирания следов советского влияния на восточную его часть становится все меньше. Сегодня для большинства немцев гораздо более характерно общеевропейское восприятие России как далекой холодной страны, населенной дикими существами. Нередкое удивление при встрече с русскими вызывает наличие у них двух рук и ног, обычных чувств и некоторых знаний. Дряхлый старичок из Мозеля, потрясенный тем, что русские заехали в его гостиницу, чуть ли не два часа методично объяснял им, как отпирать и запирают входную дверь, как пользоваться туалетом и душем, как включать телевизор и переключать программы — а вдруг эти варвары и не видели такой техники, кто их знает! И это притом, что некоторые районы в Германии сегодня живут в основном за счет русского туризма — от сезона до сезона.

Слагаемые немецкого порядка

Самый распространенный «немецкий» стереотип касается их педантичности и любви к порядку. И он совершенно справедлив. Стремление упорядочить все и вся пронизывает все стороны немецкой жизни, является источником большинства их национальных достоинств и недостатков. Прекрасно организованные дороги, окутавшие сетью всю Германию, причем бесплатные, великолепно налаженные сервис и быт, превосходная туристическая инфраструктура — все это не может не радовать гостей этой страны. Об удивительной способности немцев много и увлеченно работать написано немало добрых слов, и не только самими немцами.

Хотя, как подметил английский драматург Б. Шоу, «немцы обладают большими достоинствами, но имеют и одну опасную слабость — одержимость всякое хорошее дело доводить до крайности, так что добро превращается в зло». Это в полной мере применимо к немецкому порядку. Взять хотя бы немецкую бюрократию: по числу правил и регламентации она, может, и не опережает других, но вот по увлеченности их выполнением — едва ли не на первом месте в Европе. Только немецкие пограничники в случае, если виза гостя страны просрочена на один день, приравнивают это «преступление» к незаконному пересечению границы и делают его «не-въездным» на длительный срок. Отсутствие столь почитаемого в Англии «здорового смысла» или хотя бы столь распространенной в романских странах системы взаимовыручки характерно для действий немецких чиновников, делая немецкую бюрократию почти непробиваемой. Мадам де Сталь отмечала, что немцы умудряются найти массу препятствий для самых простых вещей, и в Германии ты слышишь «Это невозможно!» в сто раз чаще, чем во Франции (и это притом, что весь ее труд затевался как критика французских порядков).

Иностранные журналисты делятся «страшными» историями из повседневной жизни немцев: один был постоянно порицаем хозяйкой за нежелание развешивать постиранное белье по порядку и размеру, делая это совершенно хаотично; другого терроризировали соседи за нестриженный газон, попытки же подстричь его приводили к новым жалобам, так как делать это в выходные оказалось запрещено. В Германии издается специальный дорожный справочник пробок, подробно описывающий, где и в какое время их надо ожидать. Вот только пробки далеко не всегда поддаются упорядочиванию, иногда возникая стихийно, и это страшно раздражает немцев. Эти «несанкционированные» пробки даже получили особое название — «пробки ниоткуда», и на изучение этого феномена выделены большие государственные субсидии.

Не стоит, однако, абсолютизировать немецкий порядок и путать идеал с реальностью. Вспоминается одна крупная международная конференция, проходившая в Мюнхене. Там было перепутано все — номера комнат, имена докладчиков, время выступления, словом, сплошной хаос. Многочисленные иностранные участники бродили по коридорам и удивленно, не без доли некоторого злорадства, спрашивали друг друга: «И это хваленый немецкий порядок?!» Впрочем, сами немцы объясняли это тем фактом, что в подготовке конференции активно участвовали американцы.

Знаменитый немецкий порядок поддерживает закон, поэтому немцы на редкость законопослушны. Всякий, кто когда-либо ехал за немецкой машиной по европейской дороге, поражался ее удивительной точности в исполнении предписаний: можно не смотреть на знаки, скорость немецкой машины всегда в точности им соответствует. Но уж пропустить тебя не пропустят, порядок для всех один, и любые попытки превысить скорость и нарушить этот порядок будут пресечены на корню, так что остается плестись следом и вспоминать всех немецких мам...

Закон для немца выше здравого смысла. Английский журналист однажды в 2 часа ночи стал свидетелем несчастного случая: переходившего совершенно пустую дорогу пешехода сбила внезапно появившаяся машина. После того как пострадавшего увезли в больницу, слегка потрясенный происшедшим журналист поинтересовался, что же теперь будет. Немецкий полицейский ответил: «Ничего особенного, если выживет, заплатит штраф 50 марок, он ведь переходил дорогу в неположенном месте».

Германия, наверное, единственная страна, в которой огромное количество разрешающих табличек — здесь можно курить, ходить по траве и так далее, в других странах имеющиеся таблички, как правило, запрещающие, и это наводит на мысль о том, что в этой стране все, что не разрешено, видимо, запрещено. В дореволюционной России долгое время была популярна шутка про взбунтовавшихся немецких пролетариев, которые шли организованной

колонной по Унтер-ден-Линден ровно до тех пор, пока не натолкнулись на табличку «Проход запрещен». На этом революция закончилась, и все благополучно разошлись по домам... Впрочем, это обстоятельство, наверное, стоит отнести к числу достоинств немцев.

По количеству проводимых ярмарок и выставок Германия занимает в мире передовые позиции. Здесь расположены 3 из и наибольших мировых ярмарочных территорий. Более 10 млн. человек каждый год приезжают в страну для участия почти в 150 мероприятия подобного типа. Приблизительно 1/3 зарубежных участников представляет неевропейские регионы. Каждый год немецкие организаторы проводят около 160 ярмарок в Центральной и Восточной Европе, Азии и Южной Америке.

Маленькие слабости

Тот же порядок определил одну из главных слабостей немца — любовь к машинам и разного рода механизмам. Автомобиль для немца — и друг, и любовница, и показатель его социального статуса. В их производстве немцы достигли настоящих высот, покупка следующего по классу автомобиля для них гораздо важнее продвижения по карьерной лестнице (впрочем, эти два фактора всегда взаимосвязаны). При всей любви к регламентации правительство не решилось ввести одно ограничение — скорости на автобанах, и здесь уж немец выказывает всю свою удачу и лихачество. «Мерседесы» и «БМВ» несутся с предельной скоростью, которую обывателю-иностранцу, двигающемуся всего в пределах 180 км/ч, трудно даже представить: не дай Бог попасться в это время на пути немцев — они будут отчаянно мигать фарами и устрашающе сигналить не хуже самых эмоциональных итальянцев.

Наконец, нельзя обойти молчанием важнейшую особенность современной немецкой жизни: страсть к путешествиям. Вся Европа сегодня заполнена немецкими туристами. То, что не смог покорить немецкий солдат, сегодня без боя сдалось на милость немецкого туриста. Аккуратные, чистенькие немецкие старики и старушки в белых кофточках, солидные семейные пары на дорогих автомобилях, стаи рокеров в черных кожанках и с развевающимися бородами, молодые семьи с маленькими и очень маленькими детьми, группы энергичных школьников в одинаковых кепках, веселые молодежные компании, легко нарушающие традиции и приличия, — все многообразие немецкого народа представлено сегодня в популярных туристических местах. Невольно возникает вопрос: «Остался ли вообще кто-нибудь из них дома, на хозяйстве?» К чести немцев, надо отметить, что они, в отличие от многих других представителей западной цивилизации, несмотря на привычный комфорт и удобство жизни у себя дома, совершенно непривередливы и не боятся трудностей. Они одинаково охотно заполняют собой популярные итальянские курорты и непроходимые финские чащи. Тем,

кто забирался в глухие удаленные уголки, чувствуя себя открывателем и покорителем новых земель, хорошо знакомо разочарование, с которым неизбежно сталкиваешься в этой ситуации: даже в самом безнадежном, казалось бы, месте можно обнаружить машину с немецкими номерами или группу немецких туристов с рюкзаками.

Немцы с большим интересом и вниманием относятся к чужим культурам, пытаются понять их, они охотно изучают иностранные языки и нередко свободно общаются с итальянцами — по-итальянски, с французами — по-французски и почти все хоть что-то могут объяснить по-английски. Это облегчает их продвижение по миру — процесс, нарастающий с каждым годом. В сущности, они не просто большие, но и хорошие путешественники — не мешают местным жителям, охотно общаются с другими туристами, не капризничают, если им не дали кока-колы, как американцы, не сбиваются в пугающие многолюдные тучи, как японцы. В последнее время их, правда, отличают некоторая излишняя шумливость и стремление привлечь к себе внимание, свойственные раньше только заокеанским туристам, но, может, это и случайность.

Один немолодой немец, путешествовавший с тоже немолодой женой по северной оконечности Норвегии, рассказывал о том, что это и есть, в его представлении, высшее счастье: всю жизнь он работал не покладая рук, сегодня же вышел на пенсию, дети выросли и разлетелись кто куда, а он наконец-то накопил достаточно денег, чтобы купить себе автомобиль-фургон, этакое жилище на колесах, очень популярное среди немцев, и отправиться в длительное путешествие. Эти передвижные «дома» вполне соответствуют немецкому духу — большие, медленные, неповоротливые, они очень удобны внутри. Там есть все — от микроволновой печки и душа до шкафов, куда можно поместить почти безразмерные запасы немецкой провизии и уже ни на что не тратиться в пути. К тому же они обладают свойством почти полностью перекрывать всю дорогу, что доставляет невыразимые мучения всем окружающим, безуспешно пытающимся их обогнать, и огромное удовольствие их владельцам.

Культурный срез

Сами немцы любят возражать — мол, вот все говорят, что мы педантичны и интелесуемся только порядком и законом, а посмотрите на наш вклад в мировую культуру! Действительно, вклад немцев в развитие литературы, философии, музыки — неоспорим. Они не только составили целые эпохи в мировой истории, но и оказали заметное влияние на окружающий мир. Не потому ли таких высот достигла философия, что немецкий ум упорно стремился все упорядочить и разбить на категории, а то, что нельзя упорядочить — переделать (может быть, именно поэтому она так привлекала русских, у которых этого свойства к упорядочиванию совершенно нет).

Не потому ли в Германии меньше всего развивались визуальные искусства — живопись, архитектура, скульптура, ведь «гармонию», читай музыку, можно «проверить алгеброй», а живопись — нет.

Кроме философии, литературы и музыки немцы достигли значительных высот и в некоторых других областях, например в воинском искусстве. Не одно поколение русских военных с восхищением изучало немецкие крепости, немецкое оружие, немецкую тактику, даже немецкую военную форму, которая не раз являлась образцом для нашего отечества. Непревзойденными остаются и немецкие военные марши, ко-пировавшиеся многими европейскими на-родами. Говорят, что под французские марши можно только совершать революции, под английские — пить чай в общественном саду, а вот под немецкие — действительно хорошо маршировать.

Некоторые виды немецкого искусства, например балет, театр, кино, вряд ли можно назвать удачными. Пышные блондинки из фильмов военных лет, задиравшие длинные ноги, как хорошо отлаженные механизмы, под бравадную музыку, пугали своей агрессивностью. Балет телевидения ГДР и Фридрихштадт-паласа, который являл собой огромную толпу немцев, с нечеловеческой синхронностью совершавших энергичные движения, и был одним из немно-гочисленных «европейских» развлечений в советское время, надолго отбивал не только желание приобщаться к западной культуре, но и желание вообще. Ну а немецкое кино могут понять, пожалуй, только сами немцы, да и то после тяжелого трудового дня и с кружкой пива в руке.

Особенно же это показательно на примере популярных детективных немецких сериалов. Последние действительно кое-что говорят о немецком характере: их герои не милые чудаки из английских детективов и не любители красивой жизни — из французских, а некие механизмы для раскрытия преступлений. Сериалы эти легко наполняются леденящими душу подробностями: отрезанными головами, расчлененными телами в сундуках, а следователи всегда спокойны и невозмутимы (один из них, попав в семью, где только что был от-равлен любимый младший сын, с подозрением говорит своему напарнику: «Тебе не кажется, что у сестры странная реакция — истерика, слезы...»).

За чистоту во всем

Большую озабоченность вызывает у немцев проблема рождаемости. Процесс этот своей бесконтрольностью и некоторой стихийностью всегда вызывал законное раздражение, что приводило к созданию различных многочисленных научных и околонучных теорий, основной целью ко-торых было стремление его упорядочить. Чистота расы беспокоила немцев в различ-ные исторические периоды. Впрочем, расо-вая теория, столь ими любимая, сыграла с немцами злую шутку. Одно

из первых под-робных описаний германцев оставил рим-ский историк Тацит. Отмеченные им характерные черты народа мало чем напоминают современных жителей. Вот как представлял древних германцев изнеженный римлянин: у них «жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела, способные только к кратковременному усилию; вместе с тем им не хватает терпения, чтобы упорно и напряженно трудиться, и они совсем не выносят жажды и зноя, тогда как непогода и почва при-учили их легко претерпевать холод и голод». Они храбры, отважны, прекрасные воины, блю-дут строгость и чистоту нравов, «любят безделье и ненавидят покой», це-ломудренны, гостеприимны, а их «тело-сложение и стан приводят нас» (то есть римлян — прим. авт.) в изумление. Дальше — больше: «Беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно... Их напиток — ячменный или пшеничный отвар, превра-щенный посредством брожения в некое по-добие вина... Пища у них простая: дикорас-тущие плоды, свежая дичина, свер-нувшееся молоко, и насыщаются они ею безо всяких затей и приправ». Схожие описания оставили и другие историки древности. Стремление походить на этот далекий, прекрасный и столь непохожий на них, реальных, образец погубило немцев. Они не задавались вопросом, так уж ли они напрямую являются потомками этих могучих, прекрасных и сильных блондинов. Они хотели походить на них любой ценой. Даже если для этого придется овладеть секретом управления рождаемостью. Отсюда и многочисленные теории и трактаты, как, например, произведение одного из классиков немецкой расологии Ганса Ф. К. Гюнтера «Выбор супру-жеской пары для счастья в браке и улучшения наследственности», отсюда и печально зна-менитые эксперименты в концлагерях.

Порядок для себя непременно предполагает и порядок для других. Немцам всегда было больно смотреть на окружающие народы, порой осознанно живущие беспорядочной жизнью. Русский философ Н.А. Бердяев отмечал, что «другие народы немец никогда не ощущает братски, как равные перед Богом, с принятием их души, он всегда их ощущает, как беспорядок, хаос, тьму, и только самого себя ощущает немец, как единственный источник порядка, организованности и света, культуры для всех этих несчастных народов». Некая агрессивность позиции автора строк извиняется тем фактом, что написаны они в годы Первой мировой войны.

Конечно, стремление провозгласить себя выше остальных, как правило, проистекает из комплекса неполноценности. Англичанам не нужны теории, обосновывающие их исключительность, они именно так себя и ощущают. Немцы же до сих пор в этом не уверены. Так же как и когда-то, во времена покорения Рим-ской империи, далеко превосходившей их, варваров, по уровню развития цивилизации. Присвоив себе имя, именуясь Священной Рим-ской империей германского народа, они так и

не изжили комплекс неполноценности перед побежденным народом. Немецкий композитор Рихард Вагнер в своем эссе с характерным названием «Что есть немец» отмечал: «Немецкие поэзия, музыка, философия ныне высоко ценимы народами всего мира; однако в своей тоске по «немецкой славе» немец обычно не в состоянии мечтать ни о чем другом, кроме чего-то подобного рес-таврации Римской империи». Отсутствие же чувства юмора не позволяет взглянуть на себя самих и свои проблемы легко и со смехом.

Сложность простоты

При всех своих непростых свойствах характера немцы просты и приятны в общении, в них нет английской гордыни, французской заносчивости, итальянского самолюбования. Разговор с ними приятен и непринужден, с ними можно говорить обо всем, а не только о них самих, как это не-редко бывает с другими народами. Если речь идет о неофициальной обстановке, удовольствие от общения вам гарантировано. Вообще, немец на уровне личного общения сильно отличается от немцев как национального объединения и исторической общности. Гете, которого трудно обвинить в предвзятом отношении к своему народу, заметил как-то, что «немец в отдельности великолепен, но в целом — скверный». Личное и общественное для немца — вещи разного порядка, причем последнее всегда важнее первого.

Патриотизм немца выражается не в любви к своему государству или народу, а прежде всего к правительству, которое устанавливает законы, следит за порядком, дает смысл существования. Косвенным доказательством этого положения является тот факт, что немцы исторически, как правило, прекрасно уживались на службе у других правительств, и не только русского, верой и правдой служа своим новым правителям. Они становились идеальными солдатами: четкими, аккуратными, храбрыми и преданными.

Сегодня стало модным писать о сходстве систем Германии и Советского Союза в военное время: и в той, и в другой стране, мол, тоталитаризм, лагерь, подавление личности в угоду государственному, диктаторы, и те, и другие убивали и на войне, и вне ее — словом, очень «похожие» ситуации. И все-таки разница, хотим мы этого или нет, безусловно, была, и она прежде всего в людях, в их характерах.

Сегодня существует интересный пара-докс: хорошее отношение к русским среди бывших немецких военнопленных и их родственников. Старая хозяйка в маленьком магазинчике в Геттингене не помнила себя от радости и умиления, узнав, что к ней заглянули русские: «Мой муж провел пять лет в ваших лагерях, он очень любил русских!» Она долго брела по улице, показывая дорогу своим несколько смущенным гостям, для которых понятие «лагерь» мало ассоциировалось с хорошим отношением. И это отнюдь не единичный случай.

Интересно, что сегодня именно старшее и в

некоторой степени среднее поколение немцев хранят память о войне, об ужасах фашизма, страдают от так называемого «чувства вины» перед народами, пострадавшими в войне. Немолодая немка на международной конференции, сидя за столиком в окружении русских, поляков, французов и прочей смешанной компании, вдруг залилась слезами со словами: «Мы так виноваты перед вами». По ее годам она сама, конечно, быть участницей войны не могла, но столь сильно ощущение единства для немца в коллективной ответственности, в том числе и за своих предков.

Главное — не умствовать

Великий немецкий философ И. Кант оставил подробное описание разных народов. Про немцев он написал меньше, чем про других, отметил, что природная скромность не позволяет ему хвалить самого себя. В числе прочих достоинств он отмечал способность немца легче других народов подчиняться правительству, под властью которого он живет. Немец, писал Кант, «не умствует относительно уже установленного порядка, как и не пытается придумать новый. Легко переселяется, нет страстной привязанности к родине, но в чужих краях объединяется в небольшой народ, выгодно отличающийся от переселенцев других народов прилежанием, чистоплотностью и бережливостью».

К числу важнейших немецких недос-татков Кант относил любовь к титулам. Большое число маленьких немецких государств позволяло иметь много королевских дворов (кто в детстве, читая историю, не удивлялся обилию немецких принцесс, ко-торые становились женами практически каждого уважающего себя монарха). Стремление к педантичной классификации себя и других граждан, важное значение, придаваемое соблюдению субординации, ставило титулы выше многих других вещей, например богатства. С объединением Германии титулованных особ стало слишком много, более того, согласно законодательству, титул передавался не только супруге и детям, но и сохранялся в случае развода и вступления в новый брак, соответственно распространяясь уже на новую семью. Все это неизбежно привело к полной девальвации дворянских титулов в Германии. Если в Англии до сих пор с тайным восхищением взирают на сэров и пэров, то в Германии аристократическая когда-то приставка «фон» теперь уже никого не впечатляет. Сегодня на смену дворянским титулам пришли академические «герр док-тор», «герр профессор», которые звучат сейчас не хуже, чем когда-то «барон» или «герцог». Причем, если у вас две степени, вас будут величать дважды доктором, что-бы все знали. Охота за званиями сегодня является одним из самых уважаемых раз-влечений в Германии.

Эталон здоровья

Важный вопрос для немцев — здоровье. К числу факторов, необходимых для его под-

держания, они относят охрану окружающей среды, организацию и благоустройство лечебных курортов, развитие фармакологической промышленности, хоро-ший полноценный отдых, здоровое питание. К этой же категории факторов, необходимых для полноценного функционирования организма, относится и секс. Если англичане занимаются этим по необходимости, чтобы продолжать существование самого великого народа на Земле, французы окружают это некоей тайной и романти-кой, русские делают вид, что этого вообще нет, то для немцев секс — неотъемлемая часть здорового образа жизни, как чистка зубов по утрам или вечерний душ. В 1960-е годы на черноморских курортах Болгарии среди спасателей, работавших на пляжах, была популярна следующая игра. Большие, сильные и загорелые, они ухаживали за отдыхающими девушками и за каждую победу начисляли определенные баллы, в зависимости от национальности побежденной дамы. Самые высокие давались за советских (как тут не вспомнить «Руссо туриста, облик морале!» из «Бриллиантовой руки»), а вот за немок вычитали.

И дело не в какой-то повышенной развратности немок, а скорее в некоей физиологичности и простоте отношения к этому вопросу. Уже упоминавшийся граф Ростопчин еще в XVIII веке пытался понять истоки этого явления: «Развратность женщин весьма ощутительна, — писал он, путешествуя по Пруссии. — Быв осуждены жить в таком месте, где мужчины охотнее употребляют силу, чем нежность, дабы им понравиться, оне предпочитают иностранных своим землякам».

Простота немцев в вопросах секса не перестает удивлять иностранцев. Американский журналист, 20 лет назад живший в Германии, поражался обилию сексуальной тематики и в прессе, и на телевидении. Причем, сетовал он, все это не вызывало никаких эмоций, немцы писали о сексе так же увлеченно, но спокойно, как англичане о садоводстве.

Голое же тело вообще представляется немцам естественным состоянием человека, значит, и стыдиться здесь нечего. Если на каком-нибудь консервативном пляже Испании, где сами испанки в возрасте от 5 до 50 сидят в черных закрытых купальных костюмах, вы наблюдаете стайку женщин любого возраста, с удовольствием демонстрирующих все, что только можно, и имеющих на теле лишь одну тонкую полоску, неизвестно что прикрывающую, можете не сомневаться — это немки (сегодня, правда, с ними успешно конкурируют наши «оевропеизированные» соотечественницы).

Еще в самом начале XVII века английский путешественник с удивлением описывал купальни в Баден-Бадене:

«...мужчины, женщины, монахи и монахини, все сидят здесь в одной воде, совершенно голые, разделенные перегородками, но так, что они могут друг с другом говорить и друг друга касаться. Вода такая прозрачная, что

можно увидеть монетку на дне, а поскольку меланхолия здесь недопустима, они придумывают себе различные развлечения». Современные путешественники, отдыхающие на знаменитом курорте, с не меньшим интересом описывают местную сауну, в которой сидят все вперемежку, голые, потные, что вызывает чувство брезгливости и для всех, кроме немцев, смущения, а также желание поскорее уйти.

На тему еды

Еда является важной составляющей жизни любого народа и, вне всякого сомнения, отражает его национальные особенности. Среди европейцев популярно мнение, что для француза важно качество пищи, для немца — количество, а для англичан хорошие манеры за столом. Действительно, несмотря на приверженность здоровому образу жизни, немцы по-прежнему потребляют свинины больше, чем любые другие народы (около 4,5 миллиона тонн в год, цифра приблизительная и уменьшенная). Афоризм «Не хлебом единым жив человек» в Германии имеет свое завершение — «нужны также сосиска и ветчина».

Для современной немецкой женщины из знаменитой когда-то «К»-триады, составлявшей суть ее существования — «Kuche, Kinder, Kirche», то есть «кухня, ребенок и церковь», на сегодня актуальным остается только первое. В церковь немцы сегодня ходят мало, детей воспитывают в прекрасно организованных учебных заведениях, женщины работают наравне с мужчинами, но вот слабость к хорошей сытной еде сохранили. Огромное количество книг и телепередач, посвященных секретам кулинарного мастерства, подтверждает это. Об этом же говорит магазинное и рыночное изобилие: в Германии существует более 200 сортов хлеба, и очень вкусного, не поддающегося учету число сосисочно-колбасных вариаций, в этой же стране находится каждая третья пивоварня мира. Про пиво немцы говорят, что оно у них бывает хорошее и очень хорошее, а весь импорт почитают за глупую, но неизбежную дань мировым тенденциям — кто же станет пить эту сомнительную жидкость, если есть своя, настоящая, божественная влага?! К пиву немцы относятся и с уважением, и даже с некоторым трепетом. Как в свое время в России неурожай хлеба приводил к голоду, так, наверное, и немец не сможет долго прожить без своего любимого напитка.

Известное у нас в стране высказывание «Что немцу здорово, то русскому смерть» относится явно не к еде. Для русского человека немецкая еда очень даже близка и понятна, поскольку ее основа — это хлеб, картошка с мясом и пиво. Во многих регионах очень популярны настоящие «на-ши» лесные грибы, а не пресловутые евро-пейские искусственно выращенные шам-пиньоны. Немецкий завтрак способен сделать счастливым даже самого яростного германофоба. Впрочем, для тех, кто мечтает о хорошей фигуре или не отличается крепким

здоровьем, больше рекомендуется поездка в соседнюю Францию. Хотя и у немцев сегодня также распространены культ здоровой пищи. В ресторанах появляются вегетарианские и низкокалорийные альтер-нативы (правда, пока только в крупных городах). Обычная немецкая семейная пара в ресторане сегодня старается следить за собой — жена может заказать легкий овощной салат как дань здоровому образу жизни и модной диете, но вот мужредко откажет себе в удовольствии съесть большой, сочный, хорошо прожаренный кусок свинины. И уж точно оба зальют все это большой дозой пива. Ведь все знают, что пивные дрожжи очень полезны. Подобно тому как итальянцы свято верят и почти заставили поверить всех остальных в то, что от на-стоящих итальянских макарон худеют, немцы убедили себя в том, что настоящее немецкое пиво не может повредить ни фи-гуре, ни здоровью.

Пьют немцы, в отличие от русских, только в выходные, по праздникам и на отдыхе. Но пьют с удовольствием и немало. Пьяный немец, не в пример итальянцу или французу, явление не такое уж удивительное. Гоголь иронизировал по поводу «своего» немца Шиллера: «Пил он вовсе не так, как англичанин, который тотчас после обеда запирает дверь на крючок и на-

резывается один. Напротив, он, как немец, пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с поляром Кунцем, тоже немцем и большим пьяницею». А русский путешественник еще несколько столетий назад радостно отмечал, что «несмотря на наружную важность, внутренне всякий почти берлинец не откажется попить и погово-рять откровенно — качество, сродное всем пьяным немцам».

...и в заключение

Германия сегодня — страна мощная, красивая, набирающая силу. Своим процветанием она прежде всего обязана своему народу — трудолюбивому, преданному, простому, честному. Народу, в котором, несмотря на многообразии, чувствуется национальное единство, которому есть что дать человечеству. Может быть, не зря немец Томас Манн мечтал о том счастливом времени, когда все сольются в единое целое и все «народы... обменяются своими самыми драгоценными качествами: прекрасный англичанин, утонченный француз, человечный русский и знающий немец».

Источник: http://www.characterology.ru/characterology/nation-characterologic/item_4471.html

Сергей Вершинин

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

«Российские немцы – это жертвы, которым не дали стать героями», это жертвы, травма которым была нанесена не только в годы репрессий, но и в 90-е, отмеченные «незаконченной реабилитацией и не произошедшим восстановлением республики немцев Поволжья». Эта проблема, несмотря на то, что «антинемецкая ксенофобия сменяется антикавказской, остается – и замалчивается».

Предлагаем Вашему вниманию полный текст интересного выступления доктора философских наук, профессора Сергея Евгеньевича Вершинина на Межрегиональном форуме российских немцев Урала в Екатеринбурге «300 лет служения России».

Я наблюдаю за движением советских, а потом и российских немцев более 20 лет и сегодня хотел бы отметить те изменения в немецком самосознании, которые произошли за это время.

Во-первых, можно зафиксировать отход от «комплекса жертвы». Как известно, 1990-е гг. характеризовались снятием табу на обсуждение исторических проблем советского общества. Различные конференции, митинги и собрания зачастую поднимали один вопрос: «кому на Руси жить хуже всех?». С этой точки зрения, тогда еще советским немцам было что сказать. На протяжении советской истории они были травмированы, как, минимум, трижды.

Во-первых, как несправедливо репрессированный народ. Во-вторых, как нереализовавшиеся патриоты – российские немцы как

настоящие патриоты России пошли воевать и только за первые два месяца войны сразу появились солдаты и офицеры, совершившие подвиги. И если русские сегодня могут сказать про себя, что они были сначала жертвами, но потом стали героями, то российские немцы – это жертвы, которым не дали стать героями. Третью травму российские немцы пережили как другие советские люди – после распада Советского Союза.

Можно утверждать, что существовала огромная потребность высказаться самим и рассказать историю советских немцев всему российскому обществу. Удовлетворению этой потребности были посвящены 1990-гг. и начало 2000-х гг. Правда, некоторые политики и общественные деятели так и остались в этом времени – до сих пор на встречах и конферен-

циях они, как прежде, говорят исключительно о том, чего не хватает, в каком плачевном состоянии находится национальное общество, как власть пренебрегает интересами данной этнической группы и т.д. Возникает тяга к своеобразному историческому пессимизму, представляющему собой опасность для развития немецкой национально-культурной автономии.

Стремление преодолеть политические и культурные травмы обусловило тогда исторически понятную сосредоточенность на прошлом – не случайно одним из самых популярных слов было «Возрождение», то есть реконструкция того, что было раньше.

Если же посмотреть на современную ситуацию с исторической памятью российских немцев, то она, с моей точки зрения, значительно улучшилась. Акцент постепенно переносится с эмоционального переживания на тщательную и всестороннюю рефлексию по поводу той катастрофы, которая произошла с немцами. Эта рефлексия проявляется в многочисленных публикациях, исторических исследованиях, систематизированных и серьезно проработанных воспоминаниях. Такая политика исторической памяти жестко и тщательно вскрывает «белые пятна» из российской истории, стремится не оставить недомолвок и запретных тем. Этот перенос имеет много последствий, но один из самых перспективных его смыслов – это поиск национальной идентичности. В частности, перенос акцента со страданий на героизм – тогда российские немцы могут и должны быть представлены не только как страдальцы, а как народ-герой. Изменяется и язык: в публикациях, Интернете и на различных публичных мероприятиях встречается все больше выражений, связанных с будущим: «авангард», «проекты», «молодежные лагеря» и т.д.

Однако, если посмотреть на те изменения, которые произошли в российском обществе и в мире, и которые все сильнее влияют на восприятие истории и современного положения российских немцев, то возникают следующие проблемы.

Во-первых, обнаружилась тенденция глобализации коллективной памяти. Период до начала 1990-х гг. характеризовался ярко выраженными границами коллективных воспоминаний, так как существовала политическая и идеологическая граница между СССР и западным миром, в самом Советском Союзе одни народы имели право на коллективную память и ее публичное выражение, а другие не имели. Различные коллективные памяти существовали и часто не соприкасались. Если же соприкосновение происходило, то только в дискуссиях профессиональных историков, в идеологических баталиях журналистов. В целом же не было такого контакта и взаимодействия, какой начал развиваться с начала 1990-х гг. В настоящее время можно говорить о глобализации процессов воспоминания. В этот процесс вовлекаются прежде незаметные

узколокальные аудитории – жертвы политических, этнических и прочих преследований, возлагающие в эпоху политической корректности ту или иную ответственность на различные государства и народы (с чем эти последние могут не соглашаться). Появляются новые локальные воспоминания социальных групп, внимание к которым не было большим в силу различных политических обстоятельств.

Советская история оставила огромное количество жертв, свидетелей, очевидцев, поэтому поток воспоминаний и мемуаров не уменьшается, а только увеличивается. В результате воспоминания, ранее существовавшие отдельно друг от друга, ныне: а) вступают в полемику друг с другом; б) получают возможность создать и публично выразить свою собственную интерпретацию исторических событий, отличающуюся от ранее принятых; в) обращаются непосредственно к европейской и мировой общественности.

Возникает не только инфляция, но и конкуренция исторических версий и воспоминаний, касающихся одних и тех же событий советской и мировой истории. В этих условиях возникает задача усиления конкурентоспособности исторических воспоминаний. Качество исторической литературы и мемуаров приобретает все большее значение. Кроме того, их надо умело распространить. Коллективной памятью должны заниматься не только ветераны-трудармейцы и работники музеев, но и те молодые люди из числа российских немцев и других этнических групп, сочувствующих немцам, которые обладают навыками по работе с общественностью и СМИ. Но в целом, как мне кажется, публикации российских немцев за последние 10 лет выполняются на все более высоком уровне – начиная с Энциклопедии «Немцы России» и до различных порталов в Интернете.

Во-вторых, это проблема параллельного существования семейной и официальной (публичной) памяти. Семейная память российских немцев часто противоречила официальной коллективной памяти. Так было в Советском Союзе после окончания Великой Отечественной войны, когда в рассказах российских немцев война представляла как время несправедливых и незаслуженных страданий и в то же время трудового энтузиазма во имя Победы. Официальная же пропаганда говорила совсем о другом или замалчивала эту страницу советской истории. Преодолено ли сегодня это расхождение в российском обществе? Противоречие между официальной и частными стратегиями воспоминания проявляется, далее, как противоречие между их устной и наглядно-образной формами. Как правило, воспоминания о ГУЛАГе, трудармии, Великой Отечественной войне воплощены в форме устных рассказов родственников, знакомых, жертв репрессий и т.д. То, что они иногда зарисовывали непосредственно или потом воспроизводили по памяти (например, графическая серия известного художника Михаила Дистергефта из Нижнего Тагила «В те

годы») не могло заменить устных рассказов про фронтовые победы и поражения, пребывания в трудармии и т.д. Эти рассказы создавали некую общую схему и логику переживаний в то или иное историческое время. С другой стороны, существовала официальная хроника, а также созданные в более позднее время фильмы, телевизионные передачи, в которых транслировалась официальная точка зрения. С течением времени эти визуальные образы начинали определять восприятие тех или иных исторических событий у новых поколений. Однако эти образы зачастую не совпадали с прежними образами и оценкой событий, принятой в данной семье, группе беженцев, репрессированных и т.д. Таким образом, можно говорить о противоречии официальных и частных воспоминаний, вызывающую определенную раздвоенность как у самих участников исторических событий, так и у их детей и внуков.

К этой особенности коллективной памяти российских немцев следует добавить и тенденцию современной культуры – стремительное возрастание роли наглядного изображения. Современная молодежь читает все меньше и все больше развивается мир визуальных изображений. Поэтому необходимо воплощать идеи и переживания в убедительные зрительные образы. Может быть, сколько угодно серьезных и адекватных воспоминаний, но если они неинтересны молодежи – они обесцениваются. А формы изображения и представления могут быть самым разными – от комиксов, мультфильмов, выставок семейных фотографий до кинофильмов.

Таким образом, устные рассказы должны быть дополнены образным изображением истории российских немцев. Для сохранения национального самосознания и традиций необходимо усиление визуальной составляющей коллективной памяти. В идеальном варианте было бы хорошо создать что-то вроде германской Вальхаллы (то, что сделал в XIX веке в тогда еще слабой и не объединившейся Германии Людвиг Баварский) – зала славы и достижений российского немецкого народа. Однако, поскольку это сложно сделать, то на региональном уровне могут быть – и уже во многих регионах созданы – памятники как символы истории и силы российских немцев. Однако проблема концентрированного визуального выражения достижений российских немцев остается до сих пор нерешенной.

Третья проблема – несовпадение культуры и идеологии общества потребления с коллективной памятью российских немцев. Воспоминания последних – это история страданий. Общество потребления, напротив, ориентирует на ценности удовольствия и наслаждения. Там, где существует акцент на позитивные переживания и ценности, история страданий членов какой-либо этнической группы выглядит малопривлекательной.

Наконец, существует проблема «колонизации» исторической памяти с помощью СМИ.

Эпоха информационного общества означает возможность навязывания «колониалистских» воспоминаний – в том смысле, что те или иные доминирующие политические силы внутри государства (или извне) имеют возможность с помощью радио, телевидения, кинематографа, книг и газет широко распространить выгодную им точку зрения на исторические события. Информационное общество изменило отношение к очевидцам исторических событий. Раньше, в советской традиции участник того или иного исторического события был его наиважнейшим свидетелем. Именно его показания – показания «очевидца» – должны были определять восприятие этого события потомками. Очевидец не мог говорить неправду и мог поведать нечто такое, что оставалось вне внимания посторонних наблюдателей. Так взгляд «изнутри» оказывался важнее взгляда извне. На этом методологическом допущении основывался в советское время авторитет участников Октябрьской революции, Великой Отечественной войны и т.д. При этом очевидец был последней инстанцией, удостоверявшей правильность той или иной официальной версии. Этому способствовали и объективные обстоятельства: неразвитость СМИ, отсутствие фотографий и т.д. Однако сейчас взгляд изнутри ставится под сомнение взглядом извне. В этом смысле историческое событие, увиденное глазами очевидца, отступает на задний план перед версиями, выдвинутыми историками–профессионалами, версиями СМИ и киноиндустрии, ангажированными политиками.

Если первые две культурно-исторические травмы более или менее перерабатываются российскими немцами, то гораздо хуже дело обстоит с третьей травмой, нанесенной российским немцам уже российским государством – это незаконченная реабилитация и не произошедшее восстановление республики немцев Поволжья. То, что происходило в 1990-х гг., например, унижительное для немцев предложение Б.Н. Ельцина о Капустинском Яре, свидетельствовало о нежелании новой российской политической элиты восстанавливать республику. Это нежелание сохраняется и сегодня – время идет, антинемецкая ксенофобия сменяется антикавказской, но проблема остается и – замалчивается.

Если рассматривать эту проблему не с политических, а культурно-исторических позиций, то можно констатировать своеобразную неодновременность культурной памяти российских немцев и большинства российского населения. История российских немцев предстает как частная национальная история, которая в ряде моментов не совпадает по своим тенденциям и болевым точкам с общими тенденциями. Проблема государственности давно решена для большинства народов Европы и России и потому восстановление Республики немцев для многих наблюдателей – это проблема вчерашнего дня. Правда, нарастание сепаратистских тенденций в некоторых европейских

государствах, появление новых государств могут косвенно способствовать легитимации и осовремениванию требования восстановления республики немцев.

На сегодняшний день можно констатировать, что историческая несправедливость сохраняется и может вызывать у представителей немецкой общественности самые негативные эмоции. Однако традиционное немецкое терпение и законопослушание приводят к принятию существующей ситуации. В данном случае получается, что существует несколько стратегий выхода из сложившегося политического тупика: ничего не делать, эмигрировать или же сохранять и развивать свою национальную культуру. Первый фестиваль культуры российских немцев Уральского региона является, на мой взгляд, ярким подтверждением выбора в пользу третьего варианта – развивать культуру, несмотря на различные политические проблемы, и тем самым способствовать сохранению своего этноса.

Подобная культурная активность российских немцев важна еще в одном отношении: с точки зрения становления гражданского общества. Центральная и региональные номенклатуры препятствуют формированию обществу, но этот процесс все равно идет – в виде создания виртуальных сообществ, движения «синих ведерок» и так далее. На уровне национально-культурных автономий происходит тот же самый процесс: люди приучаются взаимодействовать по горизонтали, решать свои проблемы сами, без помощи государства. Они организуют воскресные школы, различные кружки, отмечают сообща праздники и т.д. Это не так заметно со стороны, но получается, что развитие национально-культурных автономий, их взаимодействие с другими этническими группами способствуют становлению в России

гражданского общества.

Наконец, российские немцы вносят свой вклад в развитие патриотизма.

Я имею в виду не только традиционное понимание этого феномена как любви к большой и малой Родине, но и другой вариант его интерпретации. Мне кажется, что распад СССР сопровождался распадом единого образа Родины на ряд сегментов, ряд Родин – появились представления об экономической, политической, культурной, идеологической, исторической, экологической Родинах, их определенном сочетании и иерархии. Разные этнические группы, политические партии вырабатывали свое понимание и свою градацию таких Родин. С этой точки зрения следует оценивать и эмиграцию российских немцев в ФРГ – это не столько нелюбовь к России, сколько выбор в качестве приоритета экономической и исторической Родины – в виде Германии. Однако при этом культурной Родиной они могли по-прежнему считать Россию. Сейчас возникает задача выработки образа большой Родины, в котором снова сочетались бы экономические, политические, культурные и прочие характеристики. Те российские немцы, которые продолжают жить в России, своим трудом и культурным творчеством работают на эту идею. Это творчество способствует, в частности, преодолению отчуждения от малой Родины – тех мест, куда были переселены российские немцы в результате репрессий.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что воля к выживанию, проявленная в трудные годы, перейдет в волю всестороннего развития и наши потомки когда-нибудь снова соберутся в зале горного университета, где будет висеть лозунг «400 лет служения России!»

raketchik February 9th, 2009

ПРО НЕМЦА

Как там у Высоцкого?
Вели дела отменные
Сопливые острожники.
На стройке немцы пленные
На хлеб меняли ножики.

Пленных я конечно не застал, но один немец, из невозвращенцев, которые отрубили свое на стройках народного хозяйства да так тут и остались, знал. В соседней деревне у нас жил, откуда отец родом. Колоритнейшая личность. Все его и звали: Немец да Немец. Пацаны дразнили, конечно, издали, он привык. Здоровый был, молчаливый и нелюдимый. Про него много чего вспомнить есть, при желании. Всегда держал немецкую овчарку, никуда без нее. Очень воспитанная псина. Как привязанная у ноги его всегда.

Немцы (собаки в смысле) они же ходят ин-

тересно, как стелются. И умные. Собственно, потому издали и дразнили, что близко, на собачий бросок, подходить-то боялись. Была у него традиция такая, привычка. Раз в месяц, в получку, шел в город, в ресторан. Обедать. Все получку на работе или дома бухают, а этот в ресторан. Что само по себе уже чудно, да? Брал первое там, салаты-малаты, водки, естественно, компоту, и два вторых. Одну тарелку со вторым поставит собаке, на пол, сам сидит, кушает, выпивает. Собака поест очень культурно, крошечки с пола соберет, лежит, смотрит. Попробуй, заори на него. Чего с ним только не делали. И не пускать пытались, и милицией грозили, и обслуживать отказывались. А ему пофиг, упертый и все главное молча.

Придет, все в крик: «С собакой нельзяяяя!» Он её на улице у входа оставит, она сидит. Он

за столик, закажет всё, нальет, глядь, а собака уже возле ноги, лежит смотрит тихонько, своё второе ждет. Как просочилась, когда, где? Так и смирились в конце-концов. А что сделаешь? Не будешь же каждый раз милицию вызывать. Тем более что днем в ресторане все равно никогошеньки. А посетители даже если и есть - не возражают, смотрят, улыбаются. Вроде потом даже собаке тарелку завели специально. Что б не из общей.

Немец когда выпьет, поест, - давай песни немецкие петь. Пел хорошо. Собака лежит, смотрит, слушает. Ну, и повара там, с официантами. Им тоже нравилось.

Крохотный городок, один и был всего ресторан-то. Я маленький, мы с отцом один раз в город зачем-то по делам поехали, и зашли в ресторан-то, мороженого поесть. И там этот немец. И я шоу один раз от начала до конца наблюдал.

Отец с немцем поздоровался, немец кивнул. А минут через пять окликнул, жестом так за столик позвал, и они там по стопке выпили и пару слов перемолвились. Отец, помню, очень доволен был.

Отец-то младше немца значительно, но тот его выделял за грамотность. В деревне грамотных мужиков и сейчас-то не особо, а тогда если кому какую бумагу куда, все к отцу. Ну и еще потому, что Немец с дедом, с отцом отца, дружил. Если это можно дружбой назвать. Общался Немец вообще мало с кем. Но на конюшню к деду заходил.

Думаю, потому что, как ни крути, и мне, да и отцу, да и всем, немец все таки несмотря ни на что враг был, фашист, ну, образ

олицетворял, который нам в башки вбивали. А для деда солдат. Дед солдат, и Немец солдат. А кто там по какую сторону солдат, потом видно не так уж важно. А пропаганду деду окопным ветром выдуло, он на многое имел свое отличное от официального мнение. Мнение это держал при себе, тоже разговорчивым не назовешь, но на 9 мая к Немцу обязательно заходил. За что его партийное и советское руководство колхоза не одобряло. «Не боишься, Максимыч?» - спрашивало руководство. На что дед отвечал в том плане, что человеку, которого дважды уже хоронили, бояться не стыдно, но глупо.

И ножу меня немецкий был, чем мало кто из пацанов мог похвастаться. Недолго правда. Немец делал ножи серьезные, законом непредусмотренные, в основном на заказ, тем кто поросят колол. Ножи делать научился в лагере. Он сделал деду, дед отдал отцу, а у того уже я стащил.

Ножбыл тяжеленный, с наборной ручкой, кровостоком, и что самое замечательное - с десяти шагов втыкался из любого положения, хоть плашмя бросай, хоть ручкой. И мы с пацанами бросали его за сараем. Пока я случайно в петуха не попал. (Ну, это я сейчас так думаю, что случайно. А тогда петух фашиста олицетворял гораздо больше всякого немца. Так что может и не совсем случайно.) Петуха съели, а ножотец отобрал, и куда он потом делся, я уж не знаю.

Вспомню еще чего потом про Немца - напишу.

<http://raketichik.livejournal.com/59519.html>

vampirov_bajan February 10th, 2009

А мне доводилось бывать и в домах, построенных немцами, и в домах, построенных зеками:). Так вот - в «немецких» домах класть кабеля компьютерные смерти подобно. Стены толстенные, прочные, сделано все на совесть. Seriously, отличные дома. Летом прохладно, зимой тепло (сильно подозреваю, что именно стены тому виной), окна - до сих пор можно линейкой мерить, все в пределах нормы. А на время монтажных работ в командировке жили мы в домах, построенных зеками:) там пестец, больше слов не имею. Кривые окна, потолки, звукоизоляция - чихнешь в комнате, из соседнего подъезда тебе здоровья желают).

хлеб и ножики

(Anonymous) December 4th, 2013

Если вы внимательно слушали песню ВСВ «Баллада о детстве» то думаю поняли бы что речь там идет о том, что мальчишки из ремесленного училища делали ножики из напильников и меняли их немцам на хлеб, а не наоборот:

А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки
Не досталось им даже по пуле
В ремеслухе живи не тужи
Ни дерзнуть, ни рискнуть, но рискнули -
Из напильников сделать ножи.

Они воткнутся в легкие
От никотина черные,
По рукоятки легкие трехцветные наборные,
Вели дела отменные сопливые острожники.
На стройке немцы пленные на хлеб меняли ножики.

НЕМЦЫ!

При слове «немцы!» генетическая память велит белорусам убежать, прятаться, хвататься за оружие. Преодолеть психологическое клише удастся через пару поколений.

А что же немцы думают о белорусах?

Немцы продолжают каяться. В начале девяностых годов прошлого века нашли в госбюджете денег на скромную материальную компенсацию оstarбайтерам второй мировой войны. На вторую компенсацию, более весомую, в конце девяностых раскошелились фирмы и заводы Германии, которые использовали бесплатный труд восточных рабов.

Мои отец и мать принудительно поработали на Германию по три года (1942- 1945). Отец заболел и умер в 1975-м, на пятьдесят первом году жизни. Мать умерла в 1989-м, в шестидесятипятилетнем возрасте, от болезни, полученной в третьем рейхе. Родители не дождалась даже разговоров о компенсации. Когда же пошли разговоры, я как законный наследник родителей и их страданий заполнил предложенные бланки, послал в специально созданный в Беларуси фонд «Взаимопонимание и примирение». Ни денег, ни даже ответа не получил. Я не обижаюсь. В газете прочитал объявление названного фонда о том, что умершим узникам фашизма компенсация не положена.

Я решил написать статью. Обязан написать. Ибо вижу: немцы покаются за преступления фашистского режима, белорусы, к сожалению, не приняли их покаяние. Гуманитарную помощь берут без жеманства, деньги их готовы взять днем и ночью, но в душе - не простили, нет.

Белорусская масса потребляет чужой гуманизм, не продуцируя собственный. Белорусы не очистились от бывшей ненависти. Процесс гуманизации общества специально тормозит государственная идеологическая машина. Белорусов настойчиво возвращают в прошлое, где была Великая Победа.

Прошлое необходимо власти, не способной к новым победам в экономике, в уровне жизни, в соблюдении прав человека. Чтобы жить лучше, надо соблюдать «боевые традиции отцов». Власть намертво ухватилась за клише «немцы!» Отцы победили немцев, которые приходили нас завоевать. Наследники должны победить запад, который навязывает нам свои стандарты. За цивилизацией я свой народ не поведу, про-стодушно признался лидер белорусов, культивирующий у нации дух отщепенца мира.

Посылки, марки, евро у немцев берем, но показываем кукиш в кармане.

Когда надо, покажем им опять кузькину мать. «Гуманитарной интервенции» запада противопоставим военную группировку союзно-

го государства Беларуси и России. Так сказано по национальному телевидению. Угрожая немецким посылкам, государство без стеснения тянет к ним загребущую лапу. Для солидности создан госдепо ... гуманитарной деятельности. Сей орган распределяет «гуманитарную интервенцию» по своему усмотрению, сдирая с нее таможенную пошлину.

Гуманитарная помощь (львиная доля ее из Германии) не встречается у современных белорусов чувств, адекватных чувствам современных немцев. Немцы пришли к подлинному миру с былыми врагами, а белорусы еще идут. Я расскажу, как к миру с немцами шли мои родители. Их путь был слишком краток, но они успели пройти очень много.

«Сегодня, Толик, будем строить немецкий туалет», - как-то сообщил отец в середине пятидесятых. Новая хата взамен сгоревшей уже стояла. Куплена в соседней деревне Соболи, разобрана, перевезена, собрана в Горске. Стоит из сеней, коморы, выстёбки (холодная комната для летнего отдыха), кухни, зала, спальни. В тридцати метрах от дома встал сарай. Между ними посажен сад.

За сараем прилеплено к стене временное, но регулярно посещаемое всеми членами семьи сооружение в форме большого скворечника. Настал черед его реконструкции на более цивилизованный лад.

Стройматериал был заготовлен, объект не представлял сложности, однако мы провозились дня три. Отец мерял, думал, отрезал, прибывал, вновь думал, прикладывал детали к моей коленке, к своей, говорил «я рихтик» (точно по размеру), стругал, вколачивал гвозди. Сооружение получилось громоздким, для водворения его на место, где была выкопана ямка, отец позвал соседа Илью. Тот посоветовал выкопать яму поглубже. «Я сделал не так, как в Горске, - пояснил отец. - Смотри, сзади дверца. Открываешь, забираешь котел с добром, делаешь компосты. Как у немцев».

Скворечник поставили. Закрепили. Открыли переднюю дверь, заглянули внутрь. «Ступенька высокая, Микола, - сказал Илья. - Неудобно залезать». - «А залезать не надо. На ней надо сидеть. Толик, покажи, как». Я был в курсе нововведения, примостился на очко. «Как у немцев! - довольно сказал отец. - Чисто! Сиденье поструганное, гладкое, чтоб занозу в задницу не загнать». - «Ну, Микола, не зря ты в Германии был!» - восхитился Илья. Они пошли в дом замачивать стройку рюмкой-другой, я помчался к другу Ваське.

С немецким туалетом случались проблемы, когда гостили родственники. Норовили по отечественной привычке влезть на сиденье с обувью, чтобы принять варварскую позу «на корточках». Маме приходилось отмывать доску

горячей водой с хо-зйственным мылом. Объяснять культур-ную позу родители стеснялись. Один род-ственник был высокий. Забрался на сту-пеньку, ударился головой о крышу. Вот ему объяснили, почему заработал шишку. Нахотались!

В середине шестидесятых студент впервые оказался в местах под Минском и обнаружил кардинальное отличие от родных пенатов. В пристольных деревнях отсутствовали туалеты. Туалет, безусловно, здесь функционировал, но не в виде привычного для меня сооружения, а в виде открытого пространства за сараем. В советской зоне Беларуси, не испытывавшей польского давления, ходили «до ветру».

Чем просторнее за сараем, тем роскошнее туалетная зона.

Немало деревень восточной и северо-восточной части Беларуси прожили без туалетов как специальных объектов до конца двадцатого века. Многие уже вымерли, исчезли, цивилизация в них прекратилась на стадии «до ветру», так и не достигнув культуры.

Каков туалет, таков и дом. В шестиде-сятих меня шокировала планировка хат в центре Беларуси. Большинство не имели никакой планировки. Единственная комната, в углу печь, у окна стол, вдоль стен железные кровати, в сенях куры, через стену корова, рядом сви-нья. Хата и сарай под од-ной крышей, общие грязь и вонь.

Вспомнилось, как поссорились отец и мать, планируя нашу усадьбу. Отец хотел поставить сарай метров за сто от дома, «чтобы не воняло». Мать воспротивилась: «Мне тяжело далеко ходить к корове!» - «У немцев сараи стояли еще дальше». - «Так у немцев в сарае были работники!» Подвожу читателя к новейшим гео-графическим открытиям. Чем ближе к Западу, тем приличнее туалет. Если же продвинуться по шарикю на запад так далеко, что уже начи-нается восток, например, Япония, то можно убе-диться, что туалет - точка мирозерца-ния. Японцы воспринимают туалет как святое место. Очищаясь на «радостном стуле» от яда и зла, человек совершает медитацию. «На ветру» да на морозе не до психологи-ческого расслабления, потому зло не выходит вон. Из ширилки выглядывает телеголова с выпуклой мокрой губой (вспомните известную карикатуру художника Валерия Руденко), резонирует о «гуманитарной интервенции» запада.

Из рассказа мамы: «Нас взял помещик: меня, еще четверо девчат, украинок, и всех Позняков (Горская семья из четырех чело-век, вывезенная в Германию - А.К.). Был богатый, ферма большая, мыловаренный завод, поле большое. Был пруд, рыба там, купальня для них. А нам мыться там не разрешали. Был еще один пруд, уже усыхал, с берегов грязь, по-середине лужа. Купайтесь тут. Ну, постойте, мы вас тоже выкупаем! У немцев ничего не пропадало, даже говно. Туалет деревянный, сзади дверца. Как у нас. Подставляли котел с двумя ручками - и туда. А как заполнялся, несли в яму. Пересыпали это листьями, со-

ломой.

Получались удобрения. Котел мы но-сили по очереди. Я не могла поднять. Украинки - дюже, а я худоба маленькая. Ста-рый Позняк видел, что не могу.

Как моя очередь, так он: «Ты, Манька, не бери, я с Юзиком вынесу».

Украинки - смелые девчата. Ночью взяли котел, вывернули в панский пруд. Смея-лись всю ночь, аж помирали. Потом стало страшно: а как всплывет? Чуть развиднело, побежали на пруд проверить. Не всплыло. Потом мы по-мирали от смеха, как пани ку-палась... С поля приходили чуть живые. Над нами все время стоял немец. Старый, как гриб. Арбайт, русиш швайн! И кормили абы чем. Мы решили: зав-тра не пойдем на работу. Утро. А мы не идем. Старый гриб кричит. А мы стоим. Он побежал к пани, пана не было дома. Пани вызвала по телефону полициянтов.

Приехали три полициянта. И так нас били!.. Били-били. Юзик как прыгнет на одного, вце-пился в горло. Они трое на него. На нем не осталось живого места - так били. Когда Юзика увозили, он нам сказал: «Из-за вас, суки...» Больше мы его не видели, пропал в концла-гере».

После бунта группу остарбайтеров расфор-мировали. Мама попала служанкой в большой дом. Убирала, готовила, стирала, смотрела за детьми. У нее была отдельная комната. Когда семья садилась есть, хозяйка обязательно говорила: «Мари, зетцен!» Ела вместе с ними за одним столом.

Питались немцы в войну экономно. Как мы в Горске после войны. Мама научила меня намазывать масло по-немецки, чтобы лишь закрыть дырочки. Голый брот, бутер почти нет. На великдень, когда на чердаке созрел просоленный кумляк, мама показывала как делать немецкий деликатес.

Берешь брот, мазнешь бутер, наверх по-ложишь пластинку кумляка, вкуснее не бывает. В Горске соленный кумляк ели с соленным огурцом, в нашей хате - по-немецки.

Хозяева относились к служанке по-человечески, давали деньги на карманные рас-ходы, разрешали ездить на выходной в город (его название со слов мамы я не за-писал, о чем сожалею). В городе мама встречалась с подругами-украинками, покупали булочки и газводу, садились на скамеечку, вспоминали родину. В ателье сфотографировались на па-мять. В городе их никто не оскорблял. Патруль проверит аусвайс, буркнет гут, отпустит.

Сын хозяина воевал на восточном фронте. Был офицер-интендант. О его письмах домой фрау Эльза с радостью сообщала служанке. Обещала: когда кончится война, поедешь, Мари, в отпуск, посмотришь мутер, вер-нешься в Германию, выйдешь замуж. Фрау не сомневалась в победе рейха, в мессиянстве Гитлера.

Когда на сына пришла похоронка, пани плакала не высыхая. «И я с ней плакала, - вспоминала мама. - Гляжу на двоих немецких

сироток, думаю: как вы теперь без папки?» Мама не знала, что ее младших братьев, Митьки и Васьки, нет на свете: один подорвался на mine, заложенной на дороге партизанами, второй с друзьями раскручивал найденный в лесу снаряд... При воспоминании о «немецких сиротках» мама всплакивала: «Где они сейчас? Вот бы поехать, посмотреть. Они ж меня помнят».

Немецким сиротам войны сейчас за шестьдесят. Мне было бы приятно, если бы они помнили русише киндерфрэйлен, кото-рая научилась сносно объясняться по-немецки, добросовестно ухаживала за ними, оплакивала их сиротство, а по ночам, когда никто не видит, - оплакивала свое.

Из Горска приходили редкие письма и посылки. Отправить их разрешалось из «Восточной Пруссии», границу которой оккупационные власти начертили в сорока километрах от Горска. Моя бабушка Анна Игнатьевна пешком добиралась на рейхс-почту в Пружаны, о гибели сыновей дочери не сообщила. Чаще слал письма Коля из Кенигсберга, но они вызывали слезы отчаяния. Ведь ничего впереди!

В Кенигсберге отца определили на завод. Вместе работали военнопленные и оstarбайтеры. Жили в одном бараке. Немцы относились по-фашистски. Отец рассказывал, как проверялась пригодность к работе. Перед входом на завод был вырыт ров с водой. Через него - узкая кладочка. Стоит немец с плетью. Шнелер, шнелер, шнелер на кладочку! Кто слаб, тот не пробежит, упадет в ров. Значит, толку с него нет. Тех, кто упал в ров, отправляли в печь.

Отец с другом совершили побег. По плану. Не просто убежать куда глаза глядят (все равно попадешься), а проникнуть на биржу, где распределяли оstarбайтеров, прикинуться вновь прибывшими, авось повезет, возьмет бауэр. Он попал в помещицье хозяйство под Кенигсбергом. Работал на поле. Имел свободный аусвайс. Ездил на выходные в Кенигсберг. Сфотографировался. Послал себя Мане (адреса друг друга они узнали через Горск).

На обороте папиной карточки карандашом написано: «Кого люблю сердечно, тому дарю навечно. На память о пребывании в Германии». На обороте маминой карточки карандашная надпись стерлась. Я уверен, там написано то же самое. Обе фотографии одного формата, немецкий стандарт военных сороковых. Папу, наверно, перед вылетом «птички» фотограф заставил улыбнуться, маму - не смог, грустная навеки.

Из рассказа мамы: «В мае приехала до-мой. Плачу от радости, что дома, плачу по Васке и Митьке. Потом приехал Коля. Решили мы пожениться. Я со страхом думаю: Боже мой, как тут жить? Хатка низенькая, печь грязная, простыней нет...» Из рассказа отца: «Мне ехать было некуда, с мачехой не жил и до войны, пас у людей коров, у людей жил. Ехал из Германии, думал: женюсь, возьму землю, до войны давали, кто хотел. Сделаю севооборот,

как у немцев. За три года научился, с землей управляться они умеют». Землю отец взял, но не преуспел. Поле досталось ему на высоком месте у болота, требовало много навоза, а собственного скота в хозяйстве не имелось.

Обзавестись им отец не успел, в деревне образовался колхоз, забрал землю. Отец выучился на тракториста. Работал в МТС. Жили мы в хаткесарайке маминых родственников, она возьми да и сгори до тла глубокой ночью, отец еле успел повыталанковать в окно сынов, жену, кое-какой скарб. Не знаю, где бедный погорелец взял денег на новую хату. Детей в финансы не посвящали. Знаю одно: новую усадьбу отец закладывал, подчиняясь приобретенной в Германии культуре. В этом ему активно помогала мама.

Мои дорогие оstarбайтеры привезли домой не обиду и злобу, не злорадство победы, а культуру, взятую у немцев и впитанную в личный опыт. Отец и мать вернулись из Европы не варварами.

Сталинские варвары поджидали их на родине, в районном НКВД. Отца и мать вызвали на допрос. И не раз. Почему оказались в Германии? Чем занимались? С кем вступили в контакт? Какие получили инструкции?.. Им повезло, сталинисты отцепились. А многие из 380 тысяч белорусских оstarбайтеров безвинно очутились в ГУЛАГе.

Компенсацию за родителей я все-таки получил. Но не деньгами. В романтические дни Перестройки было организовано коллективное обсуждение (осуждение) земляками моей статьи о местных начальниках-проходимцах. Из выступления коммуниста О.: «Козлович пишет клеветнические статьи потому, что его научили родители. Они уехали в Германию, делали немецкие бом-бы, которыми фашисты бомбили наши села и города».

В русле Великой Отечественной отреагировал на одну из моих публикаций периода поздней Перестройки секретарь Минского обкома партии Б. собирая на меня компромат, он особо интересовался, чем занимались мои родители в войну.

Однажды «ЛГ» поручила мне взять интервью у Первого секретаря ЦК КПБ. Канитель! Письмо-просьба за подписью главного редактора. Вопросы в письменном виде. Один вариант, второй, третий. Сито помощников. Капризы интервьюируемого. Перенос сроков. Наконец - личная встреча. Слышу в свой адрес шутку-вопросик: «Западники все такие упрямые, как ты? От родителей унаследовал?» Партийный барин дал понять, что знает мою подноготную, родословную и так далее, по пунктам «объективки», затребованной у спецслужб, которые в 1945-м заставляли моих родителей признаться, что они привезли из Германии «инструкции». Где положено, там доселе пилятся протоколы допросов.

В шестидесятых мама ездила в Украину к подруге по германскому плену. С Позняками, которые поселились в Польше, переписывалась. Они спасали маму импортными

лекарствами. Вспоминала о дру-гой подруге, вышедшей в Германии замуж за бельгийца и счастливо жившей в Бельгии. Мечтала увидеть «немецких сироток», чтобы посмотреть, какими они стали.

Немцы помнят Марию и Николая. Не могут забыть «контакт». Думают, что Мария и Николай вечные. Шлют им мыло, туалетную бумагу, поношенную одежду, консервы, крупу, лекарства. Приглашают к себе в Германию «детей Чернобыля». «Гуманитарная интервенция» продолжается. Следовательно, Беларуси надобно крепить обороноспособность, воскрешать призрак древней Победы, не принимать покаяние немцев, не впускать белорусов в Европу, в будущее.

В Германии я побывал в 2005 году, ко-гда пик немецкой гуманитарной помощи уже был пройден. Этому способствовали две причины. Первая: наш президент ввел таможенные барьеры для гуманитарных грузов и запретил вывозить «чернобыльских детей» на оздоровление за границу. Вторая причина – в немцах. Это серьезнее и глубже, чем капризы белорусского батьки.

В немецком городе Эссен я встретился с крупнейшей в Германии региональной медиа-группы Он на девять лет моложе меня, его можно отнести ко поколению. Коллега Кнюпфер был искренним и рассказывал: главным редактором «Вац» Уве Кнюпфером. второму послевоенному взволнованным, когда «Мое поколение утратило способность смотреть за пределы Германии. В этом – глупость и тупость на-шего поколения. Послевоенное поколение западных немцев ориентировали исключительно на внутренние проблемы Германии. Проблем было много, надо было восстановить страну после войны. Германию отстроили. Но наше поколение не может отличить Беларусь от Украины. Когда я узнал, что ко мне приедут белорусские журналисты, я побежал к карте: где же эта Беларусь? Недостаток немецкого образования мы сейчас пытаемся исправить. Здесь нас встречают огромные трудности. Молодежь не желает читать серьезных газет. Ей хватает телевизора и Интернета. У взрослого населения упал интерес к глобальным новостям. Читают только то, что связано с их местностью. То, что дальше, мало кого интересует. В Эссене мы вынуждены выпускать четыре варианта газеты – для каждого района города. Заставить немца читать газету можно только одним способом – дать ему местную информацию, привязать его к району, где он обитает».

Если учесть, что информация есть современная форма пропаганды, то можно прогнозировать дальнейшее падение интереса немцев к проблемам, лежащим за пределами их жизненного круга. По дорожке, проложенной массмедийными спецами к местной исключительности, обязательно прошмыгнут политики. Локализация информации и политический агитации еще дальше оторвет немцев от мира. Примитивное немецкое телевидение, где бес-

конечно идут развлекательные шоу с бездумным «гы-гы-гы!» и самодовольным «ха-хаха», навязывает зрителю образ родной страны как сытого беспечного закрытого мира.

Не встает ли вновь перед немцами опасность печально известного немецкого эгоизма как психологической основы превосходства над другими народами? К чему приводит немецкий эгоцентризм, планета убедилась в двух мировых войнах, развя-занных немцами.

В стратегии немецкого медиа-рынка локализовать интересы общества, «взять» читателя местными проблемами кроется эгоистический расчет. Главное – продать газету, иметь прибыль. Что должно быть в прибыльной газете? Рекомендации обывателям, как бороться с кротами, изрытыми газоны и речные поймы (видел нашествие кротов собственными глазами в Эссене и Гладбеке). Что еще волнует локализованно-го немца, проживающего, допустим, в за-падной части страны?

Снижение семейного дохода как следствие объединения Германии, раздражение «ленивыми» восточными немцами, выбросы из соседней заводской трубы, мусор на вокзале, курение в электричке, коррупционный скандалчик в мэрии... Ограниченный, замкнутый местными интересами, он, типичный немецкий читатель, долго спрашивает меня, где находится мой Минск, удивляется, что белорус это не одно и то же, что русский. Почему же этот немец такой необразованный, равнодушный, тупой? Потому что читает газету, один из редакторов которой, выступая перед белорусскими журналистами, так и не понял, что мы из Минска, а не из Москвы. Этот просвещенный немец управляет информацией (пропагандой) в издательстве Акселя Шпрингера, производящем крупнейшие газеты Германии «Вельт» (мир) и «Бильд» (картина).

Противостоят ли немцы собственному эгоизму, вечно сидящему в них? К счастью, да. Политик, усомнившийся в необходимости объединения Германии и Европы, будет подвергнут общественной обструкции и подаст в отставку. Журналистское сообщество выработало своеобразный нравственный кодекс, гласящий: каждый журналист должен выступать за мирное объединение Европы, за свободную социально ориентированную экономику, за примирение с евреями и другими народами, обиженными Гитлером, за милосердие как противовес насилию и экстремизму.

Побывав в Германии, я понял, почему немцы за девятнадцать лет, прошедших после чернобыльской катастрофы, пригласили к себе и подлечили 11.000 наших детей, а в Беларусь направили гуманитарной помощи на сумму 360 миллионов евро. Невиданным милосердием они помогают не только нам, но и ... себе. Душа немецкая требует от расчетливого немца слез умиления самим собой.

Пожелаем им безостановочного процветания. Воссоединение Германии обернулось экономическим кризисом, безработицей, бедностью, сумятицей в головах, протест-

ными настроениями. Возникшие трудности ловко используют неонацистские группировки. Идеология нацизма германским обществом побеждена, однако не вырвана с корнем из национального менталитета.

Пусть они будут вечно богаты! Бедные немцы – опасные немцы.

2000 – 2005

Источник: kamunikat.org <http://michalki.by/index.php/stati/41-nemtsy>

Герберт Кемоклидзе

НЕМЕЦ

Вагон цепляли то к одному составу, то к другому, то совсем отцепляли и сутками держали в тупиках. Никто не знал, когда поезд пойдет и сколько будет стоять, паровоз гудел, эшелон трогался, и отец несколько раз бежал вдогонку, мать вскрикивала и закрывала лицо руками, когда он повисал на железной скобе закопченного, изрисованного пульмана. Однажды отец чуть было не отстал: эшелон двинулся без гудка, и свалилась на землю деревянная приставная лесенка. Отец спрыгнул и побежал назад, потом еле догнал вагон и забросил в него лесенку, но сам не успел схватиться за скобу. На этот раз их пульман был последним, и нельзя было запрыгнуть в другой, чтобы перебраться к себе на стоянке, и мать, выгнувшись из двери, кричала: «Николай! Господи! Как же теперь, Николай!», и Витька тоже высовывался и кричал: «Папка-а!» Поезд вдруг резко затормозил, залязгал буферами, мать удержалась на ногах, а Витька грохнулся на пол и, потирая лоб, улыбался, глядя, как забирается в вагон взмыленный отец. «Повезло, повезло», - повторял отец, а потом ходил в голову эшелона смотреть, отчего случилась остановка, и, вернувшись, рассказывал, что отрезало ноги человеку. Витька представил человека, лежащего на рельсах с отхваченными выше колен ногами, и ближе придвинулся к теплившейся посередине вагона колесной времянке.

Повсюду были следы недавней войны - калеки, нищие, изувеченные вагоны под косягами, разбомбленные, изуродованные вокзалы. Когда цепляли к эшелонам с демобилизованными, то ехали весело - в каждом вагоне наяривала гармошка и топо-тали сапоги под лихие ядреные частушки про Гитлера. На стоянках Витька два раза ходил с отцом поглазеть, как плясали возле теплушек звенящие медалями солдаты, а мать со своей негнущейся ногой оставалась и нервничала, ожидая, потому что случилось всякое, когда бродила в людях водка - бывали и ножевые драки.

Витька замечал, что веселье возле теплушек было не всеобщее, одни солдаты веселились, а другие смотрели на них, сидя или стоя с сосредоточенными лицами. Такие были добрее, чем певцы и плясуны, они гладили Витьку по голове, спрашивали, как его зовут, угощали, а один даже подарил невиданный фрукт - мандарин.

Сидел поодаль сумрачный, чистил мандарин финочкой - тщательно снимал белые во-

локонца, а Витька неотрывно смотрел на эту невидаль, и поскольку в вагоне с ним была только одна книжка, потрепанная география, представлял мандарин маленьким, как шарик на резинке, земным глобусом с меридианами, и будто солдат очищал эту крохотную землю от налипшего на нее мусора. Очистив мандарин, солдат увидел Витьку и протянул ему фрукт. «На, бери, - сказал он, - а на ножичек не поглядывай, брат, не дам - память». Витьке не до ножа было, он схватил мандарин, даже спасибо забыл сказать, и потом долго помнил дольки необыкновенного вкуса, тающие на языке.

В Ригу приехали ранним морозным утром и еще целый день жили в вагоне, по-ка отец ходил в город искать своего начальника, прибывшего раньше. Воротился отец под вечер, сказал, что с квартирой в порядке и, помявшись, добавил:

- Только это... немец пока что с нами будет жить. - Витька вылупил глаза, а мать удивленно спросила:

- Мелешь-то хоть что? Какой там еще немец?

- Самый обыкновенный немец, - сердито сказал отец. - Старый, с руками и ногами.

- Не буду я жить с немцем! - крикнул Витька. - С фашистом жить - вот еще!

- Обожди пищать-то! - остановила Витьку мать. - Ты, Николай, толком, что ль, объяснить не можешь? Немец этот нам по кой? Неужто так делатца?

- Делатца, делатца! Деревня матушка! - передразнил отец. Он всю жизнь жил хоть и в маленьком, но городке, а ее взял из деревни и постоянно об этом напоминал.

- Хорошо и такая квартира досталась - разобрано все уж. Я ведь не начальник какой. А немец не навсегда же! Временный жилец.

- Да откуда он взялся, временный-то?

- Чего взялся? Там он и жил. Сын с семьей драпанул от наших, а деда кинул. Может, места не хватало, может, квартиру оставил сторожить. Хотя вещи почти все забрали. Кто их, гадюк, разберет. Соседи кто чего говорят, а сам он по-русски ни бэ ни мэ. Даже мычит и то как-то по-своему.

- Я его отравлю, вот увидите, - пообещал Витька.

- Ладно тебе! - досадливо сказал отец и повернулся к матери. А ты, Клавдия, чем про немца беспокоиться, вещи лучше начинать складывать. Завтра утром машина придет. А

немец не засидится. Домоуправша сказала, что его не сегодня завтра в бога-дельню заберут, порядок как только наладится.

Ночью Витька спал плохо, ворочался под латаным одеялом возле остывающей печурки и представлял, как расправляется с немцем - входит в новую квартиру с раздобытым где-нибудь автоматом и говорит суровым голосом: «За все, что натворил ты, фашист, на нашей земле, за Петьку и Алешку, братьев моих - вот тебе!» И нажи-мал на спусковой крючок.

Машина пришла рано утром, отец погрузил часть вещей, остальное шофер обещал взять вторым рейсом, но к полудню отец пришел пешком, ругал шофера, что тот договорился сразу сдесятерыми. Потом целый день он возил оставшиеся вещи час-тями на трамвае, а Витька с матерью ждали па станции, у вагона. С последними вещами поехали все вместе. Витька впервые ехал в трамвае - красном, дребезжащем, полуоткрытом вагончике с кондуктором, покрякивающим па двух языках. Улицы города были ровно устланы шлифованными продолговатыми камнями, дома все какие-то островерхие, на их крутых крышах не удержишься, многие церкви без куполов, похуже издадека на очиненные карандаши.

Северный городок, откуда они приехали, был мал, но богат церквями, однако такой странной церкви в нем не было ни одной. От трамвайной остановки шли пешком целый квартал по улице с непонятными вывесками на домах, и мать, выбрасывая вперед негнущуюся ногу и нагоняя ее здоровой, ругала отца, что он несется как угорелый. Витька тоже еле поспевал за от-цом, нес коробку с патефонными пластинками и, хотя с интересом смотрел по сторонам, все время держал в памяти, что вот сейчас увидит живого немца, фашиста, ко-торый будет - позор-то какой! - жить с ними в одной квартире.

Дом, к которому они шли, оказался старым, трехэтажным, с облупленной штукатуркой, тяжелой, гулко хлопающей дверью и длинным неосвещенным коридором.

- Этаж-то какой? - спросила мать.

- Третий, - виновато сказал отец. - Но ты, Клавдия, не огорчайся. А если бы пя-тый или шестой достался, тогда как бы?

Мать не ответила и стала тяжело подниматься по лестнице.

Отец отпер дверь, они вошли в большой коридор. Комната была открыта, и Витька увидел немца. Немец поднялся со стула, шаркающей походкой двинулся навстречу. Он был совсем старый, со спутанными седыми волосами и поросшими седой щетиной впалыми щеками, с морщинистым лбом и слезящимися серыми глазами. На нем был помятый, в пятнах, темный пиджак, светлые, тоже все в пятнах, брюки и войлочные туфли. Как-то странно хихикнув, он протянул к Витькиной голове большую руку со скрюченными пальцами. Витька шархнулся в сторону. Старик жалобно посмотрел на него и что-то сказал.

- Не понимаем мы по вашенски, - про-

ворчал отец. - Так что, вишь ли, не собеседники мы тебе.

Старик покивал, что-то еще проговорил и вошел обратно в комнату.

- Еще придушит ночью, - опасливо сказала мать. - От них всего дождешься.

- Ну уж так и придушит, - сердито сказал отец. - У него и силы-то никакой в руках нет.

- Пристукнуть чем-нибудь силы хватит, - заметил Витька.

- Ну ты вот что, - сказал отец, - давай маршируй на улицу, с пацанами познакомься, поосмотрись, нечего тебе тут делать - мы уборку начнем, а к ужину клик-нем. От тебя все равно пользы с гулькин нос - один беспорядок.

Во дворе сидел на сложенных столбиком кирпичах белобрысый мальчишка и поплевывал из бузиновой трубочки в мишень, нарисованную мелом на сарае. Он уже наловчился, и почти все ягоды точно попадали в цель. Возле кирпичей лежало много других трубочек разной длины, мальчишка брал то одну, то другую, со-блюдая ему одному понятную последовательность.

- Ты чего из разных? - спросил Витька.

- Чемпионскую выбираю, - объяснил мальчишка.

- Это зачем?

- Чтобы оставить себе. Остальные выброшу.

- Выбрасывать-то чего? Отдай мне.

- Бери - не жалко. Я знаю, где еще растет...

- Ты местный или приехал?

- Приехал, из Сибири. Отец у меня был местным. Мы - латыши.

- А у нас в квартире немец живет, - сказал Витька.

- Нашел, чем хвастаться, - усмехнулся мальчишка.

- Кто хвастается? Я думаю, что его надо отравить, - сказал Витька. - Они наших сколько поубивали. У меня двоих братьев на фронте убили.

- Это просто, - сказал мальчишка. - Подсыпать в суптой штуки, которой крыс и тараканов травят, ему и капут.

- Поможешь достать?

- Можно, ему много не надо. Старик. Я его видел.

- Наверное, он шпион, - предположил Витька. - Так просто бы не оставили. У меня батька машинист, вот немец и будет шпионить - куда повез груз и зачем.

Мальчишку это предположение заинтересовало, он даже трубку в сторону отложил.

- Вот гад, а! - сказал он. - Наверное, и по-русски понимает, а притворяется, что нет. Ты нарочно в его присутствии начни Гитлера ругать, а сам посматривай, по-бледнеет или нет...

- Ага. Но отравить его надо. Тебя как зовут?

- Валдис.

- А меня Витькой.

- Пойдем, я тебе покажу, где бузина растет. Там еще много интересного есть - свалка рядом.

Когда Витька вернулся домой, мать накрывала на стол, а немец сидел тут же в комнате на своем стуле и был одет в отцовскую полосатую рубашку и в отцовскую меховую безрукавку. Лицо у немца было красноватым, а волосы - мокрыми и прилизанными.

- Ты чего это его вырядила? - спросил Витька.

- Выкупала я его, - сказала мать. - С керосином. Блох-то на нем и вшей было, матерь пресвятая, прямо кишмя кишели!

- Ну и пусть сожрали бы.

- Так и на нас ведь перебежать могут. Да и человек все же, не зверь.

- Немец он, а не человек, - сказал Витька и, внимательно посмотрев на немца, добавил: - А Гитлер его - сволочь! Немец в лице не изменился.

- Не задирай его, - сказала мать. - Он спокойный.

- Еще бы не спокойный, - сказал Витька. - Я бы ему показал. Отец пришел с бутылкой водки.

- Новоселье не новоселье, - сказал он, - а стены обмыть надо.

На столе дымилась картошка в мундире, в блюде лежала ржавая, купленная в дороге селедка, черный хлеб был нарезан тонкими ломтиками. От предвкушения выпивки отец повеселел.

- Ну что, - сказал он немцу, - садись, что ли. Может, ты того и не стоишь, кто тебя знает, но у нас не водится так, чтобы хозяева ели, а кто-то в сторонке сидел. Да-вай, давай, не стесняйся. Имя вот у тебя неудачное, как нарочно дали, и произносить не хочется - Фриц. - Он повернулся к Витьке. - Слышь, его па самом деле Фрицем зовут. А насчет отчества спрашивал, так ничего и не понял.

- Не буду я с ним за столом сидеть, - заявил Витька.

- Ладно, - сказал отец, - пусть по-смотрит, что мы не звери, как они. Может, напишет кому из родни.

Немец виновато улыбаясь, подсел к столу, потянулся к кастрюле, взял карто-шину и, дую на нее, стал торопливо чистить.

- Что он хоть тут ел? - спросила мать.

- Черт его знает, - сказал отец. - Может, соседи что приносили. Ему много не надо.

Витька вспомнил, что те же слова сказал Валдис, и представил, как немец съедает яд, лицо его делается испуганным, и он начинает сползать со стула на пол. Витьке стало страшно и почему-то жалко немца. Старый, чистый, в отцовской безрукавке, немец казался безопасным и вообще не по-ходил на тех фашистов, которых показывали в кино.

Отец поставил на стол два стакана, похлопал по бутылке, потыкал ногтем по стеклу и спросил у немца:

- Шнапс? Хотель шнапс? Пиль? Хо-тель?

Ему казалось, исковерканные слова немец поймет лучше. Тот покрутил головой и сказал несколько слов, из которых все поняли только одно - «найн».

- Не хочет, - перевел отец. - Видно, крепка ему. Под конец отец захмелел, завел патефон, принялся ставить пластинки Бер-неса и Утесова и, хлопая немца по плечу, говорил:

- Слушай, Фриц, слушай, какие у нас песни! Куда вам до таких! Мы вели маши-ны, объезжая мины, по путям-дорожкам фронтовым! Это про моих парней, Фриц!

Убили их твои сукины дети! Но всех нас не убьешь, понял?

Немец растерянно улыбался, согласно кивал, щурил слезящиеся глаза и тянулся к кастрюле с картошкой.

Утром Фриц удивил Витьку. Пока Витька спал, немец успел сделать из бузи-новых трубок несколько свистулек и вертушку. Вертушка получилась интересная, наподобие мельницы. Когда дуешь в труб-ку, воздух струей выходит из отверстия по-середине и вращает крестовинку из такой же трубочки, только поменьше. Улыбаясь Витьке, немец ткнул пальцем в лежащие на столе игрушки.

- Это мне, что ли? Не нуждаюсь, - сказал Витька. Немец дунул в вертушку и радостно засмеялся. Потом подул в свистульку и снова придвинул игрушки к Витьке.

- Ну ладно, пристал как банный лист, - со-брав игрушки, Витька показал их матери.

- Глянь ты! - поразилась она. - У нас точно такие дед в деревне делал из дягиля. Как будто научили друг дружку!

Валдис ждал Витьку за сараями. Он стал дуть то в свистульку, то в трубку. По-том вставил в рот сразу все вместе, и полу-чился разноголосый свист.

- Батя сделал или сам? - спросил он у Витьки.

- Немец. Я не хотел брать, но пристал так, что не отвяжешься...

- Так я принес, как договорились, - вспомнил Валдис.

Он достал из кармана аптечную бу-тылочку с сероватым порошком. Витька взял пузырек, деловито потряс его и поста-вил на кирпичи.

Рядом с пузырьком лежала вертушка и свистульки.

- А он еще что-нибудь умеет делать? - спросил Валдис.

- Наверное, раз это умеет.

- Я вот думаю, - сказал Валдис. - Мо-жет, его оставили тут не потому, что он шпион? А потому, что не такой немец, как другие, а?

- Может, и так, - согласился Витька. - Раз-ве его поймешь?

- Тогда пока не будем подсыпать, - пред-ложил Валдис. - Ты за ним пока просто следи. Только незаметно.

- А с этим как? - Витька показал на пу-зырек.

- Это можно выкинуть. У нас дома много. Отец купил. Знаешь, сколько у нас тараканов? На счетчике даже цифр не вид-но. Маленькие

такие тараканы, желтые.

- Это не тараканы, а прусаки. Тараканы черные.

- Ну прусаки, все равно.

Витьке пришлось в голову вlepить пузырьком в стену, чтобы посмотреть, как будет разлетаться в стороны порошок, и Валдису эта мысль сразу понравилась.

Через несколько дней Витька пошел в школу. Дети в классе были самого разного возраста - некоторые пропустили за войну четыре года учебы. Уроков было много, и Витьке часто приходилось подолгу задерживаться в школе. То, что Витька не успевал по дому, делал за него немец. Он был по-прежнему улыбчивым, услужливым и молчаливым. Его приспособили стоять в очереди за солью, мылом или сахаром. Мать брала из кухни светлую, крашенную масляной краской табуретку, шла с дедом к магазину, спрашивала, кто последний, ставила табуретку на тротуар и возвращалась делать домашние дела. Немец по-маленьку продвигался вместе с табуреткой к прилавку, а потом подходила мать. Немец считал выстаивание очереди своей важной обязанностью, и если его долго не водили к магазину, показывал пальцем на табуретку, тыкал в сторону двери и спрашивал: «Дают, дают?»

Немец любил вытирать тряпкой стол, вырезал из диктового листа несколько кружков для кастрюль. Если же ему нечего было делать, он сидел просто так на теплой кухне, смотрел, как мать стирает, варит обед, ходит по щелястым скрипучим половицам, припадая на негнущуюся ногу. В северном городе к матери часто заходила какая-нибудь соседка, и за работой они успевали о многом поговорить. Здесь, на новом месте, она никого из соседей пока что близко не знала и поэтому разговаривала с немцем. Вернее, говорила одна она, а немец только сидел в уголке и повторял время от времени: «плохо», «хорошо», в зависимости от выражения ее лица, и этого ей было достаточно. Она рассказала немцу и о погибших в первый месяц войны своих сыновьях («с твоими воевали»). Вспоминая сыновей, она никогда не плакала, только бледнела, и глаза у нее начинали стекленеть. Рассказывала она немцу и о том, как упала, поскользнувшись, с полными ведрами возвращаясь с проруби, как неумеха-фельдшерица неправильно наложила шину («врач-то настоящий на фронте был, с твоими воевал»). Иногда она смущенно хвасталась ему, какой была сильной и красивой в молодости, и улыбалась, а немец говорил: «Хорошо, хорошо».

Примерно через месяц пришла домоуправша и принесла направление в дом для престарелых.

- Может, оставим его у нас? - спросил Витька. Мать с отцом пошептались, потом отец подошел к немцу, показал бумагу:

- Надо ехать, Оттович. Мы ведь тебе все же не родные.

Немец уже немного понимал по-русски и

смог объяснить, что его отец носил имя Отто. Чтобы не называть немца ненавистным именем Фриц, звали его теперь Отто-вич.

Немец посмотрел на бумажку и покивал головой. Понял он или нет, что за бумажка, было неясно, но никому не хотелось растолковывать.

На следующий день мать устроила не-обычно богатый по тем временам завтрак - с давно лежавшей в записке банкой свиной тушенки. Немец, как обычно, ел плохо, и другие, глядя на него, ели мало. Потом сели в автобус и поехали.

Дом для престарелых находился далеко за городом - в сосновом лесу. От остановки нужно было идти метров двести по булыжной дороге. Мать с отцом поддерживали немца под руки, а Витька шел немного по-зади.

- Ты не беспокойся, - сказал отец немцу, - мы тебя навещать будем. Часто не сможем, сам понимаешь, но забыть тоже не забудем. Хорошо?

- Хорошо, - тихо произнес немец. У открытых настежь ворот богадельни сидели двое в гимнастерках. У одного, стриженного под ноль, были высоко, на сколько это возможно, отрезаны ноги и на широкие круглые культы надеты самодельные, по-тертые кожаные чехлы. По сторонам от него лежали две деревянные колодки с дырками. Второй - высокий и худой - был без рук. Безногий доставал из голубого бумажного кулька сливы и поочередно клал одну в рот себе, вторую - товарищу, а тот выплевывал потом косточки в стоящую рядом гипсовую урну.

- Нового мы к вам привели, -- сказал отец. - К начальству-то как пройти?

Безрукий промолчал, жуя сливу, а безногий, с любопытством оглядев всех, сказал:

- Карантин у нас. Всем входить нельзя. Только тому, кого принимают. Главврач сам к воротам подходит.

- Так позвать его как? - спросил отец, глядя на кожаные чехлы безногого.

- Сейчас сходит, - кивнул тот на безрукого. - Он тоже дежурный, только повязку не на что надевать.

Он засмеялся, и от этого смеха у Витьки побежали по коже мурашки. Безрукий молча встал и пошел по дорожке. Теперь было видно, что он не так высок ростом, как казался рядом с другом.

- Стариков-то почти нет, - сказал безногий. - Перемерли, видно, в войну. Такие, как мы, тут в основном - новоиспеченные.

Он показал фукой сначала на свои чехлы, потом в сторону уходящего.

- Батька, что ли, сплавляешь? - и его лицо сразу стало злым.

- Не родня он мне, - спешно сказал отец. - Немец он.

Безногий вздрогнул и непонятливо посмотрел на отца.

- Правда, что ли?

Немец растерянно смотрел на безногого. Потом что-то тихо и невнятно сказал. Этого

оказалось достаточно. Лицо у безно-гого искривилось и задергалось, он оттолк-нулся колодками от скамейки, но вместо того, чтобы прыгнуть, скатился на землю и стал колотиться о нее затылком. На губах у него выступила розовая пена. Немец вце-пился Витьке в руку и тоже трясся всем те-лом, повторяя: «Майн гот, майн гот, майн гот...» Отец и мать громко закричали. Без-ногий, не переставая, бился головою о зем-лю. Немец вдруг опустил на колени и стал подставлять ему под стриженный заты-лок ладони. Прибежали какие-то люди.

Когда безногого унесли, мать и отец сели

на скамейку по обе стороны от немца.

- Ну что, Николай? - спросила мать. Отец с минуту помолчал, потом встал и сказал:

- Пошли, Оттович.

В автобусе немец часто мигал, а ко-гда пришли домой, заплакал.

Он прожил еще полгода и умер в мае сорок шестого, через неделю после празд-нования Дня Победы.

Похоронили его не на немецком клад-бище, а на русском, и отец заказал таблич-ку с фамилией и инициалами «Ланг Ф. О.» и надписью «Мир праху твоему».

Юлия Гольденберг

ХАНС ДИРК ХАЛЬБФЕЛЬ: «РУССКАЯ ГОРЧИЦА ПРОСТО ВЕЛИКОЛЕПНА»

Этот большой, улыбчивый немец с немного усталыми глазами приехал в Екатеринбург поучить местных шеф-поваров «секретам мастерства»

Их у него накопилось немало, поскольку приходилось кормить и знаменитых политиков, и звезд, работать в лучших ресторанах мира... Пару недель он радовал посетителей известного в Екатеринбурге немецкого ресторана своими салатами, бифштексами, шницелями, штруделями и котлетами (о них — отдельный разговор!). И все же мы пообщались: вспомнили его дедушку, обслуживавшего в Баден-Бадене российского государя Николая Второго, и то, как сам Ханс кормил Путина с Меркель... Начали, конечно, с немецкой кухни. Я напомнила маэстро, что вообще-то, увы, она считается одной из худших в мире...

— Я совершенно так не думаю, — возражает Ханс Дирк. — Много людей в мире ее обожают. Это тяжелая, калорийная еда, но людям она нравится.

— **Каковы основные компоненты не-**

мецкой кухни, можете их назвать?

— Основные компоненты, я бы сказал, масло и своеобразный «уипет крем». Несмотря на то, что он сладкий, мы кладем его в супы, соусы, почти везде. А еще немецкая кухня — это, конечно, мясо: свинина, говядина. Обязательно птица — курица, индейка. Мы обожаем сосиски. Они, как правило, идут вместе с картофелем или «шпецфе» — домашней пастой, вроде лапши. Хотя это не одно и то же! «Шпецфе» делается из муки, яиц, затем взбивается. Получается своеобразная густая масса, которую режут потом специальным ножом. Это очень сложно сделать дома, без специальной машины. В Штутгарте, Швебишлэнде, других местах, Баварии очень популярен этот продукт. Конечно, его можно купить и готовым, но немецкие женщины, особенно в Штутгарте, всегда делают это блюдо сами.

— **Пьют ли немцы вино? Мне на память приходит только «Мозельское»...**

— Вино не занимает такого уж значительного места в нашей кухне. Пожалуй, мы больше используем его в качестве ингредиента для изготовления соусов. Равно как и пиво. Еще мы любим уксус, причем наш, в отличие от русского, 70-процентного, 6-процентный, винный.

— **Немцы по-прежнему пьют много пива?**

— Пиво остается для нас главным напитком. Хотя в некоторых землях, где производят вино, естественно, его и пьют. Все больше производят и пьют минеральной воды. В целом сейчас в Германии тенденция к тому, что алкоголя пьют все меньше и меньше. Люди начинают заботиться о своем здоровье. Здесь, в России, по-прежнему очень много людей, пьющих в огромных количествах. Я считаю, что они просто больны алкоголизмом.

— **И все же есть в немецкой кухне «здоровые» блюда?**

— Как я уже говорил, наша кухня весьма калорийна, но у нас довольно много салатов, приготовляемых без майонеза, с каплей масла, очень полезных. И все же наши главные блюда, конечно, более вкусны, нежели здоровы. Мы любим горох и чечевицу, супы. Это называется айнтопф или айн. И конечно, немцам свойственны немецкие порции, которые, как вы догадываетесь, гораздо больше, чем любые другие.

— **Какова предыстория, как вы стали шефом?**

— Мой дедушка был официантом в лучшем отеле мира в Баден-Бадене. Каждый год на отдых в отель прибывал ваш царь, Николай II. Мой дедушка прислуживал непосредственно царю, да так хорошо, что царь попросил, чтобы дед стал его постоянным официантом. Надо сказать, что ваш царь был знаменит тем, что щедро раздавал подарки: золотые и серебряные часы с двигающимися фигурками и прочее. С музыкой, без музыки... И вот царь собирается уезжать, наградил всех, а моему деду даже «спасибо» не сказал. Дед был в шоке. Как вдруг директор отеля вызывает его к себе и велит подняться на 2-й этаж, мол, русский царь желает с тобой говорить. Дед, конечно, страшно разволновался, пошел туда. Царь его поблагодарил и вручил жилет с 12-ю пуговицами...

— **Золотыми?**

— Нет, бриллиантовыми! (Ханс Дирк разводит руки характерным жестом рыбака, описывающего улов. — Ю.Г.). Мой дедушка хранил подарок в шкафу, берег, не рассказывал никому. А в конце Второй мировой войны достал жилет, продал и купил себе... большой отель. В этом отеле я и родился. Так что ваш царь отчасти виноват в том, что я стал поваром. Ну, помимо моего дедушки, разумеется. «Готовить» я начал в 2 года. Живя в отеле, постоянно околачивался на кухне и наблюдал. Там было много поварих, которые обожали пухлощекоего хозяйского сына, давали сладости. Поначалу я делал лепешки из травы и песка... После школы долго учился в лучшем отеле города, затем поехал работать в отель Кемпински в Берлине. Потом были Лондон, Цюрих, Швеция, Стокгольм, Марокко, Египет, много стран...

— **Правда ли, что вы кормили Путина?**

— Наш канцлер миссис Меркель приезжала к Путину во время его визита в Томск. Меня вызвал томский губернатор, я учил готовить поваров, кормивших затем президентов. За свою жизнь я учил очень многих поваров в самых разных странах мира. Мадам Меркель тогда ела медведя, а также — нечто вроде гуляша. Что касается Путина, я встречал его дважды, он был весьма добр и вежлив. Я был удивлен его отличным немецким. Думаю, он не слишком привередлив в еде.

— **Вы провели в России много времени. С чем это связано?**

— Все очень просто. Я люблю русских людей, их характер, доброту, дружелюбие, гостеприимство. Я обожаю сюда приезжать, был здесь минимум 60 раз за последние 11 лет. Иногда приезжаю по 5—6 раз в году. В том же Челябинске, где я работал довольно долго, у меня есть настолько добрые и хорошие друзья, что они, поверьте, лучше иных немецких.

— **Какие русские блюда предпочитаете вы сам?**

— Холодец. Но он вкусен именно с русской горчицей — ни немецкая, ни шведская не идут с ней ни в какое сравнение. Она просто великолепна. Шведская горчица? Нет, шведская кухня — кухня сахара и укропа. Они кладут его повсюду.

— **Что вам особенно нравится готовить?**

— Свинину под различными соусами, и конечно, жарить стейк. Да и есть его я люблю.

— **Чему вы учили людей здесь, в Екатеринбурге? Как вы оцениваете их работу?**

— Я, скорее, оттачивал их мастерство — поправляя их на тех немецких блюдах, которые они уже умеют готовить. Здесь превосходные повара. Мне достаточно было показать один раз, и они легко повторяли. Мы обсуждали меню на моем очень слабеньком русском, без их немецкого, и превосходно друг друга понимали. Большинство русских ресторанов имеют недостаточное количество поваров. В результате они бегают посмотреть, как я работаю, затем возвращаются к своей готовке, в общем, им трудно концентрироваться на учебе. Здесь со мной плотно работали несколько человек. Организация была хорошая.

— **Готовите ли вы дома?**

— Самый обычный немецкий стандарт, ничего особенного. В Германии, кстати, часто мужчины готовят. Им нравится видеть счастливые лица своих женщин. Ну, может, после приготовления не очень любят мыть кухню... Мне лично приходится делать и это, жена велит.

— **Что из того, что вы готовите, предпочитает ваша жена?**

— Котлеты. Не котлетки! (мясо и хлеб, или один хлеб, как рассказывали мне старые советские повара: мол, жир и хлеб, мясо забираете домой). Если бы я жил в то время, я думаю, я делал бы точно так же. Это было тяжелое время! Что бы Россия делала без бабушек! Они полны любви, защищают семью. Если вдруг нет денег, бабушка всегда спасет и накормит... А котлеты вообще-то — это мясо, отбивная на косточке.

— **Немецким бабушкам свойственно такое самопожертвование?**

— Раньше — да, а сейчас большинство из них стали более самостоятельными и независимыми. Мол, мы работали всю жизнь,

извините, уезжаем на несколько месяцев в Турцию или Испанию! Некоторые отказываются сидеть с внуками. Но не все!

— **Можете дать пару рецептов для русских женщин? Например, ваш салат из селедки со свеклой...**

— Он называется «Бремен». Бремен — морской город, там много моряков и рыбы. Итак, берем свеклу, отвариваем ее, режем брусками, но не очень тонко, затем панируем эти брусочки в панировочных сухарях, обжариваем их на сковороде, как шницель, с маслом. Пока готовится свекла, режем кубиками белый лук и яблоки без кожуры и косточек. Берем майонез, тщательно перемешиваем его венчиком перед употреблением. Это обязательно, иначе там будут хлопья или пузырьки воздуха... Затем кладем в майонез сахар, соль, яблоки, свеклу и лук. Режем слайсами селедку, лучше бескожное и бескостное филе. Наконец все перемешиваем и оставляем в холодильнике минимум на 3 часа: салат должен хорошо пропитаться. Затем вновь перемешиваем и подаем на стол. Вместо свеклы можно использовать цуккини и даже баклажан.

— **Еще какое-нибудь несложное в приготовлении блюдо?**

— Каша? Ну, хорошо, домашний гороховый суп «а ля мама». Многие мамы готовят этот суп. Покупаем желтый или зеленый (лучше зеленый) сушеный горох. Кладем его в чуть соленую воду и оставляем на ночь. Можно делать это прямо в кастрюле. На следующий день начи-

наем варить. Добавляем лук кубиками, соль, белый молотый перец, сахар, и когда горох уже мягкий, берем блендер и делаем пюре. Затем режем лук-порей (белую его часть) на тонкие брусочки (слайсы). Не забудьте помыть лук перед употреблением. Дальше смотрим, готов ли суп. Если он получился слишком густой, можно добавить молока или сливок, или даже и то, и другое. Обязательно в конце положить немного майорана. В общем и целом варка должна занять около часа. У меня сейчас уже есть целая коллекция рецептов на русском языке. В смысле, и на русском тоже!

— **Ханс Дирк, вы производите впечатление очень уравновешенного и позитивного человека, скажите, готовить в хорошем настроении — просто желательно или необходимо?**

— Я думаю, это очень важно. Поверьте, без любви, удовольствия, радости вы не можете готовить. Да, у вас есть рецепты, но это не поможет. Это только «каркас».

— **Приходит в голову аналогия с артистами оперетты, которым каждый день, хочешь не хочешь, приходится быть в хорошем настроении — чтобы петь свои веселые арии...**

— Если они несчастливы, они поют плохо.

— **Это как с вами...**

— Я счастлив. Поэтому готовлю хорошо!

<http://uralsky-rabochi.ru/society/7159/>

Светлана Симакова

ПАТРИК ВИЛЛЬ, МЕНЕДЖЕР В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ФОНДА ИМ. РОБЕРТА БОША: «САМОЕ ВАЖНОЕ ДЛЯ МЕНЯ – ПОНЯТЬ, ЧЕГО ХОТЯТ ЧЕЛЯБИНЦЫ»

Патрик Вилль прибыл в Челябинск в качестве менеджера в сфере культуры не-мецкого фонда имени Роберта Боша в кон-це 2013 года. Сегодня он со счастливой улыбкой говорит о том, что нашел здесь добрых друзей и помощников, а его первые проекты были хорошо приняты зрителями.

Напомним, менеджеры фонда работают в учреждениях культуры разных регионов России, в их задачи входит организация совместных российско-немецких проектов, развитие культурных связей, проведение семинаров по менеджменту и маркетингу в сфере культуры. На Южном Урале партнером фонда им. Р. Боша является Челябинское концертное объединение. Мы говорили с Патриком о будущих концертах и фестивалях в Челябинске, а также о том, что жизнь любой страны можно почувствовать и понять только в провинции.

Любая реакция лучше равнодушия

– Патрик, несколько ваших про-ектов уже привлекли внимание зрителей в Че-лябинске, Магнитогорске – кино-марафон современных немецких режис-серов, ли-тературный вечер в поддержку молодых актеров и драматургов. Что еще?

– Да, были кинопоказы немецких фильмов в Магнитогорске и Челябинске, для которых я решил выбрать два фильма одного из самых заметных режиссеров се-годняшней Германии Кристиана Петцоль-да. Эти режиссерские рабо-ты отображают важнейшие аспекты нашей се-годняшней жизни, даже независимо от страны. Кроме того, это очень красивые зрительно и хо-рошо сделанные фильмы для тех, кто лю-бит и посмотреть кино, и задуматься над смыс-лом увиденного. Удачным был теат-ральный проект с Новым художественным театром и Союзом театральных деятелей – актеры читали известные всем сказки Братьев Гримм. Но до этого было еще не-сколько маленьких прое-ктов – я принял участие в большом проекте под названием «Диалоги об искусстве», который состоялся в ЮУрГИИ. С тех пор у меня нала-дились хорошие творческие отношения с этим институтом и специалистами, отвечающими за международные проекты. А в педагоги-ческом университете я встречался со сту-дентами, которые изучают немецкий язык.

– Как вас приняли в Магнитогорске?

– Замечательно. Знакомство с горо-дами, которые не являются столицами или мега-полисами России, для иностранца – самое лучшее. Именно такие города позво-ляют луч-

ше узнать и понять страну, людей. И магни-тогорцы проявили очень большой интерес к немецкой культуре и ко мне. Два дня мы смо-трели немецкие фильмы, на по-каз пришли в основном студенты, потом состоялось очень заинтересованное обсу-ждение увиденного. А затем ребята предло-жили мне познакомиться с городом, уст-роили для меня экскурсию. Я узнал, что в Магнитогорске есть район, построенный немецкими военнопленными. Очень благо-дарен за такое знакомство с новым для ме-ня городом. И самое замеча-тельное, что меня поразило в Волгограде и Магнитогор-ске, – люди сегодня принимают немцев очень радушно, несмотря на память о Вто-рой мировой войне. Мы же прекрасно по-нимаем, сколько потерь принесла эта война россиянам.

– Многим челябинцам очень нра-вились проекты ваших коллег – менед-жеров в сфере культуры Фонда имени Роберта Боша Оливера Фриске и Лизы Озе. Ве-роятно, вы волновались – понра-вятся ли ваши проекты?

– Я об этом думал. (Смеется.) Но и кинопоказ в кинотеатре «Знамя», и теат-ральный проект на сцене Нового художест-венного театра вы-звали большой интерес и, судя по реакции зрителей, понравились. После каждого фильма

возникла интересная дискуссия, в которой принимали участие и я, и известный киновед, культуролог Ольга Конфедерат. Главным в своей работе я все-таки считаю общение с людьми. Пусть это будет даже отрицательная реакция на увиденное, но любая реакция лучше, чем равнодушие.

Искусство – красота или конфликт?

– Трудно было решиться приехать в не самый благополучный в экологическом плане регион России?

– Не буду отрицать, было немного страшно. Когда я узнал, что поеду работать в Челябинск, то стал, естественно, искать информацию о городе. И узнал об атомной катастрофе, экологии и взрыве метеорита... (Смеется.) Но я знал также, что моим предшественникам – Оливеру и Лизе – удалось здесь наладить хорошие контакты, они очень многое сделали для этого, у них здесь теперь много друзей и они скучают по Челябинску. Это меня успокаивало и настраивало на работу. К тому же я люблю приключения.

– У вас уже есть опыт работы в других странах, вероятно, вы что-то из своих проектов перенесете и в Челябинск?

– По образованию я филолог и поэтому мне ближе литература и театр, чем, скажем, музыка. Но это не имеет значения, потому что самое важное для меня – услышать и понять, что хотят узнать и увидеть челябинцы, важен их интерес к немецкой культуре. И сейчас, на мой взгляд, я нашел тот баланс между моими пристрастиями в искусстве и пожеланиями

жителей города, которые интересуются искусством Германии. Кстати, мне было приятно, что немецкие фильмы пришли смотреть не только студенты, изучающие немецкий язык (их было около 20%), но поклонники кинематографии. Это очень хорошо. Но из диалога со зрителями я понял, что довольно часто люди ждут от искусства отдыха от каждодневных проблем, люди хотят красоты. И это было для меня открытием.

– Разве в Германии вы не встречались с подобным восприятием искусства?

– Не скажу обо всех немцах, но довольно часто приходилось слышать мнение, что искусство должно нести в себе некий конфликт, который позволял бы задуматься о происходящем с нами каждый день, и тем самым заставить нас взглянуть на привычное немножко по-другому. Но никогда нельзя обобщать, что немцы любят одно, а россияне – другое. Нет, все разные. И хорошо, что люди по-разному воспринимают искусство.

Прогулка на трамвае

– Какие проекты успеете осуществить до наступления летних «каникул» в концертно-театральной жизни Челябинска?

– Очень хочу привезти в Челябинск баварскую музыкальную группу, сейчас идут переговоры о таких гастролях. В июне в школе №96, где изучают немецкий язык, мы планируем проект в рамках этнокультурного летнего лагеря. Постараюсь пригласить сюда немецкого театрального постановщика и художника, которые бы сделали со школьниками спектакль.

И есть идея снять в Челябинске фильм во время прогулки по городу на трамвае, что-то в жанре перформанса. Надеюсь, что этот немного сумасшедший замысел осуществится. (Смеется.)

– **С чего начнете следующий сезон?**

– В сентябре планируем провести для студентов и школьников проект «Рес-пект». Приедут художники из Гёте-института в Питере, которые вместе с челябинскими школьниками и студентами будут рисовать комиксы о толерантности людей, об умении понять и принять другого. Кроме того, состоится уже традиционный семинар для работников культурной сферы Челябинска, который проведут специалисты из Германии. Но активный сезон начнется в октябре, и мы планируем провести фестиваль современного немецкого искусства. Программа будет обширной. В рамках фестиваля надеюсь провести, например, встречу поклонников авангарда с немецким композитором, который сочиняет интеллектуальную электронную музыку. Это сегодня один из лучших в мире композиторов в этом жанре. И это, действительно, авангард. Причем мы планируем, что он выступит вместе с камерным оркестром «Классика». А также хочу пригласить в Челябинск дуэт пианиста и актера. Под музыку будут исполнены литературные произведения немецких писателей. Это будет символично, поскольку 2014 год объявлен Годом немецкого языка и литературы в России. Кроме того, мы договорились о приезде сюда художницы русского происхождения, которая уже 30 лет живет в Германии. Ее выставка состоится в музее искусства. Еще планируются

проекты с Театром теней и песочной анимации «Солнечные часы», художники которого нарисуют песочную анимацию по мотивам сказки Гофмана; а также показ немецкого фильма в сопровождении живой музыки.

Русская душа сложнее, чем русский язык

– **Скажите, где вам удалось так хорошо выучить русский язык?**

– Пока не так хорошо, как хотелось бы. Мое желание выучить русский язык возникло, когда я работал в Бельгии, потому что там я познакомился с девушкой Оксаной из Москвы, которая стажировалась в Европарламенте. В тот момент я очень мало знал о России. И потому, вернувшись домой, в Мюнхен, начал участвовать в проектах Союза русскоговорящей молодежи в Германии JunOst e.V. Это молодежная организация, которая была основана в 2001 году молодыми эмигрантами из стран бывшего СССР. Некоторое время я там был единственным немцем. (Смеется.) Было сложновато, но так я начал изучать русский язык. А также принимал участие в организации международного молодежного фестиваля JULA, который с 2004 года ежегодно проходит в Мюнхене. За прошедшие годы участниками фестиваля становились актеры, музыканты, фотографы и кинорежиссеры из России, Украины, Белоруссии, Израиля, Грузии... Это была моя практика общения на русском языке. Но русская душа намного сложнее, чем русский язык. (Смеется.) Надеюсь, мне удастся ее понять, работая в Челябинске

– **Стать менеджером Фонда имени Роберта Боша, думаю, тоже было не просто?**

– Да. Кстати, многие претенденты знали русский язык лучше, чем я. (Улыбается.) Меня, наверное, выручило такое качество, как открытость всему новому. Оно позволяет быстрее адаптироваться в другой стране, в новой ситуации. Вероятно, сыграл какую-то роль и мой опыт работы в Бельгии, в Киеве, где я также занимался разными культурными проектами. Но мне очень хотелось стать менеджером Фонда Роберта Боша, потому что это замечательная возможность не только совершенствовать русский язык, знакомиться с культурой России и даже путешествовать, но это уникальная возможность проявить инициативу и познакомить россиян с культурой Германии.

– **Сегодня вы уже можете сказать – отвечает ли наш город вашим представлениям о России?**

– После Москвы, Киева, Петербурга здесь так тихо, спокойно. Мне здесь очень нравится! Это прекрасный опыт знакомства со страной, когда приезжаешь в не очень большой город, когда есть возможность ближе познакомиться с людьми. Главное содержимое любого города – это люди. И здесь меня встретили очень хорошо, я подружился уже с большим количеством людей, которые готовы мне помочь, они талантливы, открыты, с ними легко общаться. Это самое главное. Кроме того, я понял, что здесь наша работа имеет большее

значение, чем в столицах, где много различных концертов, театров, выставок... Здесь же я чувствую искренний интерес к проектам нашего фонда.

Патрик Вилль получил образование в Мюнхенском университете по специальностям германистика, философия и социология, а также в Севилье на отделениях романистики и англистики. До этого он год учился в канадской школе в Квебеке и проходил практику в Лондонском колледже непрерывного образования, а также при американской неправительственной организации в Пекине и в издательстве литературы по искусству в Париже. Опыт проект-менеджера в сфере культуры он приобрел в отделе культуры посольства Германии в Брюсселе, где проработал восемь месяцев, а также за год своей волонтерской деятельности при одном из германских фондов в Киеве. На общественных началах активно участвует в деятельности Союза русскоязычной молодежи Германии JunOst e.V., где преподает немецкую литературу и историю, а также принимает участие в организации международного фестиваля культуры JULA. С декабря 2013 года является менеджером фонда им. Роберта Боша в сфере культуры при Челябинском государственном концертном объединении.

**Фото Евгения ЕМЕЛЬДИНОВА
и из архива Патрика ВИЛЛЯ**
[http://chelyabinsk.ru/text/
philharmonic/800757.html?block](http://chelyabinsk.ru/text/philharmonic/800757.html?block)
30 мая 2014

УЧАСТИЕ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ ДРЕЗДЕНА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКЕ «МЕМОРИАЛ-2011»

22 и 23 июня 2011 года в Москве в Центральном выставочном зале «Манеж» состоялась международная выставка посвященная выполнению межправительственных соглашений Российской Федерации о воинских захоронениях. На выставке «Мемориал-2011» приняла участие и наша организация. На трёх баннерах была дана информация о проделанной Центром документации г. Дрезден, за почти 10 лет работы, в отношении установления судеб советских военнопленных.

Текст к банерам приводится сверху вниз и слева направо.

Банер 1

ГЕРМАНИЯ: ЛАГЕРЯ И КЛАДБИЩА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

**Выяснение судеб бывших советских
военнопленных**

Президент Народного союза Германии по уходу за воинскими могилами в присутствии канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера передает

Президенту Владимиру Путину Книгу памяти умерших советских военнопленных в лагере Хаммельбург. 10 апреля 2002 года г. Веймар.

На территории Германии, земля Бавария, под г. Хаммельбург, во время Второй мировой войны располагался один из крупнейших лагерей для советских военнопленных офицеров. Долгое время известно было лишь около 200 имен умерших в этом лагере.

Интенсивная работа с документами позволила выяснить судьбы военнопленных, считавшихся ранее безымянными. Первый результат работы был зафиксирован в Книге Памяти Хаммельбург, вышедшей в 2002 г.

Для увековечения памяти советских граждан Народный союз Германии использует полученную от Центра документации информацию, например, при благоустройстве кладбищ.

С 2000 г. Центр документации Объединения Саксонские мемориалы г. Дрезден проводит научно-исследовательскую работу о лагерях для советских военнопленных, размещавшихся на территории рейха, и помогает получать информацию о бывших советских военнослужащих, умерших во время Второй мировой войны в лагерях и рабочих командах на территории бывшего германского рейха. Ответственность Германии перед жертвами национал-социализма велика, поэтому проводимая работа поддерживается на самом высоком политическом уровне страны.

За 10 с лишним лет Центру документации в тесном сотрудничестве с партнерами из России, Белоруссии и Украины удалось выяснить судьбы сотен тысяч бывших советских военнопленных. Многим неизвестным ранее жертвам, похороненным на кладбищах в Германии возвращены имена. Это наш вклад в дело примирения народов бывшего СССР и Германии.

Одним из наиболее крупных лагерей для

советских военнопленных во время Второй мировой войны был лагерь Цайтхайн под г. Риза. Более 25000 советских людей нашли здесь последний покой.

В рамках проектной работы удалось выяснить судьбы почти всех жертв этого лагеря. Установленные до 2005 года имена и основные данные 5098 жертв вошли в Книгу Памяти Цайтхайн, изданной ЦД вместе с Народным союзом Германии.

Помимо работы над базой данных идёт широкое исследование истории лагерей и кладбищ военнопленных с тем, чтобы дать родственникам возможность получить представление о том, где и в каких условиях находились их близкие.

В торжественной атмосфере в присутствии видных представителей Германского Посольства – нередко самого Посла – и местных органов власти состоится передача копий документов родственникам. На фотографии: 27 марта 2010 г. в резиденции губернатора Челябинской области состоялась торжественная церемония передачи копий документов бывших советских военнопленных, уроженцев Челябинской области, захороненных на территории Германии, их родственникам.

Помимо работы над базой данных советских военнопленных идет широкое исследование истории лагерей и кладбищ военнопленных с тем, чтобы дать родственникам возможность получить представление о том, где и в каких условиях находились их близкие. Кроме того, ведутся работы по сохранению и благоустройству захоронений советских военнопленных на территории Германии. Так, например, в Цайтхайне, был сооружен Мемориальный комплекс – Эренхайн – куда приезжают родственники умерших здесь советских военнопленных, чтобы отдать последнюю дань своим близким.

Текст к банерам приводится сверху вниз и слева направо.

Банер 2

ВО ИМЯ ЖИВЫХ ПОМНИТЬ О ПОГИБШИХ

База данных

Все персональные данные на бывших советских военнопленных, извлекаемые прежде всего из документов вермахта, хранящихся в архивах на территории бывшего Советского Союза, сводятся в единую базу данных. Помимо записей на немецком и на русском языках здесь заложены и изображения всех найденных в архивах персональных документов.

В ноябре 2009 года по поручению Правительства Федеративной Республики Германия был разработан и размещён в глобальной сети Интернет новый сайт Центра документации при Объединении «Саксонские мемориалы» (www.dokst.de, www.dokst.ru), содержащий базы данных о бывших советских военнопленных, умерших в лагерях Третьего рейха, а также об осуждённых германских гражданах, реабилитированных Главной военной прокуратурой Российской Федерации. Любой человек, найдя здесь данные на близкого человека, может обращаться в Центр документации за более детальной информацией.

31 марта 2010 г. в Москве в здании Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) при участии наших партнёров в РФ состоялась торжественная презентация сайта www.dokst.ru.

С момента создания сайта и презентации его широкой общественности Германии и России сайт посетило более 700 тысяч человек. Ежемесячно Центр отвечает на запросы около 500 человек, родственников бывших военнопленных.

Публикации

О результатах своей научно-гуманитарной деятельности ЦД информирует общественность в форме соответствующих публикаций изданных в большинстве своём на двух языках. В тесном сотрудничестве, например, с Народным Союзом Германии и со Службой розыска Германского Красного Креста вышли в свет.

В 2003 г. по предложению Уполномоченной по культуре и средствам массовой информации Министерства культуры Германии в Ведомстве Федерального канцлера Германии в Берлине состоялась презентация книги «Во имя живых помнить о погибших». С речью на этом торжестве выступили Послы РФ, Республики Беларусь и Украины. В книге подробно описывается работа ЦД по выяснению судеб советских военнопленных.

Важнейшим полем деятельности ЦД является сбор информации о захоронениях советских граждан в Германии. Данные о месторасположении и состоянии кладбищ дают родственникам умерших наглядное представление о том, где их близкие нашли последний покой на чужбине. В качестве пилотного издания в 2008 г. вышел сборник о захоронениях в земле Саксония. Планируются подобные издания и по другим землям Германии.

Путеводитель «Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза», вышедший на русском языке в 2008 г. и в 2010 г. на немецком языке – уникальный справочник, покрывающий белое пятно в истории немецких военнопленных. В нем впервые опубликованы данные о действительном местонахождении лагерей на территории бывшего Советского Союза. Эта книга стала важным символом примирения.

Справки

Центр документации считает важнейшим гуманитарным долгом информировать род-

ственников умерших советских военнопленных о судьбе их близких. В течение последних лет уже во многих регионах бывшего Советского Союза папки с документами в рамках торжественных мемориальных встреч были переданы семьям погибших. За эти гуманитарные заслуги ЦД в лице его руководителя Клаус-Дитер Мюллера в марте 2009 г. в Посольстве РФ был награжден «Орденом Дружбы» Российской Федерации.

В тесном сотрудничестве с местными органами управления стран СНГ найден уникальный путь организации таких мероприятий. В местных газетах публикуются данные о бывших военнопленных, уроженцах данного региона, с призывом в адрес их семей отозваться. Нередко такие кампании поддерживаются также и местными радиостанциями. Таким образом администрация находит родственников и их приглашают на встречу.

Фото: В газете «Южноуральская панорама» опубликовано 2073 имени бывших советских военнопленных, умерших и захороненных на территории Германии.

В торжественной атмосфере в присутствии видных представителей Германского Посольства – нередко самого Посла – и местных органов власти состоится передача копий документов родственникам. На фотографии: 27 марта 2010 г. в резиденции губернатора Челябинской области состоялась торжественная церемония передачи копий документов бывших советских военнопленных, уроженцев Челябинской области, захороненных на территории Германии, их родственникам.

Присутствие на церемонии Чрезвычайного и Полномочного Посла Федеративной Республики Германия в Российской Федерации Вальтера Юргена Шмида явилось свидетельством того, какое внимание уделяет правительство Германии выяснению судеб советских военнопленных. Вместе с заместителем губернатора Челябинской области В.И. Буравлёвым он лично передал копии документов бывших советских военнопленных их родственникам.

Текст к банерам приводиться сверху вниз и слева направо.

Банер 3

РАБОТА ЦЕНТРА ЗАРУБЕЖОМ

Посол Германии в Беларуси, Гебхардт Вайсс (первый справа), на торжественной церемонии в г. Минске 2009 г.

Республика Беларусь во время Великой Отечественной войны потерпела трагедию неимоверного масштаба. Здесь и началась трагедия плена для миллионов советских солдат. На основе заключенного в 2002 г. соглашения о сотрудничестве успешно идут работы над выяснением судеб умерших в немецком плену белорусов и уроженцев Беларуси. Уполномоченный по культуре и средствам массовой

информации Германии в 2009 году передал Послу Республики Беларусь базу данных ЦД на советских военнопленных, уроженцев всех регионов РФ. В присутствии представителей Посольства или лично Посла Герман ии на сегодня переданы копии документов родственникам в 5 областях республики.

В 2004 г. в ходе межправительственных консультаций Германии и Украины в Берлине было подписано соглашение о совместной работе Государственного Комитета архивов Украины и Центра документации.

Уже в 2005 году украинской стороне была передана информация из этой базы данных на советских военнопленных офицеров. А в 2009 и 2011 гг. Украина получила данные на советских военнопленных, украинцев по национальности и уроженцев Украины. Эта информация широко доступна гражданам Украины. Она находится во всех 26 областных информационных центрах СБУ Украины.

Начиная с 2010 г. осуществляется интенсивный обмен информацией в отношении советских военнопленных с архивами и мемориальными организациями Норвегии, где во время войны находилось большое количество советских военнопленных. На основе архивных документов создаются базы данных по местам захоронений, идет работа над выяснением судеб похороненных там советских граждан.

Начало передачи копий документов на бывших советских военнопленных гражданам отдельных регионов было положено в Твери в 2005 году. Посольство Германии всегда поддерживало такие мероприятия. На карте зеленым цветом обозначены те регионы, с которыми ЦД имеет тесный контакт по выяснению судеб бывших советских военнопленных.

Солдаты забытого полка возвращаются

На лицах людей, более 65 лет после окончания войны впервые держащих в руках сведения о судьбе их близких, оставшихся навеки лежать в далекой немецкой земле, видна и грусть и радость. Копии документов часто дают людям долгожданную ясность о судьбе близкого человека и возможность почтить его память – так душа наконец-то находит покой ...

Под названием «Арманда кеткен боздатар» Посольство Республики Казахстан в Германии издало в 2010 г. Книгу памяти казахов и уроженцев Казахстана, умерших в немецком плену. Большинство из них до недавнего времени считались без вести пропавшими, а могилы их - могилами неизвестного солдата. Книга издана при поддержке ЦД и его партнеров. Работа продолжается, чтобы с годами и другим жертвам были возвращены имена.

Оформление выставки:

Графиксер ГмбХ, г. Каменц д-р Берит Харитонов, г. Дрезден

Die Ausstellung wurde gestaltet von: Graphixer GmbH, Kamenz

Dr. Berit Haritonow, Dresden

Интерес к стенду о советских военнопленных был достаточно большим как со стороны прессы так и отдельных граждан.

<http://www.dokst.ru/main/node/1385>

Светлана Кулагина

ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА В ПУТИ – САТКА

С 15 по 28 апреля на Урале будет работать съёмочная группа немецкой теле-радиокомпании MDR, немецко-французской телекомпании ARTE и немецкой телепроизводственной компании Levison. Группа проедет вдоль Уральского хребта, являющего собой естественную географическую границу между Европой и Азией. Она снимет 45-минутный документальный фильм «По-граничные миры», о людях, нравах, обычаях, особенностях жизни городов и посёлков, находящихся на стыке двух частей света.

Режиссеры фильма - Петер Адлер и уроженка России Оксана Евдокимова сами определяли места и объекты будущих съемок - информацию черпали преимущественно из Интернета. Так в поле их зрения попал Саткинский район, и конкретно - человек, который показался любопытным кинематографистам из Берлина - это директор ЗАО «Зюраткуль» Юрий Иванович Китов. Поздно вечером 15 апреля съёмочная группа прилетела в Екатеринбург, а утром следующего дня выехала в Сатку.

Вчера, 16 апреля, немецкие кинодокументалисты снимали историю жизни Юрия Китова, старый дом, где в детстве жил шестой ребенок в семье - будущий хозяин швейных фабрик, супермаркетов, автозаправочных станций, гостиниц, ресторанов, кладбище, где похоронены его родители, и где - обещал бизнесмен - будет похоронен когда-нибудь он сам, Карагайский карьер комбината «Магнетит», где он начинал свою рабочую карьеру экскаваторщика. В объектив телекамер попали также архитектурный ансамбль из старинных купеческих особняков в старой части Сатки, отреставрированных в стиле барокко и готики - жилые дома и офисы ЗАО «Зюраткуль», выставка под открытым небом советской во-

енной и немецкой трофейной техники (предмет хобби Юрия Китова), «Китова пристань» на озере Зюраткуль, швейная фабрика в городе Бакале, где по заказу Министерства обороны России в течение пяти лет шьются бронежилеты, под сумки для оружия и боеприпасов, ремни к автоматам.

Петер Адлер в нашей стране не первый раз, но всегда бывал только в Москве, а мечтал увидеть настоящую Россию - и нашел её в Сатке, и был по-хорошему удивлен тем, что в глубинке живут такие удивительные люди, которые преобразуют жизнь в маленьком родном городе - и не стремятся увезти свои капиталы за границу.

Сегодня, 17 апреля, тележурналисты посетят также в Саткинском районе всемирно известные «Пороги» - первый отечественный электроферросплавный завод и первую в России гидроэлектростанцию, где в помещении машинного зала установлены и до сих пор работают без поломок две гидротурбины с генераторами производства фирмы «Бриглеб, Хансен и К°», изготовленные в 1909 году в городе Гота (Германия).

По словам режиссера будущего документального фильма Оксаны Евдокимовой, в Германии до сих пор мало кто знает, насколько богата и необычна история Урала: «Мы надеемся нашим фильмом расширить горизонт европейских зрителей, которые смогут в скором будущем посмотреть данный фильм. Он будет показан по каналам MDR и ARTE в Германии и Франции».

18 апреля съёмочная группа выезжает в Златоуст - изучать жизнь города оружейников. Еще в Челябинской области намечены съемки в селах Берлин и Париж.

17. 04 2008.

<http://chelindustry.ru/info.php?tt=3&rr=5&ids=30>

Адель Калиниченко, Аугсбург

НЕМЕЦКИЕ ВЕТЕРАНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПРОКЛИНАЮТ ГИТЛЕРА

В конце апреля 2013 года в одну из двухместных палат центральной клиники Аугсбурга попали два человека: профессор Семён Богатых с воспалением лёгких и фермер Харри Шпрингштайн с желудочными проблемами. Ночью первый хотел подняться с кровати, но упал, а второй слез со своей койки, помог соседу подняться с полу, подставил ему плечо и довёл до медсестры.

Такие встречи бывают, как говорится, только в кино: оба этих мужчины родились в сентябре 1925 года, только один в Забайкалье, а второй - в восточной Пруссии. Оба семнадцатилетними ушли на фронт. Один (к слову сказать, он - мой отец) был радистом и переводчиком, войну закончил в Праге, второй воевал в пехоте, под Ленинградом был тяжело ранен.

В перерывы между обходами врачей, капельницами и процедурами два этих старых человека, встретившись, как родные, не могли наговориться, пили вместе чай, потчевали друг друга чем-то вкусным, принесённым из дому детьми и внуками и кляли войну. Деревня, где вырос Харри, находилась под Кёнигсбергом. Фермер рассказал, что сестра ездила, искала, но нет больше той деревни.

«Я был совсем мальчишкой, когда пришлось надеть военную форму и влезть в этот кровавый ад по воле одного психопата. Какой я был тогда дурак! Кто дал, если разобраться, Гитлеру право забрать мою молодость и твою молодость?», - кипятился герр Шпрингштайн. И добавлял: «Нам с тобой, Семён, согласись, очень сильно ещё повезло в сравнении с теми нашими друзьями и односельчанами, у кого этот «аршлох» (нем. *Arschloch* – задница, дерьмо – «НИ») вообще забрал жизнь!»

Если понятие вечности абсолютно, то понятие давности всегда относительно. Не так уж и давно чья-то злая воля назначила этих двоих людей смертными врагами, но, как говорится, «прошло то время».

Прав Харри Шпрингштайн. Каждый год 9 мая у меня случаются два везенья. Очень больших: величиной в жизнь. Как минимум с мою, как максимум – с жизнь моих детей, внуков, моих правнуков и внуков моих правнуков. Всех тех людей, моих потомков, кто уже родился и кто ещё обязательно родится и будет когда-то жить.

Первое везенье состоит в том, что моего папу, в сорок втором семнадцатилетнего рядового Семёна Богатых, бойца Второго, а затем Третьего Украинских фронтов, связиста и переводчика с венгерского (который ему

было приказано выучить и он приказ, как мог, выполнил) не убили на войне.

Второе везенье состоит в том, что мне будет кому 9 мая покупать на деревенском рынке сирень и ландыши. И когда я их доставлю по назначению, папа возьмёт с полки тряпочный тяжёлый мешочек, сядет в кресло и разложит на столе свои ордена и медали. Я давно знаю, какая награда из них самая главная: солдатская медаль «За отвагу». Металл потемнел, но от него веет такой настоящестью, что цветы, не сговариваясь, напоят комнату своим благоуханием.

Мама как всегда напечёт к празднику пышные пироги с капустой и нежные с яблоками. А это, если посчитать, выходит уже третье по счёту везенье. И в этот день каких-то ещё, четвёртых там или пятых, мне будет совсем не надо.

Первым государственным лидером, кто через сорок лет после окончания войны назвал 8 мая 1945 года «Днём освобождения для Германии», был федеральный президент Рихард фон Вейцзеккер. До этого, в 1970 году канцлер Вилли Брандт во время визита в Варшаву встал на колени перед памятником Варшавскому гетто.

Ангела Меркель уже в этом году чётко и не двусмысленно артикулировала позицию своего государства к содеянному во время Второй мировой войны: «Германия несёт вечную ответственность за преступления национал-социализма. Мы смотрим смело на нашу историю, мы ничего не скрываем, мы ничего не стираем из памяти. Мы должны помнить о прошлом».

Это - жизненное кредо страны, государственная идеология. Совершенно немисливо представить, чтобы кто-то из сегодняшних немцев назвал бы Гитлера эффективным менеджером (это при том, что в плане преобразований и организации экономики эффективность его действий была очевидна).

В 2005 году, недалеко от Бранденбургских ворот, на огромной площади размером с два футбольных поля, был открыт грандиозный памятник жертвам холокоста. Он представляет собой каменный лабиринт, состоящий из 2711 бетонных плит разной высоты. В день окончания войны немцы приходят сюда семьями, оставляют на плитах цветы и зажжённые свечи. А в Германно-российском музее в Карлсхорсте, в здании, где был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии, ежегодно проходит торжественное празднование этого события.

Не только 8 мая, но в течение всего года, буквально не проходит дня, чтобы по какому-нибудь телевизионному каналу не показывали художественный фильм, документальную ленту или передачу о Второй мировой, на уроках истории в школах и вузах историю немецкого нацизма преподают без снисхождения к роковому заблуждению поколения тридцатых и сороковых.

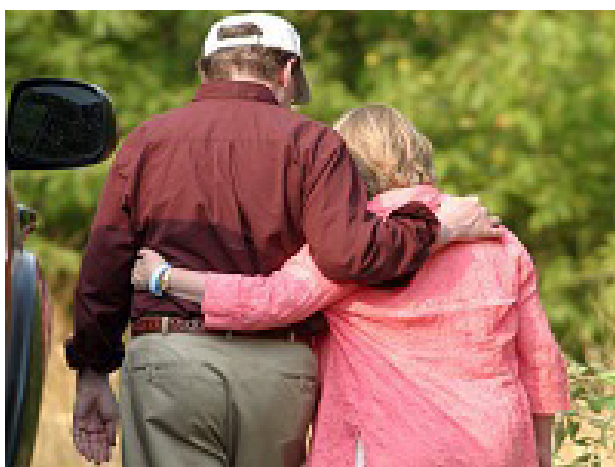
Процесс осознания прошлого, интеллек-

туальная рефлексия не заканчиваются и вряд ли когда-нибудь закончатся. Но путь к такому пониманию поражения Германии в войне у каждого немца был и остаётся своим и совершенно личным, тем более у тех, кому выпало пройти её тяжкими дорогами.

<http://www.newizv.ru/lenta/2013-05-09/182031-nemeckie-veterany-vtoroj-mirovoj-vojny-proklinajut-gitlera.html>

Игорь Буккер

РУССКИЙ ИВАН, НЕМКА ЭЛИЗАБЕТ И 60 ЛЕТ РАЗЛУКИ

Конец лета 1945-го. Небольшой немецкий городок, принявший гарнизон солдат-победителей. Старшина Иван говорил по-немецки, Лиза не понимала по-русски. И они встретились... При расставании она успела шепнуть ему, что ждет их ребенка. А поженились Иван и Лиза спустя 62 года. Это не наспех скроенный сюжет современного сериала, а подлинная жизненная история.

Советский разведчик, 21-летний сержант Иван Бывших был назначен комендантом небольшого городка Хейероде (Heyerode) в Тюрингии. 31 августа 1945 года он встретил здесь 20-летнюю девушку Элизабет или Лизу Вальдхельм (Elisabethили Lisa Waldhelm). Позже Иван вспоминал: «Ее мама открыла дверь в жилую комнату, где вокруг стола сидело четверо: мальчик и три девушки. Одной из них была Лиза. Я увидел ее — и сразу влюбился».

«Он прекрасно выглядел, — делилась воспоминаниями Лиза. — Какой красивый русский, шепнула я моей сестренке. Моя сестра сказала, не смотри на русского, посмотришь, когда он будет уходить». Девочки принесли географический атлас и попросили Ивана показать место, где находится его дом. «При этом ее локон коснулся моей щеки и тогда я окончательно влюбился!» Сибиряк ласково называл немку «Лизхен» (Lieschen), она — его «Ваниляйн» (Wanilein).

В феврале 1946 года парень вернулся на Украину, после демобилизации учился в Томске, затем забрался еще дальше — в Красноярске. При расставании Лизхен успела шепнуть на ухо любимому, что носит под сердцем их ребенка. К сожалению, произошел выкидыш, девочка умерла.

Лет десять молодые люди переписывались. Это продолжалось до тех пор, пока Лиза жила в Тюрингии, которую оккупировали американские войска, но вошедшую в состав ГДР, в обмен на территорию в Западном Берлине, взятого Красной Армией. Сначала она оказалась в Федеративной Республике Германия, потом переехала в Люксембург.

Партийные чиновники вмешались в личную жизнь сибиряка и настоятельно посоветовали ему прекратить переписку с иностранной гражданкой из капстраны. Бывших заставили едва ли не под диктовку написать Лизе письмо, ставившее точку в их отношениях. Иван вынужден был написать любимой девушке, что он скоро женится и у него будет ребенок. Битый час простоял Иван у почтового ящика, не решаясь опустить лживое письмо. Он жил надеждой на встречу с любимой и не помышлял о других женщинах. В ответном письме Лиза писала любимому, что будет любить его и ждать всю свою жизнь.

Иван дважды вступал в брак, у него родились

дети. Однако семейная жизнь не задалась. От одной жены он ушел сам, другая его бросила. «С 1972 года живу в однокомнатной квартире, как старый медведь в берлоге», — писал Иван. От одиночества хотелось выть. Однажды его дочь увидела пожелтевшее письмо от Лизхен, узнала от отца историю его любви и заставила написать об этом книгу. «Папа, — сказала Ивану дочь, — обязательно найди эту женщину».

За повесть «Ваниляйн и Лизхен» Иван Бывших получил в 1995 году литературную премию из рук именитого земляка Виктора Астафьева. И послал по старому адресу письмо Лизхен. Ее родственники ответили коротко: «Замужем, живет в Люксембурге». Но дать ее адрес отка-зались. Когда за границей оказалась землячка Ивана, Анна Барщевская, ей удалось отыскать номер телефона Лизхен.

Последние годы 80-летней Лиза жила вместе с мужем в трехэтажном особняке в Люксембурге. В 40 лет она вышла замуж, но больше иметь детей не могла. После звонка своему Ваниляйну Лизхен собралась в Красноярск. Супруг не хотел давать развода и, хотя они уже 20 лет не жили как мужи жена, дико ревновал к русскому.

2006 год. Среди встречавших рейс из Москвы с букетом роз стоит пожилой мужчина. В другой руке ветерана самодельный плакатик: Lisa, ich liebe dich sehr — «Лиза, я тебя очень люблю». Влюбленные моментально узнали друг друга. Крепкий сибиряк, который никогда не курил и до старости бегал по утрам, потом игриво намекал, мол, встретились они с Лизхен, как и положено мужчине с женщиной...

Лизхен пришлось еще не раз летать в Люксембург. После бракоразводного процесса она оставила мужу их люксембургский особнячок и приобрела дом в родном Хейероде, где она впервые увидела своего Ваниляйна.

Брак Лизы Вальдхельм и Ивана Бывших зарегистрировали в декабре 2007 года. Губернатор Красноярского края Хлопонин выделил молодоженам двухкомнатную квартиру. Жена начала учиться стряпать борщ и говорила журналистам: «В России, вообще-то, хорошо. Мне, конечно, немного страшно: здесь и вправду холодно, но мне все равно, потому что рядом есть он».

Однажды она оказалась в красноярской больнице № 6, в отделении гнойной хирургии, где немке поставили диагноз — сухая

гангрена ноги и предложили ампутировать ногу до колена.

«Обслуживание мне понравилось, хороший уход и отношение. У меня очень плохие вены, но медсестры аккуратно, профессионально все сделали... Но очень много людей и всего один туалет (удивленно вскидывает брови). Матрацы вообще в ужасном состоянии... Расположение кроватей в больнице точно такое же, как было в Германии во время Второй мировой войны, — стоят в коридорах. Тяжело смотреть на людей. Сегодня мне приснилось, что я снова там нахожусь. Сон был такой реальный! Это был кошмар», — делилась с корреспондентом «МК в Красноярске» долгое время проработавшая в Европе медсестрой фрау Вальдхельм.

Официально они были супругами всего два с половиной года. О них много писали, говорили, их показывали в программе «Время», а ветеран Иван Бывших едва не стал «национальным героем».

28 июня 2010 года немецкая газета Thüringer Allgemeine в статье под заголовком Letzter Gruß von Wanja aus Sibirien — «Последний привет от Вани из Сибири» сообщила: «Только одно желание супружеской пары не исполнилось: Лиза и Ваня хотели еще раз, рука об руку, прогуляться по главной улице Хайероде. По словам членов семьи, Иван Бывших не смог приехать в Тюрингию на похороны жены. Но он по-прежнему каждую неделю звонит в Хайероде. Туда его Лиза опять приехала в январе, но оправиться от тяжелой болезни она уже не смогла. Она даже получила приглашение в Москву на военный парад 9 мая на Красной площади, посвященный 65-летию победы России над нацистской Германией».

На аккуратную могилку положили выложенное желтыми розами огромное сердце с траурной лентой: In Liebe Dein Mann Wanja — «С любовью — твой муж Ваня». Приехать на могилу жены Иван так и не решился.

«В шкафу у ветерана, рядом с фронтовым кителем, увешанным боевыми наградами, висят платья Лизы, на стенах ее портреты, в переднем углу иконы, перед которыми она молилась», — писали красноярские журналисты. Фронтовик Иван Бывших скончался осенью 2013 года.

10.05.2014 http://www.pravda.ru/society/family/life/10-05-2014/1207299-liebe_love-0/?mode=print

Полина Иванушкина

ВОПРЕКИ ЗАКОНАМ ВОЙНЫ. ПОЧЕМУ СНАЙПЕР ТКАЧЁВ В 1943-М НЕ УБИЛ «ФРИЦА»?

У снайпера Ткачёва, полковника в отставке, Ивана Терентьевича, много историй в запасе. Одна из них — о том, как в 52-м он встретил того, кому подарил жизнь в 43-м.

Если не ты - то тебя. Если не тебя - то ты. И ещё это: «Нет больше той любви, чем положить жизнь за други своя»... И так бесконечно. У войны свои законы. «Но в безоружного не стрелял ни-ког-да. И тех, что положил, видел в прицел - как в кино, будто вовсе это и не люди». И только Вилли - Вилли он пожалел.

У снайпера Ткачёва, полковника в от-ставке, Ивана Терентьевича, много историй в запасе. И про то, как в один день убил 28 немцев, но не получил записи в снайперской книжке. Про то, как 30 минут пробыл в плену у власовцев - но те, конвоируя, подорвались на минном поле, а Ваня - остался. Про то, как писали про Ткачёва в немецких боевых листках: бандит, подлежит уничтожению, ведь на его счету к концу войны - 2 роты вермахта, 169 немецких солдат и офицеров, снятых метким выстрелом, в их числе майор Бауэр и капитан Рихтер, убившие по 500 красноармейцев. Про то, как саднило щёку, разорванную осколками: 10 раз попадали снайперы с той стороны фронта в прицел его винтовки. Но я сажусь в поезд и еду в Брест, где Иван Терентьевич живёт в семье сына, в сущности только для того, чтобы услышать всего одну историю. Историю, которая, как оказалось, не оставила на его сердце ни зазубринки - в отличие от вражеских пуль, что расчертили спину. Младшая внучка всегда плакала, когда дед снимал рубашку... Я надеюсь найти ответы. Но вернусь в Москву без них.

Иван Терентьевич Ткачёв.
Фото: Из личного архива

«Хлопцы, молитесь!»

Не считая деда-священника, все в семье - вояки. Отец - ещё с первой войны. Ваню готовили в семинарию, но с выпускного бала он пошёл в военкомат. Отец, старший брат ушли на фронт, младший - в партизаны; мать

двое суток лежала без соз-нания, одна в пустом доме...

Потом его сын дослужится до подполковника - в Алжире, и даже внучка будет грезить армией, пока не поступит на юриста.

Но от деда остались и «Отче наш», что читал про себя, выходя «на охоту» («Это помогало! Один командир роты, посылая в атаку, говорил: «Хлопцы, молитесь!» - и хлопцы возвращались живыми, а другой, цыган, посылал с матюгами - и возвращалось по 10 человек...»). От деда, наверное, и привычка по средам ходить к акафистам («Служба лёгкая, короткая, но очень полезная!»), уже сейчас, в его 93, так, что среди бабушек - белых платочков сразу выделяется его седая голова. Он стар до прозрачности, сгорблен, будто восковое лицо - и аромат, которому я весь наш разговор буду искать объяснения: память ли это военных лет, запах ли времени или, может быть, просто застоявшийся одеколон «Шипр»...

Он показывает вырезки из «Красной звезды», вспоминает - уже хаотично, так, что мне приходится догадываться, сопоставляя мозаику из публикаций, подхватывать обрывающиеся нити рассказа, - вспоминает про то, как отказался расстреливать дезертира, приговорённого к смерти, и был за то отправлен в штрафбат. Про то, как после войны в военном училище спал на полу и как всё училище снилась война. А потом как отрезало - не снились уже ни немцы, ни похороненные товарищи, ни снайпер Маша Аксёнова, что писала ему стихи.

Вспоминает, как в мирное время приезжал в Белоруссию Константин Симонов. Он захотел видеть того самого Ткачёва, служащего тогда военным прокурором. Они вместе поехали по общим боевым местам:

«Под Невелем в колхозе рассказал я ему историю: стоим вот тут, видим, немцы к колодцу идут, женщиной прикрываясь, как живым щитом. Так я изловчился, одного убил, другого ранил. А мне и отвечают: «Так то ж наша Нюра!» Доярка. Обнялись с ней. Симонов потом рассказ об этом написал». И всё никак не всплывает в его памяти тот день, о котором я знаю, - и вот подталкиваю к нему, подвожу...

Иван Терентьевич кивает: да, и такое есть в его арсенале. Проглатывает детали, выпуливает известные мне факты, оставляя за бортом то, что в душе. Я буду потом его пытаться, чтобы докопаться, - и ничего не добыюсь.

Сами выбирали цели

Они стояли в местечке Турки-Перевоз. Получили в тот день почту: письмо безымянному «самому храброму воину» написала юная Валя из Ленинграда, потерявшая в блокаду семью, с просьбой отомстить за родителей. Письмо жгло карман. Пошли «на охоту» с напарником, Колей Поповым. Залегли. В прицел видно и умы-вальники, и места для чистки обуви, и зем-лянки. И черты лица... Взяли на мушку двоих офицеров. Уложили. За офицерами

пришли солдаты - сняли и тех, пытавшихся оттащить тела. И вот на сцене ещё двое: долговязый, с перевязанным глазом, хилый солдатик тащит куда-то ящик с патронами, и офицер, сбивший его с ног: «Куда, идиот, прёшь! Не видишь, снайпер работает!» Солдат растерянно присел, но не скрылся, стал размазывать слёзы по увечному ли-цу... Офицера убил Коля. Долговязый дос-тавался Ткачёву. Он целился, долго рас-сматривал его лицо, потом снял палец со спускового крючка...

**Таким Иван Ткачёв вернулся домой.
Фото: Из личного архива**

Почему?! Даже не зная, что случится потом, - почему?! Жалость к врагу? «Мы сами выбрали себе цели...» Он не смог мне ответить, что это было. Не больше, чем просто день на войне. Иван Терентьевич забыл о долговязом, которому подарил жизнь. Забыл до 1952-го, когда война сама напомнила о себе и как на ладони поднесла дар. Ему ненужный...

- Я поехал в Москву, встретился там с Колей Поповым и оказался на выставке ГДР в Парке Горького. Иду, встречаю немецкую группу, и что-то во мне начинает шевелиться, какое-то узнавание - вот этот высокий, с искусственным глазом, шрамом на щеке, весь какой-то хлипкий... Подо-шёл, спросил про Турки-Перевоз, 43-й год. Тот на ломаном русском ответил, что да, был там и помнит тот день, когда - недавно из госпиталя - тащил ящик с патронами к пулемёту, офицер сбил с ног:

«Идиот!» Че-рез неделю его комиссовали по ранению в тыл...

- У вас, наверное, душа перевернулась? - пытаюсь я растормошить старика, которого в 1952 г. в Парке Горького косну-лась длань Судьбы: «Да в те года с ино-странцами-то не особо было дружбу во-дить».

А иностранец всё запомнил: и день в 1943-м, и фамилию Ивана Терентьевича, и адрес военной академии, где тот тогда учился. Вернулся в Берлин, рассказал о встрече жене. И вскоре в Россию пришло письмо... В конверте - фотография, на ней Вилли и три девочки, все как одна - темно-волосые, хрупкие и похожие на отца... «Дорогой друг! - писала жена бывшего не-мецкого солдата бывшему русскому снайперу. - Если бы не твоё великодушие, то этих милых деток могло бы и не быть! Приезжай в гости! Очень ждём!» - по памяти пересказывает Иван Терентьевич. Письмо дошло до особого отдела, там его долго журили. Он сам выбирал себе цели...

Вскоре армия, где продолжал служить Ткачёв, была в Берлине на учениях. Эту историю раскопали газеты. Фото Вани увидела жена Вилли, прибежала в расположение части с одной из черноволосых дочек, стала просить разрешения, чтобы тот приехал в гости: «У нас уже и подарки готовы». И Ваня стоял рядом, и кивал головой, и про себя думал: «Зачем мне это, мало ли, вечером уже, слава богу, домой...» В гости не пошёл.

Он так и не объяснит, ни почему снял палец со спускового крючка, ни почему не пошёл к Вилли и дочкам в гости, ни почему эти 169 других не тревожат его покой, ни о чём он молит Бога на акафисте по средам. Я спрошу про 22 июня, день начала войны: «Посмотрю фильмы по телевизору, никуда не пойду. Прошло уже время. Та война сейчас для всех - как кино».

И только три черноголовые девочки - и где-то их дети и внуки - как есть во пло-ти. Вопреки законам войны.

**Статья из газеты: Еженедельник «Ар-
гументы и Факты» № 26 25/06/2014**

НАТАЛЬЯ МАНТЕЛЬ: «ПУТЕШЕСТВУЙТЕ САМОСТОЯТЕЛЬНО» ПО ЖИЗНИ

Наталья Мантель, 49 лет. В эмиграции — уже более 17 лет. И сама ее жизнь напоминает собой длительное путешествие. Сначала еще школьницей она переехала с мамой из маленького закрытого городка в Москву, а потом к этому прибавилась целая коллекция стран: Германия, Португалия, Ирландия.

Почти 11 лет Наталья делится обширным страноведческим и жизненным опытом на туристическом сервере <http://etur.ru/experts/7>, являясь экспертом по Германии. Здесь же, на этом сервере, размещены ее наблюдения и впечатления о жизни в Португалии и Ирландии. А совсем недавно, как Вы уже знаете из предыдущего выпуска нашего журнала, накопившиеся за время консультаций материалы по Германии Наталья оформила в отдельную книгу «Эксперт-путеводитель по Германии», которую в конце этого года выпустит в свет одно из российских издательств.

Естественно, реализуя свой проект «Энциклопедия эмигранта», я просто не могла обойти вниманием личность с такой богатой историей проживания за границей. И на страницах нашего журнала я попытаюсь раскрыть образ Натальи Мантель именно через ее личностное становление. Жизнь Натальи — убедительный пример того, что цельность характера, самостоятельность, упорство в реализации своих планов есть залог не только внутренней свободы, но и свободы передвижения по миру.

Итак, предлагаю Вашему вниманию историю Натальи Мантель.

«Характер — нордический»

Я родилась и закончила среднюю школу в Челябинске-40. Город этот до сих пор закрыт для въезда посторонних, не имеющих там близких родственников лю-дей, так как рядом с ним расположен хим-комбинат «Маяк», производящий изотопы. Здесь работал И. Курчатов и была изобретена первая атомная бомба, а в 1958 году произошел взрыв покрупнее, чем в Чернобыле. Но город спасло то, что ветер подул в другую сторону. До сих пор там и в округе — повышенный радиоактивный фон: счетчик Гейгера просто «зашкаливает».

С 1978 после маминого второго замужества я оказалась в Москве, поступив учиться на закрытые МИДовские курсы машинописи и стенографии, где конкурс был тогда как в театральном вузе — 100 человек на место: после окончания этих курсов открывалась возможность поехать работать при посольстве СССР за границу. Правда, я проучилась там всего 1 год вме-сто двух и после практики осталась работ-ать в системе «Интурист» (международные авиакасси в гостинице «Метрополь»), затем работала еще в других престижных ведомствах и министерствах, даже сделала карьеру, став заведующей машбюро, то есть офис-менеджером, переводя это на современный язык.

В ФРГ я переехала в 1993 году в качестве иностранной жены немецкого гражданина. Надо сказать, я всегда хотела жить именно в Германии, хотя это желание долгое время было абсолютно неосуществимо для таких, как я, не имеющих предков немецкой националь-

ности. Хотя, по иронии судьбы, мой дед был родом из-под Энгельса (бывшего Покровска), но его «угораздило» родиться в селе, где жили только потомки переселенцев с Украины, а не в поселении поволжских немцев.

С детства я была индивидуалисткой, несмотря на коллективное воспитание с ясельного возраста в советское время. К тому же я — единственный ребенок в се-мье. Поэтому западный образ жизни мне лично очень подходит, и у меня не было особых этических и моральных трудностей в адаптации к условиям жизни в новой стране (Германии), а наоборот, наблюдалась огромная потребность жить только среди продвинутых индивидуалистов, особенно после посещения Западного Берлина летом 1989 года.

Наверное от того, что я — очень упрямая с раннего детства (рождена в год Быка), мне чем сложнее ситуация, тем больше нравится преодолевать жизненные препятствия и до-

бываться поставленной цели. Да к тому же я — Дева, поэтому врожденная любовь к порядку, системному мышлению и аналитический склад ума помогли мне еще в школе и после — в Германии. Затем математические способности передались и моему сыну, такому же упрямцу (Телец!), как и я.

Изучению немецкого языка с самого начала после переезда в ФРГ я придавала первостепенное значение. Еще в детстве я на чисто интуитивном уровне решила для себя учить только немецкий язык и не позволила маме отдать меня в английскую спецшколу, которая была ближе к нашему дому и учеба в ней была намного престижнее. Я хорошо знала в школе (теорию), после ее окончания еще год занималась с частным преподавателем и затем 2 семестра изучала немецкий на специализированных курсах от МИДа СССР. Но затем 15 лет я практически не использовала эти знания.

Как я уже писала, Германию я очень полюбила еще задолго до переезда туда, а немецкий язык до сих пор — мой самый любимый среди иностранных языков, а поэтому и самый легкий для меня при изучении, несмотря на всю его закомплексованную грамматику. 17 лет назад в Германии иностранным женам не нужно было в обязательном порядке посещать интеграционные курсы. В связи с тем, что в первый год моей «немецкой» жизни нас с мужем по разным причинам пришлось часто переезжать, я не могла посещать платные языковые курсы в одном городе. По-этому я самостоятельно каждый день минимум по 2-3 часа занималась по грамматическим справочникам, включая обязательное чтение немецких газет и книг.

И еще помог тот момент, что в семье я могла общаться только по-немецки, как и в окружавшей меня преимущественно немецко-говорящей среде. При этом контакт с бывшими соотечественниками был в принципе возможен, но редкий, так как мы никогда не жили в эмигрантско-социальном «гетто», то есть в тех районах, где преимущественно находится социальное жилье и живут получатели социального пособия, в том числе и коренные немцы, или в этническом квартале, где живут преимущественно лица одной национальности, скажем, турки.

Результат не заставил себя ждать, и уже через год меня приняли на работу продавцом-пекарем на полный рабочий день в небольшом кафе на центральном ж.д. вокзале Кельна. Я должна была, как и мои коллеги-немки или иностранки-студентки, родившиеся здесь и учившиеся в немецкой школе, не только быстро работать, но и общаться на хорошем немецком с клиентами, прибывшими туда со всей Германии, причем никаких поблажек мне как русской не делалось.

Наоборот, надо было сначала «выстоять» в пробный период в течение месяца и уже в течение первой недели выучить названия всего предлагаемого ассортимента, научиться его готовить, а также запомнить все цены и не оши-

баться при расчетах. Ведь недостачу надо было покрывать из собственного кармана. И все это не то, что в темпе «вальса», а быстрой «польки», как и положено в привокзальном бистро. Работать приходилось в 2 смены: если в первой половине дня, то вставать нужно было уже в полпятого утра (почти час уходил на дорогу), чтобы в шесть часов уже открывать кафе. Мне, до этого работавшей офис-менеджером с 9 или даже с 10 часов утра, пришлось полностью перестраиваться, прежде всего, физически, а работы я никогда не боялась!

Мой первый брак в Германии не сложился ввиду того, что семья мужа меня так и не смогла принять. И мужу пришлось выбирать между мной и родственниками. Он, в итоге, выбрал последних. Но пока все это тянулось в вялотекущем ритме семейного противостояния, я «врачевала» душу трудом: работала в выходные дни и в праздники, чтобы как можно реже быть дома, а также посвящала все свободное время самостоятельным занятиям немецким языком или прогулкам на свежем воздухе, поближе к природе, благо, что воз-вращаться с работы мне нужно было через парк.

И еще я никогда не жалела деньги на изучение немецкого, а затем и английского языка. Причем я сама зарабатывала их в Германии и могла отказать себе во всем, даже в водительских правах, но оплачивала самостоятельно учебу на платных языковых курсах, то есть, не ждала подачи или милости ни от государства, ни от мужа. Не зря гласит мудрое изречение: «Когда есть желание, есть тысяча возможностей, а когда нет желания, есть тысяча причин».

Как следствие очень напряженного труда в гастрономии уже после окончания первого года работы мне пришлось в срочном порядке согласиться на операцию на левой кисти руки, где выросла гидрома. Увидев мою руку в гипсе, шеф сразу же меня уволил. И в течение полутора лет я была на больничном из-за врачебной ошибки: мне дважды в частной врачебной практике и даже в больнице неудачно прооперировали руку. В этот период мне было запрещено работать, но я не теряла времени даром и прошла сначала тестирование в ведомстве по труду, получив разрешение на переобучение в коммерческой сфере, а также направление на курсы немецкого языка, где я могла бы повысить свой уровень до такого, который был необходим для обучения в государственной системе, то есть бесплатной, профессионального образования и переквалификации для взрослых.

Я сама нашла такую Профакадemiю в Бонне и успешно сдала там экзамены на факультет «Специалист в области туризма», так как путешествия всегда были моим самым любимым хобби, а работа в туризме — не только мечтой, но и продолжением моей российской карьеры. Меня поставили на лист ожидания, так как прошедших тестирование было больше, чем учебных мест, и уже через полгода после вступительных экзаменов я получила

приглашение на обучение, хотя окончательное решение принимало ведомство по труду, которое и оплачивало все расходы в данном случае. Однако, по семейным обстоятельствам (второе замужество и переезд в другую федеральную землю) я не смогла обучаться в данном учебном заведении.

Работая продавцом посменно, я не могла посещать языковые курсы, поэтому я выбрала курс «Немецкий язык и литературоведение» в частном заочном институте в Гамбурге, одном из самых крупных в Германии, несмотря на то, что это было довольно-таки дорогое удовольствие, оплачиваемое из моего собственного кармана. Позже именно этот языковой курс с уклоном в немецкую литературу помог мне второй раз гораздо удачнее выйти замуж. Мой нынешний муж — энциклопедически образованный человек, выпускник факультета политологии элитного Мюнхенского университета, большой поклонник Ф. Достоевского и русской культуры в целом.

В 1997 году я вторично вышла замуж и переехала из федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия на юг Баварии.

Через год у нас родился сын, и я посвятила первые 2 года после его рождения уходу за малышом. Мой немецкий муж прилично зарабатывал, полностью обеспечивая нашу семью. Однако тяга к самовыражению все усиливалась, и я, решив стать частным предпринимателем, открыла свою турфирму в 2000 году.

Учитывая тот факт, что мы жили в сельской местности, мне нужно было организовать свою работу так, чтобы, не открывая офис в городе, то есть, без непосредственного общения с клиентами «вживую», все-таки обзавестись ими. Уже тогда, 10 лет назад, мы с мужем правильно оценили возможности и перспективы

всемирной «паутины».

Поэтому я сейчас с гордостью могу сказать, что стояла у истоков интернет-турбизнеса, и у меня было одно из первых русскоговорящих туристических агентств в Германии. Ведь только благодаря растущей популярности моего сайта в сети, в том числе, в результате постоянной раскрутки его в немецко- и русскоязычных поисковиках, у меня появилась возможность выхода на клиентов по всему миру, причем я нигде не делала ставку только на работу с эмигрантами.

Почти 5 лет я занималась частным предпринимательством в области туризма, сделав главный упор на событийность (Европа) для россиян, а также активный и лечебный отдых (в России) для западных немцев. Кстати, благодаря моей любви к российскому Черноморью и желанию сделать этот чудесный уголок популярным местом круглогодичного пребывания для европейцев, в 2003 году там состоялся инфотур для издательства «Трешер» из Берлина, а в начале 2005 года вышел на немецком языке путеводитель по Черноморской Ривьере.

«Трешер» — это чисто немецкое издательство и работают там только немцы, в том числе и авторы путеводителей по России, Украине и другим странам Восточной Европы и бывшим республикам СССР. Немцы вообще никогда не переводят путеводители, так как считают, что автор-иностранец не сможет передать в содержании путеводителя то, что будет интересно именно немцам. Да и путеводители у них — это не просто маленькие энциклопедии с историческими фактами или сведениями о природе и архитектуре, а сборники полезных советов, которые будут интересны прежде всего самим немцам!

А получилось все следующим образом. На

меня вышла администрация одного из отелей в Туапсинском регионе с предложением организовать инфо-тур. Я разослала приглашение тем журналистам, с которыми я познакомилась во время проведения двух нижеприведенных выставок, но никто не смог поехать. Зато согласилось руководство этого издательства и еще фотокорреспондент. Им идея понравилась, и они послали на несколько месяцев в командировку автора, который уже написал книги о Москве, Питере, Сибири, чтобы он и этот регион на Черном море изучил.

Случилось так, что еще задолго до решения Всемирного Олимпийского комитета о проведении зимней Олимпиады Сочи в 2014 году я повсюду рекламировала российское Черноморье на собственных стендах на международных выставках-ярмарках, где вообще Российская Федерация была впервые представлена именно моей турфирмой «Event-Reiseagentur»: в январе на СМТ (Caravan-Motor -Travel- Трейлер-Мотор-Путешествие) — в Штут-гарте (специализация «гольф и Wellness») и в феврале на СВР (Caravan-Boot-Reise — трейлер — лодка — путешествие) — в Мюнхене. Это — самые крупные туры-ставки на юге Германии, которые проводятся там уже более 30 лет.

**Фото: На выставке в Мюнхене.
2003 год**

За этот настоящий подвиг для начинающей бизнес-леди я была удостоена приема на вилле нового Генерального консула РФ, приступившего тогда к своей деятельности в столице Баварии. Сам факт присутствия представителя России на этих двух ведущих мероприятиях для юга Германии имел эффект «разорвавшейся бомбы». Тем более, что на этих выставках был сделан упор на российские субтропики, о наличии которых не знали не только многие немецкие журналисты, но и даже признанные знатоки России в Германии.

Летом 2005 года мы всей семьей переехали в Португалию. Мой муж, к тому времени, был уже 2 года как на пенсии. И нам захотелось

отдохнуть от снежных зим в предгорьях Альп: мы жили на самом юге Баварии. Поэтому мне пришлось закрыть свою турфирму, так как невозможно было самой участвовать в контроле над выполнением конечной услуги.

В Португалии я хоть и изучала с частным преподавателем португальский язык, но у меня почти не было общения по-португальски: вокруг меня многие местные жители говорили по-немецки, в том числе, моя помощница по хозяйству португалка Мария, которая еще с детства с родителями проживала в Германии и вернулась на Родину помочь своей больной матери. За предыдущие 12 лет жизни в ФРГ я окончательно образом закрепила свой тип личности — интроверт, когда важнее всего ориентация во внутрь и прежде всего на себя, хотя я прислушиваюсь к мнению окружающих, то только самых близких и дорогих мне людей (моей семьи). Но никогда не зависела от мнения окружающих и, тем более, большинства.

Мой муж всегда мечтал жить в Ирландии, так как эта страна ему очень нравилась — природа, люди. Куда мы и переехали из-за того, что захотели дать сыну хорошее школьное образование на английском языке, чтобы он знал английский также хорошо, как и свой родной язык, немецкий. Но мы никогда бы не послали его учиться в интернат. Не только в Англии, но и в Ирландии же можно получить приличное школьное образование на английском языке.

Считаю, это все иллюзии насчет общей хорошей школьной системы. Есть просто хорошие школы в такой-то стране. Самое большое количество частных школ в Бельгии, но в России популярны дорогие частные интернаты в Англии. Хотя на мой взгляд, там просто издеваются над детьми, воспитывая их как солдат или как монахов. Я также против обучения в католической школе, так как религия должна быть отделена от школы, как можно дальше.

Нам повезло, что выбранный нами дом находится недалеко от городка, где, на мой взгляд одна, из лучших государственных (бесплатных) гимназий (колледж) в Ирландии. Нашему сыну не нужно учиться в частной школе, где учатся дети ирландской и иностранной элиты, так как он и так уже умеет играть в гольф и полученные им знания, если он и дальше будет также же хорошо учиться, дадут ему возможность поступить в любой престижный (элитный) вуз в Германии или Ирландии, так как высшее образование везде платное.

Наши усилия не прошли даром, и сейчас он учится в городском колледже, куда принимают в ограниченном количестве (только 70) самых способных учеников из ближайшей округи. Удачей оказалось и то, что когда мы искали место проживания, мы нашли подходящий нам дом именно на юго-западе Изумрудного острова с потрясающей природой: почти субтропики с пальмами. У нас нет своего жилья, поэтому мы — свободные птицы и живем, где хотим. И лучше будем снимать дом, чем корячиться

20-30 лет на банковский кредит, зато можем себе позволить всей семьей играть в гольф.

В Ирландии мне нужно, несмотря на изолированный стиль деревенской жизни, постараться найти свой круг общения среди англоязычного местного населения, например, при помощи одноклассников моего сына и его родителей.

Как я уже писала, все эти годы и до сих пор уделяю самое большое внимание дальнейшему изучению немецкого языка, который был и остается единственным языком общения в нашей семье, включая нашего с мужем общего ребенка. Я не только свободно общаюсь со знакомыми нашей семьи, бывшими коллегами моего мужа и другими коренными немцами, которые живут по всему миру, но и вообще немецкий язык стал языком общения для меня как в Португалии, так и в Ирландии, как в обыденной жизни, так и в мировой сети, за исключением Рунета.

Была, конечно же, поначалу возникающая без особых причин необъяснимая грусть-тоска — ностальгия, к тому же я четыре первых года не была в России по разного рода семейным и другим обстоятельствам. Все годы жизни в Германии у меня не было российского ТВ, а это уже была блажь владельца дома (никакой второй «тарелки»), который мы снимали в Баварии. Дом был слишком хорош, что проще было отказаться от русскоязычного ТВ, чем от него!

В то же время, именно эти два факта — как бы двойная изоляция или очень ограниченное общение с русскоязычными эмигрантами, проживающими в ФРГ, помогло мне не только в изучении немецкого языка, но и в проникновении в самую глубь немецкого общества, причем в самые разные его слои, особенно, во время санаторного лечения на немецких курортах, где я успела побывать 3 раза.

И только сменив еще одну страну, я поняла, что ностальгия у меня не по России (не ностальгия места), которая излечима во время отпуска в родных краях, а именно самый «нехороший» вид ностальгии — ностальгия по времени, которого не вернуть. Через 14 лет, уже живя в Португалии, после очередного отпуска в Геленджик, я поняла, что мой дом — это Европа, а малая Родина — это приятное, правда, не всегда, воспоминание. Теперь, бывая в Москве, я уже через неделю начинаю скучать, через 2 недели мне хочется уехать как можно быстрее, а пребывание больше месяца уже подобно пытке.

Я не стала принимать немецкое гражданство, хотя все документы были уже оформлены после одобрительного решения иностранной службы, так как нужно было обязательно отказываться от российского, а это меня не устраивало никоим образом. Нужна была виза на въезд (у меня пожилая мама на Родине одна осталась). Кстати, в Португалии и Ирландии можно иметь двойное гражданство, но сначала нужно через 5 лет проживания получить ПМЖ (постоянную резиденцию).

Чем дольше я живу за границей, тем все уменьшается у меня зависимость в личном общении с русскоговорящими или немецкоговорящими эмигрантами, проживающими в данной местности. Наверное, уже начинает сказываться английский взгляд на жизнь: «Мой дом — моя крепость», а что за ее пределами, мне уже не так важно. Как говорил любимый мною О. Хайям: «Ужлучше быть одной, чем с кем попало». Ну а возможность общаться в «сети» (по скайпу) с подругами и знакомыми в самых разных странах мира помогает пусть в виртуальном, но общении: ведь я могу сама выбирать партнера для беседы и тему для общения.

Люблю порядок и систему, как и все Девы, поэтому для меня не было проблемой научиться в Германии сортировать по видам отходы. С другой стороны, трудность возникает в Москве, так как мне не по себе, когда весь мусор надо класть в один пакет с остатками пищи.

И еще я не понимаю, как можно допустить такое, что после балета «Лебединое озеро» (самые посещаемый иностранцами спектакль) нет в продаже видеокассет или СД на английском о Большом театре, если они вообще-то есть, но где-то на складе. Как можно не реализовывать ходовой товар, который можно продать в считанные минуты?!

Я вообще уже многое не понимаю, как и почему в России так устроено. Поэтому мои друзья и родные называют меня «иностранной туристкой», особенно, когда назначаю им встречу в музее, а не у них дома. А в Ирландии или в Португалии я — немка, так как говорю по-немецки, да и выгляжу тоже: крепкая баварка.

Да, еще я не понимаю, как можно много денег тратить на одежду, или на обувь, тем более купленные по дешевке: я предпочитаю качественный товар и люблю скидки, но никогда не признаюсь своим подругам, что купила их подешевле. Мне наоборот нравится посещать небольшие магазинчики, где еще сохранилось индивидуальное обслуживание и нет подделок азиатского производства.

Кстати, в Португалии введены существенные ограничительные квоты на торговлю изделиями, произведенными в Китае. Португальская обувь получила призы на итальянской выставке обуви и кожи в Милане. Еще там можно купить изделия бразильских модельеров-дизайнеров по доступным ценам. Вообще, Португалия — самая доступная по уровню жизни страна из государств старого Евросоюза.

Ирландия, вообще, ввела практически запрет на торговлю изделиями китайского производства, за исключением крупных магазинов. Здесь нет ни одного китайского магазина, во всяком случае, в том графстве, где проживаем мы с семьей. Ирландцы очень любят вещи собственного производства и лучше не пойдут на поводу у моды, чем будут одевать неизвестно где сделанную, и самое главное, неизвестно, из чего и каким химическим вред-

ным составом обработанную вещь.

И еще я учусь у древних мудрости: важные дела — не самые быстрые, а также умения жить с пользой не только для себя, но и для других, занимать так свое свободное время, приступая к новому проекту для самореализации, чтобы при этом не утомлять своих близких повышенной активностью. Как говорил Вольтер: свободен не тот, кто делает, что хочет, а тот, кто не делает того, что не хочет!

Характер у меня стал более нордический, то есть, более выдержанный и стойкий, в смысле «уметь держать удар судьбы». С годами начинаешь понимать, что любое поражение надо рассматривать как трамплин для будущей победы или предпосылку для нового достижения, о котором сейчас не можешь и мечтать! Этот девиз, кстати, очень подходит для тех, кто находится в разводе или от кого ушел любимый.

Стала более терпеливой, это помогает дожидаться удобного момента. А житейский опыт и логическое мышление подсказывают, как оказаться в нужном месте и в нужный час. Терпение я лично считаю наивысшим даром, которое, согласно народной мудрости, подобно, солнечному лучу может превратить кислую ягоду в сладкое вино.

Терпение и выдержка очень важны как с самого начала во время притирки характеров между мужем и женой, так и после десятка совместно прожитых лет. Целеустремленное желание поэтапно, то есть терпеливо, идти к намеченной цели, например, при изучении немецкого языка, не перепрыгивая через ступени, а последовательно, шаг за шагом, как и в дальнейшей учебе или работе, не говоря уж об открытии собственной фирмы и занятием бизнесом. Спешка хороша лишь при ловле блох!!!

И еще я знаю на собственном опыте, что немцы по своему менталитету отличаются от россиян намного меньше, чем, скажем, японцы от русских. Поэтому я стараюсь искать больше сходства в характере с супругом, чем отличий, а еще никогда не пыталась переделать мужа. И не критикую ни сына, ни супруга, то есть пытаюсь относиться к другим, как бы я хотела, чтобы они относились ко мне (библейская заповедь).

Мне очень повезло, что мой немецкий муж был долгое время холостяком, то есть, он умеет все делать по дому, в том числе прекрасно готовит и любит это делать ежедневно. И еще я наслаждаюсь плодами эмансипации и феминизма: мой муж, как и многие немецкие мужчины не считает, что домашняя работа делится на мужскую и женскую, а есть обязанности, которые надо выполнять вместе или по очереди!

Не так давно на широких просторах Рунета я увидела ответы на вопрос одной женщины о возможности заниматься бизнесом по интернету. Я прочитала некоторые комментарии и в ужас пришла от того, как же не любят в России делиться, тем более, личным опытом.

Ведь автор не призвала открыть коммерческие тайны! Как же легко дух коллективизма социалистического строя выветрился, а свободный обмен мнениями профессионалов и новичков, как это и приняло в цивилизованном капиталистическом обществе, находится еще в зародыше, а жаль!

На немецком ТВ уже несколько лет демонстрируются документальные репортажи тех, кто переехал в другую страну мира, и их участники не боятся поделиться как негативными, так и позитивными результатами освоения нового бизнеса, в том числе и своей бизнес-идеей.

Для меня лично создание интернет-турагентства в Германии в 2000 году было единственной возможностью заниматься частным предпринимательством, живя за городом, а также совмещать бизнес и воспитание двухлетнего тогда сынишки. За весь пятилетний период владения турагентством я только 3-4 раза лично виделась с клиентами, так как диапазон географии их пребывания был с Южно-Сахалинска до Канады.

Для начала через знакомых мне удалось выйти на веб-дизайнера из Москвы, который сделал мне сайт в виде исключения, так как этот профи работал, в основном, только с индустриальными гигантами. Затем я нашла веб-мастера в Берлине, чтобы она (эмигрантка) на русском, английском и немецком языках поддерживала мой сайт постоянно в актуальном режиме и занималась его раскруткой в интернете. Преимущество же google.de было в том, что регистрация там была совершенной бесплатной. Сейчас за дополнительную плату этот самый популярный на Западе поисковик дает с правой стороны платную рекламу сайтов на заданные ключевые слова и фразы.

Воспользовавшись услугами немецкого провайдера, предложившего мне платный хостинг, я выбрала более подходящий мне пакет услуг, в том числе и возможность иметь несколько разных доменов. Это важно было для регистрации в поисковиках: для русскоязычных поисковых машин текст должен преобладать в кириллице, а для всего остального мира — быть написанным латинскими буквами. Хочу сказать, что даже почти 10 лет назад, конкуренция среди провайдеров в ФРГ была уже очень ощутима и можно было подобрать для начала недорогой пакет, содержащий самые необходимые услуги. Скоростной интернет был тогда даже в нашей баварской деревне, причем установили его специально по заявке моего мужа.

Еще одно большое отличие западных поисковых машин от российских:

- на Западе раскрутка происходит медленнее, чем в России, то зато не нужно дополнительных ежемесячных тысячных (в долларах США) вливаний, а надо, чтобы повторялись главные ключевые слова на каждой странице Вашего сайта, тогда он войдет со временем в число первых десятков выдаваемого результата поиска. Здесь главное грамотно и полно дать ключевые слова и фразы, учитывая различия

в менталитете поиска русского-ворящих и западных клиентов. Так например, у немцев есть более 20 различных критериев поиска отелей по месту их нахождения, по специфике гостиницы, не считая ее классификации;

- В России можно заплатить, скажем 3 тысячи долларов США, и в течение 3-4 месяцев Ваш сайт войдет в первую десятку результата поиска, но будет находиться на последних четырех местах. На-работать комбинацию из устоявшихся, наиболее часто встречающихся сочетаний Вам помогут рекламные фирмы, занимающиеся раскруткой сайтов, хотя Вы можете сами попробовать включить что-то новое, подчеркнув Вашу индивидуальность и изобретательность.

Десять лет назад не было такого большого выбора среди возможностей интернет-рекламы, как сейчас для раскрутки сайта, а именно:

- регистрации (платной, но доступной) на тематических серверах и провайдерах, например, сайтов риэлторской фирмы на серверах заграничной или местной недвижимости или турфирм на туристических серверах;

- регистрация на поисковых ресурсах по определённой тематике, например, владельцы частной фирмы могут искать персонал, дав объявление (после регистрации) на онлайн-бирже труда (частный или государственный интернет-ресурс).

Да и самых активных юзеров было тогда гораздо меньше, а сейчас только в Китае, Бразилии, Индии, Германии, Англии и США уже 847 миллионов постоянных пользователей сети и число их продолжает неуклонно расти, в том числе и среди западных пенсионеров. Так например, в ФРГ 70-летних и старше уже 19% от 55 млн лиц, выходящих регулярно в интернет и зарегистрированных на немецких провайдерах.

Теперь об эффективности рекламы:

- несмотря на весь технический прогресс, самым эффективным её видом является «из уст в уста». Так что довольный клиент или покупатель не только принесет единоразовый доход, но и приведет за собой еще несколько потенциальных клиентов (эффект снежного кома) или сам обратится повторно, а возможно станет и постоянным клиентом;

- самые разные виды привычных способов рекламы, которые я лично на испробовала:

1) объявления в печатных СМИ — небольшая вероятность, что именно этот журнал или газета попадет в руки будущему клиенту, но если это — тематическое издание популярно среди той публики, которая может стать Вашей клиентурой, то стоит попробовать, обязательно узнав насчет скидок;

2) объявление на ТВ — очень дорогое, нерентабельно, а для начинающих ЧП совершенно неприемлемо, за исключением может быть бегущей строки по региональному ТВ;

3) участие в тематических выставках — дорого, а отдача может быть минимальной, учитывая большую конкуренцию среди их участ-

ников, а также далеко невысокий уровень посещаемости среди потенциальных клиентов на российских турвыставках: может получиться, что участники будут обмениваться визитками между собой.

Для начинающих ЧП советую, по возможности, посещать тематические международные выставки, где можно набраться опыта от более раскрученных фирм, например, как подавать материал клиенту, поучиться у них маркетингу (изучение рынка сбыта, анализ и прогнозы на будущее): какой регион или вид отдыха востребован клиентом, отсутствие или наличие данной услуги в данном регионе.

Фото: В лучших традициях немецких ремесленников - вывеска с супер-моделью почтовой кареты для постоялого двора с мясной лавкой

Стоит заранее ознакомиться со спецификой менталитета предполагаемой потенциальной клиентуры и культурой (или ее отсутствием) потребления товара (услуг) местным населением и приезжими, в том числе западными и русскоязычными туристами, а также эмигрантами и гастарбайтерами.

До продажи Вами турпакетов надо попытаться заранее просчитать покупателя, который может находиться на другом континенте, а также на всем протяжении необъятной России и пространства бывшего СССР, включая Балтийские страны.

Из интернет-рекламы мною были апробированы:

- платная регистрация на других немецких поисковиках, кроме google, — напрасно потраченные деньги, но для России google.ru — далеко не основной поисковик, здесь важны другие — чисто российские, например, рамблер или яндекс;

- электронная рассылка предложений по купленным базам клиентов — сомнительная затея, обычно вызывает негативную реакцию у западных пользователей и скорее всего они занесут Ваш электронный адрес в спам, тем более, если Вы будите предлагать иное направление или не тот вид отдыха, который они бронировали у продавшего эти данных (кстати, в ФРГ официально запрещено про-

давать базу данных своих клиентов, если речь не идет о продаже данной фирмы или предприятия новому владельцу);

- текстовая реклама на баннерах хорошо раскрученных российских или русскоязычных в Германии сайтах. Это дало положительный результат, но только благодаря тому, что они были грамотно подобраны.

Я считаю, что лучше деньги потратить именно на интернет-рекламу на подходящих Вашей фирме серверах по данной специализации, а также на хорошо посещаемых ресурсах, которые подходят по тематике Вашему бизнесу: скажем, ту-рагенство, специализирующиеся на прода-же индивидуальных туров дает рекламу на туристическом сервере, где основная часть посетителей это — те, кто ищет информацию об индивидуальном туризме.

Также очень важна Ваша осведомленность в этой сфере бизнеса — не бойтесь учиться всю жизнь новому, в том числе и заочно (Fernstudium), то есть самостоятельно, за собственные деньги, так как полученные на родине вузовские дипломы могут оказаться совсем по другому профилю, да и качество преподавания того же туризма в Восточной Европе оставляет желать лучшего.

Проявляйте личную инициативу, ведь на каждый товар есть свой покупатель, и хорошему продавцу не составит большого труда уговорить разместить свой линк на сайтах знакомых, а также владельцев других сайтов, которые напрямую не являются партнерами, но понимают, что благодаря этим обоюдные линки и они получают бесплатную дополнительную рекламу.

Если раньше сайт был в основном визитной карточкой, то теперь это, прежде всего, — каталог предлагаемой продукции или предоставляемых услуг. Личное или коллективное фото помогает заранее расположить к себе клиента, вызвать у него доверие и очень рекомендуется, например, адвокату или психологу — представителям свободных профессий (Freiberufler), так и другим ЧП, например, турагенству.

В Германии уже тогда практиковалось золотое правило — не более трех щелчков мышью для того, чтобы клиент заинтересовался и нашел подходящее ему предложение. Поэтому схематическое расположение материала на Вашей главной страничке должно иметь такую структуру, чтобы сразу было ясно и понятно, чем занимается Ваша фирма, список продукции (услуг) и где Вы находитесь (немецкая или интернациональная фирма), а также сразу бросались в глаза языковые версии, если они есть.

Надо подать материал так, чтобы даже юзер-«чайник» без труда из общего раздела, скажем, слева или наверху по горизонтали, вышел на нужный ему подраздел. Если для приобретения товара или оплаты услуг нужна обязательная регистрация, то надо доступно объяснить, как это можно сделать, а отметка о регистрации должна быть вынесена также на

главную страницу на заметное с первого взгляда место — лучше в верхний правый угол.

Графический дизайн тоже ушел далеко вперед, теперь можно, скажем, поделить одежду не только поворачивать, но и представить их в трехмерном измерении. Но это доступно поначалу далеко не всем, да и во все не обязательно, лучше сконцентрировать на качестве товара! Для онлайн-магазинов и расчета за услуги существуют разные системы онлайн-оплаты, как российские, так и международные.

В дополнение к этому можно предложить воспользоваться услугами банковского перевода, как за границу, так и внутри одной страны, так как не все потенциальные клиенты доверяют оплате кредиткой или вообще ее имеют, особенно, за пределами ЕС.

В любом случае, интернет-бизнес — это та же предпринимательская деятельность. Поэтому сначала нужно узнать, как и где правильно оформить разрешение на занятие данным видом предпринимательства (Gewerbe-Anmeldung). Об особенностях различных форм предпринимательской деятельности именно в области туризма я расскажу в продолжении этой статьи.

Нужно также заранее осведомиться в налоговой инспекции (Finanzamt) или проконсультироваться с налоговым советником (Steuerberater) о размере и порядке выплаты налога с прибыли за каждую указанную Вами в лицензии предпринимательскую деятельность, а также о том, обязательно ли Вам брать с клиента НДС.

Поэтому не рекомендую сразу вписывать в одно разрешение несколько видов деятельности, тем более те, которыми Вы планируете заниматься не сразу, а в будущем. Лучше затем доплатить совсем немного и получить дополнительное разрешение на них. В Германии не только часть расходов на фирму можно вычесть из полученного дохода, но и вернуть часть уплаченного налога после окончания календарного года.

В РФ в случае переплаты налога эта разница засчитывается в последующую сумму его оплаты, да и сама система распределения налога с прибыли более закомплексованная: в федеральный, местный и так далее бюджеты. Лучше всего, когда уже все практически готово, сначала подготовить сайт и только затем взять лицензию, так как с даты ее выдачи Вы автоматически заноситесь в налоговый регистр уже как частный предприниматель, а это уже 15% налога с прибыли, включая налог на солидарность.

А также нужно осведомиться о том, облагается ли данный вид предпринимательской деятельности специальным налогом на ремесло (Gewerbesteuer). Для сравнения, в ФРГ физические лица — наемные работники должны платить подоходный налог (Einkommensteuer) от 38 до 50 % от заработка.

А для успеха в бизнесе остается только самая малость — оказаться в нужном месте

в нужный час с востребованной идеей! Для этого помимо удачи нужно заранее проанализировать, что именно Вы можете предложить потенциальному покупателю в отличие от уже имеющихся предложений.

Если это — совершенно новый «продукт», то риска будет больше, ведь никто не может дать никакой гарантии, как воспримут его потенциальные клиенты, но и доход в случае успеха гораздо больше!

Попутно надо как можно более четко определиться с возникающими дополнительными затратами, в том числе на трансфер к месту проживания, экскурсии на русском или других языках, или же на доставку товара, чтобы адекватно сорганизоваться с ценами на услуги или продукцию.

Поэтому сначала не следует ориентироваться на большие доходы, более того, хорошо бы покрыть расходы в первые год-два деятельности (налоговая служба ФРГ хоть дает 3-4 года на раскрутку бизнеса, но если и 3-й год подряд будут лишь убытки, то порекомендует закрыть это де-ло).

Не рискуйте необдуманно, какими бы заманчивыми не казались Вам возможность или предложение от третьего лица. Ведь большие проценты или слишком прибыльный оборот это, как правило, — противозаконно или фикция (мошенничество), то есть элементарный развод на деньги. Об особенностях и рисках туристического (выездного за границу Евросоюза), бизнесе поговорим в следующий раз, в продолжении данной статьи.

Для тех, кто будет предлагать сервисные услуги, в том числе и туризм, так-же нужно сначала внимательно изучить уже имеющийся рынок подобных предложений и постараться правильно определить и занять в нем свою нишу. И домохозяйка без специального образования может стать в качестве ЧП успешной бизнес-леди!

Причем идеи для этого подчас быть стары, как мир! Умелая хозяйка вместе со своими помощницами может организовать катеринг (кулинарное выездное обслуживание) по ори-

гинальным или бабушкиным или национальным рецептам. Здесь надо проанализировать, что Вы можете быстрее, лучше, качественнее и доступнее приготовить, чем рестораны в округе. Ведь многие фирмы не имеют своих столовых, и питаться клеркам в кафе слишком дорого, так почему бы не заключить с ними контракт на обеденное обслуживание.

Нужно только учесть, что готовить нужно будет в специально оборудованном для этого помещении с профессиональной кухней, правильным хранением продуктов и с разрешения санитарной службы, как стационарно — часть этажа с отдельным входом или пристройка к дому, так и подвижный фургон, например, автогриль. Или же Вы будите готовить на кухне у Вашего клиента, если речь идет о помощи в ведении домашнего хозяйства — приготовлении пищи частным лицам.

А почему бы Вам не создать интернет-шоп с пошивом или вязкой изделий на заказ, даже если Вы сами не умеете держать ножниц в руках, но в Вас пропадает талант администратора, и Вы сами прилично разбираетесь в моде. А выполнять заказы будут надомницы — иностранные жены или домохозяйки из этнических и трудовых эмигрантов, занимающиеся воспитанием несовершеннолетних детей.

Даже женщины могут организовать транспортную фирму по блиц-переезду, если среди них будет пара крепышек и водительские права, подтвержденные в немецкой автошколе и хотя бы одна сотрудница, владеющая немецким языком.

Главное все делать законно, то есть иметь разрешение на занятие частным предпринимательством и налоговый номер, в том числе и у Вашего персонала, даже если Вы будите посредником (Vermittler), в том числе и свахой (Heiratsvermittlung).

Если Вы найдете свою «фишку», это уже — половина успеха, другая половина — грамотно и нацеленно это подать. Надеюсь, что Вам поможет в этом данный материал! Дерзайте и у Вас все получится! Дорогу осилит идущий!

«Der Wille ist das Gesetz» (Immanuel Kant)

Как я уже писала, с самого раннего детства неосознанно для себя начала любить немецкий язык. Когда мне было чуть больше 6-ти лет, то решался вопрос, стоит ли отдавать меня в обычную или в престижную спецшколу, где уже со 2-го класса начинался процесс углубленного изучения английского. Да и находилась эта спецшкола ближе, чем восьмилетка. Хочу напомнить Вам, что это было в конце 60-х годов, и в простых школах в провинциальных городках трудились за обычный учительский оклад отличные преподаватели.

«Желание — это закон» /Эммануил Кант/

Я уперлась как «бык рогами в землю», заявив, что буду учить только немецкий потому, что в нашей семье все взрослые учили только его. И поставила ультиматум: или я ухожу из дома или мне разрешают с 5-го класса изучать мой горячо любимый немецкий язык. Я бы на нем еще раньше заговорила, но это было невозможно и пришлось подождать первых четыре учебных года.

И это было необъяснимое тогда, но всепоглощающее желание — как можно быстрее овладеть этим языком, научиться выразить

на нем свои мысли и чувства, а не только говорить. Я бы ни тогда, ни поз-же ни за что на свете не променяла бы свою любовь к немецкому ни на какую самую успешную перспективу в будущем. Поэтому я обожала всех часто менявшихся «немок», а два последних учебных года моей классной руководительницей стала учительница немецкого Ольга Ивановна Головина. С ней я переписываюсь до сих пор и очень горжусь этой испытанной временем дружбой.

В 11 лет я сама пыталась перевести на русский с немецкого датскую и ирландскую сказки из красочно оформленной книжки издательства ГДР, подаренной моей тетушкой. Однако, сделать это было невозможно, не зная временных форм глаголов.

Я с детства читала с увлечением переводную классическую немецкую литературу, в том числе байки барона Мюнхаузена и сказки Гофмана, а писатель Стефан Цвейг до сих пор остается моим самым любимым новеллистом. Будучи беременной, я прочитала все его произведения из 9-ти или 10-томного московского издания, включая все эссе и неоконченный роман. Сейчас я без труда читаю его по-немецки, но больше люблю, именно в переводе, так как в сочетании с богатством русского языка его чувственные новеллы становятся шедеврами этого жанра.

А вот стихи и прозу И.В. Гете я предпочитаю только в оригинале. Особенно, любовную историю в письмах «Страдания молодого Вертера», где у меня есть любимый пассаж

наступлении весны. По-немецки эти строчки звучат гениально, а вот в русском переводе такого «смакования» текста уже нет. Помню, как я читала их и плакала от того, что стала не только понимать без труда написанное, но и на-слаждаться языком: когда каждое слово и предложение можно было «попробовать на вкус, словно изысканный деликатес». Современные авторы вряд ли смогут так написать из-за не владения так называемым «языком Гете».

Еще мне очень нравятся едкие сатирические фразы писателя Макса Фриша, где каждое слово «бьет, не в бровь, а в глаз». Для меня он — швейцарский Оскар Уальд, о чем бы он ни говорил: о женщинах или о политике. Как актуальна и сейчас эта, написанная в середине прошлого столетия, фраза:»Die beste Tarnung ist die Wahrheit — die glaubt einem keiner!» — «Лучшая маскировка – это правда, в нее никто не поверит!» (Еще есть такой перевод этой фразы: «Хочешь соврать – скажи правду, и в нее никто не поверит!»).

Читать роман Генриха Белля «По-терянная честь Катарины Блюм» по-немецки было с самого начала очень трудно, так как он написан преимущественно в «Konjunktiv», то есть в сослагательном наклонении. Это — особая глагольная форма, используемая, например, при заполнении полицейских протоколов, когда речь идет о передаче событий от третьего лица. Затем мне это даже понравилось, и я до сих пор очень благодарна заочному платному курсу «Немецкий язык и литературоведение»

(Fernkurs "Deutsch und Literaturkunde), с помощью которого мне удалось довольно таки интенсивно углубиться в немецкую классику и помогло в изучении «Hochdeutsch» — литературного языка на 2-ой и 3-ий год пребывания в ФРГ.

А в школьные годы я усердно зубрила артикли, определенные и неопределенные, спряжение сильных и слабых глаголов, склонение местоимений, прилагательных и существительных и т.п. Немецкий язык считается сложным из-за своей перегруженной грамматики. Ведь только в нем есть 3 формы прошедшего времени, 2 формы будущего времени плюс еще сослагательное наклонение глаголов, также изменяемое по временам: в сложном будущем времени («Futurum II») глагол будет состоять из 3 частей: «Der Brief wird von mir geschrieben werden» — «Письмо будет мною написано». Среднестатистический немец, как правило, им, вообще, не пользуется и зачастую даже не подозревает о его существовании. И только чиновники в своих циркулярах и формулярах постоянно специализируются на его применении, создав свой собственный «бюрократический вариант» — «Beamterdeutsch», очень трудный и запутанный.

Мне лично нравится немецкий язык именно за то, что он схематичный, под стать характеру немцев, пытающихся все систематизировать и разложить «по полочкам». Мне, рожденной под созвездием Дева, очень близко это желание понимать все через логику и анализ. Недаром у меня в школьном аттестате пятерка по алгебре, а одну из геометрических теорем удалось доказать, самостоятельно выйдя на решение, не входившее в школьную программу.

Еще мне очень помогла схема построения предложения, которой меня научили на курсах иностранных языков в Москве. Их я посещала в конце восьмидесятых. В ней сразу же почувствовался хваленный «немецкий порядок» — «deutsche Ordnung». Как в Пруссии, где любили дисциплину и подчиненность не только в армии, но и в грамматике!

Есть правила правописания, есть исключения, их подтверждающие. («Die Ausnahme bestdtigt die Regel»). Однако, самое главное преимущество немецкого языка, на мой взгляд, в том, что там как написано, так и читается! И не надо упражняться, прижимая язык к верхнему небу, как в английском. Лишь несколько сочетаний гласных и согласных звуков связано с их заучиванием наизусть. Отсутствие буквы «й» в немецком алфавите способствовало появлению «ei», произносимых как «ай», и «eu» как «ой».

В немецком языке всего лишь 25 букв по сравнению с русскими 33-мя, по-этому при написании таких нехарактерных для него согласных, как «ч» используют 4 буквы «tsch», для «х» требуется уже только 2 «ch», а «ш» передаётся тремя — «sch», хотя в начале слова перед следующей согласной достаточно одной «s» (sprechen — шпрехен — говорить).

Кстати, на севере Германии, в свобод-

ном ганзейском портовом городе Гамбурге («Hansestadt» — Hamburg) и его окрестностях до сих пор произносят слова так, как они написаны и выражение «am Spitzenstein stoЯen» — «ам шпитцэнштайн штосэн» звучит там так: «ам списэнштайн стосэн» (в переводе: «об острие камня споткнуться»). Именно, такой диалект был у бывшего канцлера ФРГ г-на Гельмута Шмидта.

На юге страны у швабов в федеральной земле Баден-Вюртемберг или в компактных поселениях в юго-западе Баварии (Альгой), наоборот, вообще, нет звуков «с» и «ст», а только сплошной шипящий звук «ш»: не «вурст», а «вуршт» (Wurst — колбаса), не «мистер», а «миштер»! Складывается такое впечатление, что все шепелявят от рождения. Поэтому не случайно швабы, производящие один из самых престижных в мире автомобилей «Мерседес», говорят в телерекламе: «Мы можем все, кроме литературного немецкого языка! — «Wir kennen alles ausser Hochdeutsch!».

Все немцы одинаково мягко произносят букву «л», как в слове «соль». По-этому учтите это и называйте самый демократичный по ценам супермаркет «Aldi» — «Альди», где отовариваются даже немецкие миллионеры. Еще в немецкой грамматике довольно-таки путанно с буквой «V», так как она читается в одних словах как «ф», например, в слове «фатер», отец — «Vater», а в других — как «в» («Вера — Vera»).

У меня была очень хорошая теоретическая база, заложенная в обычной советской школе № 23 в г. Озерске на Южном Урале. И мне удалось, как я уже писала об этом в 1-й части моей истории, в короткое время по приезду в Германию заговорить на правильном немецком, не посещая интеграционные курсы. Но это произошло только благодаря самостоятельным домашним занятиям по 2-3 часа ежедневно с повторением грамматики из учебника и чтением немецкой прессы, пользуясь поначалу очень часто словарем.

Таким образом, я смогла за первые 8 месяцев так освежить свою память, что знания, полученные 15 лет назад помогли мне быстро подняться со «дна немоты» на «ступеньку для продвинутых» — «auf die Fortgeschrittenstufe». Причем не только устно, но и письменно, хотя грамотно научиться писать гораздо труднее, чем правильно говорить.

Еще мне очень быстро помогло и то, что я постоянно находилась в немецко-говорящей среде: дома с мужем, на работе среди коллег и посетителей кафе, не знающих ни слова по-русски. И в быту, и по телевизору, короче, везде звучала только немецкая речь, немецкие книги или газеты, и никакого (в 1994 году) массового доступа в интернет!

Поэтому, всем изучающим немецкий язык (да и любой иностранный!), я хочу посоветовать действовать по этому очень простому, но эффективному принципу: оказавшись в стране изучаемого языка, говорите, как дети, без комплексов внутренней зажатости, без опа-

сений и боязни сказать что-то неправильно. Вас «правильные» немцы, извините за каламбур, обязательно исправят. А Вы никогда не сможете забыть этот прилюдный казус и в следующий раз эту ошибку уже не повторите! навыки

Как гласит русская народная мудрость: «Повторение — мать учения!» И ей вторит немецкая поговорка: «Übung macht den Meister!» При изучении немецкой грамматики никогда не задавайте вопроса: «А почему так?» Ведь это придумано людьми совсем другого образа мышления. Поэтому и дословный перевод не всегда уместен, а иногда и абсурден.

Обязательно проговаривайте новые слова и их перевод вслух (3 раза по-немецки, затем по-русски, затем немецкое слово – его перевод 3 раза). Устраивайте себе через парутройку дней письменную проверку на закрепление усвоения новых слов. Таким образом, у Вас будет задействована и зрительная, и слуховая память. Лучше всего проговаривать слова, двигаясь, например, убирая в доме: как бы Вам не показалось странным, но в движении слова запоминаются лучше, чем когда мы сидим или лежим.

На протяжении всей моей жизни не возникло ни одного момента, который бы заставил меня раскаться в моем детском упрямстве — выборе немецкого языка. Не сомневаюсь, что сверху все это было уже заранее predetermined: и моя «командировка» в Германии продолжительностью в 12 лет с замужеством и рождением общего немецко-русского ребенка.

И даже при переезде затем в другие европейские страны, именно немецкий оказался основным языком общения и в нашей интернациональной семье, и среди новых знакомых. Не исключая при этом изучения португальского и такого до сих пор мной нелюбимого языка, как английский.

Сейчас Вы переживаете непростой период вживания в новую страну, сопровождающийся, к тому же, интенсивным изучением немецкого языка. Ведь за отпущенные по Закону пребывания иностранцев в ФРГ год, максимум полтора, студентам подготовительных языковых курсов необходимо одолеть уровень его владения C3 (это официальное обозначение уровней владения немецкого языка для сдачи экзаменов в Гете-институте на основании шкалы «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком». Аналог уровня C3 — kleines Deutsches Sprachdiplom, подробно об этом на сайте Гете-института в Москве: <http://www.goethe.de/ins/ru/mos/lrn/prf/ruindex.htm/>). Так что нагрузка у Вас в два или может быть в три раза больше, чем у других эмигрантов-новичков.

А любая система даст сбой, если ее постоянно перегружать! Человеческий организм, как и компьютер, имеет ограниченную мощность, хотя потенциал и того, и другого достаточно велик. Поэтому хочу с Вами поделиться сводом правил повышения «коэффициента полезного действия» для студента, которые,

в свое время, значительно облегчили мою адаптацию за рубежом. Эти правила отражают коллективный опыт, мой и моих знакомых, которые учились за границей, в том числе и в Германии.

Надеюсь, что эти советы помогут и Вам:

- как и любому мотору, телу и мозгу надо давать «передышку».

Постарайтесь расслабиться и использовать недолгие минуты отдыха с пользой, например, при помощи йоги или аутогенной тренировки. Ведь этим можно заниматься и самостоятельно даже в очень маленькой комнате.

Очень помогают снять перенапряжение, чтобы быстро уснуть и главное выспаться, даже короткие прогулки перед сном, когда можно просто помолчать или поговорить только о чем-то приятном. Сон — это лучшее «лекарство» от усталости, и по выходным надо обязательно отсыпаться. А еще хорошо покататься на велосипеде, очень успокаивает и расслабляют водные процедуры (обливание, плавание в бассейне или водоеме).

- постарайтесь наладить контакты только с теми студентами, которые идут на общение.

В первую очередь, это касается местных, ведь они видят в Вас потенциальных конкурентов в будущем, угрозу занять их вакансию и на практике, и после окончания вуза. Ведь распределения нет, и каждый будет обязан сам искать работу. А у Вас есть козырь, которого нет у них — русский язык (дополнительный иностранный в Германии).

Старайтесь не навлекать на себя негативных эмоций со стороны окружающих и даже их недоброжелательных взглядов. Ведь энергетика — это материальная субстанция! Даже если Ваш круг знакомых состоит сейчас лишь из местных сокурсников, это — не проблема. Ваша задача — выделить из них единомышленников или тех, с кем у Вас обнаружилось общие интересы (спорт или танцы, например), а иногда и проблемы, скажем, поиск комнаты в студенческой коммуналке.

И у меня поначалу в Германии были только иностранцы-знакомые. В этом есть и положительные моменты — чужбина сплавляет единомышленников и людей, «настроенных на одну волну»! Иногда именно за границей находишь таких замечательных людей, с которыми никогда бы не столкнулся или не пересекся на Родине, даже живя в одном городе. Недаром Герцен писал: «Общение с иностранцем — это как повышение в должности!».

С местными жителями Вы можете наладить контакт и помимо Вашего вуза, и это будут совсем другие отношения. Что важно, общайтесь только с доброжелательными людьми, независимо от их профессии: пусть это будет пекарь, у которого Вы покупаете булочки, или мясник, а может быть, торговец овощами на рынке или про-сто соседи.

На месте подработки не рассчитывайте на особую любовь со стороны персон-нала, так как и там Вы — конкурент. Но иногда возникают очень тесные отношения именно с товарищами

по работе. Только, ни в коем случае, не надо заводить романтические отношения, особенно, с шефом. Иначе можно лишиться рабочего места, когда он сменит пассию!

- на Западе в вузах практикуется тьюторство.

Это — шефство со стороны старшекурсников или преподавателей-кураторов. И дело тут не в возрасте, а в отношении к собственному предмету. Многие из преподавателей будут только рады, если Вы их попросите позаниматься с Вами после занятий. Это может быть как разовая консультация, а также систематические занятия. Как и за другую работу, возможно, за них надо будет дополнительно оплачивать, но подобные расходы — надежная «инвестиция» в будущее.

Надо не только сконцентрироваться на самых «нужных» преподавателях, но и на всех, которые будут на экзаменах. Не подарки и взятки, а оплаченные дополнительные консультации (Nachhilfe) — вот приработок западных преподавателей.

- Не бойтесь сделать ошибку!

Когда Вы говорите или пишете, не пугайтесь и, главное, не стесняйтесь что-то неправильно произнести или написать на бумаге. Помните, что «не ошибаются только дураки или тот, кто не работает!», а также, что «людям свойственно ошибаться!» Вас обязательно исправят, и пусть иногда кто-то посмеется, но это — глупые люди, с отсутствием правильного воспитания и такта, без малейшего намека на интеллигентность. Вы можете легко поставить на место такого человека, сказав, например, что Вы рады, что он(-а) не забыл(-а) программы начальной школы!

В действительности, говорить с ошибками — это не так плохо, как думать или жить с ошибками! А иногда такой публичный стресс помогает навсегда запомнить правильное написание или произношение. Так что «смеется тот хорошо, кто смеется последним». Постарайтесь понять, в чем кроется суть Вашей ошибки: не поняли тему, неправильно уловили смысл, перепутали падеж или запутались в спряжении глаголов?! Повторяйте время от времени и проверяйте, усвоили ли Вы тот материал или тему, где была допущена ошибка. Ведь, недаром говорят: «Повторение — мать учения!»

Обычно в вопросе уже половина, а то и большая часть ответа, нужно только изменить конструкцию предложения, то есть вместо вопросительного слова поставить ответ или поменять местами сказуемое (в вопросе оно всегда на первом месте) и подлежащее, а вся остальная часть останется неизменной. Главное, до конца дочитать и постараться понять смысл вопроса, а нет ли там «ловушки», например, на вопрос: какой из данных предметов не имеет отношения к данной теме, даже не зная правильно ответа изначально, можно все равно грамотно ответить, если действовать методом исключения.

- Проще понимать вопрос, если знать, о

чем идет речь.

Поэтому, как выдастся свободное время, «поройтесь» в рунете и поищите материал по данному предмету. Особенно, это помогает по математике и другим точным наукам, ведь формулы и правила везде одинаковые. У меня был справочник по математике еще от моего отца, учившегося в МИФИ, и там все основные темы от простых до сложных были доступно изложены.

Однако, в тех же коммерческих расчетах могут существовать принципиально другие схемы. Поэтому надо уметь отодвинуть в самые дальние «уголки» памяти привычные методики, если это потребуется, и постараться вникнуть в новые формулы, понять их смысл. Не стесняйтесь спрашивать преподавателей во время лекций, они это не только не любят, но и приветствуют. Как говорится: «Вопрос не ударит в нос!», а по-немецки это звучит так: «Frage kostet nichts».

- другой язык — это другая культура и другой образ мышления!

Поэтому касательно грамматических конструкций не стоит задаваться вопросом: «А почему так?». Не надо также стремиться перевести фразу дословно. Это зачастую, просто невозможно, просто постарайтесь поточнее воспринять смысл поставленной задачи. Можно обладать небольшим запасом слов, но сказать о мно-гом, умея их комбинировать или вместо незнакомого вставить уже известное или же объяснить (дать ответ) своими словами. Как говорил мой преподаватель немецкого языка на языковых курсах в Кельне: «Умение понятно объясниться, владея небольшим запасом слов, опираясь на грамматику, это — высший пилотаж!»

Весь учебный материал выучить просто невозможно. Главное, не потерять желания и потребности учиться. Но не зубрить, а уметь «схватить» и понять основную суть и применить это потом на практике! Надо помнить, что Вы учитесь не для того, чтобы сдать экзамен и получить галочку в зачетке, а для дальнейшей трудовой деятельности по изучаемой специальности, вполне возможно, оставшись затем по рабочей визе в Германии. Для того, чтобы стать первоклассным специалистом, надо иметь не столько «обилие извилин», сколько твердую пятую «точку опоры» (harte Sitzfleisch).

- задействуйте в обучении ресурсы своей психики.

Хорошо помогают в процессе изучения нового языка наклейки с переводом слов на тех предметах, которыми они являются, например, на шкаф, на холодильник. Еще можно везде на видные места наклеить фразы, которые трудно запоминаются или же грамматические правила. Так Вы пассивно продолжите изучение, подключая визуальное восприятие. Можете пропевать новые слова и фразы, например, во время подработки уборкой полов или разгрузки мебели, ведь активная мышечная деятельность только увеличивает работу мозга.

Попытайтесь подключить образное и ассоциативное мышление, которое очень помогает при запоминании новых слов и выражений. Поэтому Ваши тексты по грамматике могут быть и из детских книжек с рисунками, изображениями смысла слова, а также из знакомых произведений мировой литературы или с известными фактами истории. Иногда фразы чуждого языка напоминают слова или выражения из родного, вызывая у нас устойчивые ассоциации, например, в болгарском «куча» — это собака, так что можно представить себе забавного пса, «собранного» из кучи хлама, листьев или же костей, это уж как кому удобно!

- не переусердствуйте в своем честолюбии, подменяя жизнь учебой.

Как утверждал Козьма Прутков: «Нельзя объять необъятное!», поэтому смиритесь, что Вы — не гений и не сможете заполнить свой

мозг всем материалом, что предусмотрен учебным планом. Поэтому-му умейте рационально воспользоваться тем объемом информации, который удалось воспринять. Не забывайте, что Вы еще молоды и привлекательны.

Поэтому обязательно выбирайте хотя бы иногда пару часов, чтобы отдохнуть на празднике или же повеселиться вместе с другими на студенческой пирушке. Ведь учеба, она как и «работа — она не волк, в лес не убежит»!

В общем, как говорил великий «железный» канцлер Отто фон Бисмарк: «Живите (насыщенно, наполнено, с пользой), как будто это — последний день, а учитесь так, как будто впереди целая жизнь, то есть не переставая постоянно по-полнять свой кругозор и знания, независимо-мо от возраста!»

Журнал «В загранике»:
<http://vzagranke.ru/zhizn/enciklopediya/mantel-soveti-ne-postoronnego.html>

Ольга Задворных

ИНВАЛИД ИЗ ЧЕЛЯБИНСКА СОЧИНЯЕТ СКАЗКИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Диагноз ДЦП не стал преградой к осуществлению мечты: Игорь Коренев единственный на Южном Урале, кто пишет сказки для детей на немецком.

50-летний Игорь Корнев – настоящий волшебник. Несмотря на сложный ди-агноз и все препятствия, он успешно занимается любимым творчеством. Мужчина стал необычным «сказочником» - он пишет детские рассказы, причем исключительно на немецком языке.

- Я почти 15 лет работал внештатным корреспондентом одной алтайской газеты. И как-то раз эта газета проводила конкурс, я решил поучаствовать. Нужно было описать представленные картинки так, чтобы получилась занимательная история, - вспоминает писатель Игорь Корнев, - Я тогда занял второе место, понял, что у меня получается и решил попробовать написать еще что-нибудь.

Диагноз ДЦП сопровождает Игоря всю жизнь. Свое детство он провел в школе-интернате для инвалидов в Кусе, именно там судьба свела его с учительницей, которая смогла привить любовь к немецкому языку. Так что и после школы Игорь продолжал развивать лингвистические способности. В итоге, однажды ему удалось побывать в Германии, и там, к огромной радости, никто даже не заподозрил в нем туриста – таким чистым оказалось его произношение. А когда мужчина открыл в себе

еще и писательский талант, он стал сочинять сказки сразу на немецком. Сюжеты для новых занимательных историй, говорит Игорь, он встречает повсюду и совершенно случайно.

- Однажды я шел по улице зимой и костылем случайно разбил льдину на дороге. Эта деталь меня вдохновила, и я написал сказку «Леденец для лучика», - рассказал «Хорошим новостям» Игорь Корнев. – Там я описываю, как солнце в своем облачном домике, просыпаясь, опрокинуло ведро с лучиками, все они разбежались и разыгравались на земле. Мама-солнышко смогла их успокоить и собрать вместе, объясняя, что на дворе еще март и им рано гулять. Но один лучик все же ослушался и убежал гулять. В сказке я описываю его увлекательные приключения.

Друзья Игоря, которые не знают немецкого языка, но очень хотели прочесть его творения, уговорили писателя выпустить небольшой сборник в переводе. Теперь книги единственного на Южном Урале «писателя на немецком» есть в библиотеках Челябинска. В копилке автора уже 10 сказок и одна пьеса о Колобке. Игорь Корнев придумал новую версию русской народной сказки, написав ее, конечно же, на немецком.

- Решение творить на немецком языке – это вызов тем редакторам, которые отказывались печатать мои произведения на русском, - признается писатель Игорь Корнев. – А вообще, я, правда, очень люблю немецкий язык, его звучание, произношение. Когда занимаюсь репетиторством, всегда говорю ученикам: «Немецкая грамматика – это как неукрашенная елочка. Если слова, как игрушки, использовать правильно, то можно получить настоящее чудо».

Сейчас писатель, не откладывая на-долго сказки, планирует приступить к более серьезной, исследовательской работе. Игорь Корнев исполнит обещание, которое когда-то дал своей маме, и составит подробную историческую летопись своей семьи.

http://hornews.ru/news/history/invalid_iz_chelyabinska_sochinyaet_skazki_na_nemetskom_yazyike.html

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Умение прощать. Какое это сложное чувство. Как непросто его понять, принять и еще сложнее ему следовать. История государств изобилует событиями, когда они заливались кровью в безжалостных войнах. Легко читать и рассказывать о том, что было сотни лет назад. А как быть, если ты лишился отца, деда, и это добавило в твою жизнь не абстрактных, а реальных трудностей? Тебя лишили отцовской ласки, отцовской поддержки, из-за его потери рано поседела мама? Как это простить врагу, захватчику? Да и возможно ли простить и на кого направить всю еще сохранившуюся злость, отчаяние и ненависть?

Эти вопросы непростые и они стоят до сих пор перед потомками наших погибших воинов Великой Отечественной. Как быть? Думаю главное, не забывать тех, кто сложил свою голову за Родину. А второе, сделать так, чтобы страшная трагедия больше никогда не повторилась. Уверен, таково желание и тех, кто не вернулся с полей сражений.

Этого возможно добиться только тогда, когда посмотришь в глаза тем, с кем история развела по разные стороны баррикады.

Мне удалось это сделать. Я встречался в Германии с бывшими солдатами и даже членами гитлерюгенда. Сейчас это седовласые ветераны. В их глазах я увидел и из их уст услышал искреннее сожаление и нескрываемое чувство вины за ту трагедию, которая пришла в нашу страну с германской стороны. Они многое делают, для того чтобы помочь нашим ветеранам, и чувство уважения к России передают своим детям. Они пишут новую историю взаимоотношений между народами России и Германии, историю дружбы и взаимопонимания.

Я хочу в этом процессе участвовать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Памятный знак похороненным
немецким военнопленным в г. Миассе**

**Дома в Металлургическом районе Челябинска,
построенные военнопленными**

© Periskop.livejournal.com

© Periskop.livejournal.com

**Альберт Хесслер - легендарный радист берлинской
«Красной капеллы»**

Открытие мемориальной доски антифашисту Альберту Хесслеру

Эскиз новой мемориальной доски подготовлен художником Сергеем Черкашиным (крайний справа) по заказу Центра историко-культурного наследия Челябинска.

Члены Ощества дружбы «СССР – ГДР» у первой мемориальной доски А.Хеслеру (крайние: слева – Е. Хавив, справа – М. Клейн).

Выставка российских и немецких художников

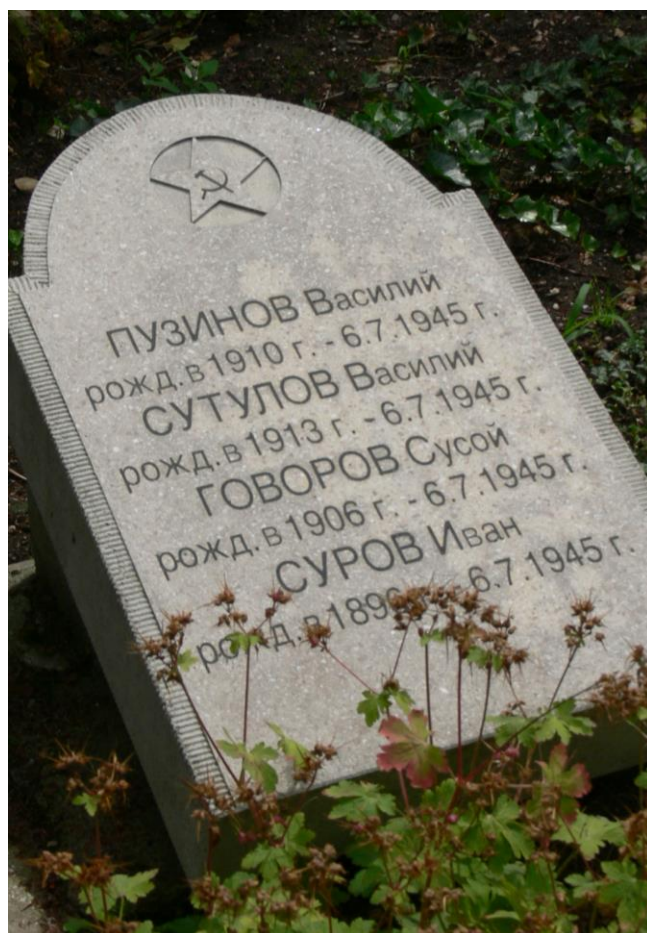

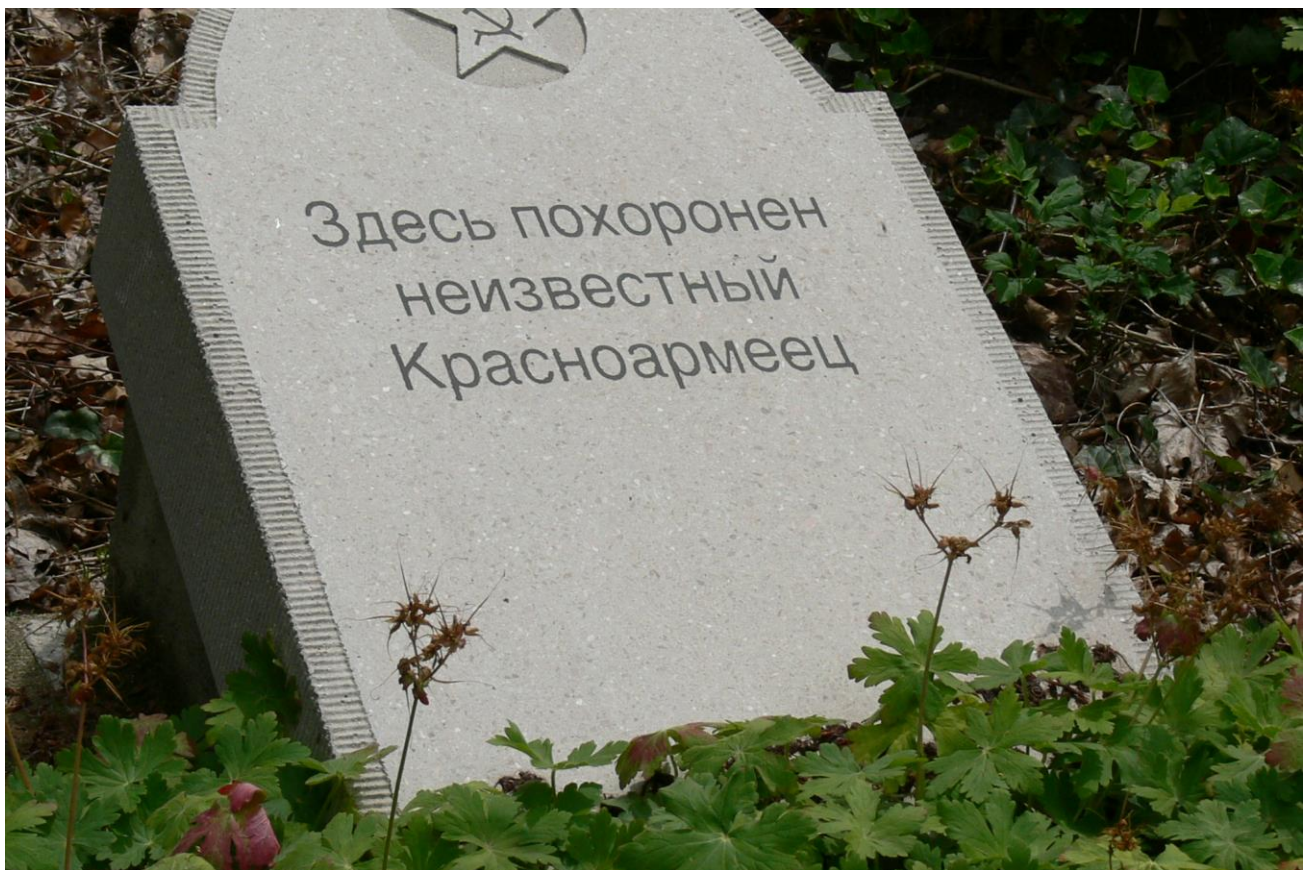

Ветеран войны Виктор Максимов вручает знаки примирения с народом Германии

Захоронения советских солдат в Торгау (ФРГ)

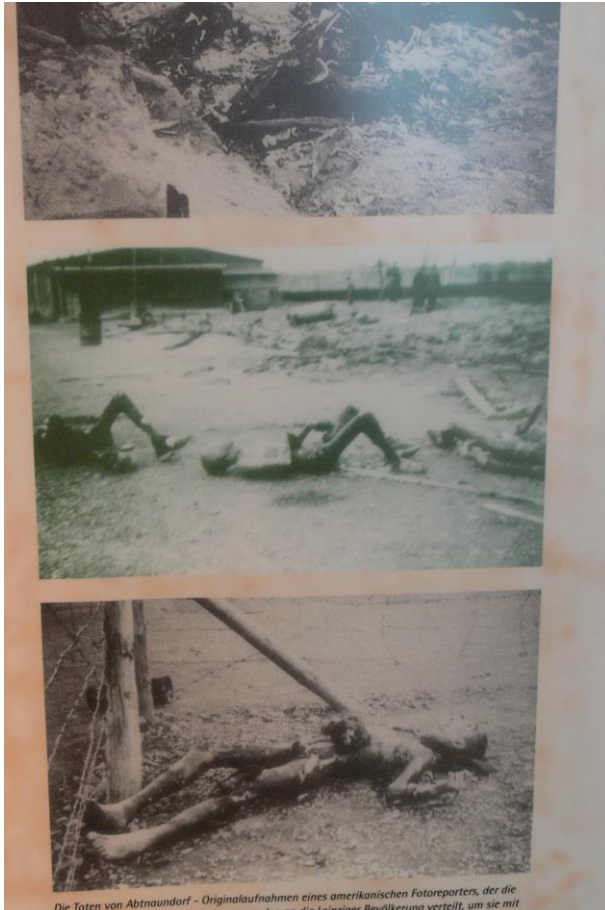
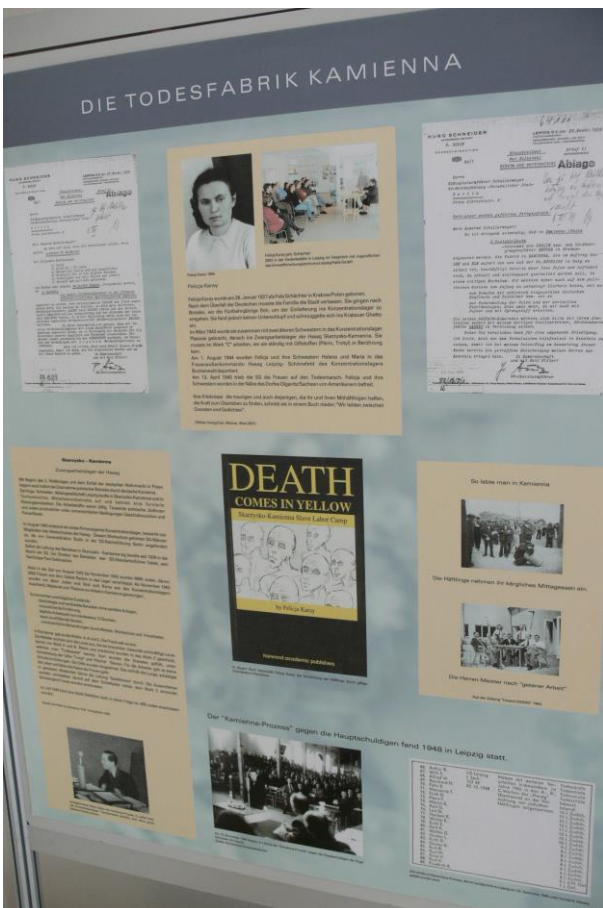
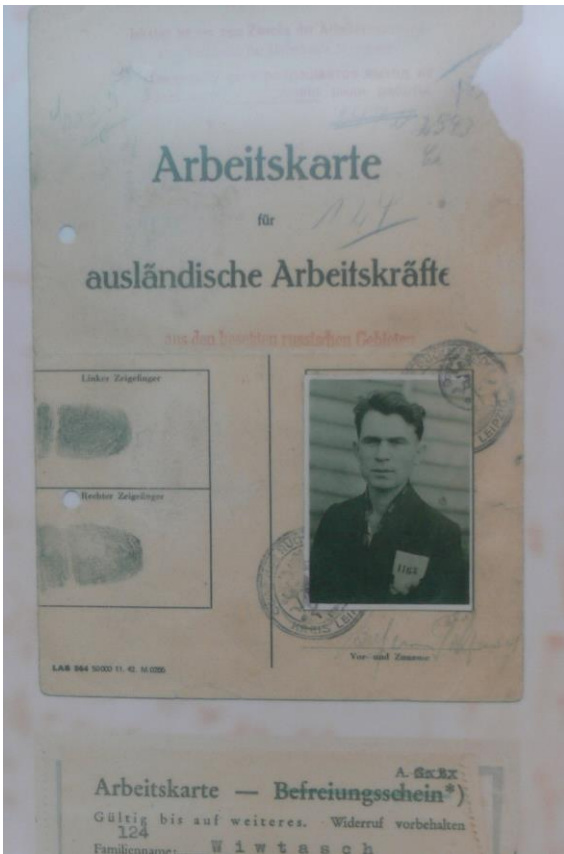

**Доктор Зюс (Дрезден, Германия) –
преподаватель русского языка, первый председатель Общества
помощи ветеранам войны в России**

**Доктор Зюс и председатель правления Немецкого культурного центра (Челябинск)
А. Нахтигаль**

Музей памяти жертв фашизма в Лейпциге

Музей посетила делегации из России

Verbrechen in Abtnaudorf

18. April 1945
 207 inhaftige, gesundheitlich schwache Männer im Lager Abtnaudorf verhaftet. Sie waren zu schwach, auf den Todesmarsch zu gehen. Sie wurden durch die amerikanische Besatzung in den Konzentrationslagern inhaftiert. Während des Todesmarsches wurden die Häftlinge von den SS in Gruppen getrennt, mit Handwagen über den Schnee transportiert und angetrieben. Die Häftlinge verstarben bei ständiger Leibe. Manche verstarben im Schutz der Bäume zu Tode, weil sie sich über die eisigen Schneeberge zu heben versuchten. Mit Panzerfahrzeugen wurde auf sie geschossen.

Am 19. April 1945 für den Todesmarsch vorbereiteten Menschen kamen zum Lager Abtnaudorf von Leipzig, Chemnitz, Zwickau, Plauen und anderen Orten. Auf Befehl des amerikanischen Kommandanten der Stadt Leipzig trennte alle Opfer in Gruppen ab und wurde am 20. April 1945 auf dem Todesmarsch ins Gefängnis.

Mit Unterstützung ausländischer Zwangsarbeiter wurde Baracken in der Nähe errichtet. In diesen Baracken wurden die Opfer untergebracht. Die Baracken wurden in Gruppen abgetrennt und in Gruppen abgetrennt. Sie wurden in Gruppen abgetrennt und in Gruppen abgetrennt.

MASSENBESTATTUNG DER OPFER DER GEBIRGSLEISTUNG
 FEBRUAR 27. APRIL 1945

Zwangsarbeit in den Erla-Maschinenwerken GmbH Leipzig

Im Jahr 1944 wurden 1000 inhaftige Zwangsarbeiter in die Erla-Maschinenwerke GmbH Leipzig verbracht. Die Zwangsarbeiter wurden in den Erla-Maschinenwerken GmbH Leipzig eingesetzt. Die Zwangsarbeiter wurden in den Erla-Maschinenwerken GmbH Leipzig eingesetzt. Die Zwangsarbeiter wurden in den Erla-Maschinenwerken GmbH Leipzig eingesetzt.

Gesamtschichtenplan der Erla-Maschinenwerke GmbH Leipzig

Nr.	Name	Abteilung	Arbeitszeit
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50

INHABER DIESES AUSWEISES
 war aus
 politischen / rassischen / religiösen Gründen
 verfolgt u. in Haft.
 während des nationalsozialistischen Regimes
 verfolgt, verhaftet oder ist Hinterbliebener
 eines solchen

Le détenteur de cette carte a été poursuivi sous le régime nazi pour des raisons d'ordre politiques, raciales ou religieux ou est proche-parent d'un anti-nazi poursuivi et décédé

Nr. der Kennkarte N° de la carte d'identité
 Tübingen

Nr. des Ausweises N° de l'avis
 R 310

Unterschrift: *Hildegard Franz*
 Name: *Hildegard Franz*
 Wohnort: *Ravensburg*
 Straße: *Hilfenburgstr. 34*

Polizeiamt commissariat de police
 Tübingen

48. Bundesmann
Hildegard Franz

Hildegard Franz

Памятник 20 советским и польским детям

Немецкие антифашисты

Originaldokumente wurden vom Grünflächenamt Leipzig Friedhöfe zur Verfügung gestellt.

Handwritten: Italienisch

Todesanzeige für den Ostfriedhof
(Formul Nr. 2372)

am des Verstorbenen: *Nello Stefanopulo*
 Geschlecht: *Maibater*
 Wohnung: *Oberringstr. 10/11, Leipzig*
 Geburtsort - tag und -jahr: *Neapel 23/3. 23*
 Tag und Stunde des Todes: *Neapel 13/11. 44*
 Alter: *21* Jahre Monate Tage Sierberegister-Nr.: *II 1416/44*

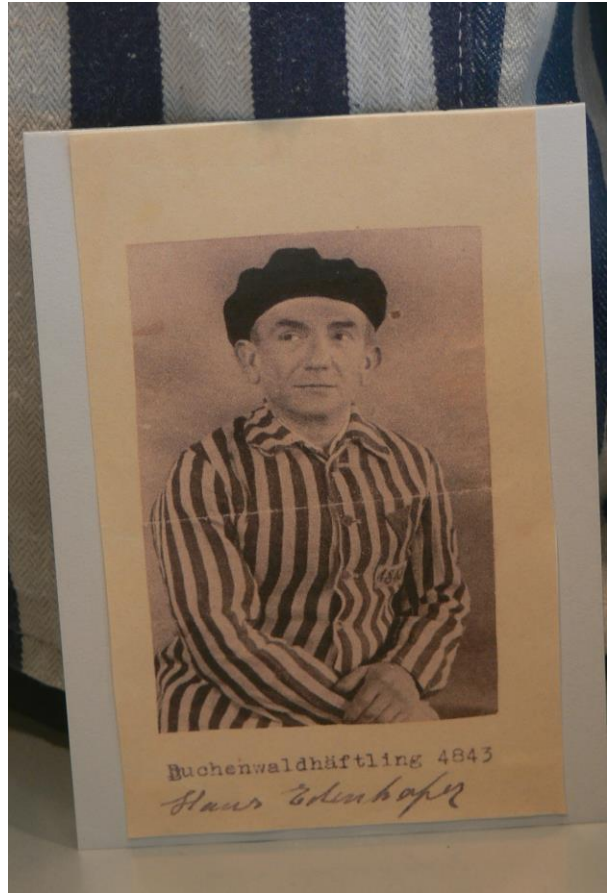
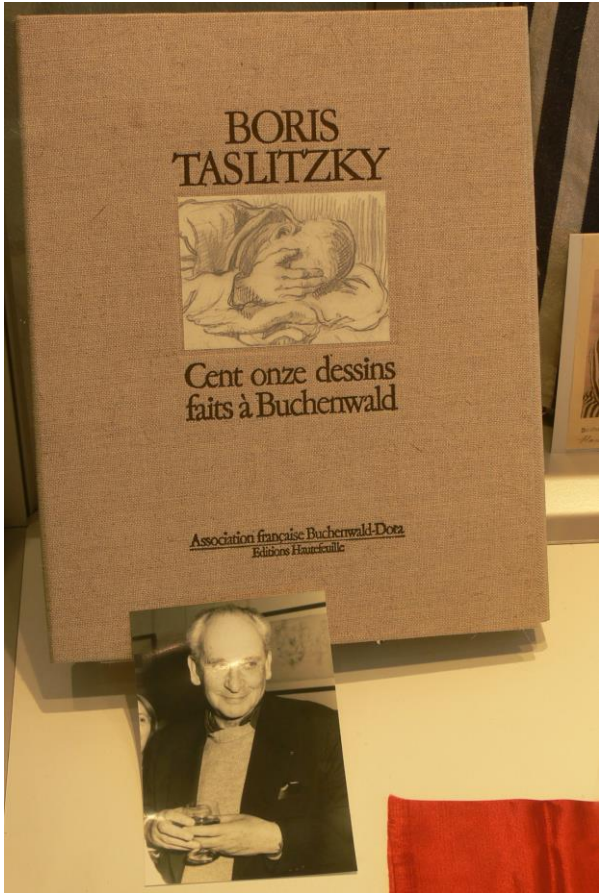
Religion: *Röm. Kath.* Glaubensbekenntnis: *Katholisch*
 Rassenzugehörigkeit: *Italienisch*

Bestattungsort: *Reihengrab - Reihengrab - Erbbegräbnis*
 verfällt am *18. 12. 44*

Bestattungstag und -zeit: *Montag* um *8:30* Uhr
 Bestattungsort: *Hainhof*

Ich bin mit der künftigen Veröffentlichung der Bestattung in den Tagesblätter einverstanden.

**Памятник
советским воинам-освободителям от фашизма
в Хайдену (пригород Дрездена)**

Возложение венков делегацией из России (Москва, Екатеринбург, Челябинск)

На снимке третий слева бургомистр Хайденау г-н Якобс

**Цайтхайн. Мемориал военнопленных.
22 июня 2011 года.**

Совместный митинг российской и германской общественности

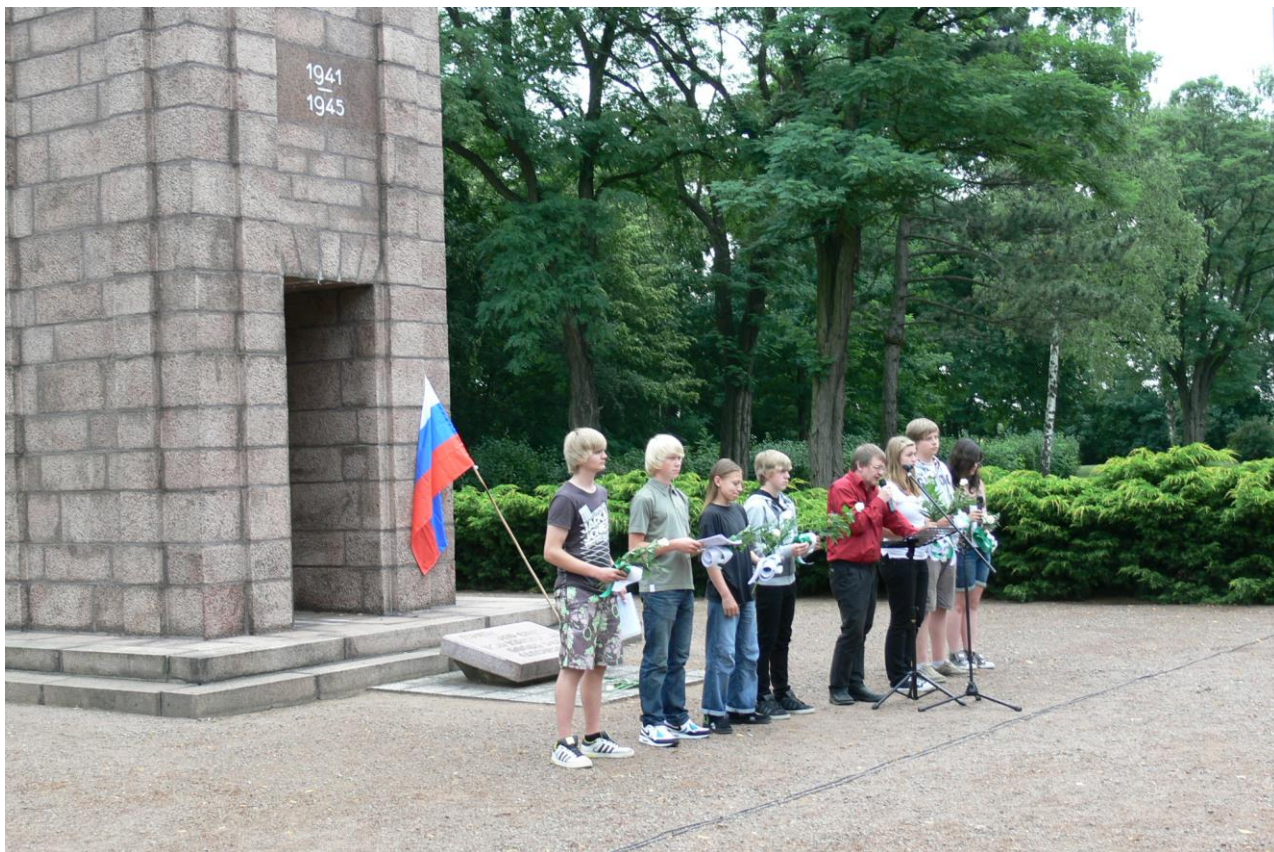

Цветы возлагает военный атташе Украины

Представители бундесвера

Выступает молодежь